

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный университет»

На правах рукописи

Куркина Алла Сергеевна

**РЕКОНСТРУКЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
(НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО
ПОВЕДЕНИЯ А.П. ЧЕХОВА)**

Специальность 10.02.01 – русский язык
Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филол. наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Стернин Иосиф Абрамович

Воронеж 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	с.4
Глава 1. Теоретические проблемы изучения коммуникативной личности	
1. Развитие коммуникативных исследований в лингвистике	с.11
2. Проблемы описания коммуникативной личности писателя	с.18
3. Проблемы исследования коммуникативной личности А.П.Чехова	с.22
4. Методика описания коммуникативной личности А.П. Чехова	с.29
Выводы	с.33
Глава 2. Доминантные признаки коммуникативной личности А.П. Чехова	
1. Контактность	с.34
2. Коммуникативные предпочтения	с.40
3. Вступление в общение	с.46
4. Выход из общения	с.55
5. Уклонение от общения	с.63
6. Искренность и откровенность в общении	с.68
7. Деликатность в общении	с.73
8. Тематика общения	с.77
9. Манера изложения мыслей	с.91
10. Регулятивность в общении	с.93
11. Побуждение адресата к действию	с.103
12. Оценочность в общении	с.118
13. Самопрезентация и самокритика	с.169
14. Реакция на критику	с.174
15. Реакция на похвалу и почести	с.183
16. Юмор в общении	с.189
17. Невербальное общение	с.222
Выводы	с.226

Глава 3. Коммуникативная личность А.П. Чехова в динамике	
1. Контактность	с.229
2. Коммуникативные предпочтения	с.230
3. Вступление в общение	с.233
4. Выход из общения	с.237
5. Уклонение от общения	с.240
6. Искренность и откровенность в общении	с.241
7. Деликатность общения	с.245
8. Тематика общения	с.246
9. Манера изложения мыслей	с.258
10. Регулятивность в общении	с.258
11. Побуждение адресата к действию	с.260
12. Оценочность	с.261
13. Самопрезентация и самокритика	с.268
14. Реакция на критику	с.269
15. Реакция на похвалу и почести	с.269
16. Юмор в общении	с.271
17. Невербальное общение	с.272
Выводы	с.273
Заключение	с.288
Список использованной литературы	с.292
Приложение 1. Список предпочтительных адресатов А.П. Чехова по годам с указанием количества написанных писем	с.320
Приложение 2. Динамическая модель коммуникативной личности А.П. Чехова	с.322

Введение

На рубеже веков в рамках антропоцентрического поворота лингвистики активизировались коммуникативные исследования по целому ряду направлений. На современном этапе развития коммуникативной лингвистики актуальное значение приобретает описание коммуникативных образов языкового сознания, что связано с проблемами эффективного речевого воздействия, потребностями оптимизации коммуникативного воздействия в обществе, важностью лингвокультурного анализа национального, группового и индивидуального коммуникативного поведения.

Данная работа посвящена реконструкции коммуникативной личности великого русского писателя А.П. Чехова. Это человек, запомнившийся современникам не только как выдающийся писатель, но и как интереснейшая и самобытная личность, оказавшая влияние на российское общество и множество людей, которые его окружали.

А.П. Чехова интересно и важно описать в коммуникативном плане:

- как общительного человека,
- как яркую индивидуальность в общении,
- как творческую коммуникативную личность,
- как коммуникативную личность, склонную к языковой игре и экспериментам со словом,
- как юмориста.

Актуальность исследования и реконструкции коммуникативной личности А.П. Чехова обусловлена потребностями антропоцентрической парадигмы современного языкознания в исследовании коммуникативной личности во всех ее проявлениях. Перед современной коммуникативной лингвистикой стоят задачи определить понятие коммуникативной личности, создать модель и разработать методику описания и реконструкции коммуникативной личности и проверить ее на практике – в реконструкции конкретной коммуникативной личности. Особый интерес представляет

реконструкция коммуникативной личности А.П. Чехова для понимания места этого выдающегося русского писателя в современном ему социуме – литературном и общественно-политическом, что позволит объяснить те или иные особенности его общественного поведения и творчества.

Теоретической основой исследования послужили труды в области

– *взаимоотношения языка и сознания, языка и мышления, языка и этноса, языка и культуры* [Л.С. Выготский 2005; И.Н. Горелов, К.Ф. Седов 2001; Т.А.Гридина 1996; Dimpleby, Burton 1998; Н.И. Жинкин 2009; В.И.Карасик 2005; А.А. Леонтьев 2005; А.Н. Леонтьев 1973; Ю.М. Лотман 1996; С.Л.Рубинштейн 1958; В.З. Санников 2002; Е.Ф. Тарасов, Н.В.Уфимцева 2010];

– *коммуникативного поведения* [В.Е. Батракова 2006; А.В Белова 2005; С.В. Гусева 2006; В.Б. Кашкин 2000; В.В. Красных 2001; Н.А. Лемяскина 2000; Ю.Е. Прохоров 1996; И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров 2011; И.А.Стернин 1989,1991, 2000, 2007; И.А. Стернин, У.Д. Камбаралиева 2017, 2021];

– *языковой личности* [Г.И. Богин 1984; Н.М. Вахтель 1998; Ю.Н.Караулов 1989, 2006; В.Я. Парсамова 2004; И.А Тарасова 2003; М.А.Хлупина 2015; О.Н. Шевченко 2005];

– *риторики и речевого воздействия* [В.И. Аннушкин 2000, 2007, 2009; С.С. Аверинцев 1996, 2000; Д.С. Лихачев 1997; А.К. Михальская 1996, 2001, 2003; О.Б.Сиротинина 1995; А.П. Сковородников 1993, 2004; Ю.А.Сорокин, Е.Ф. Тарасов, А.М. Шахнарович 2009; И.А. Стернин 1993, 1994, 1996, 2000, 2001, 2002, 2009, 2018];

– *стилистики и текста* [А.А.Ворожбитова 2005; И.Р. Гальперин 2005; М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А.Самлимовский 2008; Г.Я. Солганик 2009, 2011];

– *языка художественной литературы* [Г.И. Богин 1991; В.В.Виноградов 1959; Е.А. Иванчикова 1981; Н.В. Кулибина 2018; Н.А. Купина 1983; А.Н.Литвинов 1992; Ю.М. Лотман 1970, 1998];

– *природы комического* [С.С. Аверинцев 1992; М.М. Бахтин 1990; Ю.Б.Борев 1970; А.В. Карасик 2001; М.В. Мироненко 2005; В.Я. Пропп 1997; И.П. Смирнов 1977; Л.А. Спиридонова 1999; А.Н. Тепляшина 2007];

– *теоретических и методологических концепций когнитивной лингвистики* [А.П. Бабушкин 1996, 1999, 2001; Н.Н. Болдырев 1998, 2001, 2004; С.Г. Воркачев 2001, 2007, 2011; Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова 2006; А.А. Залевская 2000, 2001, 2002, 2005; В.И. Карасик 2001, 2002, 2005, 2010; В.Б. Кашкин 2000, 2007; Н.А. Красавский 1997, 2000, 2001; Е.С. Кубрякова 1994, 1996, 2001, 2004; З.Д. Попова, И.А. Стернин 1999, 2002, 2003, 2004, 2006, 2007; И.А. Стернин 2001, 2002, 2003, 2004, 2008; Н.В. Уфимцева 1995, 1996];

– *описания лингвокультурных типажей* [О.А. Дмитриева 2005; И.И.Дубинина 2005; Т.А. Ивушкина 2005; В.И. Карасик 2005; Ю.О.Квартовкина 2005];

– *изучения творчества и языка А.П.Чехова* [Л.Е. Азарова 2011; Л.В.Баскакова, Н. М. Чмыхова 1986, 1988; А.В. Белова 2005; С.В. Гусева 2006; Г. М. Ибатуллина 2006; Ю.В. Каменская 2001; Г.Ф.Ковалев 2005, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014; Н.А.Кожевникова 1999; Л.Е. Кройчик 1986; Т.А.Кудинова 2000; Т.В. Кыштымова 2008, 2011, 2014; Э.А. Полоцкая 2000; А.Д. Степанов 2005; Г.Ф. Татарникова 1983; В.И. Тюпа 1989, 2011; А.А.Фаустов 2004, 2010, 2011, 2012].

Объектом диссертационного исследования является коммуникативное поведение А.П. Чехова как личности в устном и письменном общении.

Предметом исследования являются доминантные черты коммуникативной личности А.П. Чехова и формируемый на их основе коммуникативный образ писателя.

Материалом исследования послужили все имеющиеся письма (4494 письма) общим объемом 3620 страниц, написанные А.П. Чеховым в течение 29 лет – с 1875 по 1904 гг., а также воспоминания 47 современников писателя общим объемом 1265 страниц.

Цель работы: описание содержания и структуры коммуникативной личности А.П. Чехова.

Для реализации поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. Определение понятия коммуникативной личности в ряду сходных понятий и создание модели ее описания.
2. Анализ основных теоретических подходов к изучению и описанию коммуникативной личности.
3. Разработка методики описания коммуникативной личности.
4. Реконструкция коммуникативной личности А.П. Чехова.
5. Выявление динамики коммуникативной личности А.П.Чехова.

В ходе исследования использовались следующие **методы**: общенаучные методы описания, обобщения, классификации, сопоставления, дифференциации; методы сплошной выборки, параметризации; текстовый и количественный анализ, а также коммуникативно-семантический анализ языковых средств.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые на материале воспоминаний о писателе и полного анализа всего его эпистолярного наследия реконструирована коммуникативная личность А.П. Чехова, выявлены доминантные признаки и типологические черты его коммуникативной личности, построена динамическая модель коммуникативной личности писателя и сформулирован его обобщающий коммуникативный образ.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в работе предложена методика описания коммуникативной личности индивида, обоснованы понятия *коммуникативной личности, доминантного признака коммуникативной личности, ядра и периферии коммуникативной личности, типологической черты коммуникативной личности, коммуникативного образа личности*, разграничены близкие теоретические понятия – *коммуникативная личность, языковая личность, лингвокультурный типаж*.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в лекционных курсах по русскому языку, стилистике, анализу художественного текста, лингвокультурологии, риторике, речевому воздействию, культуре общения, на практических занятиях по русскому языку как иностранному, в научно-исследовательской работе обучающихся.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Развитие русской коммуникативной лингвистики ставит на повестку дня необходимость научного исследования и моделирования коммуникативного поведения носителя русского языка в разных коммуникативных условиях в устной и письменной коммуникации, а также реконструкцию русских коммуникативных личностей прошлого.

2. Реконструкция коммуникативной личности русского писателя состоит в выявлении *доминантных признаков* его коммуникативной деятельности, представленных в его переписке и воспоминаниях современников 1) наиболее частотно, 2) наименее противоречиво.

3. Коммуникативная личность А.П. Чехова характеризуется 237 доминантными признаками, распределенными по 17 параметрам. Наиболее яркими параметрами коммуникативной личности писателя, определяемыми на основании количества выявленных в них коммуникативных признаков, являются «Оценочность в общении», «Выход из общения», «Побуждение адресата к действию», «Юмор в общении», «Вступление в общение».

4. Коммуникативный образ А.П. Чехова, исходя из основных типологических черт его коммуникативной личности, представляющих собой обобщенные характеристики ее отличительных особенностей, имеет следующий вид: *высокая общительность; стремление к увеличению круга общения; стремление к традиционной этикетной вежливости; стремление к нестандартным формам вступления в общение и завершения общения, к нестандартным формам выражения мысли в целом; допустимость категорического уклонения от общения с нежелательным собеседником;*

стремление избегать публичных выступлений; стремление к деликатности и вежливости в общении; высокая откровенность в обсуждении бытовых вопросов и низкая в характеристике своего душевного состояния; тяготение к обсуждению культуры, литературной, театральной, природно-географической тематики, тем дома, сада и благотворительности; стремление к краткости и простоте изложения мыслей; стремление к регулятивности; побуждение к активным действиям; стремление к оцениванию; стремление к иронической самооценке и самокритике; негативное реагирование на критику; негативное реагирование на чрезмерную похвалу и чествования; склонность к высокой языковой креативности и юмористическому регистру общения; сдержанное, но выразительное невербальное общение.

5. Коммуникативная личность А.П. Чехова характеризуется следующей динамикой развития: из 237 выявленных доминантных признаков в течение жизни 93 признака остались неизменными (39% от общего количества признаков), 21 – усилились (9% от общего количества признаков), 51 ослабились несущественно (21% от общего количества признаков), 33 ослабились существенно (14% от общего количества признаков), 12 – исчезли (5% от общего количества признаков), 27 появились только в последние 7 лет его жизни (12 % от общего количества признаков).

6. Самыми устойчивыми параметрами в структуре коммуникативной личности А.П. Чехова, в которых коммуникативные признаки остались без изменения или усилились, являются «Манера изложения мыслей», «Уклонение от общения» и «Невербальное общение». Наименее устойчивыми и наиболее подвижными, в которых в течение жизни писателя наблюдается сильное ослабление и исчезновение ряда признаков, а также появление новых, являются параметры «Юмор в общении» и «Вступление в общение».

Апробация работы

Материалы исследования прошли апробацию на 6 международных, всероссийских и региональных научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже: Региональная научно-методическая конференция «Культура общения и ее формирование», Воронеж, 15-16 апреля 2002 г.; XV Международная научная конференция «Риторика как предмет и средство обучения», Москва, 1-3 февраля 2011 г.; XVI Международная научная конференция «Риторика в новом образовательном пространстве», Санкт-Петербург, 1-3 февраля 2012 г.; Всероссийская научная конференция с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», Воронеж, 1-2 февраля 2019 г.; V Всероссийская научная конференция «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», Воронеж, 25-26 октября 2019 г.; VI Всероссийская международная конференция с международным участием «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», Воронеж, 23-24 октября 2020 г.

Содержание диссертации отражено в 25 научных публикациях, из них 1 авторская монография объемом 13,5 п.л. и 5 статей, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК РФ, объемом 3,2 п.л.

Работа обсуждалась на кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и двух приложений.

Глава 1. Теоретические проблемы изучения коммуникативной личности

1. Развитие коммуникативных исследований в лингвистике

На рубеже веков в рамках антропоцентрического поворота лингвистики активизировались коммуникативные исследования по целому ряду направлений.

Выдающийся отечественный лингвист Е.Д. Поливанов впервые обосновал тот факт, что «язык есть явление социальное» [Поливанов 1968, с. 178.]: именно язык способен создать определённый образ человека в социальной проекции [Яковлев 2020, с.123]. Сегодня употребление термина «языковой паспорт человека» подразумевает не просто стиль его речи, богатство его словарного запаса, его интонации, излюбленную риторику и ораторскую жестикуляцию, словом, всю ту информацию, которую он, так или иначе, передает о себе, но, в меньшей степени – определённый социолингвистический фон и даже психологический контекст коммуникации. Языковой паспорт человека констатирует его национальную и социальную принадлежность, обнаруживает географическую специфику диалектов, даёт информацию о гендерных и возрастных особенностях, о чертах темперамента и даже о физическом самочувствии. Языковые особенности личности могут дать её исчерпывающую социокультурную характеристику, указать на уровень её воспитанности и общей культуры, на способность к диалогу и компромиссу. Языковой паспорт в большей или меньшей степени позволяет судить о профессиональной сфере деятельности личности, о её социальном статусе, о принадлежности к той или иной субкультуре.

Для современной лингвистической науки термин «языковой паспорт» на сегодняшний день является вполне устоявшимся и относится к целому спектру прикладных научных исследований.

К примеру, объектом языковой паспортизации может становиться персонаж художественного произведения со всей совокупностью своих языковых и речевых характеристик, в этом случае языковой паспорт рассматривается как средство формирования художественного образа [Чурилина 2011].

В то же время устный языковой паспорт, то есть идентификация личности по речи, дополненный данными графологии, стилем письма, информацией о характере человека, получаемой из почерка – может быть предметом исследования современной экспертной лингвокриминалистики [Грачев М.А., Грачев А.М. 2015].

В последней четверти XX века появились работы по коммуникативному поведению носителей языка. Понятие *коммуникативное поведение* было предложено в 1989 г. И.А. Стерниным [Стернин 1989, с. 279-282]. В 1991 г. в Галле (ГДР) публикуется брошюра И.А.Стернина «Очерк русского коммуникативного поведения», в которой впервые предпринята попытка системного описания коммуникативного поведения народа и определен сам термин – *коммуникативное поведение*, под которым предлагалось понимать *совокупность норм и традиций общения народа*. Нормы и традиции предлагалось дифференцировать как *обязательные* и *желательные* для выполнения *правила общения* [Стернин 1991].

С начала 90-ых гг. в Воронеже кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета и Центром коммуникативных исследований ВГУ начал осуществляться проект «Коммуникативное поведение», в рамках которого проводится системная разработка проблематики, связанной с изучением и описанием коммуникативного поведения разных народов.

Описываются русское, американское, английское коммуникативное поведение [Американское коммуникативное поведение 2001; Очерк американского коммуникативного поведения 2001; Стернин, Прохоров 2002-2011; Стернин, Ларина, Стернина 2003; Sternin I., Sternina M. 2003].

В рамках проекта выходят многочисленные сборники «Коммуникативное поведение», посвященные описанию национального коммуникативного поведения разных народов [серии Русское и финское коммуникативное поведение 2000, 2001, 2002, 2004, 2006, 2007; Коммуникативное поведение славянских народов 2004, 2006; а также Русское и французское коммуникативное поведение 2002; Русское и немецкое коммуникативное поведение 2002; Русское и китайское коммуникативное поведение 2002; Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение 2007].

Данные работы дали стимул исследованиям в области национального коммуникативного поведения, и на рубеже веков таких исследований появилось достаточно много, учитывая резко возросший в этот же период интерес к межкультурной коммуникации.

Исследования в области коммуникативного поведения развиваются во многих регионах страны, а также за рубежом. В начале XXI века начинает разрабатываться проект по сопоставительному исследованию коммуникативного поведения русских и киргизов, с участием доктора филологических наук У.Д. Камбаралиевой (Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызская Республика. [Стернин, Камбаралиева 2021].

Постепенно появляются специальные исследования и публикации по *возрастному* коммуникативному поведению: дошкольника, младшего школьника, старшеклассника, людей пожилого возраста [Лемяскина, Стернин 2000; Чернышова, Стернин 2004; Батракова, Лапотько 2006; Стернин 2013] *гендерному* коммуникативному поведению [Стернин 1996, 1997, 2012; Гетте 2009] и *профессиональному* коммуникативному поведению [Стрельникова 2005; Стернин, Лазуренко, Саломатина 2007; Академическое общение 2010].

В процессе исследования национального коммуникативного поведения постепенно стало ясно, что спецификой коммуникативного поведения

обладают не только разные этносы, но и разные возрастные, гендерные, профессиональные, региональные группы носителей языка. Исследователи-коммуникативисты приходят к выводу, что можно и нужно анализировать особенности общения отдельных групп людей, в связи с чем появляются исследования группового коммуникативного поведения [Стернин, Камбаралиева 2017а, 2017б, 2018].

В ходе многолетнего исследования различных аспектов коммуникативного поведения И.А. Стерниным была сформирована теория коммуникативного поведения, терминологический аппарат и принципы исследования данного направления. Им были определены три основные модели описания коммуникативного поведения: *ситуативная*, *аспектная*, *параметрическая*, призванные обеспечить комплексность описания коммуникативного поведения [Стернин, Лемяскина, 2000].

Данные модели различаются своим назначением: если *ситуативная модель* строится на эмпирическом материале и предполагает описание коммуникативного поведения в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций, а *аспектная модель* предполагает описание коммуникативного поведения в рамках выделенных исследователем аспектов, то *параметрическая модель* дает формализованное системное описание коммуникативного поведения на основе заданной исследователем совокупности факторов.

Отметим, что параметрическая модель является универсальной, по ней может быть описано коммуникативное поведение любого народа, любой группы носителей языка, любой отдельной личности, именно поэтому данная модель выбрана нами для описания коммуникативной личности А.П. Чехова.

Кроме понятия коммуникативного поведения, в современной коммуникативной лингвистике сформировалось понятие *языковой личности*, введенное в лингвистический обиход Ю.Н. Карауловым [Караулов 1989].

Под *языковой личностью* понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989, с.3].

В связи с популярностью термина *языковая личность* и научным авторитетом Ю.Н. Караулова в названии многих отечественных и зарубежных лингвистических исследований появляется словосочетание *языковая личность* [Черняк 1994; Беспмятнова 1995; Кормилицына 1996; Кочеткова 1998; Вахтель, Голицына, Распопова 1998; Лемяскина 2004; Оленёв 2006; Парсамова 2004; Баишева 2007; Сулейманова 2009; Кошарная 2010; Шаталова 2012; Vasylieva 2016].

При этом фактическое содержание большинства таких исследований неизменно включает в себя и коммуникативные проявления личности как составную часть осуществляемого описания. Да и в классическом определении языковой личности Ю.Н. Караулова указывается на дискурс как проявление языковой личности: языковая личность рассматривается как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, *ее дискурс*» (выд. нами – А.К.) [Караулов 1989, с.7].

Многие исследователи в подобных ситуациях, ощущая фактически состоявшееся расширение предмета собственного исследования до коммуникативного аспекта, постепенно стали употреблять и другие термины – например, термин *речевая личность*. Используя данный термин, В.В. Красных отмечал, что «речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [Красных 2003, с.51]. Ю.Е. Прохоров считает, что «если языковая личность –

это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения» [Прохоров 1996, с.59].

Коммуникативные исследования в Волгограде привели к формированию понятия *лингвокультурные типажи* (термин В.И. Карасика).

В.И. Карасик и О.А. Дмитриева следующим образом характеризуют лингвокультурный типаж: «можно выделить *лингвокультурные типажи*, узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева 2005, с.8]. Как указывают авторы, «лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд» [Дмитриева 2009, с. 55].

Таким образом, лингвокультурный типаж проявляется через коммуникативное поведение и представляет собой описание определенного типа коммуникативного поведения некоторого *типа* личностей.

Волгоградская научная школа проф. В.И. Карасика выполнила описание множества лингвокультурных типажей русской, английской, американской и других культур.

Так, только в сборнике «Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи» описаны такие типажи, как *русский интеллигент, английский аристократ, французский буржуа, английский рыцарь, русский чиновник, военный, русский дворянин, английский бизнесмен, американский супермен, американский ковбой, домохозяйка, эксцентрик, английский колониальный служащий, калмыцкий кочевник, сноб, пижон, шут гороховый, фанат, менеджер, начальник* [Аксиологическая лингвистика 2005].

В коллективной монографии «Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности» описаны лингвокультурные типажи *российский предприниматель, американский адвокат, американский гангстер, английский сноб, британская королева, английский дворецкий, английский викарий, звезда Голливуда, китайский врачеватель, цыганка, аристократ, политик, ламер, веб-дизайнер, комсомолец, злая свекровь, пижон, разгильдяй.*

американский первопроходец, школьная учительница, казак, шутник, лингвокультурные типажы России и Франции 19-ого века и др. [Лингвокультурные типажы 2010].

Дальнейшее развитие коммуникативных исследований привело лингвистов к пониманию того, что представляет интерес описание не только группового, но и индивидуального коммуникативного поведения. Появились первые работы в этом направлении [Стернин 1989,1991].

Наряду с терминами *коммуникативное поведение, языковая личность, лингвокультурный типаж*, в ряде исследований используется термин *речевой портрет* [Винокур 1989; Ерофеева 1990; Крысин 2001; Алышева 2012 и др.], встречается также термин *идиостиль* [Тарасова 2003; Дружинина 2004]. Т.М. Николаева использует термин *социолингвистический портрет* [Николаева 1991].

Наиболее удачным и адекватным в ряду используемых терминов нам представляется термин *коммуникативная личность* – он конкретно указывает, что исследуются и описываются коммуникативные проявления личности. Данный термин в коммуникативной лингвистике уже получил определенное распространение [Кашкин 2000; Карасик 2002; Стернин, Лазуренко, Саломатина 2007 и др.], хотя и требует терминологического уточнения.

В.Б. Кашкин под коммуникативной личностью понимает «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида, его «коммуникативный паспорт», «визитная карточка». Коммуникативная личность – содержание, центр и единство коммуникативных актов, которые направлены на другие коммуникативные личности, – коммуникативный деятель» [Кашкин 2000, с.127].

В.И. Карасик разграничивает языковую и коммуникативную личность следующим образом: языковая личность в условиях общения может

рассматриваться как коммуникативная личность. Ученый определяет коммуникативную личность как обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных действий, ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [Карасик 2002, с.26].

Используя в нашем исследовании термин *коммуникативная личность*, мы понимаем под коммуникативной личностью индивидуальную совокупность коммуникативных признаков личности, отражающих доминантные тенденции ее коммуникативного поведения в типовых коммуникативных ситуациях. Коммуникативная личность дифференцируется от языковой личности и лингвокультурного типажа. Языковая личность есть часть коммуникативной личности, одна из ее составляющих. Лингвокультурный типаж выступает как коллективный, групповой, а не индивидуальный портрет конкретной личности. Остальные из приведенных выше терминов – в частности речевой портрет, идиостиль – мы рассматриваем как синонимы термина *коммуникативная личность*.

2. Проблемы описания коммуникативной личности писателя

Творчеству каждого известного писателя традиционно уделяется большое внимание. Множество работ посвящено особенностям языка и стиля литературных произведений. Существует также много исследований языковой личности персонажей литературных произведений [Елизарова 1999; Залогина 2004; Богомолов 2005; Смирнова 2011; Гарипова 2011; Хачмафова 2011; Лю Лицзюнь 2009; Куган 2017 и др.]

Но за языком и художественной формой всегда стоит человеческая личность, которая не может не вызывать интерес исследователя.

Безусловно, художественный текст дает определенное представление о глубине личности автора, но вряд ли мы сможем лишь по произведениям того или иного писателя составить его живой портрет, представить, каким он

был в общении – гораздо больше в этом смысле дает его эпистолярное наследие.

В последнее время все чаще предпринимаются попытки исследовать языковую личность писателя, при этом большинство исследователей изучают языковую личность писателя через призму художественного произведения. В этом случае обычно исследуется образ автора как творческой личности в ее когнитивном, социально-психологическом, языковом и стилистическом аспектах. Однако изучение образа автора через интерпретацию художественного текста зачастую ведет к смешению языковых дискурсов персонажей и самого автора. В результате искажается представление как о языковой личности писателя, так и о языковых личностях его героев.

Проблема соотношения категорий образа автора и языковой личности остается по-прежнему актуальной и ждет своих исследователей. Тем не менее, исследования языковой личности писателя через языковые и речевые способы ее репрезентации в художественном произведении продолжают, и таких исследований довольно много [Каракуц-Бородина 2000; Менькова 2005; Шевченко 2005; Кац 2009; Васильева 2015; Романова 2015; Хлупина 2015; Ишегулова 2016 и др.]

Были осуществлены также попытки исследовать языковую личность писателя не только на материале его художественных произведений, но и на материале его писем.

И.В. Ружицким изучалась языковая личность Ф.М. Достоевского на материале художественных и публицистических произведений, личных и деловых писем, представленных в полном собрании сочинений писателя.

Он также использовал словарные статьи Словаря языка Достоевского. Записные книжки, черновики и наброски ученый в своей работе практически не рассматривал, также как и многочисленные воспоминания современников писателя, так как, по его мнению, в этих источниках оценка творчества и языка Ф.М. Достоевского часто сомнительна и произвольна [Ружицкий 2015, с.6].

Материалом исследования языковой личности М.И. Цветаевой в работе Н.М. Шевченко явились письма, записные книжки, статьи, библиографическая проза – всё, что является, по словам автора, «летописью жизни», мемуары современников не исследовались [Шевченко 2014].

Были работы, где языковая личность писателя изучалась через эпистолярный диалог, например, исследование М.А. Сулеймановой «Специфика элитарной языковой личности в эпистолярном диалоге: М.Цветаева и Б. Пастернак». Предметом изучения в данной работе явились «языковые единицы в структуре эпистолярного текста, реализующие языковые особенности конкретных носителей элитарной языковой культуры, а также их автоопределения природы поэтического творчества» [Сулейманова 2009, с. 3].

Есть примеры научных исследований биографий писателей посредством изучения их писем в свете эпистолярного поведения [Евгеньев-Максимов 1952; Нечаева 1968; Макашин 1989; Демченко 1994 и др.].

В 2006 году украинским ученым Т.А. Космедой было исследовано коммуникативное поведение поэта И.Франко [Космеда 2006].

В 2009 году Т.С. Наумовой была осуществлена попытка описания коммуникативного поведения Л.Н. Толстого «Коммуникативное поведение Л.Н.Толстого: на материале эпистолярного наследия и мемуаров» [Наумова 2009]. Для описания коммуникативного поведения писателя Т.С. Наумова использует параметрическую модель, предложенную представителями Воронежской научной школы изучения коммуникативного поведения, в основе которой лежат коммуникативные признаки, выделенные из проанализированного материала на эмпирической основе и обобщенные в коммуникативные параметры [Наумова 2009, с.12-13].

Описание коммуникативной личности писателя ставит исследователя перед нелегкими и не всегда очевидными методологическими проблемами. Отметим, что, во-первых, до сих пор не создана устойчивая концепция

модели описания коммуникативного поведения писателя по письменным источникам (эпистолярному наследию и воспоминаниям современников).

Во-вторых, при исследовании коммуникативной личности писателя, не являющегося нашим современником, возникает ряд дополнительных сложностей. Основная трудность заключается в том, что судить о личности человека, давно ушедшего из жизни, приходится лишь по его письмам и по воспоминаниям его современников.

Опираясь же на письма, как основной источник информации исследователям надо с известной осторожностью, беря во внимание особенности эпохи, своеобразие личности писателя, следование его законам эпистолярного жанра, степень его откровенности с адресатом, а также то, что его эпистолярное наследие может быть невелико и не полностью доступно.

Необходимо учесть и то, что мы имеем дело не с устной речью писателя, а письменной. Как правило, он пишет своему адресату постфактум, то есть всегда существует разрыв с описываемой ситуацией, дискретность во времени. Мы не можем проследить не только обратной связи адресанта с собеседником, но и связь с окружающей его в данный момент обстановкой. Зависимость высказывания адресанта от высказывания адресата не будет прямой. Спонтанность речи и богатство ее интонационного оформления, а также паралингвистическая информация (мимика и жесты, дистанция собеседников) также будут утрачены. Необходимо помнить и о том, что временная продолжительность продуцирования письменного текста гораздо больше, чем устного, поэтому у пишущего большая осознанность в плане оформления речи. У него всегда есть возможность несколько раз вернуться к разным частям текста, подумать, оценить адекватность речевых средств, коммуникативных стратегий и тактик.

Некоторые из перечисленных проблем могут быть нивелированными за счет воспоминаний современников. Однако и здесь надо учитывать определенную долю субъективности в их оценках. В связи с этим возникает еще одна сложность – необходимость проверки достоверности сведений

путем сравнительного анализа воспоминаний современников и текстов писем писателя для выявления непротиворечивости описываемых фактов, что мы и делаем в нашем исследовании.

3. Проблемы исследования коммуникативной личности А.П.Чехова

А.П. Чехов запомнился современникам не только как выдающийся писатель, но и как интереснейшая и самобытная личность, оказавшая влияние на российское общество и множество людей, которые его окружали.

Прошло почти 120 лет со дня его смерти, но творчество и личность писателя до сих пор представляют большой интерес для многих исследователей.

Большое количество литературоведческих и лингвистических работ было посвящено исследованию творчества А.П. Чехова, поэтике, стилю его произведений и проблеме текстообразования [Чудаков 1971; Сухих 1987; Кубасов 1999; Степанов 2002; Фаустов 2004, 2010, 2012; Фаустов, Катов, Гостева 2010; Савинков 2011; Тюпа 2011]. Были и работы, посвященные проблеме комического в прозе А.П.Чехова [Кройчик 1986; Баскакова 1996; Каменская 2001; Косолобова 2006 и др.]. Изучалась ономастика в творчестве А.П. Чехова [Ковалев 2005, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014; Ковалев, Ваффа 2013].

Были рассмотрены способы выражения авторского поведения в произведениях А.П. Чехова [Барлас 1972, 1986а, 1986б, 2002; Чалый 2001; Фаустов 2011].

В.В. Чалым был впервые рассмотрен прагматический уровень анализа языка прозы А.П. Чехова. Ученым было акцентировано внимание на авторской модальности в тексте. Исследовался чеховский набор лексических, семантических, синтаксических и стилистических средств, в которых писатель закодировал свое отношение к героям и событиям своих произведений, и через которые имплицитно воздействовал на читателя. С

точки зрения В.В. Чалого, «авторская модальность тесно связана не только с авторской речью, но и с концепцией произведения вообще, трактовкой образов персонажей, их речевой характеристикой. Позиция писателя проявляется через речевые пласты персонажей и самого рассказчика» [Чалый 2001, с.6].

Кроме прагматических аспектов, В.В. Чалым рассматривались коннотативные и антропоморфические факторы, которые не изучались ранее. Коннотации, входящие в семантическую структуру языковых единиц как эмоционально-стилевой компонент, рассматриваются во взаимодействии с прагматикой высказывания. Определяется, что антропоморфизм – это «важный признак семантической структуры речевого сообщения, часто проявляющийся в соотношении с авторской модальностью» [Чалый 2001, с. 7].

Большой интерес представляют работы ученых, изучающих ключевые имена (маркемы) литературных эпох и русских писателей на материале их текстов, в том числе и А.П. Чехова [Кретов 2009; Фаустов 2010]. Такие исследования представляются очень важными в плане использования маркем как ключа к пониманию автора текстов. Так, А.А. Фаустовым было осуществлено исследование маркемного портрета А.П. Чехова, были выявлены особенности «чеховского человека» [Фаустов 2010].

В частности, были рассмотрены маркемы (ключевые имена нарицательные) в чеховском творчестве на фоне ключевых слов («суммарных» маркем) всего периода русской литературы XVIII – начала XX в. Проводилась их семантическая классификация и сопоставление комплекта чеховских маркем с «суммарными» маркемами авторов разных литературных эпох. Исследователем был сделан обзор чеховского комплекта маркем (ключевых имен нарицательных) и дана их семантическая классификация по 9 группам: 1) «антропологическая» лексика; 2) «институциональная» лексика, 3) «императивная» лексика; 4) «артистическая» лексика; 5) «эмоционально-ментальная» лексика;

б) «коммуникативная» лексика; 7) «ориентационная» лексика; 8) «космологическая» лексика; 9) «онтологическая» лексика [Фаустов 2010, с.12]. По мнению исследователя, «чеховский» человек выглядит «внимательно всматривающимся в человеческий мир» и «поглощенным впечатлениями от этого мира», остро чувствующим ускользание времени и одновременно находящимся у него в плену, «оглядывающимся на свою молодость и не ожидающим хорошего от своего будущего». Сложность «чеховского» человека, считает А.А. Фаустов, характеризуется тем, что тот всегда чувствует себя одиноким перед лицом общества, погрязшим в невежестве и предрассудках и вызывающим лишь отрицательные эмоции. «Чеховский» человек подмечает в людях их таланты, и обладая, на взгляд А.А. Фаустова, «легковозбудимой нервной организацией», он зачастую использует, экспрессивную, полярную оценочную шкалу. Будучи «остаточно равнодушным к красотах искусства и природы», «к материальным благам», он вместе с тем, небезразличен к комфорту. С этической стороны «чеховский человек» не отличается четкими моральными ориентирами, однако он убежден, что «любой поступок влечет за собой неотвратимые последствия». [Фаустов 2010, с.15].

Также предпринимались попытки выявить особенности языковой личности писателя через структуру идиотегауруса языковой личности чеховского персонажа [Трещалина 1998]. Рассматривалась эволюция идиолекта писателя через призму лингвистических средств в его ранних и поздних художественных текстах [Литус 2003]. Исследовался язык художественных произведений и писем, и была предпринята попытка дать характеристику языковой личности А.П. Чехова через просторечие и диалектизмы, как звено в языке писателя, имеющее отношение к его тезаурусу [Кудинова 2000].

Много научных работ было выполнено на материале чеховского эпистолярного наследия. В основном исследования были посвящены отдельным аспектам языка и речи писателя, в частности, изучению

структуры и специфики использования начальных обращений в письмах А.П.Чехова [Захарова 1988; Долженко, Соскунова 2013; Четверикова 2014].

Стоит отметить исследования идиостиля А.П. Чехова и на материале его писем. Так, была осуществлена попытка системного описания идиостиля А.П.Чехова с лексико-статистической позиции [Мухин, Филатова 2016]. Материалом для данного исследования послужили художественные, публицистические и эпистолярные тексты (всего 2,3 млн. слов). Авторами были выделены четыре чеховских подкорпуса (лексических массива): проза, драматургия, публицистика, переписка. При помощи программы Mystem (<https://tech.yandex.ru/mystem>) ими был лемматизирован корпус текстов и составлена диаграмма, отражающая количественное соотношение чеховских подкорпусов: «из 2342334 слов, составляющих общий объем текстов, подкорпус прозы составил 1100792 слова (47% материала), драматургии – 176629 слов (7,5%), публицистики – 182650 (7,8%) и, наконец, переписки – 882263 слова (37,7 %)» [Мухин, Филатова 2016, с.508]. Гипотеза авторов сводилась к тому, «что лексико-статистический сопоставительный анализ этих четырех корпусов может вывести исследователя на обобщенные идиостилевые черты, свойственные А.П. Чехову – прозаику, драматургу, публицисту и автору писем» [Мухин, Филатова 2016, с.509]. Исследователи сопоставили четыре лексических массива и выявили оригинальные группы лексики, характерные только для определенного подкорпуса. Тематический анализ лексических множеств позволил авторам выделить наиболее существенные для перечисленных корпусов классы лексики – денотативные сферы [Мухин, Филатова 2016].

Имели место попытки описать отдельные компоненты идиостиля писателя на основе его эпистолярия. Так Т.В. Кыштымовой была охарактеризована языковая личность А.П.Чехова через репрезентацию языковых средств выражения комического в его письмах. Исследовательница опиралась на идею о том, что черты идиостиля *homo ludens* («человека играющего») проявляются не только в художественном творчестве, но и в

других речевых жанрах. Идиостиль А.П. Чехова рассматривался «как проявление коммуникативной стратегии автора в организации текста (в зависимости от движущих автором мотивов)» [Кыштымова 2011]. На разных уровнях языка были определены и описаны такие средства и приемы выражения комического, как фонетико-графические и фонетико-орфографические намеренные искажения, каламбурное обыгрывание многозначности слова, намеренные нарушения лексической и семантической сочетаемости слов, ономастические игры, олицетворения, афоризмы, аллюзии, сравнения, метонимии, индивидуально-авторское использование фразеологизмов, окказионализмы, зевгма, намеренное нарушение в тексте принципа логической связности, речевые приемы повтора на синтаксической основе, синтаксический параллелизм, архаизация, соединение книжного, высокого стиля с разговорным, соединение книжного с элементами канцелярского с разговорным (шутливым) [Кыштымова 2011].

Идиостиль А.П. Чехова изучался и с позиций текстообразования [Гусева 2006]. Исследовались такие текстообразующие факторы и категории, как перифраз, играма, интертекстема. Было доказано, что их выбор и употребление адресантом является отражением языковой личности писателя. Была предложена типология и разработана классификация перефразов и интертекстем по их значимости, приведены приемы языковой игры, рассмотрен прагматический аспект текстообразования в связи с субъектом речи, а также определены применяемые А.П. Чеховым речевые стратегии и тактики.

В частности, были определены две группы перефразов: именные (120 случаев употребления) и глагольные (80 случаев употребления). Отмечено, что в чеховских письмах шире всего представлены метафорические глагольные перефразы. Перефразы были классифицированы также по характеру раскрытия значения на описательные (дескриптивные) и тропеические. Обращается внимание на то, что среди тропеических

перифразов 50% занимают перифразы-сравнения, а в остальные 50% входят антонимические, метонимические и оксюморонные перифразы.

Исследовательницей были проанализированы также приемы языковой игры и введено понятие *игрема*, под которой понимаются языковые средства и приемы речевого воплощения языковой игры в тексте писем. Были выделены игремы балагурства: рифмовка, преобразование морфологической формы слова, фонетическая деформация слова; игремы острословия: изменение семантической направленности слова, словообразование и др.; игремы развертывания общезыкового образа; игремы, построенные на антитезе; игремы, основанные на стилевом контрасте и др.

В итоге, в чеховской эпистолярной литературе были выделены четыре группы интертекстов: 1) интертексты «сильных» литературных текстов (прецедентных текстов, часто употребляемых в это время); 2) интертексты «слабых» литературных текстов (мало употребляемых в это время); 3) интертексты сильных «нелитературных» текстов (поговорок, пословиц, цитат из Библии); 4) интертексты слабых «нелитературных» текстов (слов и выражений, отсылающих к каким-либо местам или событиям; слов и выражений на иностранных языках; слов и выражений из писем адресатов писателя).

В работе также исследована концептуальная основа текстообразования, рассмотрен концепт *цензура*, релевантный для языковой картины мира А.П. Чехова и многократно реализуемый в текстах его писем [Гусева 2006].

В 2005 г. А.В. Беловой была предпринята попытка провести лингвопрагматическую характеристику эпистолярной коммуникации А.П. Чехова и Ал. П. Чехова. В своей работе она опиралась на идею о том, что языковая личность может быть исследована в диахронии через ее речевое воплощение в созданных ею эпистолярных текстах. Исследовательница рассматривает эпистолярный диалог А.П. Чехова и его брата Ал. П. Чехова с точки зрения теории речевых жанров. В ходе изучения переписки были выявлены и охарактеризованы такие взаимосвязанные жанровые пары, как

вопрос-ответ, сообщение-отзыв, благодарность-отзыв, поздравление-отзыв, просьба-отказ, распоряжение-выполнение, требование-несогласие, упрек-оправдание, похвала-благодарность, признание-отзыв, жалоба-утешение. Выделена единица эпистолярного диалога – *иллокутивно-респонсивная пара*, а также определено, что иллокутивно-респонсивные пары содержат набор как типовых, так и индивидуальных речевых средств. На этом основании были введены термины *типовая речевая реализация* (ТРР) и *индивидуальная речевая реализация* (ИРР), а также рассмотрено, какими типовыми речевыми реализациями были представлены иллокутивно-респонсивные пары.

Используя понятие *общего речевого кода*, А.В. Белова доказывает, что его «носителями» в дружеской переписке братьев Чеховых являются обращения, самоназвания, прозвища и наименования третьих лиц, а также определяет, что они зачастую воплощаются через средства языковой игры, которые придают тону писем эмоционально-интимный характер [Белова 2005].

Есть примеры исследований отечественными и зарубежными учеными биографии А.П. Чехова по его эпистолярному поведению, дневникам и воспоминаниям его современников [Чуковский 1963; Бердников 1978; Pritchett 1998; Кузичева 2000; Паперный 2002; Измайлов 2003; Турков 2003; Bartlett, Phillips 2004; Рейфилд 2014 и др.].

Между тем, работы по описанию А.П. Чехова как коммуникативной личности в настоящее время не представлены. Имеющиеся исследования посвящены преимущественно изучению проблемы коммуникации на материале художественных текстов писателя [Pitcher, Harvey 1973; Pervukhina 1993; Jędrzejkiewicz 2000; Степанов 2005].

При этом большинство исследователей обычно сводят коммуникативную проблематику чеховских художественных текстов к одной проблеме – отсутствию взаимоотношений. Однако А.Д. Степанов в понимании этого вопроса идет дальше. Он убедительно доказывает, что А.П.Чехов не просто констатирует тот факт, что люди не могут и не хотят

понять друг друга, но ставит более глубокие вопросы: «Его интересует общая проблема границ и условий, или, говоря языком современной лингвопрагматики, – «успешности» коммуникации» [Степанов 2005, с.17-19]. Ученый подчеркивает, что безуспешная коммуникация в дочеховской литературе – средство, а не цель. Специфика же чеховского подхода к коммуникативной проблематике, по мнению А.Д. Степанова, заключается в том, что тема коммуникации у Чехова является главной и самодостаточной, не подчиненной другим темам.

Интересно в этой связи обратить внимание на коммуникативный опыт самого А.П. Чехова. Если герои его произведений часто не «слышат» друг друга и не находят точек соприкосновений, то коммуникацию самого А.П.Чехова с его собеседниками в большинстве случаев нельзя назвать безуспешной. Рассматривая человеческие отношения через призму способов общения и прослеживая причины и следствия коммуникативных провалов, писатель, видимо, постоянно корректировал и свое коммуникативное поведение. В чеховских письмах мы находим массу примеров разнообразных коммуникативных тактик и ходов, применяемых писателем для достижения различных коммуникативных целей.

4. Методика описания коммуникативной личности А.П. Чехова

А.П. Чехов оставил нам богатое эпистолярное наследие: всего сохранилось 4494 писем и телеграмм, написанных в течение 29 лет – с 1875 по 1904 год. Мы исследовали весь этот материал общим объемом 3620 страниц.

Письма А.П. Чехова – это своеобразное документальное повествование писателя о своей жизни и творчестве. Читая их, мы видим не привычный, хрестоматийный образ писателя, но реального Чехова, человека глубокого, подчас сложного и противоречивого.

Кроме писем, составивших основной материал нашего исследования, сохранилось также и большое количество воспоминаний современников,

взятых нами как дополнительный материал. Нами были исследованы воспоминания 47 его современников общим объемом 1265 страниц.

Обширный объем исследовательского материала дал нам возможность провести классификацию, выявить типичные черты коммуникативного поведения писателя и в наибольшей степени приблизиться к объективному описанию его личности.

Однако обилие и своеобразие текстового материала создало и свои сложности. Каждое письмо изучалось подробно. Использовались методы «погружения в текст»: многократное возвращение к прочитанному, сравнительный анализ и синтез общих когнитивных и прагматических схем, схем построения речи. Работа по выделению микротекстов велась с осторожностью и тщательностью, чтобы при их изъятии из контекста не потерялся смысл высказывания и не были разрушены внутритекстовые связи.

А.П. Чехов всегда был противником сухости, шаблонности, клишированности, косности не только в творчестве, но и в общении с людьми. Поэтому одной из сложностей исследования была работа по выявлению речевых жанров, коммуникативных стратегий и тактик, речевых пристрастий писателя, авторских сравнений и словечек.

В письмах А.П. Чехова речевые жанры, коммуникативные тактики и языковые средства столь многообразны и оригинальны, что работа по классификации и обобщению материала является весьма трудоемкой. Более того, писатель постоянно экспериментирует с основой основ коммуникации – ее жанровой упорядоченностью. А.Д. Степанов, изучая проблемы коммуникации на материале художественных текстов Чехова, отмечает частые случаи, когда жанр перетекает в частично противоположный, и называет это сменой регистров [Степанов 2005, с.71].

В ходе нашего исследования мы также отметили характерную для коммуникативной личности А.П. Чехова жанровую трансформацию и комбинацию жанров, часто основанную на смене регистров. Так, например,

неофициальное переходит в официальное, серьезная тональность сменяется шутилкой, возвышенный стиль – сниженным.

Воспоминания современников Чехова представляют собой богатый материал для исследования, и при работе с ним тоже возникает ряд трудностей. В связи с тем, что Антон Павлович имел широкий круг знакомств, вращался в разных сферах общества, вступал в общение с людьми разных профессий, классов и сословий, вполне естественно, что Чехов по-разному относился к этим людям, как и они к нему. Однако после смерти писателя все, кто его знал и когда-нибудь с ним общался, поспешили назваться его друзьями и написать свои воспоминания о нем. В связи с этим в некоторых случаях обнаруживается нестыковка текстов воспоминаний между собой и с текстами чеховских писем. Поэтому для наибольшей достоверности нам необходимо было сравнивать большое количество текстового материала с целью выявления коммуникативных дистанций и типа отношений писателя со своими адресатами.

Письма писателя – наиболее надежный источник, так как воспоминания его современников написаны по памяти, фрагментарны, окрашены субъективной оценкой, зависимы от отношения общества к известной личности, избирательны, часто отражают случайные, ситуативные проявления коммуникативного поведения А.П. Чехова. К тому же, речевые поступки писателя, отраженные его современниками в своих воспоминаниях, могут быть ими неправильно интерпретированы. В связи с этим воспоминания современников нами используются исключительно как вспомогательный материал для верификации данных, почерпнутых из эпистолярного наследия писателя.

Проведенное нами описание коммуникативной личности А.П.Чехова осуществляется в форме представления и иллюстрации *доминантных признаков* коммуникативной личности писателя.

Доминантные признаки коммуникативной личности писателя – это такие признаки его коммуникативной личности, которые представлены в

материалах исследования (текстах писем и воспоминаниях): 1) наиболее частотно, 2) наименее противоречиво.

Разработанная нами методика описания коммуникативной личности писателя включает последовательное применение следующих исследовательских процедур:

- установление всей совокупности фактов коммуникативного поведения писателя, полученных при анализе его переписки и воспоминаний о нем методом сплошной выборки; анализ всей совокупности установленных коммуникативных фактов с целью выявления среди них доминирующих;
- классификация установленных коммуникативных фактов по обобщенным параметрам коммуникативного поведения, релевантным для коммуникативного поведения писателя;
- описание коммуникативной личности писателя путем иллюстрации ее доминантных признаков по установленным параметрам, а внутри них – по коммуникативным признакам с приведением наиболее типичных примеров, подтверждающих данный признак, из текстов писем, воспоминаний или в форме краткого обобщающего комментария;
- сопоставление основных тенденций коммуникативного поведения писателя в разные периоды его жизни, определение наиболее устойчивых и изменяющихся черт и построение динамической модели коммуникативной личности писателя;
- обобщение полученного описания в форме сжатого описания *коммуникативного образа писателя* – выделение основных типологических черт проявления коммуникативной личности писателя в виде содержательного перечня составляющих его коммуникативного образа, то есть образа, в котором он предстает своим собеседникам.

Описание осуществляется по модифицированной для наших целей параметрической модели по следующим 17 параметрам, выявленным в ходе исследования: контактность, коммуникативные предпочтения, вступление в

общение, выход из общения, уклонение от общения, искренность и откровенность в общении, деликатность в общении, тематика общения, манера изложения мыслей, регулятивность в общении, побуждение адресата к действию, оценочность в общении, сапопрезентация и самокритика, реакция на критику, реакция на похвалу и почести, юмор в общении, невербальное общение.

Выводы

В последнее время проявляется устойчивый интерес к исследованию коммуникативного поведения различных народов, отдельных профессиональных и возрастных групп людей, а также коммуникативного поведения отдельных личностей.

Для современной коммуникативной лингвистики актуально исследование и моделирование коммуникативного поведения личности в разных коммуникативных условиях в устной и письменной коммуникации.

Коммуникативная личность – это индивидуальная совокупность коммуникативных признаков личности, отражающих доминантные тенденции ее коммуникативного поведения в типовых коммуникативных ситуациях.

Коммуникативная личность индивида может быть описана по параметрической модели описания коммуникативного поведения через выявление характерных особенностей ее коммуникативного поведения.

Описание коммуникативной личности писателя может быть осуществлено на материале его эпистолярного наследия, а также воспоминаний современников в форме выявления *доминантных признаков* его коммуникативной личности – признаков его коммуникативной деятельности, которые представлены в материалах исследования (текстах и воспоминаниях): 1) наиболее частотно, 2) наименее противоречиво.

Методика описания коммуникативной личности писателя включает последовательное применение исследовательских процедур от установления

всей совокупности фактов коммуникативного поведения писателя, полученных при анализе его переписки и воспоминаний о нем методом сплошной выборки, до построения полевой модели коммуникативной личности писателя и выделения ее ядра.

Результатом описания коммуникативной личности писателя является обобщение полученного параметрического описания в форме *коммуникативного образа писателя* – образа, в котором он предстает своим собеседникам.

Глава 2.

Доминантные признаки коммуникативной личности А.П.Чехова

Исследование коммуникативной личности А.П. Чехова было проведено нами по методике, предложенной в главе 1. Приведем результаты проведенного исследования и опишем доминантные признаки коммуникативной личности А.П.Чехова по параметрической модели в рамках выделенных нами параметров.

Контактность

1. Расширение с каждым годом круга общения, увеличение объема переписки и количества адресатов

А.П. Чехов оставил нам колоссальное эпистолярное наследие. Сохранилось 4494 письма и телеграмм писателя. Характерной чертой коммуникативной личности А.П. Чехова было стремление к постоянному увеличению количества адресатов и объема переписки. Самые ранние письма Антона Павловича относятся к 1875 году. С этого времени и до 1883 г. у писателя было немного адресатов – максимум 5 человек. Судя по сохранным письмам, он в основном переписывался с родственниками:

двоюродным братом М.М. Чеховым и братом Ал.П. Чеховым. Многие ранние письма, посланные Антоном Павловичем из Таганрога в Москву в 1876 г. по 1879 г. родителям, братьям и сестре, были утрачены. Об этом факте в своих воспоминаниях пишет его брат Михаил Павлович Чехов:

«Антон часто писал нам из Таганрога, и его письма были полны юмора и утешения. Они погибли в недрах московских квартир, а из них-то и можно было бы почерпнуть данные о ходе развития и формирования его дарования» [Вокруг Чехова, с.178].

Более поздние письма Антона Павловича к отцу, по свидетельствам Марии Павловны Чеховой, были кем-то украдены в Мелихове в день похорон П.Е.Чехова вместе со шкатулкой, в которой хранились [Письма, т.1, с.316-317].

Судя по переписке, можем выделить 4 периода коммуникативной активности А.П. Чехова в переписке:

- 1) с 1875 г. по 1882 г. – наиболее низкая коммуникативная активность по сравнению с другими периодами;
- 2) с 1883 г. по 1885 г. – средняя коммуникативная активность;
- 3) с 1886 г. по 1895 г. – высокая коммуникативная активность;
- 4) с 1896 г. и до конца жизни – наивысшая коммуникативная активность.

Приведем конкретные данные по количеству писем и адресатов А.П.Чехова по годам:

1875 г. – 1 письмо; 1 адресат
 1876 г. – 2 письма; 2 адресата
 1877 г. – 8 писем; 1 адресат
 1878 г. – 2 письма; 2 адресата
 1879 г. – 3 письма; 3 адресата
 1880 г. – 6 писем; 5 адресатов
 1881 г. – 2 письма; 2 адресата
 1882 г. – 5 писем; 3 адресата
 1883 г. – 32 письма; 9 адресатов
 1884 г. – 37 писем; 5 адресатов
 1885 г. – 29 писем; 7 адресатов
 1886 г. – 88 писем; 18 адресатов
 1887 г. – 134 письма; 26 адресатов
 1888 г. – 218 писем; 42 адресата
 1889 г. – 183 письма; 41 адресат
 1890 г. – 125 писем; 37 адресатов
 1891 г. – 203 письма; 46 адресатов
 1892 г. – 176 писем; 46 адресатов

1893 г. – 116 писем; 41 адресат
 1894 г. – 130 писем; 39 адресатов
 1895 г. – 135 писем; 47 адресатов
 1896 г. – 217 писем; 74 адресата
 1897 г. – 537 писем; 80 адресатов
 1898 г. – 340 писем; 82 адресата
 1899 г. – 438 писем; 104 адресата
 1900 г. – 246 писем; 84 адресата
 1901 г. – 371 письмо; 74 адресата
 1902 г. – 341 письмо; 88 адресатов
 1903 г. – 326 писем; 86 адресатов
 1904 г. – 194 письма; 65 адресатов (за полгода: с 1 января 1904 г. по 28 июня 1904 г.)

Таким образом, стремление Чехова к переписке с людьми постоянно возрастало на протяжении всей его жизни.

2. Стремление к новым знакомствам

«Необыкновенно скорый на знакомства и дружбы, он в первые же годы своей жизни в Москве перезнакомился буквально со всею Москвою, со всеми слоями московского общества, а заодно изучил и Бабкино, и Чикино, и Воскресенск, и Звенигород...» [Чуковский 1963, с.8].

«Без этой феноменальной общительности, без этой постоянной охоты якшаться с любым человеком, без этого жгучего интереса к биографиям, нравам, разговорам, профессиям сотен и тысяч людей он, конечно, никогда не создал бы той грандиозной энциклопедии русского быта восьмидесятых и девяностых годов, которая называется мелкими рассказами Чехова» [Чуковский 1963, с.9].

«Наблюдаю пчел и людей, среди к<ото>рых я чувствую себя чем-то вроде Миклухи-Маклая» (Чеховым, 30 апреля 1887 г. Рогозина Балка) – [Письма, т.2, с.76].

3. Любовь к проведению времени в компаниях

«Не поехать ли нам в Красково в четверг? Если Вы не проч, то я стану собирать компанию» (Ф.О. Шехтелю, 14 апреля 1886 г. Москва) – [Письма, т.1, с.237];

«Я часто думаю: не собратся ли нам большой компанией и не поехать ли за границу? Это было бы и дешево, и весело. Я, Потапенко, Маша, Вы и т.д., и т.д.?» (Н.М.Линтваревой, 1(13) октября 1894 г. Генуя) – [Письма, т.5, с.322];

«Ну как прошел юбилей? Если весело, то жалею, что я не поехал. Я люблю юбилей и всякие суматохи, когда пьют и много говорят» (А.Б. Тараховскому, 13 сентября 1898 г. Москва) – [Письма, т.7, с.267];

«Любит компанию, любит больше слушать, чем говорить. Ни малейшего самомнения» (Вл.И. Немировича-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.277];

«А.П. Чехов был очень общителен и любил «компанию». В компании не отказывался и выпить, хотя пил очень умеренно» (В.А. Фаусек) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.261-262];

«Он, например, в один из своих приездов в Петербург подвинул здешних беллетристов хоть раз в месяц собираться на общие обеды. В Москве он привык этот день проводить в шумном обществе товарищей по Московскому университету, и привычка эта была так сильна в нем, что он, несмотря на то, что дела этого не позволяли,

чуть было не укатил на один вечер в Москву. Он отказался от этой мысли только тогда, когда ему удалось уговорить группу петербургских беллетристов собраться в этот день где-нибудь в ресторане для общего обеда, что и было исполнено. И этому обеду суждено было сделаться «учредительным», так как от него пошел целый ряд регулярно повторявшихся обедов. Они назывались «беллетристическими» (И.Н. Потапенко) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.333].

4. Потребность в одиночестве писать письма

«Видишь, как часто и как длинно я пишу. Это оттого, что я один» (М.П.Чеховой, 17 декабря 1898 г. Ялта) – [Письма, т.7, с.369];

«С новым годом, с новым счастьем! Праздники прошли, сегодня я проводил гостей, остался опять один - и хочется писать письма» (А.С. Суворину, 8 января 1900 г. Ялта) – [Письма, т.9, стр.10];

«Мне тут делать нечего, буду писать каждый день. Благо, почта близко. Будь здорова. Твой Antoine» (М.П. Чеховой, 16 (28) апреля 1898 г. Париж) – [Письма, т.7, с.202].

5. Стремление пригласить собеседника в гости

«Я положительно не могу жить без гостей. Когда я один, мне почему-то становится страшно, точно я среди великого океана солистом плыву на утлой ладье» (А.С. Суворину, 9 июня 1889 г. Сумы) – [Письма, т.3, с.223];

«Если бы Вы приехали в самом деле, то я был бы очень рад. Без гостей скучно» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.5, с.57];

«Стало быть, весь июнь я проживу у себя в Мелихово. Вот приезжайте-ка» (Н.А.Лейкину, 31 мая 1895 г. Мелихово) – [Письма, т.6, с.63];

«Он был барственно гостеприимен и во всяком умел найти хорошие качества. Это подкупало. В его квартире происходило множество встреч, собраний, обедов, ужинов» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.289];

«У Антона Павловича был вечно накрытый стол, либо для завтрака, либо для чая. <...> Приезжали, уезжали. Кончался один завтрак, подавали другой» (К.С.Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.389];

«Он был очень гостеприимен, любил, когда у него оставались обедать, и умел угощать на свой особенный лад, просто и радушно» (А.И. Куприн) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.520].

Очень выразительны по своей эмоциональности приглашения А.П.Чеховым собеседника в гости. Самыми типичными коммуникативными приемами «завлечения» адресата в гости являются следующие:

- **уговоры**

«Право, нужно быть большим крокодилом, чтобы подобно Вам копытеть теперь в городе. Послушайте, отчего бы Вам не приехать? Если у Вас есть 70 рублей, то уверяю Вас, этих денег совершенно достаточно, чтобы приехать, пожить в свое удовольствие и благополучно вернуться. Если же у Вас нет этих денег, то возьмите займы, украдите, но приезжайте. Потратите Вы 70 р., но вернете 700» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 10 мая 1888 г., Сумы) – [Письма, т.2, с.267];

«Итак, я еду в Украину, а Вы, крокодил, остаетесь в тундре... Зачем Вы остаетесь? К чему? Не говорите мне, что у Вас нет денег на дорогу... Безденежье не может быть препятствием. Надо только решиться... Если у Вас есть 100 руб., то поезжайте. На еду и карманные расходы Вы заработаете на месте...» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 15 апреля 1888 г., Москва) – [Письма, т.2, с.246];

- шутливая угроза

«Ждем. Если не приедете, то я поднесу Вам в газетах такую пилюлю, так осрамлю Вас, что в Америку сбежите. Уважительными причинами неявки могут быть: а) дизентерия, б) выход рек из берегов, с) внезапное банкротство, d) народные волнения, е) светопредставление и f) приезд в Бабкино шаха персидского. Других причин не признаю. Слышите ли? Клянусь я первым днем творения, что если Мария Владимировна не приедет, то я, во-первых, не отдам ее рассказа в «Родник» и, во-вторых, всю мою жизнь буду ратоборствовать против детских журналов» (А.С. Киселеву, 10 ноября 1887 г., Москва) – [Письма, т.2, с.146];

«Я обязательно на аркане притащу Вас к себе» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 14 августа 1888 г., Сумы) – [Письма, т.2, с.313];

- обещания «райской» жизни

«Вы вот что сделайте: женитесь и валяйте с женой ко мне в мае на дачу недельки на две. Дам Вам и комфорт, и природу, и уезд, и стол для письма... что хотите! ... Обещаю, что Вы освежитесь и великолепно поглупеете. Скучно всю жизнь быть умным...» (В.В.Билибину, 18 января 1886 г., Москва) – [Письма, т.1, с.184-185];

«Даю Вам честное слово, что мы не будем делать ничего, окунемся в безделье, которое для Вас так здорово. Мы будем есть, пить, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ездить по ярмаркам, музицировать и больше ничего» (А.Н. Плещееву, 31 марта 1888 г., Москва) – [Письма, т.2, с.225];

- презентация места («поэтическая интрига»)

«Напоминаю Вам, кстати, о Вашем обещании побывать на Псле. Уж очень у меня хорошо, что и описать нельзя! Природа великолепна, всюду красиво, простора пропасть, люди хорошие, воздух теплый, тоны тоже теплые, мягкие. Вечерами не бывает сырости, ночи теплые... Одним словом, Вы не раскаетесь, если приедете» (В.Г. Короленко, май, после 27, 1888 г., Сумы) – [Письма, т.2, с.276];

«Стыдно сидеть в душной Москве, когда есть возможность приехать в Бабкино... Житье в городе летом – это хуже педерастии и безнравственнее скотоложества. У нас великолепно: птицы поют, Левитан изображает чеченца, трава пахнет, Николай пьет... В природе столько воздуха и экспрессии, что нет сил описать» (Ф.О. Шехтелю, 8 июня 1886, г. Бабкино) – [Письма, т.1, с.248];

- дискредитация места (как способ «завлечь» самого стеснительного адресата)

«Христос Воскрес, мой будущий жилец!.. Вчера я получил письмо от брата, посланного осмотреть нанятую дачу. ...Удобств никаких, комфорта, которого Вы боитесь, нет и в зародыше. Крыльцо обвалилось, и вся усадьба представляет из себя непоэтическую руину. Мебель, по выражению письма, паскудная... Вот в какое гнездышко я хочу затянуть Вас! Как оно ни плохо, но думаю, оно здоровее и просторнее питерской тундры. Приезжайте непременно. Вы боитесь, чтобы мы не отдали Вам

лучшую комнату... Лучшей комнаты на нашей даче нет: все худшие... А кроме кровати и стула, вы ничего не получите... Пожалуй, расщедримся и дадим Вам еще стол, но не ломберный, а какой-нибудь трехногий и хромою... Зато есть и гулять будем здорово, без меры и бессовестно» (А.Н. Плещееву, 25 апреля 1888 г., Москва) – [Письма, т.2, с.257];

«Вы боитесь стеснить мою семью? Ну, а я боюсь, что мы вас стесним, т.е. не дадим того комфорта, который подобает Вашему чину; мы серьезно боимся, ибо еще не знаем, каковы комнаты в нашей усадьбе, какова мебель и проч. Мы наняли на удачу. Очень возможно, что вместо палаццо найдем свиной хлевок...» (А.Н. Плещееву, 17 апреля 1888 г., Москва) – [Письма, т.2, с.247];

- стимулирование собеседника поправить здоровье

«Советую Вам ехать в мае. Мне хочется, чтобы Вы понюхали украинский сенокос. На даче я усажу Вас под надзор медицины и убавлю Вам Ваш живот, который делает одышку. Придумаем такой режим, который, не требуя с Вашей стороны никаких жертв, принес бы пользу Вам и моей медицинской репутации» (А.Н. Плещееву, 4 апреля 1888 г., Москва) – [Письма, т.2, с.232];

- шуточный укор

«Приезжайте же, не будьте ракалией, милая Лика, не заставляйте Вас долго просить. Ваш А. Чехов» (Л.С. Мизиновой, 8 августа 1897 г., Мелихово) – [Письма, т.7, с.35].

6. Любовь к длительным разговорам

«Суворин толковал со мной от 9 часов вечера до 1 часа ночи непрерывно. Беседа интересная в высшей степени» (Чеховым, 13 марта 1887 г., Петербург) – [Письма, т.2, с.38];

«Живу в Феодосии у генерала Суворина. <...> Целый день проводим в разговорах. Ночь тоже. И мало-помалу я обращаюсь в разговорную машину. Решили мы уже все вопросы и наметили тьму новых, еще никем не поднятых вопросов. Говорим, говорим, говорим и, по всей вероятности, кончим тем, что умрем от воспаления языка и голосовых связок» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 18.июля 1888 г., Феодосия) – [Письма, т.2, с.297].

7. Стремление к сокращению коммуникативной дистанции с адресатом

В письмах А.П. Чехова отчетливо заметно стремление писателя к сокращению коммуникативной дистанции с собеседником и в устном, и в письменном общении.

В письменном общении, если А.П. Чехов предполагал развитие отношений с адресатом, то стремился сократить дистанцию уже через 1-2 письма. Писатель мог быстро перейти от официальных или почтительных отношений как к неофициально-деловым (например, с Н.А. Лейкиным), так и к дружеским отношениям (например, с М.М. Чеховым и с М.Е. Чеховым).

Для писателя была характерна быстрота перехода от официальных формул речевого этикета, маркирующих социальное положение адресата или почтительных возвышенных формул, обозначающих высокий статус собеседника, к нейтральным этикетным формулам, маркирующим отношения «равный – равный».

Иногда А.П. Чехов даже обращает внимание адресата на изменение тональности общения:

«Уважаемый Леонид Николаевич! Не пишу «милостивый государь», потому что после Вашего милого письма считаю наше знакомство установившимся. Когда два поезда встречаются, то обыкновенно обмениваются свистками. Вы свистнули, теперь же позвольте мне свистнуть...» (Л.Н. Трефолеву) – [Письма, т.1, с.207].

Зачастую Антон Павлович выражает сожаление, если коммуникативная дистанция с адресатом длиннее, чем хотелось бы:

«Многоуважаемая Вера Сергеевна, или, как Вы сами себя называете, - неизвестная Пассек! Вы не можете себе представить, какое удовольствие доставили Вы мне Вашим письмом, и как жаль, что письмо Ваше совсем уж деловое и нет ни строчки о том, как Вы поживаете, как здоровье и проч. и проч. Ну, да бог с Вами!» (В.С. Тюфяевой-Пассек) – [Письма, т.10, с.135].

Коммуникативные предпочтения

Исследуя данный параметр, мы исходили не только из количества фактов общения А.П. Чехова со своими адресатами, но и объема, содержательности и смысловой насыщенности общения, проявления заинтересованности писателя к своему собеседнику.

Говоря о коммуникативных предпочтениях А.П. Чехова, мы рискуем быть не совсем точными в определении самых востребованных и желанных для писателя собеседников, так как в исследованиях мы опираемся только на сохранившиеся письма А.П. Чехова и нам сложно делать выводы о тех коммуникантах, которые частично утратили письма писателя, или чьи родственники уничтожили чеховские письма, как это, например, произошло с письмами А.П. Чехова И.И. Левитану: письма А.П. Чехова И.И. Левитану, были полностью утрачены, сохранены лишь 45 писем художника к писателю. Тем не менее, опираясь на имеющиеся у нас источники, мы выявили самых

предпочтительных адресатов (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1) и наиболее яркие признаки рассматриваемого параметра.

1. Неровность коммуникативных предпочтений в семейном общении

У Антона Павловича Чехова была большая семья: отец Павел Егорович Чехов (1825–1898), мать Евгения Яковлевна Чехова (1835–1913), четыре брата – старшие Александр (1855–1913) и Николай (1858–1889), младшие Иван (1861–1922) и Михаил (1865–1936), и младшая сестра – Мария (1863–1957).

К своим родителям Антон Павлович относился с большим уважением и почтением. Об этом свидетельствуют письма А.П. Чехова к матери и отцу и другим адресатам, где писатель выражает свое трепетное отношение к родителям и постоянно проявляет сыновнюю заботу о них:

«Теперь последует моя просьба, которую ты, вероятно, исполнишь по ее незначительности: **если я буду присылать письма моей мамаше чрез тебя, то будь так добр, отдавай их мамаше не при всей компании, а тайно; бывают в жизни такие вещи, к(ото)рые можно высказать только единому лицу, верному; вот это-то обстоятельство и заставляет меня писать мамаше тайно от других, которым тайны мои** (а у меня особого рода и тайны есть, которые тебя интересуют или нет, я не знаю. Если хочешь, то я тебе их выскажу) **вовсе не интересны или, лучше сказать, не нужны.** Вторая и последняя просьба будет поважнее. Будь так добр, **продолжай утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Для нас дороже матери ничего не существует в сем разъехидственном мире, а посему премного обяжешь твоего покорного слугу, утешая его полуживую мать»** (М.М. Чехову, 10 апреля 1877 г., Москва) – [Письма, т.1, с.21-22];

«Увидишь моего папашу, так скажи ему, что **я получил его дорогое письмо и очень ему благодарен. Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дела их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие»** (М.М. Чехову, 29 июля 1877 г., Таганрог) – [Письма, т.1, с.25].

Некоторым современникам со стороны казалось, что отношение писателя к своим родным было не одинаковым: одни ему были ближе, чем другие:

«На одной стороне была мать, два брата и сестра, на другой – отец и другие два брата» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.283].

«К матери своей он относился с нежностью, отцу же оказывал лишь сыновнее почтение, – так, по крайней мере, мне казалось. Предоставляя ему все, что нужно для обстановки спокойной старости, он помнил его былой деспотизм в те времена, когда в Таганроге главой семьи и кормильцем был еще он» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.306];

«... К матери у него было самое нежное отношение. Его заботливость доходила до того, что, куда бы он не уезжал, он писал ей каждый день хоть две строчки. <...> Сестра, Марья Павловна, была единственная, это уже одно ставило ее в привилегированное положение в семье. <...> И Антон Павлович относился к сестре с необычайной преданностью» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.283];

«Такой дружбы между братом и сестрой, как между А.П. и М.П., или Ма-Па, как он звал ее, мне видеть не приходилось» (Т.Л. Щепкина-Куперник) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.236].

Однако хорошее отношение к человеку не всегда распространяется на него как на собеседника. Он может быть не интересен адресанту или по какой-то причине не посвящен в его бытовые, профессиональные дела и отношения с другими адресатами. Например, несмотря на уважительное и почтительное отношение к своим родителям, А.П. Чехов, будучи в отъезде, писем к ним пишет не так много по сравнению с некоторыми другими его адресатами. Письма родителям всегда подчеркнута почтительны. Антон Павлович обращается к своим родителям исключительно на «Вы», почти исключает шутливую тональность общения, о себе дает самую краткую и общую информацию, не особенно делится с ними своими переживаниями, оценками и впечатлениями.

При общении с сестрой Марией и с братом Александром коммуникативное поведение писателя меняется: А.П. Чехов раздает поручения, сообщает подробности о своих делах, рассказывает во всех деталях о местах, где он бывал, делится впечатлениями, дает эмоциональные оценки разным людям, предметам, явлениям, событиям, стремится использовать в общении шутливую тональность и языковую игру.

С 1898 г. у А.П. Чехова начинаются романтические отношения и переписка с О.Л. Книппер, с 1899 г. объем их общения начинает резко возрастать. 25 мая 1901 г. они венчаются, и Ольга Леонардовна становится членом его семьи и самым предпочтительным коммуникантом. Общение

А.П. Чехова с женой отличается от общения с другими адресатами наивысшей степенью насыщенности (более 100 писем в год, начиная с 1901 г.) и эмоциональности.

Исследование сохранившихся писем А.П. Чехова выявило следующую шкалу коммуникативных предпочтений писателя среди членов своей семьи:

1) **О.Л. Книппер-Чехова, жена писателя** (всего сохранилось **437** писем и телеграмм А.П. Чехова к Ольге Леонардовне и более 400 писем О.Л. Книппер А.П. Чехову с 1899 г. по 1904 г.)

2) **Мария Павловна Чехова, сестра писателя** (всего сохранилось **436** писем А.П.Чехова к ней и 208 писем М.П. Чеховой к брату с 1884 г. по 1904 г.), она была ангелом-хранителем для писателя, обустроивала его быт, заботилась о его здоровье, часто была поверенным в его делах и завсегдаем его дружеских компаний – обо всем этом свидетельствуют их письма;

3) **Александр Павлович Чехов, брат писателя** (уцелело всего **196** писем Антона Павловича к своему брату и 381 письмо Александра А.П. Чехову);

4) **Иван Павлович Чехов, брат писателя** (осталось **106** писем Антона Павловича к нему, и 56 писем Ивана Павловича А.П. Чехову);

5) **Евгения Яковлевна Чехова, мать писателя** (сохранилось **64** письма Антона Павловича к матери и **24** письма матери к нему);

6) **Чеховым** (сохранилось **53** письма писателя своей семье);

7) **Михаил Павлович Чехов, брат писателя** (осталось **39** писем Антона Павловича Михаилу и 35 писем Михаила к нему);

8) **Михаил Михайлович Чехов, двоюродный брат писателя** (всего **15** писем А.П.Чехова к Мих.Мих. Чехову и **5** писем его к писателю);

9) **Митрофан Егорович Чехов, дядя писателя** (**8** писем Антона Павловича к дяде и **22** письма его к писателю);

10) **Егор Павлович, отец писателя** (уцелело **5** писем Антона Павловича к отцу и 100 писем Егора Павловича к сыну Антону и **23** письма к детям);

11) **Николай Павлович Чехов, брат писателя** (сохранилось **2** письма А.П. Чехова брату Николаю и **24** письма Николая к нему).

2. Предпочтение О.Л. Книппер всем другим собеседникам в письменном общении с 1899 г. и до конца жизни

В последние годы жизни наиболее активно А.П. Чехов переписывался с женой, при этом для их переписки характерны:

- употребление писателем только эмотивных обращений;
- высокая степень насыщенности неэмотивного текста письма разнообразными эмотивными обращениями;
- низкая степень употребления собственного имени адресата в качестве обращения;

- стремление к замене собственного имени адресата номинативными именами (*актриса, актрисуля, актрисочка, немка, немочка*), прозвищами (любимые прозвища *собака, дуся, Книппуша и др.*), терминами родства (*деточка, мамуся, бабуся, жена моя, супружница*);
- частотность обращений к адресату в третьем лице.

3. Увеличение круга общения адресатов из литературно-издательской среды

С 1883 года, когда А.П. Чехов устанавливает контакт с Н.А. Лейкиным, начинает заметно возрастать круг общения с адресатами из литературно-издательской среды. Ежегодно добавляется по несколько адресатов: известных и молодых писателей, издателей. Это тенденция продолжается до последних лет жизни А.П. Чехова.

4. Предпочтение в общении с собеседниками из Москвы и Петербурга

У А.П. Чехова был очень широкий круг общения. Но он был сосредоточен в основном в Москве и Петербурге. По воспоминаниям современников знакомства у Антона Павловича в Москве были обширные: деловые, дружеские, обывательские. Писатель сохранил приятельские отношения со многими товарищами по университету и старался не пропускать ежегодных дружеских встреч с ними. А.П. Чехов тесно сотрудничал с журналом «Русская мысль», активно общался с его редакторами В.А. Гольцевым и В.М. Лавровым – с ними сложились не только деловые, но и приятельские отношения. Также А.П. Чехов поддерживал связь с журналом «Артист» и его основателем и издателем Ф.А.Куманиным, с газетой «Русские ведомости», в которой работали главным образом московские профессора и время от времени печатали свои статьи петербургские писатели. Однако самый широкий круг общения у А.П.Чехова был в Петербурге, и писатель продолжал его расширять:

«...Питер великолепен. Я чувствую себя на седьмом небе. Улицы, извозчики, провизия – всё это отлично, а умных и порядочных людей столько, хоть выбирай. **Каждый день знакомлюсь.** Вчера, например, с 10^{1/2} часов утра до трех я сидел у Михайловского... в компании Глеба Успенского и Короленко: если, пили и дружески болтали. Ежедневно выдаюсь с Сувориным, Бурениным и проч. Все наперерыв приглашают меня и курят фемиама» (Чеховым, 3 декабря 1887 г., Петербург) – [Письма, т.2, с.159].

Именно в Петербурге формировалась литературная среда, поэтому дружеские и деловые связи А.П. Чехова были сконцентрированы в основном в этом городе: там писатель решал деловые вопросы с издательствами, проводил время в компаниях знакомых литераторов, посещал литературные кружки, участвовал в дружеских обедах. По свидетельствам современников, А.П. Чехов приезжал в Петербург как на гастроль и был, что называется, нарасхват. Всюду его звали, всем хотелось видеть его своим гостем, поболтать, выпить с ним бутылку вина.

5. Предпочтение дружеским отношениям приятельские отношения

Вопрос о дружеских отношениях А.П. Чехова довольно сложен. Некоторые современники А.П. Чехова указывают, что у писателя не было настоящих друзей, что даже самые близкие люди всегда чувствовали между ним и собой некоторое расстояние. Объясняя этот факт, И.Н. Потапенко, например, пишет:

«Главное же, чем он был для меня: человеком, которого я нежно любил. Не другом, – это я считаю нужным сказать в самом начале и думаю, что у него не было ни одного друга, – но товарищем в самом прекрасном значении этого слова. <...> Творческая работа Чехова чужого глаза совсем не переносила, и так как он творил всегда и даже в непосредственное соприкосновение с жизнью и с людьми вступал как-то особенно, по-своему, творчески, то ему нужно было прятать эту работу, и вот почему самые близкие люди всегда чувствовали между ним и собою некоторое расстояние. И потому я утверждаю, что у Чехова не было друзей. То обстоятельство, что после его смерти объявилось великое множество друзей, я не склонен объяснять ни тщеславием, ни самозванством. Я уверен, что эти люди вполне искренне считали себя его друзьями и по своему настроению таковыми и были, то есть они любили его настоящей дружеской любовью и готовы были открыть перед ним всю душу. Может быть, и открывали, и наверное так, – у него было то неотразимое обаяние, которое каждую душу заставляло отдаваться ему, – потому-то он и знал так хорошо тончайшие извилины человеческой души. Но он-то свою не раскрывал ни перед кем. Может быть, это знание, эта изумительная способность видеть человека насквозь и была причиной того, что он не мог никого близко подпустить к своей душе» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.295-297];

«Первое время нашего знакомства мы встречались не часто, даже не могли бы назвать себя «приятелями». Впрочем, я не знаю, был ли Антон Павлович вообще с кем-нибудь дружен. Мог ли быть?» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.282].

Однако товарищей у А.П. Чехова, по утверждению большинства современников, было очень много:

«Среди петербургских литераторов особенно близких приятелей у А.П. не было, но добрые, товарищеские отношения были со многими» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.330].

А.П. Чехов имел много приятелей, но мало друзей, и стремился, прежде всего, к приятельским отношениям. Близко к себе писатель подпускал очень немногих.

Вступление в общение

1. Широкое варьирование обращений

Особенностью коммуникативной личности А.П. Чехова было широкое варьирование обращений – от традиционных форм до нетрадиционных окказиональных форм:

Л.С. Мизиновой: «Многоуважаемая Лидия Стахиевна,..» [Письма, т.4, с.234]; «достоуважаемая Лидия Стахиевна,..» [Письма, т.4, с.166]; «Дорогая Лидия Стахиевна,..» [Письма, т.4, с.256]; «Дорогая Лида» [Письма, т.4, с.255]; «Милая Лика,..» [Письма, т.4, с.255]; «Милая Ликуся!» [Письма, т.5, с.132, 203, 214, 235]; «Ликуся!» [Письма, т.5, с.144, 146, 152]; «Лика,..» [Письма, т.5, с.35]; «Очаровательная, изумительная Лика!» [Письма, т.4, с.240]; «Милая, великолепная Лика!» [Письма, т.5, с.254]; «Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика!» [Письма, т.4, с.231]; «Благородная, порядочная Лика!» [Письма, т.5, с.86]; «Добрая Лидия Стахиевна!» [Письма, т.6, с.224]; «Бедная, больная Ликиша!» [Письма, т.4, с.242]; «Думский писец,..» [Письма, т.4, с.158]; «Милая Мелита!» [Письма, т.5, с.38]; «Милая канталупочка» [Письма, т.5, с.83].

Ф.О. Шехтелю: «Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович!» [Письма, т.1, с.248]; «Обманутый Человек!» [Письма, т.1, с.258]; «Талантливейший из всех архитекторов мира!» [Письма, т.2, с.37]; «Милейший маэстро!» [Письма, т.2, с.66]; «Милый Франц Осипович!» [Письма, т.3, с.194]; «..добрейший Павел Григорьевич,..» – [Письма, т.1, с.167].

2. Широкая модификация имени адресата в начальных обращениях

В письмах к симпатичным и близким людям А.П. Чехов всегда стремится сделать имя адресата ярким знаком, сигнализирующим о дружеском расположении и теплом отношении к собеседнику.

Для А.П. Чехова характерно:

- преобразование имени адресата на иностранный манер:

«Любезный друг Сашинок!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.51]; «Mein lieben Johann!» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.3, с.65]; «Johannes Leonis filius!» (И.Л.Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.3, с.73]; «Ma chère Marie!» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.6, с.32]; «Прекрасный Игнациус!» (И.Н. Потапенко) – [Письма, т.6, с.137]; «Драгоценный Алексис!» (А.А. Долженко) – [Письма, т.4, с.229];

- преобразование имени адресата на детский манер:

Обращаясь к своим братьям А.П. Чехов иногда прибавляет к краткому имени адресата новое созвучное слово по типу детских дразнилок:

«Саша-Таракаша!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.86], «Миша-терентиша!» (М.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.152];

- преобразование фамилии на манер прозвища:

«Гиляй» (В.Г. Гиляровскому) – [Письма, т.2, с.129]; «Милый Семаша» (М.Р. Семашко) – [Письма, т.6, с.322]; «Друзья мои чехи!» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.199];

- присвоение адресату ласкового вымышленного прозвища:

«Милая канталупочка!» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.4, с.83].

- присвоение адресату вымышленного или чужого имени и фамилии:

«Цецилия Архимандритовна!» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.4, с.157]; «Милая Мелита!» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.4, с.38]; «Милый Сарду» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.3, с.300], «Ваше благородие, г. Сарду!» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.3, с.284]; «...милейший Йорик...» (П.А. Сергеенко) – [Письма, т.2, с.263]; «Милый Кузьма Протапыч!» (К.С. Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.292, 308]; «Милостивая Государыня Василиса Пантелеевна!» (А.А. Киселевой) – [Письма, т.4, с.7]; «Многоуважаемая баронесса Иксуль!» (Н.М. Линтваревой) – [Письма, т.4, с.247]; «Милый Альба!» (И.Л.Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.166, 171, 180, 261]; «Здравствуй, супружница моя, дуся!» (О.Л. Книппер) – [Письма, т.10, стр.130].

Но самый богатый арсенал шуточных обращений данного типа мы встречаем в письмах к брату Александру. Примечательно, что А.П. Чехов только дважды называет брата: «Чехов!» [Письма, т.2, с.21; т.6, с.182], но многократно:

«Гусев!» [Письма, т.2, с.23, 23, 109, 114, 120, 134, 136, 140, 141], «Милейший Гусев!» [Письма, т.2, с.85, 125, 153]; «Г. Гусев!» [Письма, т.2, с.49, 300] «Господин Гусев!» [Письма, т.6, с.228].

Многочисленны также производные от «Гусев»:

«Гусиных!» [Письма, т.2, с.127]; «Гуськов!» [Письма, т.2, с.147, 258]; «Гусинский!» [Письма, т.2, с.172]; «Милый Гусополо!» [Письма, т.2, с.184]; «Гусиади!» [Письма, т.2, с.202]; «Г. Гусятников!» [Письма, т.5, с.233].

Наряду с новой фамилией А.П. Чехов часто присваивает своему брату и новое имя:

«Уважаемый Акакий Спиридоныч господин Гусев!» [Письма, т.2, с.162]; «Новый Виктор Крылов!» [Письма, т.3, с.188]; «Лука Ивановч!» [Письма, т.2, с.89]; «Любезный брат Александр Виссарионыч!» [Письма, т.6, с.296, 299]; «Любезный Никанор Гаврилович!» [Письма, т.6, с.360]; «Многоуважаемый Никанор Иванович!» [Письма, т.6, с.366]; «Повсекакий!» [Письма, т.6, с.303]; «Многоуважаемый Артарксеркс Павлович» [Письма, т.12, с.91-92].

Можно предположить, что, например, фамилия *Гусев* получила происхождение от слова *гусь*, которое братья Чеховы наделили семами *несовершенство, глупость*. Подтверждение этой мысли находим в одном из писем к брату Александру. А.П. Чехов характеризует женщину с точки зрения интеллектуальных и творческих способностей:

«Она хороший врач, хороший юрист и т. д., **но на поприще творчества** (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) **она гусь. Совершенный организм творит, а женщина ничего еще не создала**» [Письма, т.1, с.65].

3. Использование неординарных авторских обращений

«Мудрейший, а следовательно и ехиднейший Соломон!» (С. Крамареву) – [Письма, т.1, с.39]; «Несчастный доктор, не находящий себе места от любви к неизвестной мне девице!» (Н.Н. Оболонскому) – [Письма, т.3, с.282]; «Образованнейшая и лютейшая Любовь Александровна!» (Л.А. Камбуровой) – [Письма, т.1, с.31]; «Таможенный брат мой Александр!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.41]; «Уловляющий контрабандистов-человеков-вселенную, таможенный брат мой, краснейший из людей, Александр Павлыч!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.45]; «Доброкачественный брат мой, Александр Павлович!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1: с.59]; «Маленькая польза!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.59]; «Ремешок от штанов!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.51]; «Наша собственная сестра!» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.1, с.124]; «Мадемуазель сестра!» (М.П.Чеховой) – [Письма, т.2, с.294].

4. Использование традиционных начальных обращений как знаков вежливости

Значительную часть этикетных начальных обращений в письмах А.П.Чехова составляют традиционные формы, употребляемые в XIX – начале XX вв.: *Милостивый государь (Милостивая государыня), уважаемый,*

многоуважаемый, глубокоуважаемый, достоуважаемый, достопочтенный, любезный, любезнейший.

Согласно толковому словарю русского речевого этикета А.Г. Балакая, этикетный эпитет *Милостивый Государь (Милостивая Государыня)* в XIX в. употреблялся в составе учтивых обращений [Балакай 2004, с.241].

Этикетные эпитеты *многоуважаемый* и *глубокоуважаемый* (достойный большого уважения) использовались при официальном или подчеркнуто вежливом обращении к лицу, занимающему высокое общественное положение или пользующемуся особым уважением, почетом [Балакай 2004, с.99, 257].

Эпитет *достоуважаемый*, т. е. весьма уважаемый, достойный уважения, многоуважаемый, входил в состав почтительных или официальных обращений на «Вы» к старшему или равному по возрасту или положению [Балакай 2004, с.144].

В словаре А.Г. Балакая *достопочтенный* значит как «весьма почтенный, достойный почтения, уважения. Этикетный эпитет употреблялся в составе возвышенно-риторических, почтительных или официальных обращений на «Вы»: а) к незнакомым или малознакомым лицам; б) к знакомому, обычно старшего возраста или занимающему видное положение в обществе; в) подчеркнуто вежливое к равным или низшим по положению, но старшим по возрасту (мог употребляться с оттенком иронии или снисходительности)» [Балакай 2004, с.144].

Эпитет *уважаемый* выступал в этикетных формулах как средняя степень вежливости [Балакай 2004, с.478].

Этикетный эпитет *любезный*, а также его элатив *любезнейший* широко употреблялись в XIX в. в эпистолярном стиле в составе вежливых и дружеских обращений к родственнику, приятелю, близкому знакомому, равному или младшему по возрасту, положению. В просторечии эти эпитеты могли употребляться в значении «милый, дорогой» как ласковое обращение к

равному или низшему по положению, а также как фамильярно-нисходительное обращение к низшему по положению [Балакай 2004, с. 224].

Согласно правилам эпистолярного этикета А.П. Чехов четко выстраивает градацию вежливых начальных обращений в зависимости от коммуникативной дистанции с адресатом и ситуацией общения.

При вступлении в контакт с незнакомыми или малознакомыми собеседниками как мужского, так и женского пола в неофициально-деловых письмах А.П. Чехов использует общепринятую в то время учтливую этикетную формулу: *милостивый государь (милостивая государыня)* + имя-отчество, которая маркирует большую дистанцию и почтительную официальную вежливость по отношению к адресату:

«Милостивый государь Анатолий Иванович!» (А.И. Леману) – [Письма, т.2, с.260]; «Милостивый государь Владимир Алексеевич!» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.2, с.252]; «Милостивая государыня!» (Е.А. Сысоевой) – [Письма, т.2, с.145], «Милостивая государыня Ольга Афанасьевна!» [Письма, т.5, с.65].

Этикетная формула *Многоуважаемый + фамилия-отчество адресата* встречается в основном в деловых письмах к адресатам-мужчинам и маркирует учтливую почти официальную тональность письма. Данная формула встречается в письмах: А.С. Киселеву [Письма, т.5, с.14], П.В.Быкову [Письма, т.5, с.59], И.М. Кондратьеву [Письма, т.5, с.107], Н.М.Боборыкину [Письма, т.5, с.109]. В.М. Лаврову [Письма, т.5, с.113, 121], С.Ф. Рассохину [Письма, т.5, с.124], М.О. Меньшикову [Письма, т.5, с.137], В.А. Гольцеву [Письма, т.5, с.145] и многим другим.

Этикетный эпитет *глубокоуважаемый*, выражающий высшую степень уважения и почтительности к адресату, писатель использовал лишь однажды, в 1879 г., в начальной формуле обращения в письме к своему знакомому, Г.П. Кравцову, отставному хорунжию, владельцу хутора Рагозина Балка [Письма, т.1, с.31].

Этикетный эпитет *уважаемый* А.П. Чехов использует обычно в формулах обращения к адресатам, по отношению к которым знакомство уже установилось. Так, например, в одном из писем А.П. Чехова читаем:

«Уважаемый Леонид Николаевич! Не пишу «милостивый государь», потому что после Вашего милого письма считаю наше знакомство установившимся. Когда два поезда встречаются, то обыкновенно обмениваются свистками. Вы свистнули, теперь же позвольте мне свистнуть...» (Л.Н. Трефолеву) – [Письма, т.1, с.207].

Нами замечено, что для коммуникативной личности А.П. Чехова свойственно стремление к переходу от учтивых и официальных форм обращений к нейтральным формам вежливости. Так, например, в первом письме А.С. Суворину А.П. Чехов использует эпитет *Милостивый государь* [Письма, т.1, с.201], во втором письме – *Многоуважаемый* [Письма, т.1, с.273], а в последующих письмах употребляет в основном эпитет *уважаемый* [Письма, т.1, с.281; т.2, с.27, 41, 49, 229, 277, 291, 320, 326 и далее].

В письме к Н.А. Лейкину, писателю-юмористу и журналисту, редактору-издателю журнала «Осколки» А.П. Чехов также употребляет эпитет *милостивый государь* лишь в первом письме [Письма, т.1, с.47]. Большая же часть писем начиналась словами: «*Уважаемый Николай Александрович!*» [Письма, т.1, с.73, 74, 76, 80, 84, 91, 95, 97, 100, 103, 118, 125, 126, 128, 130, 131, 133, 134, 136, 138, 144, 149, 151, 156, 157, 158, 160, 161, 164, 165, 168, 169, 170, 172, 178, 180, 187, 197, 202, 209, 221, 237, 243, 257, 265; т.2, с.34; т.4, с.55 и далее].

Эпитет *уважаемый* писатель употребляет и в письмах многим другим адресатам: например, П.П. Филевскому [Письма, т.1, с.37], П.А.Архангельскому [Письма, т.1, с.284], И.К. Кондратьеву [Письма, т.2, с.134], В.П. Буренину [Письма, т.1, с.280], В.А. Тихонову [Письма, т.2, с.264], В.Н. Давыдову [Письма, т.2, с.157, 165, 167], Т.С. Савельеву [Письма, т.2, с.227], Н.А. Хлопову [Письма, т.2, с.199, 215], Я.П. Полонскому [Письма, т.2, с.206, 219], Р.Р. Голике [Письма, т.1, с.194] и др.

Как видим, самым распространенным этикетным эпитетом в составе вежливых обращений в неофициально-деловых и лично-деловых письмах А.П. Чехова является эпитет *уважаемый*, особенно в письмах адресатам-мужчинам.

В письмах А.П. Чехова женщинам эпитет *уважаемая* встречается не только в неофициально-деловых, но и в дружеских письмах: например, Л.А.Камбуровой [Письма, т.1, с.34], М.В. Киселевой [Письма, т.1, с.277; т.2, с.10, 144, 334; т.3: с.49, 334; т.4, с.10], Е.М. Шавровой-Юст [Письма, т.4, с.243, 298], Н.М. Гаршиной [Письма, т.4, с.337, 342], Е.А. Сысоевой [Письма, т.3, с.51], Е.К. Сахаровой [Письма, т.3, с.136], А.М. Евреиновой [Письма, т.3, с.146, 174, 243], Н.М. Линтваревой [Письма, т.3, с.149, 192], Л.А. Авиловой [Письма, т.5, с.26], Л.Я. Гуревич [Письма, т.5, с.28] и др.

Наряду с эпитетом *уважаемая* в составе вежливых обращений к адресатам женского пола А.П. Чехов активно использует эпитет *многоуважаемая*. Данный эпитет указывает зачастую не столько на деловую тональность письма, как, например, в письмах к мужчинам, сколько на особое уважительное и почтительное отношение к адресату-женщине. Такой эпитет в составе начальных обращений в письмах женщинам А.П. Чехов употребляет как в деловых, так и в дружеских письмах. В последних этикетная формула с эпитетом *многоуважаемая* приобретает нередко игривый оттенок.

Этикетную формулу *Многоуважаемая + фамилия-отчество адресата* встречаем в письмах Ю.И. Лядовой [Письма, т.1, с.35], М.В. Киселевой [Письма, т.1, с.220, 269; т.2, с.39, 45, 118, 121, 168, 186, 193, 217, 234; т.4, с.250], Е.М. Шавровой-Юст [Письма, т. 4, с.268; т.6, с.103, 143], Н.М.Линтваревой [Письма, т.5, с.98] и др.

В период с 1876 г. по 1882 г. в ранних письмах своему старшему двоюродному брату Михаилу Михайловичу А.П. Чехов активно употребляет вежливую дружескую этикетную формулу начального обращения с эпитетами *любезный*, *любезнейший* и словом *Брат*, написанным с заглавной буквы: «Любезнейший Брат Михаил Михайлович!» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.15]; «Любезный Брат Миша!» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.21, 22, 24, 26, 28]. В более поздних письмах А.П. Чехов отказывается от использования данных эпитетов в вежливых обращениях и использует их в

основном в письмах родным братьям Николаю и Александру в снисходительно-иронической тональности как элемент языковой игры: «Любезнейший Николай Павлович!» (Н.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.32].

5. Игнорирование формального приветствия и допустимость неиспользования начального обращения в письмах

А.П. Чехов стремится к упрощению речевого этикета. Его письма по своей структуре не всегда соответствуют нормам эпистолярного жанра. Вступая в письменное общение с адресатом, писатель почти не использует формул приветствий. Помимо приветствий А.П. Чехов игнорирует иногда и начальные обращения. Он может начать письмо с зачина или сразу с содержания.

Подобные чеховские письма чаще всего адресуются близким. Они в основном имеют характер записок-поручений, отчетов о бытовых и семейных делах, состоянии здоровья и похожи на краткие сводки событий:

«Весьма важное: уезжая на дачу, не забудьте оставить для меня мою корзину. Без корзины мне решительно не в чем будет провезти свой багаж, так как чемоданы тесны, платье мнется, замки портятся, да и к тому же один чемодан не мой» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.2, с.74];

«Купи хорошую зубную щетку и привези. Нового ничего, всё благополучно. Заливай потрепал Брома, и Бром теперь хворает. Будь здорова. Твой А. Чехов» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.6, с.298].

При вступлении в письменный контакт с адресатом А.П. Чехов часто использует обращения в нена начальном положении. Такой прием позволяет, во-первых, приблизить письменную речь к устной, во-вторых, создать иллюзию, что адресант и адресат все время находятся в зоне контакта:

«Я надул Вас невольно, добрейший Владимир Галактионович: мне не удалось выручить оттиск своей пьесы; когда она отпечатается, я вышлю Вам или же вручу ее при свидании, а пока не сердитесь» (В.Г. Короленко) – [Письма, т.2, с.169];

«Не стану объяснять Вам, уважаемый Дмитрий Васильевич, как дорого и какое значение имеет для меня Ваше последнее великолепное письмо. Каюсь, я не выдержал впечатления и копию с письма послал Короленко – кстати говоря, очень хорошему человеку» (Д.В. Григоровичу) – [Письма, т.2, с.173];

«2-го сентября, уважаемый Алексей Сергеевич, лето мое кончается, и я еду в Москву. Адрес мой остается прошлогодний, т. е. Москва, Кудринская Садовая, д.Корнеева» (А.С. Суворину) – [Письма, т.2, с.320].

6. Вступление в контакт с фамиллярных извинений-оправданий

«Добрейший Николай Александрович! Не велите казнить, но велите слово вымолвить. Три недели не писал Вам письма, мечтая написать оное при транспорте, но увы! вижу, что приходится посылать письмо в одиночку, вдовым и сирым...» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.2, с.8];

«Многотерпеливе и многомилостиве! Иже праведные любяй и грешные милуяй! Вместо платы за квартиру посылаю Вам том моих экскрементов. За квартиру же – увы! – уплачу через сто лет (или же ранее, при первой получке). Если не согласны, то подавайте мировому. Банкрот А.Чехов» (Я.А. Корнееву) – [Письма, т.2, с.116].

Самые фамиллярные выражения извинения обычно адресованы брату Александру. Писатель общается с ним как вышестоящий с нижестоящим. Наряду с извинениями в письмах часто присутствует шутливая дискредитация собеседника:

«Брат наш мерзавец Александр Павлович! Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма. Виновата в моем молчании не столько лень, сколько отсутствие досуга. Минуты нет свободной. Даже пасьянсов не раскладываю за неимением времени» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.87];

«Маленькая польза! Пожелав тебе самой большой пользы, ответственю тебе на твое письмо. Прежде всего каюсь и извиняюсь: не писал долго по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.68];

«Раскаившийся пьяница! Прости, что я долго не отвечал на твои поганые письма: одолели лень, скука и безденежье» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.58].

7. Использование неординарных поздравлений

«Доброкачественный брат мой, Александр Павлович! Первым делом поздравляю тебя и твою половину с благополучным разрешением и прибылью, а г. Таганрог со свеженькой гражданкой. Да живет (...крестись!) новорожденная многие годы, преизбыточествуя (крестись!) красотю физическою и нравственною, златом, гласом, толкастикой, и да цапнет себе со временем мужа доблестна (крестись, дурак!), прельстив предварительно и повергнув в уныние всех таганрогских гимназистов!!!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53];

«Римский папа поручил мне поздравить Вас с ангелом и пожелать Вам столько же денег, сколько у него комнат. А у него одиннадцать тысяч комнат! Шатаюсь по Ватикану, я зачах от утомления, а когда вернулся домой, то мне казалось, что мои ноги сделаны из ваты» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.4, с.208].

8. Вступление в письменный контакт с сообщения бытовых подробностей о своей жизни

«Добрейший Виктор Викторович! Я только что поужинал, чего и Вам желаю» (В.В.Билибину) – [Письма, т.1, с.203];

«Я в Орле. 4 часа 50 мин. утра. Пью кофе, похожий вкусом на копченого сига» (М.П.Чеховой) – [Письма, т.2, с.53].

9. Вступление в контакт с благодарности в фамильярной форме

«Многоуважаемый Николай Александрович! Получил и письмо и гонорар. **Merci**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.59];

«Не было гроша, да вдруг алтын! Наконец-то, добрейший Николай Александрович, я получил от Вас письмо, и не одно письмо, а еще и толстую книжицу в виде премии, за которую, конечно, искренно благодарю» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.208].

10. Вступление в контакт с ироничного комплимента адресату

«Кто б мог подумать, что из нужника выйдет такой гений? Твой последний рассказ «На маяке» прекрасен и чудесен» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.104].

11. Вступление в контакт с ироничной самопрезентации

«Я ужасно деловой человек. Забросал Вас письмами» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.129].

12. Вступление в письменный контакт с провокационного вопроса

«Ненастоящий Чехов! Ну, как вы себя чувствуете? Пахнет ли от Вас водочкой?» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.283].

13. Вступление в контакт с жалобы-самоиронии

«У меня новая лампа, многоуважаемая Мария Владимировна, всё же остальное скучно, серо и старо, как реплики Екатерины Васильевны. Рад бы убить Вашу скуку, но – увы – нет пороха. Новых мыслей нет, а старые перепутались в голове и похожи на червей в зеленой коробке, постоявших деньков пять на припеке. О чем же писать? О том, что я безденежен и глух? Это Вам известно... Вот что, опишу-ка я Вам свое гнусное поведение. Жизнь вошла в колею. Обедаю в 7 часов, ложусь в 2 ночи. Погоды не замечаю и не чувствую. Пишу и читаю рецензии» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.118].

Выход из общения

1. Фактический отказ от этикетной формулы «До свидания» в письмах адресатам

А.П. Чехов почти не использует этикетную формулу «До свидания».

Вместо этой формулы он употребляет формулу «Прощай (Прощайте)»:

«Прощайте. Ваш Антон Чехов» (М.И. Морозовой) – [Письма, т.1, с.84]; «Прощайте. С почтением имею честь быть А. Чехов (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.86].

К данным формулам в окончании письма часто присоединяется пожелание или просьба передать поклон, или то и другое вместе:

«Прощай, будь здоров и богат, твой брат А. Чехов». (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.26]; «Прощай, желаю тебе всего лучшего. Поклон Лизе и Грише и твоим товарищам. Твой Брат А. Чехов». (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.22].

2. Предпочтение завершать письменный контакт с адресатом поклонами третьим лицам вместо прощания

А.П. Чехов в письмах часто передает поклоны третьим лицам, обычно используя следующие речевые формулы:

– **пожалуйста, поклонитесь...** :

«Пожалуйста, поклонитесь Надежде Алексеевне» (Л.А. Авиловой) – [Письма, т.5, с.11];

– **кланяйся...** :

«Кланяйся Петровым и пожелай всего лучшего желающему тебе всего и уважающему тебя А. Чехову» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.26]; «Кланяйся своим и будь здоров» (Г.М. Чехову) – [Письма, т.6, с.210]; «Будь здоров. Кланяйся Екатерине Ивановне» (Н.И. Коробову) – [Письма, т.6, с.208];

– **кланяюсь...** :

«Кланяюсь Анне Ивановне, Насте, Боре, Эмили» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.319]; «Низко кланяюсь Вам и Вашей Соне. Когда приеду в Москву, непременно дам знать» (Н.М. Ежову) – [Письма, т.6, с.261];

– **поклон...** :

«Поклон Ивану Ивановичу низайший» (Ю.И. Лядовой) – [Письма, т.1, с.35]; «Поклон Вашим. Ваш А. Чехов» (Е.П. Егорову) – [Письма, т.5, с.13]; «Поклон и привет Вашей радушной жене. Будьте, голубчик здоровы и веселы. Ваш А. Чехов» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.5, с.21];

– **передай(те) поклон...** :

«Передай поклон Грише и Елизавете Михайловне, с которыми я заочно христосуюсь» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.28]; «Потрудитесь передать поклон Пете и напомнить ему о моем грешном существовании» (Г.П. Кравцову) – [Письма, т.1, с.31];

– **посылаю тысячу поклонов:**

«Посылаю тысячу поклонов. Дай бог всего хорошего. Ваш А. Чехов» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.5, с.61].

3. Предпочтение вместо прощания побуждать адресата к общению

«Пишите, заклинаю Вас прахом Цезаря...» (В.В. Билибину) – [Письма, т.1, с.197];

«Пишите же, а то беда. Ваш А. Чехов» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.107]

«Не будь штанами, пиши» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.121]

«Будьте здоровы. Так пишите же. Пишите! Ваш А. Чехов» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.147].

4. Широкое использование эмоционально окрашенных пожеланий вместо прощания

- Пожелания-обереги:

«Да хранит Вас бог» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.73];

«Ну, будьте здоровы и да хранит Вас аллах!» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.120];

«Будьте здоровы, счастливы, и да хранят Вас небесные силы на многие лета» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.294];

«Да хранят Вас ангелы и архангелы, херувимы и серафимы. Ваш А. Чехов» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.265];

«Да хранят небеса Ваш Эртелев пер., Ваш дом и даже типографию» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.345];

«Да хранят Вас небо, солнце, луна и звезды» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.164].

- **Пожелания-советы быть в гармонии с природой:**

«Будьте здоровы и живите так, чтобы каждую минуту чувствовать весну. Ваш А.Чехов» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.240];

«Будьте счастливы, глядите почаще на луну, нюхайте цветы, глубоко вздыхайте и говорите возвышенным языком...» (А.С. Лазареву (Грузинскому)) – [Письма, т.2, с.289].

5. Активное использование эпистолярных штампов пожелания вместо прощания

А.П. Чеховым широко используются следующие эпистолярные клише в составе формул пожелания при прощании:

– ***а за сим желаю...*** :

«...а за сим желаю всех благ» (Ал. П. Чехову) – [Письма, т.1, с.66];

– ***а за сим пребываю желающим Вам...*** :

«А за сим пребываю желающим Вам всего лучшего А. Чехов» (М.М. и Е.М. Чеховым) – [Письма, т.1, с.22];

– ***а за сим будьте здоровы:***

«А за сим будьте здоровы. Жму руку» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.9].

6. Активное использование шуточных пожеланий при прощании в дружеских письмах

«Братья, будем целомудренны, как римляне!!!» (Н.П. и И.П. Чеховым) – [Письма, т.1, с.34];

«Желаю, чтобы во время экзаменов инспектор отгаскал Вас за косы, которых у Вас, впрочем, нет, и чтобы в его присутствии под роялью к. накатела» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.203];

«Прощайте... Да будет Ваша жизнь так же сладка, как Ваша новая фамилия. Не забывайте, что у Вас есть доброжелатель и поклонник А. Чехов» (Е.К. Сахаровой) – [Письма, т.1, с.253];

«Дай бог Вам выиграть или получить в наследство 300 тысяч, чтобы Вы купили имение около Лопасни. Будьте здоровы. Ваш А. Чехов» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.71];

«Будь здорова и не нуждайся в фенацетине» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.43];
 «Неблагодарный брат, будь здоров. Твоему семейству посылаю поклон и пожелание, чтобы от тебя пореже пахло водочкой. А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.241].

7. Широкое употребление шутливых уверений

«Весь Ваш, с сапогами, с калошами, с зубами, с жилеткой и проч. А. Чехов» (Ф.О.Шехтелю) – [Письма, т.2, с.22];
 «Прощайте и верьте лицемеру А. Чехову, когда он говорит, что всей душой предан всей Вашей семье» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.1, с.262];
 «Прощайте. Душевно преданный и нелицемерно уважающий А. Чехов» (М.В.Киселевой) – [Письма, т.2, с.218].

8. Частотность шутливой просьбы при выходе из контакта в дружеских письмах

«Кланяйся от меня астраханскому городскому голове и скажи ему от меня, что я на его жену недоволен за то, что Мариуполем нельзя намазывать смычок, как канифолем» (Н.П. и И.П. Чеховым) – [Письма, т.1, с.34];
 «Передайте таганрогским барышням, что тоскую за ними ужасно. Не изменил им, несмотря на массу искушений. Кланяюсь всем» (М.И. Морозовой) – [Письма, т.1, с.84].

9. Стремление давать шутливые медицинские советы при выходе из письменного общения с родственниками и друзьями

«Избегайте вина и женщин. Ваш А. Чехов» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.67];
 «Ешьте поменьше. Ваш А. Чехов» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.36].
 «Поклон всей твоей кутерьме с чадами, чадиками, цуцыками. А главное не пей. Прощай. А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.116].

10. Частотность эпистолярного «рукопожатия» при прощании

«Крепко жму Вам руку» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.5, с.318];
 «Крепко жму руку и желаю всего хорошего» (И.Я. Павловскому) – [Письма, т.5, с.326];
 «Желаю всего хорошего и крепко жму руку» (М.Н. Псалти) – [Письма, т.5, с.318];
 «Низко кланяюсь и крепко жму руку» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.323];
 «Жму руку» (В.И. Яковенко) – [Письма, т.6, с.283].

11. Активное использование фамильярных форм выхода из письменного контакта с родственниками

«За сим прощевайте. Поклон всем. Николке жму руку. А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.44];
 «Всем твоим кланяюсь, а тебе нет. Ты не гений, и между нами нет ничего общего. г.Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.105].

12. Обыкновение прерывать письменный контакт с адресатом констатацией фактов действительности, не связанных с контекстом письма

- сообщением о погоде:

«**Мороз. Метелица...** А за сим с почтением Ваш покорный слуга А. Чехов» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.1, с.96];

«**Погода у нас безнравственная, бленорейная. 3 градуса тепла. Санний путь перестает быть санним.** Прощайте и будьте здоровы. Ваш А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.283];

- сообщением о третьих лицах:

«**Николай не пьет... воды.** Вообще – пхе! Ждуший и потолстевший А. Чехов» (Ф.О.Шехтелю) – [Письма, т.1: с.247];

«**Николай здоров.** Погода плохая, 3-й день жарит дождь. Почтение всем Вашим» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1: с.267];

- сообщением о бытовых подробностях собственной жизни:

«**Я купил (или, вернее, мне подарили) новую кабинетную лампу.** Прощайте. Ваш А. Чехов» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.2: с.118];

«**Кланяюсь Вашим... Ваш диван гораздо мягче моего матраца, да и холодно у Вас не так, как у меня... Бррр!..** Ваш А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1: с.199].

13. Обыкновение прерывать контакт с адресатом констатацией собственных желаний, намерений

«Иду есть. А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.172];

«Сажусь читать. Прощайте. Ваш сотрудник, уважающий А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.110];

«Но однако пора в почтамент... Adieu! А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.101];

«Прощайте. Думаю, как бы и где бы задать Храповицкого. С почтением имею честь быть А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1: с.82].

14. Допустимость и распространенность резкого прерывания контакта

«Впрочем, и так далее, а то надоем... Ваш А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.160];

«Не могу писать! Леня и некогда. А. Чехов» (Ал. П. Чехову) – [Письма, т.1, с.46];

«Более писать некогда. Срочной работы чёртова пропасть. Ваш А. Чехов» (П.Г. Розанову) – [Письма, т.1, с.181];

«Однако я заболтался. Будьте здоровы. Поклон Вашим... Пишите. Ваш А. Чехов» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.270];

«Однако мое письмо отвратительно и скучно. Прекращаю бесчинство и остаюсь уважающим и искренно преданным. А. Чехов» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.40].

15. Склонность к комплиментарности и флирту при прощании с женщинами

«При одной мысли потерять Ваше благорасположение у меня волосы становятся дыбом... Знайте, несчастная раба хандры, что у Вас есть покорнейший слуга, готовый почистить Ваш давно не чищенный самовар А. Чехов» (Л.А. Камбуровой) – [Письма, т.1, с.36];

«Ваш от головы до пяток, всей душой и всем сердцем, до гробовой доски, до самозабвения, до одурения, до бешенства. Антуан Тшекóф. (Произношение кн. Урусова)» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.39];

«Жду Вас и мечтаю о Вашем приезде, как житель пустыни бедуин мечтает о воде. Всего хорошего! Ваш Antoine» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.98].

16. Пристрастие подписываться нетрадиционно

- Подпись-псевдоним:

«А. Чехонте» (И.И. Бабакину) – [Письма, т.1: с.72]; (М.П. Чеховой) – [Письма, т.2, с.71];

«А.Чехов или: А. Чехонте, М. Ковров, Человек без селезенки. Так я подписываюсь, работая в 6-7 изданиях» (Г.П. Кравцову) – [Письма, т.1, с.50].

- Шутливые подписи с намеком на социальную (профессиональную) принадлежность:

«Больных делов мастер». (Ю.И. Лядовой) – [Письма, т.1, с.35];

«Лекарь и уездный врач А. Чехов» (Н.А. Лейкин) – [Письма, т.1, с.115];

«Хирург патологии: А. Чехов» (П.Г. Розанову) – [Письма, т.1, с.155];

«Искренно преданный эскулап А. Чехов» (А.С. Суворину) – [Письма, т.2, с.292];

«D^r Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.23];

«Редактор: А. Чехов» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.1, с.241];

«Отставной младший сверхштатный чиновник А.Ч.» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.199].

- Подписи выдуманным именем:

«Граф Платов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.236, 241];

«Благороднов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.250];

«Твой Шиллер Шекспирович Гёте» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.155];

«Фуругельм» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.85];

«Ваш Эгмонт» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.282].

«Твой Цынцынатус» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.30];

«С почтением Не-Тихонов» (П.А. Сергеенко) – [Письма, т.5, с.154];

«Ваш Лаэрт из Таганрога» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.102].

«Искренно преданный Васенька» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.187].

- Подписи на иностранный манер:

«Ваш Антуан Чехов» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.189];

«Твой Antoine» (Ал.П. Чехову) – [П., т.2: с.184]. (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.198, 199];

- «Tuus bonus frater Antonius» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5. с.277];
- «A. Tschechhof» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1: с.14];
- «Votre (ваш. *франц.* – А.К.) А. Чехонте» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1. с.107];
- «Votre à tous (весь твой. *франц.* – А.К.) (Ал.П. Чехову, М.П. Чеховой) – [Письма, т.2, с.22, 39, 54];
- «Idem (он же. *лат.* – А.К.)» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.86];
- «Туус А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.276].

- Другие шуточные подписи:

- «Ваш папаша А. Чехов» (М.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.243];
- «Твой авторитет А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.233];
- «Ваш благодетель А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.77];
- «Твой недоброжелатель» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.138];
- «Готовая услуга А. Чехов». (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.44];
- «Ждущий и потолстевший А. Чехов» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.1, с.247].
- «Душевно преданный дебютант Антуан Чехов» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.185];
- «Будьте здоровы и верьте в доброжелательство искренне преданного Гения Чехова» (М.В. Киселевой) – [П., т.2, с.122];
- «Душевно преданный Сухой раз ^{ум}судок» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.193];
- «Известный интриган» (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.336];
- «Ваш виноватый кающийся *chef maître* А. Чехов (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.99].

17. Стремление оканчивать письма постскриптумом

- Преобладание бытовых и житейских новостей в постскриптуме

- «Портной принес новое пальто. Поздравляю: не все Ваши сотрудники ходят в старых пальто...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.127];
- «Нам на нашей даче купили новой мебели – семейная новость» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.201];
- «На днях я познакомился с очень эффектной француженкой, дочерью бедных, но благородных буржуа... Зовут ее не совсем прилично: M-lle Sirout...» (В.В. Билибину) – [Письма, т.1, с.197];
- «Нам прислали много хохлацкого сала и колбас. Вот блаженство!» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.175].

- Частотность бытовых и деловых просьб в постскриптуме

- «Только что получил от Ив. Соколова отгиск «Дома». Сообщи, как его по имени отчеству и где он живет. Хочу ответить ему тем же» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.229];
- «Только, пожалуйста, никому не говорите о моем участии в делах библиотеки. В «Новостях дня» недавно опять был напечатан вздор, довольно неприятный» (П.Ф.Иорданову) – [Письма, т.6, с.203];
- «10 бутылок пива Калинкина столового купи и отправь с Жоржем в Мелихово; при свидании сочтемся» (И.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.175].

- Пристрастие сообщать о погоде и о явлениях природы в постскриптуме

- «Погода плохая: ветер» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.243].

«Днем 2 градуса тепла, а ночью 13 гр. мороза» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.5, с.20]
 «Странно, скворцы улетели» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.5, с.32]
 «Погода отвратительная» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.200];
 «Прекрасная ночь. На небе ни облачка, а луна светит во всю ивановскую» (А.Н.Плещеев) – [Письма, т.2, с.286].

- Частотность сообщений о своих намерениях в постскриптуме

«Сажусь строчить в «Новое время» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.277].
 «Если будут деньги, то на Рождество увидимся» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.26];
 «О, господи, кхм... пора ехать в Житомир. Я уж готов» (Ю.И. Лядовой) – [Письма, т.1, с.31];
 «Буду писать еще. Хочется о Питере поговорить» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.175].

- Сообщение о третьих лицах в постскриптуме (оценка третьих лиц)

«Николай женится. Берет жгучую брюнетку с 20 тысячами приданого. Кроме денег: две перины, одна теща и много всякой всячины. Я задыхаюсь от зависти» (М.И.Морозовой) – [Письма, т.1, с.84];
 «А Леонтьева, Миша, все-таки хороша!» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.239];
 «А Амфитеатров хорошо пишет» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.127].

18. Стремление перейти на шуточный регистр общения в постскриптуме

- шуточный совет:

«Лопай!!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.185];
 «Поменьше ешьте» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.239];
 «Это письмо можешь через 50 лет напечатать в «Русской старине» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.97];

- шуточный вопрос-побуждение:

«Отчего бы Вам не принять православие?» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.1, с.237];
 «Не хочет ли Володя перейти в армянскую веру? Я написал бы Мирктичу в Эчмиадзин» (Г.М. Чехову) – [Письма, т.6, с.75];

- шуточный комплимент:

«Толстой Вас очень любит. Любил бы Вас и Шекспир, если бы был жив» (А.С.Суворину) – [Письма, т.5, с.224];

- шуточный упрек:

«Вы мне испортили почерк. После Ваших писем трудно писать разборчиво» (А.С.Суворину) – [Письма, т.6, с.95].

19. Допустимость жалобы в постскрипуме

«Денег нет! О ужас! Как только приеду в Сумы, тотчас же сяду строчить мелочь» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.248];

«Нужника нет. Приходится отдавать долг природе на глазах природы, в оврагах и под кустами. Вся моя задница искусана комарами» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.267];

«А знаете, я старею, чертовски старею и телом и духом. На душе, как в горшке из-под кислого молока» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.5, с.193];

«В общем скучно» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.5, с.74].

Уклонение от общения

1. Допустимость ухода от избыточного или нежелательного общения

По словам И.Н. Потапенко, А.П. Чехов не умел и не считал себя вправе отказаться принять незваного гостя или отвадить неприятного ему человека:

«Если ему неважно, он уйдет, спрячется или даже <...> «позорно бежит», но, пока он стоял лицом к лицу с человеком, каков бы ни был тот человек, он как бы считал своим долгом в лице его уважать человеческое достоинство» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.326].

Однако А.П. Чехову было свойственно избегать утомительного и избыточного общения, нередко нарушая тем самым нормы этикета. Чтобы избавиться себя от ненужного ему контакта с адресатом, писатель использовал свою излюбленную тактику «бегства», уезжая внезапно, обычно никого не предупредив (или предупредив одного из своих приятелей), мгновенно изменяя все свои планы.

Описание одного и того же случая «бегства» писателя от нежелательного общения находим в двух источниках: письме А.П. Чехова А.С. Суворину от 15 августа 1894 г. [Письма, т.5, с.309] и в воспоминаниях И.Н. Потапенко. Речь идет о случае, когда А.П. Чехов захотел показать И.Н.Потапенко свою родину, город Таганрог. Они составили план путешествия: сначала доехать до Ярославля, затем по Волге добраться до Царицина, потом до Калача, а оттуда в Таганрог. Когда они доехали до Нижнего, чтобы там пересесть на другой пароход, им встретился А.П.Сергеенко. А.П. Чехов, чтобы избежать с ним совместной поездки и

дальнейшего утомительного общения, решает отказаться от плана путешествия и уехать обратно в Москву:

«А.П. не выносил его за хвастовство, ломанье, болтовню, за отсутствие у него собственного духовного нутра и вследствие этого вечное пристегивание себя к какому-нибудь более сильному, чем он, – на таком определенном счету он у него был всегда, но никогда при встрече А.П. не показал ему и тени своего настоящего мнения о нем. Нет, он был любезен, шутив, радушен, проявлял по отношению к нему лучшее, что можно проявить к человеку. И таков А.П. был во всех подобных случаях. <...> **Я, конечно, не помню, что именно говорил Н. такого, от чего А.П. «стало душно, нудно и тошно», думаю даже, что ничего особенного и не было, но Чехов на эту встречу не рассчитывал и представил себе, как его общество и та необыкновенно серьезная околесина, какую он обыкновенно нес, отравят несколько часов, а может быть – и дней. И это заставило его мгновенно изменить весь план. Он выразительно взглянул на меня, бросил что-то первое попавшееся, а мне шепнул: «на вокзал», – и совершилось бегство» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.326-327].**

Иногда А.П. Чехов сбегал, обязав своего приятеля или родных принять гостя:

«Я знал, например, одного писателя (ныне умершего), который считал себя закадычным другом Чехова, и Антон Павлович относился к нему искренне и сердечно, но совершенно не мог выносить его, как он говорил, «трагического смеха». И помню, что однажды, пробыв в Москве только один день, А.П. пришел домой и объявил, что сейчас же уезжает в Мелихово.

– Почему?

– Встретил Н. Вчера приехал. Остановил извозчика, заключил меня в объятия, узнал, что я живу здесь, и объявил, что сегодня приедет к нам на весь вечер. Вот и тебе велел кланяться. Ну, так ты уж его прими, а обо мне скажи..., ну, скажи что хочешь.

И сколько я ни доказывал ему, что это можно устроить как-нибудь проще – уйти куда-нибудь, послать Н. записку, – он оставался непоколебим:

– Все равно он найдет меня и будет смеяться. Ведь он юморист и ужасно любит смеяться, – а это трагедия.

И он в тот же день уехал в деревню, несмотря на то, что у него в «Русской мысли» было дело, для которого он вновь приехал в Москву дней через пять» (И.Н.Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.303].

Характерно, что подобным образом писатель поступал в отношении своих многочисленных гостей и у себя дома, избрав для себя определенную привилегию, с которой всем приходилось считаться: Антон Павлович неожиданно уходил от компании и уединялся в своем рабочем кабинете:

«...он широко пользовался завоеванным себе правом: исчезать от гостей. Тогда из-за закрытой двери слышалось его покашливание и мерные шаги по комнате. Все привыкли к этим исчезновениям и знали, что, если соберется общество во вкусе А.П., он чаще появляется и даже сидит с ним...» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.377-378].

Поскольку А.П. Чехов постоянно находился в творческом процессе, случалось, что он мог неожиданно покинуть компанию также и в том случае, когда появлялась необходимость записать какую-либо мысль или набросать контур будущего произведения:

«Чехов положительно любил, чтобы около него всегда было разговорно и весело. Но все-таки чтобы он мог бросить всех и уйти к себе в кабинет записать новую мысль, новый образ» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986 с. 291];

«...случалось, что во время шумного разговора или музыки он вдруг исчезал, но ненадолго: через несколько минут он появлялся, и оказывалось, что в это время он был у себя в кабинете, где написал две-три строчки, которые сложились у него в голове. Так он делал довольно часто в течение дня» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.308].

2. Использование посредника для объяснения нежелательному собеседнику причин, по которым общение с ним адресанта не может состояться

Чеховские письма свидетельствуют о такой особенности коммуникативного поведения писателя, как стремление использовать посредника для отказа нежелательному собеседнику в общении:

«Сейчас сидит у меня Е.К. Маркова, которая когда-то жила у Вас. Она вышла замуж за художника Сахарова, очень милого нудного человека, который во что бы то ни стало хочет ехать со мной на Сахалин рисовать. Отказать ему в своем обществе у меня не хватает духа, а ехать с ним – это сплошная тоска. На днях он едет в Петерб^{ург} продавать свою картину и по просьбе своей супруги зайдет к Вам просить совета. Жена по сему случаю пришла просить у меня рекомендательного письма к Вам. Будьте благодетелем, скажите Сахарову, что я пьяница, мошенник, нигилист, буян, и что со мной ехать нельзя, и что поездка его в моем обществе испортит ему кровь и больше ничего. Скажите, что время его пропадает зря. <...> Голубчик, отсоветуйте!!! Почему ему понадобился именно Ваш совет, чёрт его знает» (А.С. Суворину) – [П., т.4: с.59-60].

Писатель не мог напрямую отказать нежелательному собеседнику в общении. Так, например, встречая такого собеседника, писатель вежливо и радостно приветствовал его и даже соглашался принять адресата, если тот напрашивался к А.П. Чехову в гости. Затем Антон Павлович спешил уехать из города, а ответственность за прием гостя перекладывал с себя на друзей или родных, просил своих родных и друзей избавить его от нежелательного общения:

«Сам он не мог не принять посетителя или тем более намекнуть на то, что он засиживался. Мало того, А.П. сердился, когда это делали за него, хотя и улыбался от

удовольствия, когда кто-нибудь удачно справлялся с таким посетителем. Если незнакомец слишком засиживался, А.П., бывало, приотворит дверь кабинета и вызовет к себе кого-нибудь из близких.

– Послушайте же, – шептал он ему убедительно, плотно притворяя дверь, – скажите же ему, что я не знаю его, что я же никогда не учился в гимназии. У него же повесть в кармане, я же знаю. Он останется обедать, а потом будет читать... Нельзя же так. Послушайте...» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.378-379].

3. Резко негативная реакция на предложение выступить публично

А.П. Чехов испытывал непобедимый, почти панический ужас к публичным выступлениям. В письмах он сам неоднократно признается адресатам в собственной боязни публичности:

«Что касается моего участия в Литературн<ом> вечере, то не тревожьте моего праха. Я читаю отвратительно, но это бы еще куда ни шло. Главное – у меня страх. Есть болезнь «боязнь пространства», так и я болен боязнью публики и публичности. Это глупо и смешно, но непобедимо. Я отродясь не читал и никогда читать не буду. Простите мне эту странность. Когда-то я играл на сцене, но там я прятался в костюм и в грим, и это придавало мне смелость» (А.И. Эртилю) – [Письма, т.5, с.181].

Можно отметить несколько этапов проявления резко негативной реакции писателя на предложение публично выступить:

1) невербальная реакция:

- мрачный вид;
- неразговорчивость;
- раздражительность;

2) самоирония, переходящая в сарказм:

- подготовка предполагаемого текста речи, моделирование стиля речи и сценария выступления;
- ироническая просьба к адресату не беспокоить больше адресанта предложениями публично выступить;

3) категорический отказ от публичного выступления:

- убеждение адресата в своей непригодности для роли публичного человека;
- предложение адресату или третьим лицам выступить вместо адресанта;

4) «бегство»:

– предупреждение друга или хорошего знакомого о возможном непосещении адресантом торжественного мероприятия и обращение к адресату с просьбой сгладить негативное впечатление публики от нарушения этических норм адресантом (перенос ответственности на другое лицо).

Современник писателя И.Н. Потапенко вспоминает случай, который ярко отражает эти особенности коммуникативной реакции А.П. Чехова на предложение выступить с торжественной речью. В Москву должен был приехать Д.В. Григорович. В Петербурге только что справили его юбилей, и В.М. Лавров, издатель журнала «Русская мысль», захотел тоже устроить писателю в Москве «филиальное чествование». Поскольку А.П. Чехов был гордостью московской литературной общественности, и у него с Д.В. Григоровичем были особые отношения, ведь старый писатель первый заметил талант Антона Павловича в его маленьких рассказах, А.П. Чехову поручили выступить с торжественной речью. И.Н. Потапенко описывает состояние А.П. Чехова, когда ему «всё это было поставлено на вид»:

«Антон Павлович впал в мрачность. Целый день с ним ни о чем нельзя было говорить. Он, обыкновенно ко всему и ко всем относившийся с добродушной терпимостью, для всех находивший извиняющие объяснения, вдруг сделался строг ко всем, просто огрызался, так что лучше было к нему не приставать. К вечеру он стал мягче. К нему вернулся его обычный юмор, и он от времени до времени прерывал свое молчание отрывочными фразами из какой-то неведомой, по-видимому, речи:

– Глубокоуважаемый и досточтимый писатель... Мы собрались здесь тесной семьей... – Потом, после молчания, опять: – Наша дружная писательская семья в вашем лице, глубокочтимый...

– Что это ты? – спросил я.

– А это я из твоей речи, которую ты скажешь на обеде в честь Григоровича.

– Почему же из моей? Ты бы лучше из своей что-нибудь.

– Так я же завтра уезжаю.

– Куда?

– В Мелихово.

Я возмутился:

– Как же так? Григорович, его письмо... Такие отношения... Наконец, разочарование Лаврова и всех прочих...

И тут он начал приводить свои доводы:

– Ведь это же понятно. Я был открыт Григоровичем и, следовательно, должен сказать речь. Не просто говорить что-нибудь, а именно речь. И при этом непременно о том, как он меня открыл. Иначе же будет нелюбезно. Голос мой должен дрожать, а глаза наполниться слезами. Я, положим, этой речи не скажу, потому что не умею. Но встанет Лавров – и расскажет, как Григорович меня открыл. Тогда подыметесь сам Григорович, подойдет ко мне, протянет руки и заключит меня в объятия и будет плакать от умиления. Старые писатели любят поплакать. Но это его дело, но самое главное, что и я должен буду

плакать, а я этого не умею. Словом, я не оправдаю ничьих надежд. Ведь ты же на себе испытал, что значит не плакать от умиления. <...>

А все то, что говорил Чехов, совсем не казалось ему шуткой. Он действительно испытывал страдание, представляя себя героем нарисованной им сцены. И, в сущности, сцена была изображена вполне правдиво. Так именно и должно было произойти. И вот за два дня до юбилейного обеда, когда из Петербурга была получена телеграмма, что юбиляр приедет, Антон Павлович уложил свои дорожные вещи и уехал в деревню, давши мне на прощанье такого рода ответственное поручение:

– А ты там как-нибудь уж... уладь. Главное успокой Лаврова.

Но уладить было трудно. В.М. Лавров чуть не заболел, когда узнал о бегстве А.П. Самый главный кирпич из его великолепной постройки выпал, и самая постройка грозила развалиться. Но, разумеется, все обошлось. Григорович приехал, обед состоялся» [А.П.Чехов в воспоминаниях современников, 1986, с.304-305].

Искренность и откровенность в общении

1. Стремление к искренности в общении с родными и близкими людьми

Для А.П. Чехова характерна высокая степень искренности в общении с родными и близкими людьми:

«Да, откровенно говоря, не понимаю я того писания к дорогим и близким людям, которое пишется по обязанности, а не в минуты хорошего настроения, когда не боишься ни за свою искренность, ни за размер письма. Теперь давайте побеседуем» (М.Е. Чехову) – [Письма, т.1, с.232].

«Так как наши письма, дорогой мой, дружеская, интимная беседа, то не показывайте их никому, кроме членов Вашей семьи» (М.Е. Чехову) – [Письма, т.1, с.235].

2. Стремление к откровенности в сообщении бытовых подробностей о своей жизни

Стремление к откровенности в сообщении о бытовых подробностях своей жизни ярко выражено в письмах, написанных А.П. Чеховым своим адресатам во время путешествий.

Антон Павлович стремится создать у адресата ощущение полного присутствия в том месте, где писатель оказался во время путешествия, он описывает во всех деталях не только место своего пребывания: какой дом, какие комнаты, какие полы, потолки, окна, мебель, но и посвящает собеседника в подробности интимного характера: в каком состоянии его тело, холодно ли ему или он вспотел от жары, в чем он одет, даже сообщает о степени свежести своего белья:

«Живу в Рогозиной Балке у Кравцова. Маленький домишко с соломенной крышей и сараи, сделанные из плоского камня. Три комнаты с глиняными полами, кривыми потолками и с окнами, отворяющимися снизу вверх... Стены увешаны ружьями, пистолетами, шашками и нагайками. Комоды, подоконники – всё завалено патронами, инструментами для починки ружей, жестянками с порохом и мешочками с дробью. Мебель хромая и облупившаяся. Спать мне приходится на чохоточном диване, очень жестком и необитом. **Сортиров, пепельниц и прочих комфортов нет за 10 верст в округности. Чтобы вспомнить m-Ле Сиру, нужно (не глядя на погоду) спускаться вниз в балку и облюбовывать куст; садиться рекомендуют не ранее, как убедившись, что под оным кустом нет гадюки или другой какой-нибудь твари»** (Чеховым, 30 апреля 1887 г., Рагозина Балка) – [Письма, т.2, с.75];

«Жарко невыносимо! **Варюсь в собственном поте. Мой красный шнурок на сорочке раскис от пота и пустил красный сок; рубаха, лоб, и подмышки хоть выжми. Кое-как спасаюсь купаньем...**» (Неустановленному лицу, 25 июля 1888 г., Сухум) – [Письма, т.2, с.302];

«Наконец поборол самые трудные 3000 верст, сижу в приличном номере и могу писать. Одежда я нарочно во всё новое и возможно щеголеватее, ибо **Вы не можете себе представить, до какой степени мне надоели грязные большие сапоги, полушубок, пахнущий дегтем, или пальто в сене, пыль и крошки в карманах и необычайно грязное белье»** (А.Н. Плещееву, 5 июня 1890 г., Иркутск) – [Письма, т.4, с.103-104].

3. Высокая степень откровенности в характеристиках своего физического состояния

Писатель довольно часто жаловался адресатам в письмах на свое физическое состояние. Возможно, именно такую откровенность имеет в виду А.С. Лазарев-Грузинский, говоря, что в письмах Чехова рассыпана «масса интимных вещей» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.117].

Степень откровенности писателя в оценках своего физического состояния достаточно высока. В письмах не только близким, но и адресатам, с которыми Чехов был скорее в деловых отношениях, чем в дружеских, он говорит о своих болезнях и физиологических потребностях как врач, без ложной стыдливости. Он мог даже сообщить адресату о таких интимных подробностях, о каких не принято говорить:

«**У меня геморрой.** Сидячая жизнь – не единственная причина. Эксцессы in Vascho et Venere, болезни сердца, печени, кишок играют немалую роль в этиологии. **У меня геморрой наследственный, т. е. наследственна склонность вен к расширению. У меня узлы не только in gesto, но и на голених, так что, того и гляди, образуются язвы. Голени мои страждут, я думаю, оттого, что я мало сижу, а всё шагаю»** (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.88];

«**«Все дни меня «несет». Бегаю днем и ночью. Ночью чистое мучение: потемки, ветер, трудно отворяемые скрипучие двери, блуждание по темному двору, подозрительная тишина, отсутствие газетной бумаги...»** (Чеховым) – [Письма, т.2, с.63].

«Вчера ездил глядеть море. Хорошо! Одна только беда: желудочно-кишечный катар от перемены воды и пищи. То и дело бегаю. А ватер-клозеты здесь на дворе, у чёрта на куличиках... Пока добежишь, так успеешь подвергнуться многим неприятным случайностям» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.55];

«У меня растёт брюшко и начинается импотенция. После тропиков простудился: кашель, жар по вечерам и голова болит» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.146].

4. Низкая степень откровенности в характеристиках своего душевного состояния

Большинство современников указывает, что А.П. Чехов был человеком закрытым и сдержанным. О его чрезвычайной сдержанности свидетельствует и тот факт, что он никогда не плакал:

«Я спрашивал Евгению Яковлевну (мать Чехова) и Марию Павловну:

– Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь?

– Никогда в жизни, – твердо отвечали обе» (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.499].

Писатель не любил раскрывать свою душу. Сблизится с ним до такой степени, чтобы вызвать его на откровенность было непросто:

«В доме Чехова вообще не очень любили раскрывать свои души, и все хорошие персонажи у него деликатны, молчаливы и сдержанны» – (Вл.И. Немирович-Данченко) [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.292];

«Сближение наше шло очень медленно, – в этом отношении мы оба были люди трудные. У меня это происходило скорее от неуверенности в себе, у него же, как я думаю, от осторожности. Его всегдашнее спокойствие, ровность, внешний холод какой-то, казавшейся непроницаемой броней, окружали его личность. Казалось, что этот человек тщательно бережет свою душу от постороннего глаза» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.296].

А.П. Чехов, безусловно, стремился к сближению с собеседником, но сохранял все же определенную дистанцию с ним. Со своими адресатами, за редким исключением, А.П. Чехов был приветлив, дружелюбен, вежлив, но всегда несколько сдержан.

5. Разная степень искренности в выражении очных и заочных оценок творческой деятельности другого лица

У А.П. Чехова была разная степень искренности в выражении очных и заочных оценок творческой деятельности другого лица. Писатель старался избегать крайних оценок и категорических высказываний «в глаза»

собеседнику, даже если он был ему неприятен. Давая же кому-либо оценку заочно, Антон Павлович не стеснялся в выражениях.

Подтверждение нашим выводам находим в письмах А.П. Чехова, где нередко встречаются негативные оценки некоторых писателей, и выражения явно дискредитирующие их. В то же время, в личных письмах дискредитируемому заочно адресату писатель довольно часто употребляет лестные выражения, комплименты, похвалы и даже вежливые приглашения в гости. Так, например, в одном из писем И.Л. Леонтеву (Щеглову) А.П. Чехов сообщает, что он «величина», ставя в заслугу многие его произведения, в том числе и «Дачного мужа» [Письма, т.2, с.204-205], а в письме А.Н. Плещееву пишет, что эта пьеса его раздражает своей моралью:

«Пьеса очень легка и смешна и в то же время раздражает: к турньюру дачной жены прицеплена мораль. **Я такого мнения, что если милый Жан будет продолжать в духе «Дачного мужа», то его карьера как драматурга не пойдет дальше капитанского чина. Нельзя жевать всё один и тот же тип, один и тот же город, один и тот же турнюр. Ведь кроме турнюр и дачных мужей на Руси есть много еще кое-чего смешного и интересного. Во-вторых, надо бросить дешевую мораль»** (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.3, с.10].

В воспоминаниях современников также есть свидетельства о разной степени искренности очных и заочных чеховских оценок относительно лиц, занимающихся творческой деятельностью:

«**В первое время меня неприятно поражало, когда я слышал, как он в разговорах, особенно с писателями, высказывал об их произведениях суждения или проявлял к ним отношение, не соответствовавшее тем мнениям, которые приходилось от него слышать в их отсутствие. Это же можно сказать и про многие места в его письмах.** Но, присмотревшись внимательно, я понял, что это не фальшь, а результат опять-таки его необычайной деликатности и боязни кого-нибудь задеть, обидеть. И в конце концов и в разговорах и в письмах он в мягкой, крайне осторожной форме высказывал все-таки свое настоящее мнение. Может быть, только не всегда все до конца» (И.Н. Алтшуллер) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.544].

В одном из разговоров с И.А. Буниным А.П. Чехов и сам косвенно признается в своей неискренности очных оценок творческой деятельности некоторых адресатов, чтобы их «не обижать»:

«Многим это покажется очень странным, но это так: он не любил актрис и актеров, говорил о них:

– На семьдесят пять лет отстали в развитии от русского общества. Пошлые, насквозь прожженные самолюбием люди. Вот, например, вспоминаю Соловцова...

– Позвольте, – говорю я, – а помните телеграмму, которую вы отправили Соловцовскому театру после его смерти?

– Мало ли что приходится писать в письмах, телеграммах. Мало ли что и про что говоришь иногда, чтобы не обижать...» (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.487].

6. Низкая степень искренности в оценках своего финансового положения в общении с мало знакомым собеседником

А.П. Чехов нередко был неискренним с адресатом из-за боязни показаться собеседнику несостоятельным человеком, поскольку чувство собственного достоинства оставалось для писателя преобладающим. Как известно, Антон Павлович часто не брал деньги за врачебную помощь: с мелиховских крестьян – по принципиальным соображениям, а с богатых пациентов – с целью «сохранения собственного лица», говоря при этом, что он очень богатый человек и ни в чем не нуждается, но потом выражал в письмах друзьям и близким свое сожаление, что не воспользовался случаем:

«По пути я практикую. В местечке Рейнове на Амуре, где живут одни только золотопромышленники, некий муж пригласил меня к своей беременной жене. **Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачечку ассигнаций; мне стало стыдно, и я начал отказываться, уверяя, что я очень богатый человек и не нуждаюсь.** Супруг пациентки стал уверять, что он тоже очень богатый человек. Кончилось тем, что я сунул ему обратно пачечку и у меня все-таки осталось в руке 15 рублей. **Вчера лечил мальчика и отказался от 6 рублей, которые маменька совала мне в руку. Жалею, что отказался**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.128].

Низкая степень искренности в оценках своего финансового положения проявлялась у А.П. Чехова и тогда, когда он просил деньги на благотворительность у состоятельных людей:

«В Биаррице живет теперь мой сосед, владелец знаменитой Отрады, граф Орлов-Давыдов, бежавший от холеры; он выдал своему доктору на борьбу с холерой только 500 руб. Его сестра, графиня, живущая в моем участке, когда я приехал к ней, чтобы поговорить о бараке для ее рабочих, держала себя со мной так, как будто я пришел к ней наниматься. **Мне стало больно, и я солгал ей, что я богатый человек. То же самое солгал я и архимандриту, который отказался дать помещение для больных, которые, вероятно, случатся в монастыре**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.106].

7. Высокая степень искренности в оценках своего финансового положения в общении с хорошо знакомым собеседником

«Ваше Благородие! Если хотите, чтоб блондинка была Вашей (30000!!!), то дайте мне займы под проценты на кратчайший срок 5-10 руб. **Дожился до того, что в**

карманах нет даже тени денег. Что я честный человек и не спускаю с лестницы своих кредиторов, Вам известно. Ваш А. Чехов.

Р.С. Альбом, который Вы мне обещали, можете взять себе в счет долга. Расходы – ужас!! Было сегодня утром 3 целкаша, мечтал прожить на них *minimum* 2 суток, а сейчас, кроме золотой турецкой лиры, – ни черта!» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.206].

«Я банкрот... Денег, хоть удавите, нет... Просто хоть в альфонсы нанимайся. Когда месяц кончится, Вы поторопите Вашего казначея утолить мою жажду» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.1, с.186].

Деликатность общения

1. Реакция на неделикатность посетителя вежливой сдержанностью

Реакция А.П. Чехова на неделикатность посетителей всегда была негативной, но писатель чаще всего выражал ее в присутствии адресата имплицитно, а после его ухода – эксплицитно и эмоционально. Поэтому можно отметить два этапа проявления чеховской реакции.

В доме А.П. Чехова всегда было много посетителей (особенно после его поездки на о. Сахалин). По свидетельствам современников писателя, многие из непрошенных гостей донимали Антона Павловича и даже раздражали его. Но, по свойственной А.П. Чехову, деликатности, он со всеми оставался ровен, терпеливо-внимателен и доступен всем, желавшим его видеть. Эта деликатность, по словам А.И. Куприна, доходила порою до той трогательной черты, которая граничит с безволием:

«Надо сказать правду: далеко не все посетители щадили время и нервы А.П.–ча, а иные так просто были безжалостны. Помню я один случай, поразительный, почти анекдотически невероятный по тому огромному запасу пошлости и неделикатности, который обнаружил лицо аристократического как будто звания.

Было хорошее, нежаркое, безветренное летнее утро. А.П. чувствовал себя на редкость в легком, живом и беспечном настроении. И вот появляется, точно с неба, толстый господин (оказавшийся впоследствии архитектором), посылает Чехову свою визитную карточку и просит свидания, А.П. принимает его. Архитектор входит, знакомится и, не обращая никакого внимания на плакат: «Просят не курить», не спрашивая позволения, закуривает вонючую огромную рижскую сигару. Затем, отвесив, как неизбежный долг, несколько булыжных комплиментов хозяину, он приступает к приведшему его делу.

Дело же заключалось в том, что сынок архитектора, гимназист третьего класса, бежал на днях по улице и, по свойственной мальчикам привычке, хватался на бегу рукой за все, что попадалось: за фонари, тумбы, заборы. В конце концов, он напоролся рукой на колючую проволоку и сильно оцарапал ладонь. «Так вот, видите ли, глубокоуважаемый А.П., – заключил свой рассказ архитектор, – я бы очень просил вас напечатать об этом в корреспонденции. Хорошо, что Коля ободрал только ладонь, но ведь это – случай! Он мог

бы задеть артерию – и что бы тогда вышло?» – Да, все это очень прискорбно, – ответил Чехов, – но, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Я не пишу, да никогда и не писал корреспонденций. Я пишу только рассказы». – «Тем лучше, тем лучше! Вставьте это в рассказ, – обрадовался архитектор. – Пропечатайте этого домовладельца с полной фамилией. Можете даже и мою фамилию проставить, я и на это согласен... Или нет... все-таки лучше мою фамилию не целиком, а просто поставьте литеру: господин С. Так, пожалуйста... А то ведь у нас только и осталось теперь два настоящих либеральных писателя – вы и господин П.» (и тут архитектор назвал имя одного известного литературного закройщика).

Я не сумел передать и сотой доли тех ужасающих пошлостей, которые наговорил оскорбленный в родительских чувствах архитектор, потому что за время своего визита он успел докурить сигару до конца, и потом долго приходилось проветривать кабинет от ее зловонного дыма. Но едва он наконец удалился, А.П. вышел в сад совершенно расстроенный, с красными пятнами на щеках. Голос у него дрожал, когда он обратился с упреком к своей сестре Марии Павловне и к сидевшему с ней на скамейке знакомому:

– Господа, неужели вы не могли избавить меня от этого человека? Прислали бы сказать, что меня зовут куда-нибудь. Он же меня измучил!» (А.И. Куприн) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.517-518].

2. Деликатное пристыживание адресата в качестве реакции на его необязательность

Реагируя на необязательность адресата-делового партнера, А.П. Чехов в общении с ним демонстрирует умение одновременно быть деликатным и принципиальным. Писатель пытается пристыдить собеседника, неоднократно напоминая ему о том, что он поставил адресанта в глупое и смешное положение, что он мог бы с самого начала отказаться помогать адресанту и не брать на себя обременительных обязательств. А.П. Чехов также перечисляет все факты, когда слова адресата расходились с делом, однако писатель вежливо выражает недовольство происходящим:

«Проф. Д<ьяконов> сообщил мне вчера, что в мое отсутствие Вы ему несколько раз писали насчет издания «Х<ирургической> л<етописи>». Меня это удивило, так как я думал, что переговоры давно уже кончены. Эти длинные переговоры, признаюсь, поставили меня в глупое и смешное положение, в котором я никогда не бывал раньше. Вспомните, я ведь не навязывался к Вам с «Х<ирургической> л<етописью>», я просил Вас издавать этот журнал только лишь при добром желании и несколько раз подтвердил, что в случае каких-либо колебаний и сомнений браться за издание нельзя. Вы отнеслись на словах к предложению моему сочувственно и даже благодарили меня на вокзале, что я дал Вам такое «хорошее дело», но письма моего Вы не послали Дьяконову; я же потом вел себя так, как будто письмо было послано, всюду трезвонил, что журнал устроен, поздравлял хирургов, все меня благодарили, и я принимал благодарности. <...> Вы могли бы написать прямо мне; Ваш отказ от издания я принял бы с легким сердцем, потому что к Вам и к Вашему делу я относился всегда с полным сочувствием и с полным доверием, и отказ был бы в порядке вещей, и в нем я не нашел бы ничего оскорбительного. Но вы почему-то предпочли отказывать и обещать в одно и то же время, и притом обещать мне, а

отказывать Д<ьяконову>. Для чего? Простите, всё это мне неприятно. Конечно, проф. Д<ьяконов> извинит меня; журнал будет устроен, но забыть того, что я пережил благодаря Вам, я уже не могу. Убедительно Вас прошу больше ничего не писать Д<ьяконову> и прекратить переговоры» (И.Д. Сытину) – [Письма, т.6, с.81-82].

Реакция А.П. Чехова на несвоевременное выполнение обещаний близкими людьми также негативная, но писатель старается сохранить с адресатами хорошие отношения и не доводить дело до конфликта. Чехов в течение большого промежутка времени может настойчиво требовать от них выполнения обещания, используя тактику укора, но при этом старается быть деликатным, сдерживаться от грубых высказываний и смягчать формулировки извинениями и оправданиями, использовать ласковые обращения и прощания:

«Пупсик, читал сегодня в газетах про "Одиноких" и поразился. Старайся, лошадка, награда тебе будет. А с каким удовольствием я посмотрю "Одиноких"! Посмотрю не раз, а пять раз. Дня три назад пришло от Маши извещение, что валенки куплены. Ждал я сегодня, ждал вчера и наконец рукой махнул. У бабушки ревматизм, а я без бумаги W. W. в самом гнусном положении. А насчет бумаги я прошу с самого сентября... Быть может, я пишу непонятно. В прошлом году была история с адресом, а в этом году с "какой-то гостиницей" и вот с бумагой. Просто не пойму, в чем дело» (О.Л. Книппер-Чеховой, 12 ноября, 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.305];

«Милая Маша, мать и Настя выезжают во вторник 18-го ноября, почтовым. Они останутся у Вани. Все благополучно, 7-го ноября было от тебя письмо о том, что валенки высылаются; сегодня уже 15-е, а нет ни валенок, ни бумаги W., которую я жду с самого сентября. Настроение такое, что я даже боюсь письма писать, чтобы не нагрубить. Английский журнал и яблоки привезет мать. Будь здорова и благополучна. Нового ничего нет. Твой А.» (М.П. Чеховой, 15 ноября, 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.307];

«Милый мой дусик, не писал тебе так долго, потому что был сильно не в духе и боялся наговорить в письме глупостей. <...> Если не высылали еще валенок и бумаги W, то и не высылайте. Надо бы мне было еще в сентябре телеграфировать Мюру, а я не догадался. <...> У меня характер несносный, прости меня, дусик. Целую тебя и крепко обнимаю. Твой А.» (О.Л. Книппер-Чеховой, 16 ноября, 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.307-308];

«Сижу без бумаги W. Испытываю мучительное раздражение уже недели три. Ну, будь здорова, господь с тобой. Обнимаю мою лошадку и целую. Твой А.» (О.Л.Книппер-Чеховой, 17 ноября, 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.309];

«Милая моя, многотерпеливая жена, лошадка моя, сегодня наконец посылка пришла. От валенок и туфель бабушка в восторге, приходила благодарить, другие туфли я поставил у матери на столе; а полочка очень красива или показалась мне таковою. Спасибо, родная! И прости мне, прости мое ворчанье; но что же делать, если я мучился все время» (О.Л. Книппер-Чеховой, 20 ноября, 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.309].

3. Отсутствие стремления монополизировать разговор

В кругу мало знакомых собеседников, в больших шумных компаниях, на публичных мероприятиях А.П. Чехов предпочитал больше слушать и отвечать на вопросы, чем говорить. Он никогда не доминировал в общении с собеседниками, не пытался монополизировать разговор, однако всегда стремился поддержать беседу и внимательно выслушать своего адресата:

«Слушал внимательно, часто из любезности, но часто и с интересом. Сам же молчал, молчал до тех пор, пока не находил определения своей мысли, короткого, меткого и исчерпывающего. Скажет, улыбнется своей широкой летучей улыбкой и опять замолчит» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с. 285];

«По обыкновению мы и в этот раз засиделись до поздней ночи и говорили о литературе и общественной жизни. Чехов показался мне малоразговорчивым, каким он и был на самом деле. Говорил он охотно, но больше отвечал, не произнося, так сказать, монологов» (В.Н. Ладыженский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986, с.212].

4. Ровность в общении с людьми разных возрастов, рангов, профессий и сословий

Большинство современников А.П. Чехова указывают на такую черту его коммуникативной личности, как ровность в общении с людьми разных возрастов, рангов и сословий, отмечая при этом еще одну особенность писателя: держать при этом некоторую коммуникативную дистанцию со своими собеседниками:

«Случалось, что собирались у него люди самых различных рангов: со всеми он был одинаков, никому не оказывал предпочтения, никого не заставлял страдать от самолюбия, чувствовать себя забытым, лишним. И всех неизменно держал на известном расстоянии от себя» (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.491];

«Я глубоко убежден в том, что Чехов с одинаковым вниманием и с одинаковым проникновенным любопытством разговаривал с ученым и с разносчиком, с просящим на бедность и с литератором, с крупным земским деятелем и с сомнительным монахом, и с приказчиком, и с маленьким почтовым чиновником, отсылавшим его корреспонденцию» (А.И. Куприн) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.524-525];

«Неволи, деспотизма и рабства, в каких бы формах они не проявлялись, Антон Павлович не выносил и всегда, когда мог пресекал их в корне.

– Когда я уезжаю в Москву, говорил он, – хозяином в усадьбе остается брат Иван. В доме сейчас же устанавливается другой режим: демократические свободы заменяются самовластием. Брат, вступив в свои права хозяина, старается нашу прислугу – горничную, кухарку, дворника – за малейшую оплошность подтянуть, нашуметь, накричать, а в результате – одно озлобление и неприязнь к нему. **Стоит мне вернуться из Москвы, как**

самодержавие летит к черту и опять наступает полоса демократических свобод» (М.Е. Плотов) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.225];

«К молодым, начинающим писателям Чехов был неизменно участлив, внимателен и ласков. Никто от него не уходил подавленным его огромным талантом и собственной малозначительностью» (А.И. Куприн) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.526-527].

Характерно, что А.П. Чехов проявлял коммуникативный демократизм и по отношению к детям:

«Чехов относился к детям не как к «маленьким дурачкам» и говорил с ними не как с существами, созданными для забавы взрослых, а как с людьми, у которых на все своя оригинальная точка зрения» (Б.А. Лазаревский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.580].

5. Мягкость в споре

«Чехов спорил мягко, со своей вспыхивающей улыбкой; расхаживал по кабинету крупными шагами, заложив руки в карманы; не как «боец», без азарта» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.291];

«Чуждый всякой полемики, он спорил очень мягко. Бывало, только и слышишь его ровный, чуть надтреснутый басок:

– Что вы, что вы, как можно! Полноте!...» (Б.А. Лазаревский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.580];

«Длинных объяснений, долгих споров не любил. Это была какая-то особенная черта» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.285].

Если писателю не удавалось переубедить адресата, он прерывал разговор и больше не возвращался к затронутой теме.

Тематика общения

1. Повышенный интерес к литературной тематике общения

Литературная тематика доминирует в общении А.П. Чехова, именно к ней он проявляет наибольший интерес во все периоды своей жизни и деятельности.

В чеховских письмах встречаем большое количество критических оценок литературных произведений молодых писателей, советов совершенствовать язык их произведений, чаще вращаться в литературной среде, «жить возле пишущих», «жить литературой»:

«Еще совет: читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов. У Вас так много определений, что вниманию читателя

трудно разобраться и оно утомляется. Понятно, когда я пишу: "человек сел на траву"; это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. **Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: "высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь".** Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду» (А.М. Пешкову (М. Горькому)) – [Письма, т.8, с.258-259];

«Ваши лучшие вещи "В степи" и "На плотях" - писал ли я Вам об этом? <...> **Единственный недостаток – нет сдержанности, нет грации.** Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. **В Ваших же затратах чувствуется излишество.** Описания природы художественны; Вы настоящий пейзажист. **Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т.п. – такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными;** красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как "зашло солнце", "стало темно", "пошел дождь" и т. д. – и эта простота свойственна Вам в сильной степени, как редко кому из беллетристов» (А.М. Пешкову (М. Горькому)) – [Письма, т.8, с.11-12];

«...литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции. Что бы Вы там ни говорили, Вы вкусили от литературы, Вы отравлены уже безнадежно, Вы литератор, литератором и останетесь. **Естественное же состояние литератора – это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой. Не боритесь же с естеством, покоритесь раз навсегда - и переезжайте в Петербург или Москву. Бранитесь с литераторами, не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними»** (А.М. Пешкову (М. Горькому)) – [Письма, т.8, с.206].

Во многих письма А.П. Чехов сообщает собеседникам о своем отношении к современным ему писателям, обменивается с адресатами своими впечатлениями об их произведениях:

«Толстого я люблю очень. Говоря о новых писателях, Вы в одну кучу свалили и Мельшина. Это не так. **Мельшин стоит особняком, это большой, не оцененный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может, и не напишет больше того, что уже написал.** Куприна я совсем не читал. Горький мне нравится, но в последнее время он стал писать чепуху, чепуху возмутительную, так что я скоро брошу его читать. "Смиранные" – хороши, хотя можно было бы обойтись без Бухвостова, который своим присутствием вносит в рассказ элемент напряженности, назойливости и даже фальши. Короленко чудесный писатель. Его любят - и недаром. Кроме всего прочего, в нем есть трезвость и чистота» (Л.А.Авиловой) – [Письма, т.8, с.121-122].

«В своем письме Вы упоминаете о Горьком. **Вот кстати: как нравится Вам Горький? Мне не всё нравится, что он пишет, но есть вещи, которые очень, очень нравятся, и для меня не подлежит сомнению, что Горький сделан из того теста, из которого делаются художники. Он настоящий. Человек он хороший, умный, думающий и вдумчивый, но на нем и в нем много ненужного груза, напри(м)ер его провинциализм»** (Ф.Д. Батюшкову) – [Письма, т.9, с.26];

«Ты в восторге от пьесы Л(уначарского), но ведь это пьеса дилетантская, написанная торжественным классическим языком, потому что автор не умеет писать просто, из русской жизни. Этот Л(уначарский), кажется, давно уже пишет, и если порыться, то, пожалуй, можно отыскать у меня его письма. "Осенью" Бунина сделано

несвободной, напряженной рукой, во всяком случае купринское "В цирке" гораздо выше. "В цирке" - это свободная, наивная, талантливая вещь, притом написанная несомненно знающим человеком. Ну, да бог с ними! Что это мы о литературе заговорили? (О.Л. Книппер-Чеховой) – [Письма, т.10, с.182].

А.П. Чехов обсуждает с собеседниками и особенности собственного процесса написания художественного произведения:

«Вы выразили желание в одном из Ваших писем, чтобы я прислал интернациональный рассказ, взявши сюжетом что-нибудь из местной жизни. Такой рассказ я могу написать только в России, по воспоминаниям. Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично» (Ф.Д. Батюшкову) – [Письма, т.7, стр.123].

Рассказывает собеседникам о нюансах своей кропотливой работы над произведением, когда оно уже написано, но требует многократной шлифовки:

«Корректуру я читаю не для того, чтобы исправлять внешность рассказа; обыкновенно в ней я заканчиваю рассказ и исправляю его, так сказать, с музыкальной стороны» (В.М. Соболевскому) – [Письма, т.7, с.102];

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич, посылаю Вам рукопись. Пожалуйста, пришлите корректуру, так как рассказ еще не окончен, не отделан и будет готов лишь после того, как я перепачкаю вдоль и поперек корректуру. Отдельвать я могу только в корректуре, в рукописи же я ничего не вижу» (Ф.Д. Батюшкову) – [Письма, т.7, с.142].

А.П. Чехову свойственно выводить жизненные закономерности, связанные с его литературной деятельностью:

– «чем больше пишу, тем меньше денег»;

– «чем веселее мне живется, тем мрачнее выходят мои рассказы»;

– «мрачные люди, меланхолики пишут всегда весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску»:

«Я заметил, что чем больше я пишу, тем меньше у меня денег. Подметил я и еще один закон природы: чем веселее мне живется, тем мрачнее выходят мои рассказы» (А.А. Хотяинцевой) – [Письма, т.7, с.108-109];

« ... когда я пишу, то мне кажется, что я пишу мрачно. Замечено, что мрачные люди, меланхолики пишут всегда весело, а жизнерадостные своими писаниями нагоняют тоску. А я человек жизнерадостный; по крайней мере первые 30 лет своей жизни прожил, как говорится в свое удовольствие» (Л.А. Авиловой) – [Письма, т.7, с.67].

Более подробно о литературной тематике общения см. ниже: параметр «Оценочность» (Художественные произведения и творческая деятельность).

2. Интерес к театральной тематике общения

С 1898 г. одной из основных тем чеховских писем становится тема театра. Возникновение огромного интереса к этой теме связано с созданием в этом году Художественно-общедоступного театра и знакомством с О.Л.Книппер. Писатель начинает активно участвовать в жизни театра, даже корректирует его название:

«Сестра в восторге от Художест(венного) театра. Кстати: **Художественный театр – это хорошее название, так бы и оставить следовало. А Художественно-общедоступный – это нехорошо звучит, как-то трехполенно**» (Вл.И. Немировичу-Данченко) – [Письма, т.8, с.17].

Центральной темой писем А.П. Чехова периода 1900-1903 гг. становится тема, связанная с написанием и постановкой его пьес «Три сестры» и «Вишневый сад». Писем на эту тему очень много, самое большое количество в это время, целый массив писем (с января 1900 г. по ноябрь 1903 г.). Тема театра в письмах А.П. Чехова разворачивается в несколько этапов:

1) сообщения о том, как рождается его пьеса, о «муках» этого рождения:

«Пьеса («Три сестры». – А.К.) начата, кажется, хорошо, но я охладел к этому началу, оно для меня опошилось – и я теперь не знаю, что делать» (О.Л. Книппер, 20 августа 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.103];

«Ужасно трудно было писать "Трех сестер". Ведь три героини, каждая должна быть на свой образец, и все три - генеральские дочки! Действие происходит в провинциальном городе, вроде Перми, среда - военные, артиллерия» (А.М. Пешкову (М. Горькому)) – [Письма, т.9, с.133].

«Она (пьеса «Вишневый сад». – А.К.) чуть-чуть забрезжила в мозгу, как самый ранний рассвет, и я еще сам не понимаю, какая она, что из нее выйдет, и меняется она каждый день» (О.Л. Книппер, 20 августа 1902 г., Ялта) – [Письма, т.10, с.174];

2) сообщения о процессе переработки написанной пьесы:

«Переписываю свою пьесу («Три сестры». – А.К.) и удивляюсь, как я мог написать сию штуку, для чего написать. Сейчас я пойду к морю, буду сидеть там и читать газеты, а потом, вернувшись домой, стану переписывать – и завтра уже вышлю Немировичу III акт, а послезавтра IV - или оба вместе. В III акте я кое-что изменил, кое-что прибавил, но очень немного» (О.Л. Книппер, 15(28) декабря, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.152];

«**Переписываю пьесу («Вишневый сад». – А.К.), скоро кончу, голубчик, клянусь в этом. Как пошлю, буду телеграфировать. Уверяю тебя, каждый лишний день только на пользу, ибо пьеса становится все лучше и лучше и лица уже ясны. <...> Клянусь, что пьеса готова, уверяю тебя тысячу раз; если не прислал до сих пор, то потому только, что переписываю слишком медленно и переделываю по обыкновению во время переписки**» (О.Л. Книппер, 9 октября 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.269];

«В пьесе («Вишневый сад». – А.К.) кое-что надо переделать и доделать, для этого достаточно, мне кажется, 15 минут. Не доделан IV акт и кое-что надо пошевелить во II, да, пожалуй, изменить 2-3 слова в окончании III, а то, пожалуй, похоже на конец "Дяди Вани". Если пьеса теперь не сгодится, то не падай духом, лошадка, не унывай, через месяц я ее так переделаю, что не узнаешь. Ведь я ее писал томительно долго, с большими антрактами, с расстройством желудка, с кашлем» (О.Л. Книппер, 17 октября 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.276];

3) сообщения о том, что пьеса готова, косвенное выражение беспокойства о будущей ее судьбе, умаление достоинств пьесы:

«"Три сестры" уже готовы, но будущее их, по крайней мере ближайшее, покрыто для меня мраком неизвестности. Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю - неудобная, потому что в ней, например, 4 героини и настроение, как говорят, мрачней мрачного. Вашим артистам она очень и очень бы не понравилась, если бы я послал ее в Александринский театр. Как-никак, всё же я пришлю ее Вам. Прочтите и решайте, стоит ли летом везти ее на гастроли» (В.Ф. Комиссаржевской, 13 ноября 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.139-140];

«Насчет своей пьесы («Вишневый сад». – А.К.) не имею никаких определенных ожиданий, она надоела мне и потому не нравится» (О.Л. Книппер, 15 октября 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.275];

4) запросы информации, как идут репетиции; советы актерам, как играть героев пьесы; рекомендации, какие делать декорации:

«Напиши, как идут репетиции, какое идет уже действие и т. д. Вообще, как идет дело, не лучше ли отложить пьесу («Три сестры». – А.К.) до будущего сезона» (О.Л. Книппер, 26 декабря 1901 г., Ницца) – [Письма, т.9, с.165];

«Опиши мне хоть одну репетицию "Трех сестер". Не нужно ли чего прибавить или что убавить? Хорошо ли ты играешь, дуся моя? Ой, смотри! Не делай печального лица ни в одном акте. Сердитое, да, но не печальное. Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются часто. Так и ты частенько задумывайся на сцене, во время разговоров. Понимаешь? Конечно, ты понимаешь, потому что ты умная» (О.Л. Книппер, 26 декабря 1901 г., Ницца) – [Письма, т.9, с.172-173];

«Дорогой Константин Сергеевич, конечно, для III и IV актов можно одну декорацию, именно с передней и лестницей. Вообще, пожалуйста, насчет декораций не стесняйтесь, я подчиняюсь Вам, изумляюсь и обыкновенно сижу у Вас в театре разинув рот. Тут и разговоров быть не может; что Вы ни сделаете, все будет прекрасно, в сто раз лучше всего того, что я мог бы придумать. Дуня и Епиходов при Лопухине стоят, но не сидят. Лопухин ведь держится свободно, барином, говорит прислуге ты, а она ему – вы» (К.С. Алексею (Станиславскому), 10 ноября 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, стр. 302].

Неоднократно А.П. Чехов акцентирует внимание адресатов-актеров на том, как должна быть показана нервность героя на сцене:

«Я Мейерхольду писал и убеждал в письме **не быть резким в изображении нервного человека**. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где – на улицах и в домах – Вы видите мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? **Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, т.е. не ногами и не руками, а тоном, взглядом; не жестикующей, а грацией. Тонкие душевные движения, присущие**

интеллигент(ным) людям, и внешним образом нужно выражать тонко. Вы скажете: условия сцены. Никакие условия не допускают лжи» (О.Л. Книппер, 2 января 1900 г., Ницца) – [Письма, т.9, с.7];

«Теперь о нервности. Не следует подчеркивать нервности, чтобы невропатологическая натура не заслонила, не поработила того, что важнее, именно одинокости, той самой одинокости, которую испытывают только высокие, притом здоровые (в высшем значении) организации. <...> Я знаю, Константин Сергеевич будет настаивать на этой излишней нервности, он отнесется к ней преувеличенно, но Вы не уступайте; красотами и силою голоса и речи не жертвуйте такой мелочи, как акцент. Не жертвуйте, ибо раздражение в самом деле есть только деталь, мелочь» (В.Э. Мейерхольду, начало октября 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.275].

5) запрос информации от адресатов и сообщение адресатам о том, как идет пьеса:

«Как прошли "Три сестры"? Телеграфируйте мне так: Alger, post. rest. Телеграфируйте подлиннее, не щадя живота моего» (О.Л. Книппер, 26 января (8 февраля) 1901 г., Ницца) – [Письма, т.9, с.192];

«... "Три сестры" идут великолепно, с блеском, идут гораздо лучше, чем написана пьеса. Я прорежиссировал слегка, сделал кое-кому авторское внушение, и пьеса, как говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон» (Л.В.Средину, 24 сентября 1901 г., Москва) – [Письма, т.10, с.84].

В своих письмах А.П. Чехов касается и темы народных театров, в этом смысле примечательно его письмо Вл.И. Немировичу-Данченко от 2 ноября 1903 г.:

«Кстати сказать, и народные театры, и народная литература – все это глупость, все это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ поднимать к Гоголю» [Письма, т.11, с.294].

3. Интерес к обсуждению культуры

Не менее важной для А.П. Чехова темой является тема культуры. В своих путешествиях по городам России и Европы писатель обращает внимание, прежде всего, на культуру общения и быта местных жителей, на умение их со вкусом одеваться, правильно и вкусно питаться, соблюдать чистоту и порядок, строить красивые дома. Во многих письмах он отмечает высокую культуру европейских городов, особенно французских и итальянских:

«За границей стоит пожить, чтобы поучиться здешней вежливости и деликатности в обращении. Горничная улыбается, не переставая; улыбается, как герцогиня на сцене, – и в то же время по лицу видно, что она утомлена работой. Входя в вагон, нужно поклониться; нельзя начать разговора с городовым или выйти из магазина, не сказавши "bonjour". В

обращении даже с нищими нужно прибавлять "monsieur" и "madame"» (И.П. Чехову, 2 (14) октября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.64];

«Природа здешняя меня не трогает, она мне чужда, но я страстно люблю тепло, люблю культуру... А культура прет здесь из каждого магазинного окошка, из каждого лукошка; от каждой собаки пахнет цивилизацией» (А.И.Сувориной, 10 (22) ноября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.98];

«Восхитительная голубоглазая Венеция шлет всем вам привет. Ах, синьоры и синьорины, что за чудный город эта Венеция! Представьте себе город, состоящий из домов и церквей, каких вы никогда не видели: архитектура упоительная, всё грациозно и легко, как птицеподобная гондола. Такие дома и церкви могут строить только люди, обладающие громадным художественным и музыкальным вкусом и одаренные львиным темпераментом.» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.203].

Немцев А.П. Чехов хвалит за пунктуальность, честность, аккуратность, хозяйственность, умение вкусно готовить и критикует за отсутствие вкуса и таланта:

«Ах, немцы! Как они (за весьма (не)большими исключениями) пунктуальны! <...> Нигде нет такого хорошего хлеба, как у немцев; и кормят они необыкновенно. Я, больной, в Москве питался сухими сухариками из домашнего хлеба, так как во всей Москве нет порядочного, здорового хлеба» (П.Ф. Иорданову, 12 (25) июня 1904 г. Баденвейлер) – [Письма, т.12, с.119];

«Самое нехорошее здесь, резко бросающееся в глаза – это костюмы местных дам. Страшная безвкусица, нигде не одеваются так мерзко, с совершенным отсутствием вкуса. ... Зато здесь, в Берлине, живут очень удобно, едят вкусно, берут за все недорого, лошади сытые, собаки, которые здесь запрягаются в тележки, тоже сытые, на улицах чистота, порядок» (М.П. Чеховой, 8 (21) июня 1904 г., Берлин) – [Письма, т.12, с.117];

«Не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса, но зато порядок и честность, хоть отбавляй. Наша русская жизнь гораздо талантливее, а про итальянскую или французскую и говорить нечего. (М.П. Чеховой, 16 (29) июня 1904 г., Баденвейлер) – [Письма, т.12, с.123-124].

Более подробно о данной тематике общения см. ниже: параметр «Оценочность» (Группы лиц; Города).

4. Интерес к природной и географической тематике общения

Темы природы и погоды проходят через большинство писем А.П. Чехова. Писатель сохраняет к ним интерес до конца жизни. Самые подробные описания природы, погоды, ландшафта встречаются в чеховских письмах, написанных во время путешествий. Эти описания самые эмоциональные и поэтичные:

«С вершины стен с любопытством глядят вниз кудрявые деревья... Голова кружится! Это Дарьяльское ущелье, или, выражаясь языком Лермонтова, теснины Дарьяла. Господа туземцы свиньи. Ни одного поэта, ни одного певца... Жить где-нибудь

на Гадауре или у Дарьяла и не писать сказки – это свинство!» (К.С. Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.309];

«Кавказ Вы видели. Кажется, видели и Военно-грузинскую дорогу. Если же Вы еще не ездили по этой дороге, то заложите жен, детей, «Осколки» и поезжайте. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ, написанный демоном, который влюблен в Тамару» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.2, с.311].

В письмах мелиховского и особенно ялтинского периодов А.П. Чехов часто делится с адресатами впечатлениями от собственного сада, за которым он ухаживает с большой любовью, рассказывает, что посадил и собирается посадить в саду:

«Выписываю из Сухума чудесные ирисы, каких ты отродясь не видывала. ... Выписал 10 флоксов, которые посажу в одну кучу, и маку. Не выписать ли артишоков и спаржи? Напиши. У нас для них есть хорошее место» (М.П.Чеховой, 29 января 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, стр.136];

«Посадил ирисов, но, вероятно, в этом году цвести не будут. Ирисы замечательные, каких ты отродясь не видывала» (М.П. Чеховой, 22 февраля 1903 г., Ялта – [Письма, т.11, стр.159-160].

Когда А.П. Чехов бывает в отъезде, он не перестает думать о саде и почти в каждом письме напоминает своим близким, что надо делать в саду, дает распоряжения и советы, как правильно ухаживать за растениями:

«Скажите Арсению, чтобы он теперь же, не дожидаясь, подвязал розы и все деревья; если что сломается от ветра, то виноват будет он. Если дождя не было, то пусть польет вишни, посаженные под забором» (Е.Я. Чеховой, 25 сентября 1901 г., Москва) – [Письма, т.10, стр.85];

«Милая Маша, то растение, что у меня в кабинете, луковицей снаружи, нужно поливать раз в три дня. Березу раз в неделю тремя ведрами. Розы раз в неделю обстоятельно. Камелии и азалию дождевой водой. Эвкалипт находится среди камелий и хризантем, его поливать возможно чаще, каждый день» (М.П. Чеховой, 30 мая 1901 г., пароход, по пути в Аксеново – [Письма, т.10, стр.36].

Чувствуется, что тема сада очень приятна Чехову, подтверждение этому находим в его письмах, где он признается адресатам, что с удовольствием бы был садовником:

«Произошло чудо: у меня в саду в грунту расцвела камелия – явление в Ялте, кажется, небывалое. Она перезимовала, пережила 8-гр(адусные) морозы. **Мне кажется, что я, если бы не литература, мог бы быть садовником**» (М.О. Меньшикову, 20 февраля 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, стр.58];

«Я теперь целые дни копаюсь в саду, погода чудесная, теплая, всё в цвету, птицы поют, гостей нет, просто не жизнь, а малина. **Я литературу совсем бросил, а когда женюсь на тебе, то велю тебе бросить театр и будем вместе жить, как плантаторы**» (О.Л. Книппер-Чеховой, 16 марта 1901 г., Ялта) – [Письма, т.9, стр.229].

Более подробно о природной и географической тематике общения см. ниже: параметр «Оценочность» (Погода; Природа).

5. Частотность тем о благотворительности

Важная тема в чеховском общении – проблема благотворительности. Всю свою жизнь писатель кому-нибудь помогал и призывал к этому других. Сначала это была помощь советом, участием, деньгами отдельным людям: молодым писателям, больным, неимущим, детям крестьян:

«Не забудь: на Рождестве сотскому Григорию дать 1 рубль, священнику, когда приходит с крестом, не давать меньше 3 р. (ведь мы, кроме денег, ничего не даем!); узнай, сколько в Талежской школе мальчиков и девочек, и, посоветовавшись с Ваней, купи для них подарков к Рождеству. Беднейшим валенки; у меня в гардеробе есть шарфы, оставшиеся от прошлого года, можно и их пустить в дело. Девочкам что-нибудь поцветистее; конфет не нужно» (М.П. Чеховой, 25 ноября (7 декабря) 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, стр.107].

Поездка на Сахалин вызвала потребность у Чехова заниматься общественными проблемами. Зимой 1891-1892 гг. он принимает активное участие в помощи голодающим крестьянам Воронежской губернии, собирает для них деньги. С марта 1892 г. он оказывает бесплатную медицинскую помощь мелиховским крестьянам, делает всё возможное, чтобы не допустить распространение холеры в 26 деревнях Серпуховского уезда, куда его прикрепили санитарным врачом, от денежного вознаграждения он всегда отказывается. Кроме этого писатель хлопочет о строительстве шоссейной дороги в Лопасню. Особенно много он уделяет внимания вопросу строительства общественно необходимых зданий, занимается вопросом создания на станции почтового отделения. В 1897 г. Чехов, несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, хлопочет о постройках школ в деревнях Новоселки, Степыгине, Мелихове. Не охладевает он к теме строительства школ и в последующие годы. В письмах Чехова мы находим свидетельства о его стремлении обсуждать эту тему с собеседниками:

«Прежде всего насчет школьных планов. Я выстроил три школы, и считаются они образцовыми. Выстроены они из лучшего материала, комнаты 5 арш(ин) вышины, печи голландские, у учителя камин, и квартира для учителя не маленькая, в 3-4 комнаты. Две

школы обошлись по 3 тыс., а третья, меньшая, - около 2 тыс. с немногим. Я пришлю Вам фасады всех трех школ, попрошу кого-нибудь снять фотографию; пришлю и планы со всеми размерами, взятыми, кстати сказать, не произвольно, а на основании инструкции, выработанной губернским земством. Только не стройте в этом году, подождите будущего лета» (А.С. Суворину, 26 июня 1899 г., Москва) – [Письма, т.8, стр.213].

В Ялтинский период его благотворительная деятельность приобретает еще большую активность. Он продолжает давать многочисленные советы, как проводить благотворительные акции, отдает многочисленные конкретные распоряжения и поручения о благотворительной помощи разным людям, музеям, учреждениям, высказывает активную готовность оказывать благотворительную помощь. А.П. Чехов также пишет разным адресатам, влиятельным знакомым, чтобы они приняли участие в ком-то, помогли, познакомили с нужными людьми и т.д. Он сам оказывает материальную помощь больным туберкулезом, приехавшим в Ялту на лечение, часто через третьих лиц, просит не называть его имени, взывает к общественности о помощи в создании санатория для чахоточных больных, просит собеседников ходатайствовать о размещении воззвания в печатных изданиях:

«Одолевают чахоточные бедняки. Если бы я был губернатором, то выслал бы их административным порядком, до такой степени они смущают мое сытое и теплое спокойствие! Видеть их лица, когда они просят, и видеть их жалкие одеяла, когда они умирают, – это тяжело. **Мы решили строить санаторию, я сочинил воззвание; сочинил, ибо не нахожу другого средства. Если можно, пропагандируйте сие воззвание через нижегородские и самарские газеты, где у Вас есть знакомства и связи. Может быть, пришлют что-нибудь»** (А.М. Пешкову (М.Горькому), 25 ноября 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, стр. 312];

«Одолевают приезжие чахоточные; обращаются ко мне, я теряюсь, не знаю, что делать. Придумал воззвание, собираем деньги, и если ничего не соберем, то придется бежать вон из Ялты. **Прочтите воззвание сие и, если найдете нужным, напечатайте хоть несколько строк в "Пр(иазовском) крае". Напирайте на то, что мы хотим устроить санаторию.»** (А.Б. Тараховскому, 22-26 ноября 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, стр. 314-315].

Находясь за границей, писатель беспокоится о постройке клиники кожных болезней:

«Многоуважаемый Михаил Александрович, будьте добры, **припомните один из наших разговоров – насчет клиники кожных болезней, и напишите мне поскорее, сколько нужно денег для постройки клиники, и если достаточно 120 тысяч, то телеграфируйте мне по адресу: Pension Russe, Nice. Содержание этого письма пока пусть останется между нами. Желаю Вам всего хорошего. Ваш А. Чехов»** (М.А.Членову, 6 (19) января 1901 г., Ницца) – [Письма, т.9, стр. 177].

Несколько лет писатель занимается организацией музея в Таганроге и сбором книг для таганрогской библиотеки. Живя в Ялте, Чехов продолжает заниматься благотворительной деятельностью и в родном Таганроге:

«Помнится, Вы хотели сделать меня членом приюта. Пожалуйста, сделайте из меня и со мной всё, что только для Таганрога из меня можно сделать, отдаю себя в полное Ваше распоряжение. Членский взнос для приюта - 100 р. посылаю переводом по почте. Если эти деньги нужно подавать при заявлении, то пришлите - я подпишу. Тараховский писал, что в Таганроге открылись воскресные классы (кажется, так) и что мне следовало бы записаться в члены. Против этого я тоже ничего не имею» (П.Ф. Иорданову, 11 декабря 1899 г. Ялта) – [Письма, т.8, с. 328].

Деловые письма на тему благотворительности четкие, конкретные. Мысли в них писатель часто излагает по пунктам. Тема благотворительности в дружеских письмах сквозная, А.П. Чехов ее не выделяет в ряду других тем, никогда не придает большой значимости своим благотворительным делам.

6. Частотность описаний своего времяпровождения

«День прошел весело. Ночью ходил в Кремль слушать звон, шлялся по церквям; вернувшись домой во 2-м часу, пил и пел с двумя оперными басами, которых нашел в Кремле и притащил к себе разговляться...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.237];

«Милый Алексей Сергеевич, поздравляю Вас с постом, с днями молитвы, покаяния и лицемерия. Пост начался для меня отвратительно: после гульевой ночи вернулся домой в 10^{1/2} часов утра и спал до 5 часов вечера. Ужинал вчера в фойе коршевского театра с актерами, актрисами и генералами. <...> Я пил немного, но беспорядочно, мешал ликеры с коньяком. Теперь чувствую в своем нутре гнетущую пустоту; такое состояние, точно внутри у меня пропасть с холодными стенами» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.159].

7. Частотность подробных описаний своего жилища и быта в нем

В некоторые периоды своей жизни А.П. Чехов уделяет значительное место описаниям своего жилища и быта в нем. Чаще всего к подробным описаниям Чехов прибегает во время путешествий, а также во время обустройства своего собственного дома – мелиховский период и ялтинский период.

С начала февраля и по начало июня 1892 г. в письмах А.П. Чехова встречается много бытовых подробностей о его имении в Мелихово. Писатель в деталях рассказывает своим адресатам (Ал.П. Чехову, А.С. Суворину, Н.А. Лейкину, В.А. Тихонову, Ф.О. Шехтелю, А.С. Киселеву, и

др.), как покупал имение, как его обустраивает, докладывает, какие деревья и цветы посадил, какие спилил, какие деревья цветут, какая ягода поспекает, какие у него домашние животные и птицы, спрашивает совета у адресатов, имеющих опыт в сельскохозяйственных делах, делится с адресатом своими хозяйственными планами. Почти всем собеседникам, которых приглашает к себе в гости, А.П. Чехов описывает свое имение подробно и долго.

«Не было хлопот, так купила баба поросю! Купили и мы поросю – большое, громоздкое имение, владельцу которого в Германии непременно дали бы титул герцога. 213 десятин на двух участках. Чересполосица. Больше ста десятин лесу, который через 20 лет будет походить на лес, теперь же изображает собою кустарник. <...> Фруктовый сад. Парк. Большие деревья, длинные липовые аллеи. Сарай и амбары недавно построены, имеют довольно приличный вид. Курятник сделан по последним выводам науки. Колодезь с железным насосом. Вся усадьба огорожена от мира деревянною оградой на манер полисадника. Двор, парк и гумно также отделены друг от друга оградями. Дом и хорош и плох. Он просторнее московской квартиры, светел, тепел, крыт железом, стоит на хорошем месте, имеет террасу в сад, итальянские окна и проч., но плох он тем, что недостаточно высок, недостаточно молод, имеет снаружи весьма глупый и наивный вид, а внутри преизбыточествует клопами и тараканами, которых можно вывести только одним способом – пожаром; всё же остальное не берет их.

Есть парники. В саду, в 15 шагах от дома, пруд (15 саж^{ен} длины и 5 ширины) с карасями и линями, так что рыбу можно ловить из окна. За двором другой пруд, которого я еще не видел. В другом участке есть речка, вероятно скверная. В трех верстах река широкая, рыбная. Посеяно 14 десятин ржи. Будем сеять овес и клевер. Клевер уже купили по 10 р. за пуд, а на овес денег нет. <...> Ах, если бы Вы могли к нам приехать! Это было бы изумительно хорошо» (А.С. Киселеву, 7 марта 1892 г., Мелихово) – [Письма, т.5, 18-19].

С июня 1892 года А.П. Чехов перестает так подробно рассказывать собеседникам о своем мелиховском имении и хозяйственных делах в нем, ограничиваясь в последующих письмах краткими сообщениями. Видимо, степень актуальности мелиховского события снизилась из-за того, что деревенская жизнь и ее заботы стали надоедать писателю (см. письмо Ф.О.Шехтелю от 7 июня 1892 г. [Письма, т.5, 74]). И с другой стороны, такое значимое событие, как холера, заставляет Чехова отвлечься от хозяйственных дел и бросить все силы на борьбу с эпидемией.

С 1899 года, когда Чехов продает мелиховское имение и поселяется в Ялте, в его переписке опять увеличивается количество сообщений о бытовых подробностях его жизни, о доме, о саде. Бытовые сообщения Чехова

ялтинского периода не такие объемные, как сообщения мелиховского периода:

«В саду из 70 роз, посаженных осенью, не принялось только 3. Лилии, ирисы, тюльпаны, туберозы, гиацинты - всё это ползет из земли. Вербя уже позеленела; около той скамьи, что в углу, уже давно пышная травка. Цветет миндаль. Я по всему саду наставил лавочек, не парадных с чугунными ногами, а деревянных, которые выкрашу зеленой краской. Сделал три моста через ручей. Сажаю пальмы. Вообще новостей много, так много, что Вы не узнаете ни дома, ни сада, ни улицы» (О.Л. Книппер, 14 февраля 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.51].

Видно, что тема сада и дома для него значима. Обычно писатель любит сообщать бытовые подробности о своем саде и доме М.П. Чеховой и О.Л.Книппер.

8. Частотность подробных описаний своего плохого физического состояния

«Болен я доселе. Настроение духа мерзкое, ибо и денег нет (в июле я нигде не работал), и домашние обстоятельства не радуют... Погода сволочная» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.254];

«Мое Вам почтение, недугующий Николай Александрович! Извещаю Вас, что я тоже не ударил лицом в грязь и не отстаю от Вас по части недугов. У меня несколько болезней, весьма беспокойных и буквально отравляющих мое существование: 1) геморрой с шишками и зудом, 2) катарисце кишок, ничем не побеждаемый и, вероятно, обуславливаемый качествами здешней воды, 3) бронхит с кашлем и, наконец, 4) воспаление вены на левой ноге – болезнь, задержавшая меня в Таганроге. Теперь и считайте: у кого больше всяких пакостей, у Вас или у меня?» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.69];

«Милый Сарду, у меня кашель, насморк, сап, импотенция, гидрофобия и проч. и проч. Кроме того, я зол, как ящерица, которой наступила собака на хвост, и занят по самое горло. В-третьих, квартира моя изображает из себя госпиталь. Больны и моя фамилия и прислуга» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.3, с.300].

Иногда жалобы на здоровье приобретают ироническую форму:

«Здоровье мое – грусть! Пхе!» (Е.К. Сахаровой) – [Письма, т.1, с.253];

«Мой геморрой дает себя знать, как квартальный на пожаре. Нет моей мочи!» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.1, с.176];

«Понеможку болею и мало-помалу обращаюсь в стрекозиные мощи. Если я умру раньше Вас, то шкаф благоволите выдать моим прямым наследникам, которые на его полки положат свои зубы» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.1, с.261];

«Милая Книппуша, собака моя, здравствуй! <...> У нас дожди, сыро. Не выхожу. Зато часто бегаю в W. - все-таки гимнастика» (О.Л. Книппер-Чеховой) – [Письма, т.11, с.304].

9. Интерес к медицинской тематике преимущественно как источнику естественно-научных знаний и материала для писательской деятельности

Некоторые современники указывают, что А.П. Чехов не любил разговоров на медицинские темы и нехотя давал врачебные советы, если его спрашивали:

«Должен сказать, что я почти никогда не вспоминал о том, что он врач; ничем он не давал повода вспомнить об этом, никогда не вел он разговора о медицине и медицинском. <...> Когда к нему обращались за врачебным советом, он отделялся самыми общими местами, и видно было, что он хотел поскорее кончить разговор» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.308-310].

Несмотря на то, что А.П. Чехов добросовестно справлялся с обязанностями участкового врача в своем уезде, боролся с эпидемией холеры, в его письмах неоднократно встречаются жалобы на то, что приходится исполнять долг врача:

«Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, – это, сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.104];

«Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно. <...> Все это противно, должен я это сказать. Девочка с червями в ухе, поносы, рвота, сифилис – тьфу! Сладкие звуки и поэзия, где вы?» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.220].

Однако писатель мог долго расспрашивать собеседника, даже незнакомого, о его болезни и проявлял неподдельный профессиональный интерес:

«Не могу забыть, как однажды, в вагоне, во время нашего переезда из Москвы в Мелихово, соседом нашим оказался какой-то кашлявший субъект. Он сейчас же познакомился с ним. Сосед оказался помещиком Вологодской губернии.

Антон Павлович с каким-то особенным интересом начал расспрашивать его о болезни, а когда тот с недоумением и недоверием посмотрел на него, он твердо сказал:

– Я – врач» (И.Н. Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.312-313].

Будучи уже известным писателем, А.П. Чехов неоднократно шутил о том, какое место в его жизни занимают литература и медицина:

«Медицина – моя законная жена, литература – незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключать друг друга» (И.И. Островскому) – [Письма, т.5, с.169-170].

Однако напрашивается другой вывод: литературная деятельность для А.П. Чехова несоизмеримо важнее и интереснее, чем медицинская. Большая часть его писем посвящена литературному творчеству, тогда как письма, затрагивающие медицинскую тематику, обычно кратки и редки. Собеседников Чехова из писательской среды также намного больше, чем из медицинской.

По всей видимости, медицина волновала А.П. Чехова как источник естественнонаучных знаний и необходимого материала для писательской деятельности. Подтверждение этой мысли находим в воспоминаниях товарища писателя по университету Г.И. Россолимо:

«...Мы провели время в долгой беседе на темы, которые сами собой обычно всплывали при наших встречах, – о товарищах по курсу, о научных новостях в медицине, о современной литературе и особенно часто о литературном творчестве. <...> Особенно интересны были его рассуждения на тему о влиянии медицины и естественных наук на него как на беллетриста; эти мысли он включил в присланную мне вскоре затем свою автобиографию для помещения в юбилейный сборник нашего университетского выпуска» (Г.И. Россолимо) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.430-431].

Манера изложения мыслей

1. Пристрастие излагать свои мысли по пунктам

На протяжении всей жизни у А.П. Чехова сохранилось пристрастие излагать свои мысли по пунктам. К этому приему он, видимо, прибегает, чтобы не тратить время на создание текста со всеми его внутритекстовыми связями, но при этом упорядочить разнородную информацию:

«1) Погода продолжает быть очаровательной. Днем жарко, по вечерам луна. 2) Мурзак проигрывает. Кукла выезжает кататься. Вчера были розовые бантики. 3) Моль оказалась симпатичной фигурой. Скоро она уезжает в Москву, и я, конечно, воспользуюсь сим случаем, чтобы отправить домой штопор. 4) Вчера и третьего дня пил у баронессы чай. 5) Осел уже не кричит. Очевидно, он кричал только для Вас. 6) В Монте-Карло был, но еще не играл. 7) Мурзак и Кукла велели Вам кланяться. 8) Вера Дмитриевна завивается. Она еще может нравиться. 9) Евреи ходят каждый день. Для удобства хочу перейти в иудейскую веру. 10) Прислали корректуру. Вчера и сегодня работал, но в общем

едва наработал два гроша. 11) Adieu! Иду покупать штопор. Ваш А. Чехов» (А.А.Хотяинцевой, 21 января (2 февраля) 1898 г., Ницца) – [Письма, т.7, стр.156-157].

В подобных письмах Антон Павлович обычно использует фразы типа:
«*отвечаю на Ваше письмо по пунктам*»:

«Уважаемый Николай Александрович! Ваше письмо получил и шлю спасибо в квадрате. Спешу ответить. Вы начинаете тем, что я не исполняю Ваших указов. Аллах керим! **Буду обелять себя по пунктам: ...**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.156];

«**Отвечаю, добрейший Казимир Станиславович, на Ваши письма по пунктам:...**» (К.С. Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.220];

«Г. губернский секретарь! Ваше гнусное письмо, подписанное Вашим не менее гнусным именем, мною получено и брошено в сортир. **Отвечаю на него по пунктам:...**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.165].

2. Стремление к краткости и информативности изложения

Во многих чеховских письмах замечаем стремление писателя в малом объеме высказывания сообщить как можно больше информации. Он добивается этого, описывая подробности в виде длинных цепочек перечислений:

«Здесь (в Ницце. – А.К.) очень тепло и солнечно. Комары кусаются жестоко. **Море. Пальмы. Эвкалипты. Олеандры. Женщины. Апельсины.** Здоровье превосходно» (О.Г.и Мих.П. Чеховым) – [Письма, т.7, с.58];

«Харцызская. 12 часов дня. Погода чудная. <...> **Курганчики, водокачки, стройки** – всё знакомо и памятно. <...> **Хохлы, волы, коршуны, белые хаты, южные речки, ветви Донецкой дороги с одной телеграфной проволокой, дочки помещиков и арендаторов, рыжие собаки, зелень** – всё это мелькает, как сон... Жарко. <...> 5-ый час. Видно море. Вот она, ростовская линия, красиво поворачивающаяся, **вот острог, богадельня, дришпаки, товарные вагоны... гостиница Белова, Михайловская церковь с топорной архитектурой...** Я в Таганроге» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.56-57].

3. Частое изложение своих мыслей вслух неожиданно для собеседника

Многие современники А.П. Чехова (например, А.И. Куприн, И.А. Бунин, И.Л. Леонтьев-Щеглов, А.А. Хотяинцева) отмечают, что Антону Павловичу было свойственно высказывать свои мысли вслух или задавать собеседнику неожиданные вопросы не в лад разговору:

«Кто из знавших его близко не помнит этой обычной, излюбленной его фразы, которую он так часто, иногда даже совсем не в лад разговору, произносил вдруг своим уверенным тоном:

– *Послушайте, а знаете что? Ведь в России через десять лет будет конституция*» (А.И. Куприн) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.517];

«Он умел слушать и расспрашивать, как никто, но часто, среди живого разговора, можно было заметить, как его внимательный и доброжелательный взгляд вдруг делался неподвижным и глубоким, точно уходил куда-то внутрь, созерцая нечто таинственное и важное, совершавшееся в его душе. Тогда-то А.П. и делал свои странные, поражающие неожиданностью, совсем не идущие к разговору вопросы, которые так смущали многих. Только что говорили и еще продолжают говорить о неомарксистах, а он вдруг спрашивает: «Послушайте, вы никогда не были на конском заводе? Непременно поезжайте. Это интересно» (А.И. Куприн) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.523-524].

Регулятивность в общении

1. Высокая степень коммуникативной доминантности в общении с родными

Современники отмечают, что А.П. Чехов чувствовал себя старшим в семье, ответственным за судьбы своих близких. Это чувство писателя передавалось и его родным. Дом жил по заведенному им распорядку:

«В Мелихове А.П., окруженный родными, вел тихую жизнь, наполненную чтением книг, которых выписывал множество, и неторопливой работой. Жили тут отец его Павел Егорович, мать, Евгения Яковлевна, сестра, Марья Павловна, и младший брат, Михаил Павлович. **Но, несмотря на присутствие в доме старших родных, главой его был А.П. Во всем господствовали его вкусы, все делалось так, чтобы ему нравилось»** (И.Н.Потапенко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.306].

В письмах А.П. Чехова особенно ярко коммуникативная доминантность проявлялась по отношению к братьям Александру и Николаю. В письмах к ним (особенно в ранних) часто присутствуют назидания, нравоучения и наставления:

«Кстати об эстетике. **Извини, голубчик, но будь родителем не на словах только. Вразумляй примером. <...> Дисциплинируй, брат, Катек! <...> Не бранись вслух!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.89];

«... **самолюбие надо бросать, ибо ты не маленький... 30 лет скоро! Пора! Жду... Все мы ждем...**» (Н.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.225].

2. Высокая степень коммуникативной доминантности в женском обществе

В эмоциональном дружеском общении с женщинами А.П. Чехов умел монополизировать разговор, быть очень остроумным, шутить, устраивать розыгрыши. Он часто становился центром внимания в женском обществе:

«...он был неиссякаемо остроумен и умел монополизировать разговор. Успех у женщин имел огромный» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.289].

3. Стремление к педагогической доминантности

Стремление А.П. Чехова к педагогической доминантности чаще всего проявляется в письмах начинающим писателям. При этом их возраст для Антона Павловича не имеет значения. Так, например, своих ровесников Н.М.Ежова и А.С. Лазарева (Грузинского) А.П. Чехов отчитывает и поучает как школьников. Он укоряет их в лености, отсутствии внутренней дисциплины, требует от них больше писать, читать, «воспитывать в себе вкус к хорошему языку»:

«Вы дурно делаете, что ленитесь и мало пишете. Вы «начинающий» в полном смысле этого слова и не должны под страхом смертной казни забывать, что каждая строка в настоящем представляет капитал в будущем. Если теперь не будете приучать свою руку и свой мозг к дисциплине и фарсированному маршу, если не будете спешить и подструнивать себя, то через 3-4 года будет уже поздно. Я думаю Вам и Грузинскому следует ежедневно и подолгу гонять себя на корде. Вы оба мало работаете. Надо лупить вовсю, направо и налево. <...> Одним словом, бить бы Вас обоих, да нельзя: оба чиновные люди...» (Н.М. Ежову, 27 октября, 1887 г., Москва) – [Письма, т.2, с.139]

«Читайте побольше; Вам нужно поработать над языком, который грешит у Вас грубоватостью и вычурностью – другими словами, Вам надо воспитать в себе вкус к хорошему языку, как воспитывают в себе вкус к гравюрам, хорошей музыке и т. п. Читайте побольше серьезных книг, где язык строже и дисциплинированнее, чем в беллетристике. Кстати же запасетесь и знаниями, которые не лишни для писателя. Вот Вам и наставление на закуску!» (Н.М. Ежову) – [Письма, т.4, с.11-12];

«Надо рассказ писать 5–6 дней и думать о нем всё время пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтоб каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась» (А.С. Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.4, с.36].

В дружеских письмах А.П. Чехов также любит показать себя ментором:

«Барышням, едушим учиться за границу, **надо говорить**: 1) кончайте сначала в России, а потом поезжайте за границу для усовершенствования, если посвятите себя научной деятельности; наши женские учебные заведения, например медицинские курсы, превосходны, 2) знаете ли вы иностранные языки, 3) евреи уезжают учиться за границу по необходимости, ибо они стеснены, а вы зачем едете? **Вообще нужно отчитывать сих барышень**. Очень многие едут за границу только потому, что не умеют учиться» (О.Л.Книппер-Чеховой) – [Письма, т.11, с.160-161].

4. Нравоучительность и морализаторство

Данный признак в коммуникативной личности А.П. Чехова очень ярко появляется в:

- стремлении к открытому нравоучению и морализаторству

Эту черту своей коммуникативной личности писатель осознавал. В одном из писем своему адресату А.П. Чехов, шутя над собой, пишет:

«Читайте мне мораль и не извиняйтесь. **Ах, если б Вы знали, как часто в своих письмах я читаю мораль молодым людям! Даже в привычку вошло.** У меня фразы длинные, размазанные, а у Вас коротенькие. У Вас лучше выходит» (А.С. Суворину, 26 декабря 1888 г., Москва) – [Письма, т.3, с.105].

Стремление А.П. Чехова к морализаторству ярче всего просматривается в ранних письмах братьям: Николаю и Александру (с 1879 г. по 1888 г.). Несмотря на то, что братья старше Антона Павловича, писатель нередко доминирует в общении с ними, демонстрируя позицию более опытного и мудрого человека. В 1886 году тенденция писателя к морализаторству проявляется наиболее ярко. А.П. Чехов пишет 4 серьезных письма-поучения (нравоучения): три – брату Александру и одно – Николаю, в которых пытается воздействовать на их поведение, отношение к людям и к жизни.

Письма братьям, написанные в рамках жанра поучения (нравоучения), свидетельствуют о том, что в речевом поведении А.П. Чехова при общении с Александром и Николаем проявляется отсутствие компромиссов, используется тактика давления и подчинения адресата своей позиции. Писатель дает критическую оценку действиям собеседника, разъясняет «истину» через воплощение в наглядном примере и нередко в качестве примера предлагает свою модель поведения.

В письме брату Николаю А.П. Чеховым составлен даже своеобразный «моральный кодекс» для интеллигентного человека:

«Дело в том, что жизнь имеет свои условия... **Чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть среди нее чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть известным образом воспитанным... <...> Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять следующим условиям:**

1) Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... <...>.

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом. <...>.

3) Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5) Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздохнули и нянчились с ними. Они не говорят: «Меня не понимают!» или: «Я разменялся на мелкую монету! Я б<...>!!», потому что всё это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...

6) Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями, рукопожатие пьяного Плевако, восторг встречного в Salon'e, известность по портерным... <...>.

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом. <...> К тому же они безгловы...

8) Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... <...> Им нужны от женщины не постель, не лошадиный пот, <...> не ум, выражающийся в умении надуть фальшивой беременностью и лгать без усталости... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не <...>, а матерью... Они не трескают походку водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи. Пьют они только, когда свободны, при случае... Ибо им нужна mens sana in corpore sano (здоровый дух в здоровом теле (лат.). – А.К.)

И т. д. Таковы воспитанные... **Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монолог из «Фауста».** Недостаточно сесть на извозчика и поехать на Якиманку, чтобы через неделю удрать оттуда... **Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...** Поездки на Якиманку и обратно не помогут. Надо смело плюнуть и резко рвануть... Иди к нам, разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал... <...> Самолюбие надо бросить, ибо ты не маленький... 30 лет скоро! Пора! Жду... Все мы ждем... Твой А. Чехов» (Н.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.221-225].

- широком использовании общих сентенций морального плана к братьям

В письмах-поучениях братьям А.П. Чехов использует категорические императивы, многочисленные речевые формулы прямого поучения и назидания: «помни», «помни каждую минуту», «так помни же», «помятуй», «уважай ты себя, ради Христа», «старайся быть...», «не бойся показаться...», «берегись...», «не употребляй...», «пиши и бди на каждой строке»; «бди, блюди и пыхти» и т. д.

В современной теории коммуникации такой стиль общения носит определение «силового стиля».

«Силовой стиль» в чеховских письмах братьям может быть выражен как в серьезной, так и в шуточной тональности.

«Нада слушаться» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.23];

«Веди себя хорошо» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.241];

«...водки не пей, похоть удерживай, пиши передовые, а репортерство брось» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.77];

«Не блуди, неблудим будеши, а ты блудишь» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.42].

Подобные короткие шуточные поучения обычно не связаны с контекстом письма.

- склонности к созданию объемных поучающих текстов братьям

Письма-поучения А.П. Чехова братьям информативно весьма насыщены.

В них писателем концептуализируется действительность, излагаются этические императивы, дается подробный анализ причин и следствий того или иного действия адресата, содержится масса оценочных высказываний в адрес собеседника. Наблюдается многословие, большой объем поучающего текста и пристрастие к детальному анализу:

«Сейчас Николка сунул мне на прочтение твое письмо. Вопрос о праве «читать или не читать», за неимением времени, оставим в стороне. <...> Благовидности и обстоятельности ради прибегну к рамкам, к системе: стану по ниточкам разбирать твое письмо, от «а» до ижицы включительно. Я критик, оно – произведение, имеющее беллетристический интерес. Право я имею как прочитавший. Ты взглянешь на дело как автор – и все обойдется благополучно. Кстати же, нам пишущим, не мешает попробовать свои силишки на критиканстве. Предупреждение необходимо: суть в вышеписанных вопросах, только; буду стараться, чтобы мое толкование было по возможности лишено личного характера» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53].

- категоричности и резкости суждений при оценке поведения братьев в письмах-поучениях

«Что Николка неправ – об этом и толковать не стоит. Он не отвечает не только на твои письма, но даже и на деловые письма; невежливее его в этом отношении я не знаю никого другого. <...> Балалаечней нашего братца трудно найти кого другого. И что ужаснее всего – он неисправим...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53-59];

«Я на тебя не шутя сердился и уехал сердитым, в чем и каюсь теперь перед тобой. В первое же мое посещение меня оторвало от тебя твое ужасное (выделено А.П. Чеховым. – А.К.), ни с чем не сообразное обращение с Н<атальей> А<лександровной> и кухаркой. Прости меня великодушно, но так обращаться с женщинами, каковы бы они ни были, недостойно порядочного и любящего человека. Какая небесная и земная власть дала тебе право делать из них своих рабынь? Постоянные ругательства самого низменного

сорта, возвышение голоса, попреки, капризы за завтраком и обедом, вечные жалобы на жизнь каторжную и труд анафемский – **разве всё это не есть выражение грубого деспотизма?** Как бы ничтожна и виновата ни была женщина, как бы близко она не стояла к тебе, **ты не имеешь права сидеть в ее присутствии без штанов, быть в ее присутствии пьяным, говорить словеса, которых не говорят даже фабричные, когда видят около себя женщин»** (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.120-121].

- апелляции к классическому университетскому образованию адресата, которое не должно позволять ему поступать неправильно

«Очень, очень жаль, что Вы так мало думаете о тех, кому Вы обязаны своим образованием. Вам дано было классическое образование, между тем Вы ведете себя так, будто получили образование реальное. Прошу Вас опомниться» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.344-345];

«Милый мой, да ведь нужно же долги платить! Нужно (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) **во что бы то ни стало, хотя бы армяшкам, хотя ценою голодухи... Если университетские и пишущие люди видят в долгах страдания, то что же остается остальным?»** (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.229].

- апелляции к таланту и прекрасным душевным качествам адресата как не позволяющим поступать неправильно

«Деспотизм преступен трижды. <...> Для тебя не секрет, что небеса одарили тебя тем, чего нет у 99 и 100 человек: ты по природе бесконечно великодушен и нежен. Поэтому с тебя и спросится в 100 раз больше. <...> Тяжелое положение, дурной характер женщин, с которыми тебе приходится жить, идиотство кухарок, труд каторжный, жизнь анафемская и проч. Служить оправданием твоего деспотизма не могут. Лучше быть жертвой, чем палачом» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.120-122].

«Ты прекрасный стилист, много читал, много писал, понимаешь вещи также хорошо, как и другие их понимают, – и тебе ничего не стоит написать брату (Николаю. – А.К.) хорошее слово. Не нотацию, нет! Если бы вместо того, чтобы слезоточить, ты потолковал с ним о живописи, то он, это верно, сейчас уселся бы за живопись и наверное ответил бы тебе. Ты знаешь как можно влиять на него ... <...> Подчеркни ты, сильный, образованный, развитой, то, что жизненно, что вечно, что действует не на мелкое чувство, а на истинно человеческое чувство... Ты на это способен... Ведь ты остроумен, ты реален, ты художник. <...> Попробуй, напиши ты Николке раз, другой, деловое слово, честное, хорошее – ведь ты в сто раз умней его, – напиши ему, и увидишь, что выйдет... Он ответит тебе, как бы ни был ленив... А жалких, раскисляйских слов ему не пиши: он и так раскис...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53-59].

- апелляции к собственному поведению как образцовому

«Сестра любит тебя. Но понятий никаких о тебе не имеет...<...> Вспомни, поговорил ли ты с нею хоть раз по-человечески? Она уже большая девка, на курсах, засела за серьезную науку, стала серьезной, а сказал, написал ли ты ей хоть одно серьезное слово? Та же история, что и с Николаем. Ты молчишь, и не мудрено, что она с тобой не знакома. Для нее чужие больше сделали, чем ты, свой... Она многое могла бы почерпнуть от тебя, но ты скуп. (Любовью ее не удивишь, ибо любовь без добрых

дел мертва есть.) <...> Я каюсь, слишком нервен с семьей. Я вообще нервен. Груб часто, несправедлив, но отчего сестра говорит мне о том, о чем не скажет никому из вас? А, вероятно, потому, что я в ней не видел только «горячо любимую сестру», как в Мишке не отрицал человека, с которым следует обязательно говорить...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53-59];

«А я бы на твоём месте, будь я семейный, никому бы не позволил не только свое мнение, но даже и желание понять. Это мое «я», мой департамент, и не какие сестрицы не имеют права (прямо-таки в силу естественного порядка) совать свой, желающий понять и умилиться нос! Я бы и писем о своей отцовской радости не писал... Не поймут, а над манифестом посмеются – и будут правы. <...> Треснуть бы я себя скорей позволил, чем позволил бы своей жене кланяться братцам, как бы высоки эти братцы ни были! Так-то...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53-59].

- апелляции к поведению отца как недостойному

«Я прошу тебя вспомнить, что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни же ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать душой. Отец теперь никак не может простить себе этого...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.122].

- вербальной формулировке правил поведения в общении с братьями

В поучительных письмах братьям А.П. Чехов очень часто прибегает к формулировкам правил этического, эстетического, морального и нравственного поведения человека. Свои правила писатель формулирует при помощи:

– генерализованных высказываний:

«Когда у мужа и жены нет денег, они прислуги не держат – это обыденное правило...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1: с.229];

«Всякий имеет право жить с кем угодно и как угодно – это право развитого человека ...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53-59];

«... в человеке величаем мы не человека, а его достоинства, именно то божеское начало, которое он сумел развить в себе до высокой степени» (М.Е. Чехову) – [Письма, т.2, с.18-19];

– императивов:

«Ты знаешь, что ты прав, ну и стой на своём, как бы ни писали, как бы ни страдали... В (незаискивающем) протесте-то и вся соль жизни, друг» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53-59];

«В отношениях с людьми побольше искренности и сердца, побольше молчания и простоты в обращении. Будь груб, когда сердит, смейся, когда смешно, и отвечай, когда спрашивают» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.27];

«Кстати об эстетике. Извини, голубчик, но будь родителем не на словах только. Вразумляй примером. <...> Дисциплинируй, брат, Катек! Кстати о другого рода

опрятности... **Не бранись вслух.** Ты и Катюку извратишь, и барабанную перепонку Мосевны запачкаешь своими словесами» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.88-89];

– выражений с модальной окраской:

«**Не следует унижать людей – это главное.** Лучше сказать человеку «мой ангел», чем пустить ему «дурака», хотя человек более похож на дурака, чем на ангела» (М.Е.Чехову) – [Письма, т.2, с.18-19].

«Милый мой, да ведь **нужно же долги платить! Нужно** (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) **во что бы то ни стало, хотя бы армяшкам, хотя ценою голодухи...**» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.229];

«**Среди людей нужно сознавать свое достоинство.** Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожность» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.29].

5. Допустимость нотаций и «вычетов» друзьям за их «недостойное» поведение

Нотации А.П. Чехова друзьям также, как и нотации братьям, отличаются чрезмерной категоричностью, но часто смягчаются шутливой интонацией и коммуникативной игрой «в строгого учителя» или в «оскорбленного и обиженного человека»:

«Вы отдали перевод немке? Представьте, я ожидал этого. **У Вас совсем нет потребности к правильному труду. Потому-то Вы больны, кисните и ревете, и потому-то все вы, девицы, способны только на то, чтобы давать грошовые уроки и учиться у Федотова глупостям.** Я написал Вам длинное ругательное письмо, но раздумал посылать его. Зачем? Вас не проймешь, а только расстроишь Вам нервы. <...> Ну, будьте здоровы, блондиночка. **В другой раз не злите меня Вашею ленью и, пожалуйста, не вздумайте оправдываться. Где речь идет о срочной работе и о данном слове, там я не принимаю никаких оправданий. Не принимаю и не принимаю**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.97-98];

«**Позвольте сделать Вам маленькое замечание относительно Вашей невоспитанности.** Я послал Вам свою карточку и молчал, думая, что Вы догадаетесь сами отплатить мне тем же. **Но Вы отплатили мне черной неблагодарностью. Извольте в 24 часа выслать мне Вашу карточку, иначе я через полицию потребую у Вас обратно свою**» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.171].

6. Допустимость вмешательства в финансовые дела третьего лица

Некоторые письма А.П. Чехова свидетельствуют о том, что писатель может вмешаться в финансовые дела третьего лица, причем не только родственника, и решать за другого человека, на что лучше потратить деньги или когда их кому-то выдать:

«Посылаю письмо отца для руководства. Стыдно Николаю заставлять самолюбивого старика брать взаймы! Поездка к Пушкиреву обошлась Николаю рублей 4-5... Эти деньги мог бы он лучше отдать в уплату...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.119];

«... я прошу позволения вмешаться и выдать ему (Н.М. Ежову. – А.К.) сей аванс не теперь, а накануне его отъезда. <...> Раньше выдавать нельзя, так как он потратит на чепуху и чахоточной жене его придется ехать в III классе» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.53].

7. Допустимость прямого вмешательства в профессиональную деятельность адресата

В письмах А.П. Чехова находим свидетельства его прямого вмешательства в профессиональную деятельность адресата:

«Нужно бы Вам подтянуть художественный отдел. Всё хорошо в «Осколках», но художественный отдел критикуется даже в мещанском училище. Рисунки почти лубочны. <...> Вообще художественный отдел у Вас в каком-то загоне... Не помещаете портретов в карикатуре, как это делают другие, не даете карикатур...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.145-146];

«Отчего у Вас не работает Щеглов? Это очень полезный сотрудник. Во-вторых: зачем Вы так часто стали помещать на первой странице голопушие и голоножие? Право, публике теперь не до барделей. К тому же «Осколкам» не следует сбиваться с раз заведенной программы» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.208].

А.П. Чехов может даже настойчиво склонять адресата к смене рода деятельности и места работы:

«Театр – это змея, сосущая Вашу кровь. Пока в Вас беллетрист не победит драматурга, до тех пор я буду есть Вас и предавать Ваши пьесы проклятию. Так и знайте» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.3, с.94];

«Лучшая детская писательница! Не увлекайтесь лестью косоного Войнаховского и похвалами орловских поваров, бросьте литературу! Быть литератором – значит не знать покоя, не есть блинов, вечно ждать гонорара и никогда не иметь гроша в кармане. Воистину тернистый путь!» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.3, с.156];

«Я, кажется, готов был отрубить себе палец, чтобы только переманить Вас в какой-нибудь другой журнал, менее мрачный, и чтобы Горленко хвалил Вас где-нибудь в другом месте. Если когда-нибудь осуществится мое желание, т. е. если буду издавать журнал, то первым делом постараюсь умолить Вас – взять от меня за лист сколько угодно и начать опять работать вместе (выделено А.П.Ч. – А.К.), а не где-то особняком. Я Вас ценю, высоко ценю» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.6, с.83].

8. Допустимость жестких медицинских наставлений

Этот признак особенно ярко проявляется в наставлениях медицинского характера брату Александру и Лике Мизиновой. В этих наставлениях обычно присутствует субъективный фактор (демонстрируется личное отношение адресанта к поведению адресата, негативно влияющего на его здоровье). В медицинских наставлениях брату А.П. Чехов использует, как правило, категорическую, поучительную тональность высказываний. Писатель

стремится повлиять на личность адресата, а через него и на всю его семью (например, изменить их вкусовые пристрастия, «воспитать в детях желудочную эстетику»):

«Ты так смакуешь, описывая свои красненькие и синенькие, что трудно узнать в тебе лирика. **Не ешь, брат, этой дряни!** Ведь это нечисть, нечистоплотство! Синенькое тем только и хорошо, что на зубах хрустит, а от маринованной (наверное, ужасно) воняет сыростно-уксусной вонью. **Ешь, брат, мясо!** Похудеешь в этом подлом Таганроге, если будешь жрать базарную дрянь. Ты ведь неумеренно ешь, а в пьяном виде наешься и сырья. <...> **По крайней мере Мосевну не корми чем попало, когда вырастет.** Пусть она не ведаёт теткиных коренчиков, отцовского соуса с «катушками», твоего «покушать» и маменькиного лучшенького кусочка. **Воспитавай в ней хоть желудочную эстетику»** (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.88-89].

Иногда А.П. Чехов при прощании с адресатом передает шуточные наставления третьему лицу, где также содержится хотя бы одно маленькое наставление, касающееся «желудочной эстетики»:

«Поклон Лидии Егоровне Мизюковой. Жду от нее программ. **Скажи ей, чтобы она не ела мучного** и избегала Левитана. Лучшего поклонника, как я, ей не найти ни в Думе, ни в высшем свете» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.4, с.162].

В письмах Л.С. Мизиновой чаще всего встречаются шуточные побуждения бросить дурные привычки. Для речевого поведения А.П. Чехова при «поучении» Лики характерно использование коммуникативной ролевой игры с оттенком флирта, например «игры в строгого учителя» или «игры в обидевшегося подростка»:

«**Я займусь Вашим воспитанием и выбью из Вас дурные привычки.** А главное я заслону Вас от Сафо. <...> Одна моя знакомая, некрасивая, но симпатичная барышня бросила курить, но, по слухам, опять начала. **Этакая упрямая bestия!**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.95];

«Мне Басов писал, что Вы опять стали курить. **Это подло, Лица. Презираю Ваш характер**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.87].

9. Стремление к смягчению поучительной и категоричной тональности общения после завершения мысли

После нравоучений или параллельно с ними А.П. Чехов, как правило, предпринимает некоторые меры по смягчению тональности общения и нивелированию напряженности в разговоре с адресатом. Писатель использует следующие коммуникативные приемы:

- призывы быть великодушным и не сердиться за мораль

«Не сердись за мораль. Пишу тебе, ибо мне жалко, досадно... Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды... в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.177-178];

«Будь великодушен и считай недоразумение поконченным. Если ты прямой и не хитрый человек, то не скажешь, что это письмо имеет дурные цели, что оно, например, оскорбительно и внушено мне нехорошим чувством. В наших отношениях я ищу одной только искренности. Другого же мне ничего больше не нужно. Нам с тобой делить нечего. Напиши мне, что ты тоже не сердишься и считаешь черную кошку не существующей» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.120-122].

- напоминание адресату о его достоинствах

«Все твои хорошие качества я знаю, как свои пять пальцев, ценю их и отношусь к ним с самым глубоким уважением. Я, если хочешь, в доказательство того, что понимаю тебя, могу даже перечислить эти качества. По-моему, ты добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, делишься последней копеечкой, искренен; ты чужд зависти и ненависти, простодушен, жалеешь людей и животных, не ехиден, не злопамятен, доверчив... Ты одарен свыше тем, чего нет у других: у тебя талант» (Н.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.221-223].

Побуждение адресата к действию

1. Частотность побуждений собеседника к перемене места

Отличительной чертой личности А.П. Чехова была страсть к путешествиям, к перемене места и смене впечатлений. В одном из писем А.С.Суворину А.П. Чехов объясняет свою любовь к путешествиям предчувствием скорого конца и желанием как можно больше собрать впечатлений, сделать свою короткую жизнь более разнообразной:

«Как-то лет 10 назад я занимался спиритизмом и вызванный мною Тургенев ответил мне: «Жизнь твоя близится к закату». И в самом деле, мне теперь так сильно хочется всякой всячины, как будто наступили заговоры. Так бы кажется, всё съел: и степь, и границу, и хороший роман... И какая-то сила, точно предчувствие, торопит, чтобы я спешил. А может быть и не предчувствие, а просто жаль, что жизнь течет однообразно и вяло. Протест души, так сказать» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.305].

В письмах А.П. Чехова находим множество побуждений и адресата к перемене места, к путешествию. Цель этих побуждений – убедить собеседника изменить привычный образ жизни, ощутить себя в новой реальности, набраться впечатлений:

«Вы непременно должны приехать, сначала в Мелихово, потом к нам в Крым, где я строю себе дачу для зимовки. Вы всё сидите на одном месте, а это нехорошо. Жизнь дается только один раз, надо ею пользоваться и кутить вовсю. Добродетелью на атом свете ничего не возьмешь. Добродетельные люди подобны спящим девам. Так вот,

милая тетя, собирайте весной, например хоть в мае, все Ваши пожитки и убегайте и Москву и в Мелихово; поживете у нас, а потом вместе с матерью в Таганрог; потом из Таганрога в Ялту. И всё это по возможности с удобствами, в первом классе, чтобы не утомляться в дороге» (М.И. Морозовой, 22 января 1899 г. Ялта) – [Письма, т.8, с.41].

Побуждения адресата к перемене места часто реализуются писателем через различные тактики уговора:

- Рекламирование достоинств предлагаемого места:

«Переезжай в Москву!!! Я ужасно полюбил Москву. Кто привыкнет к ней, тот не уедет из нее. Я навсегда москвич. Приезжай литературой заниматься. Это удовольствие в Харькове невозможно, а в Москве же дает 150 рублей в год, по крайней мере. Уроки достать трудно. <...> Приезжай!!! Все дешево. Штаны можно купить за гривенник! А патриатизму... сколько!!!! (задыхаюсь...) Что ни песчинка, что ни камушек, то исторический памятник! Приезжай!!! Юристы московские все Спасовичи и живут, как Людовики четырнадцатые. Приезжай!!!» (С. Крамареву) – [Письма, т.1, с.40].

- Объяснение необходимости перемены места профессиональной целесообразностью:

«В Петербурге Вам следует побывать для того, чтобы познакомиться с тамошней литературой, себя показать и поскучать. Нельзя пишущему сидеть на одном месте. По моему мнению, Вам необходимо бывать в Петербурге раз в год» (Н.М. Ежову) – [Письма, т.5, с.135];

«...зачем Вы сидите в Нижнем? Зачем? Что Вам нужно в этом Нижнем, кстати сказать? Какая смола приклеила Вас к этому городу? Если Вам, как Вы пишете, нравится Москва, то отчего Вы не живете в Москве? В Москве-театры и проч., и проч., а главное - из Москвы рукой подать за границу, а живя в Нижнем, Вы так и застрянете в Нижнем и дальше Васильсурска не поедете. Вам надо больше видеть, больше знать, шире знать. Воображение у Вас цепкое, ухватистое, но оно у Вас как большая печка, которой не дают достаточно дров. <...> Вы человек молодой, сильный, выносливый, я бы на Вашем месте в Индию укатил, черт знает куда, я бы еще два факультета прошел. Я бы, да я бы - Вы смеетесь, а мне так обидно, что мне уже 40, что у меня одышка и всякая дрянь, мешающая жить свободно. Как бы ни было, будьте добрым человеком и товарищем, не сердитесь, что я в письмах читаю Вам наставления, как протоп» (А.М. Пешкову (М. Горькому)) – [Письма, т.9, с.40-41].

- Зарисовка многообещающей картины совместного времяпровождения:

«Увидимся ли осенью? Будем ли вместе жить в Феодосии? Вы – после заграничной поездки, а я – после холеры могли бы рассказать друг другу много интересного. Давайте проведем октябрь в Крыму. Право, это не скучно. Будем писать, разговаривать, есть... В Феодосии уже нет холеры» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.101].

Примечательно, что А.П. Чехов любил бродить по кладбищам. и нередко побуждал своего собеседника к совместному посещению этих мест, обещая ему при этом интересное времяпровождение:

«Пишу еще раз: приезжайте в Москву поскорее, так как 20 января я должен уже быть дома. Мы будем ездить по кладбищам и побываем в цирке. Во всяком случае постараюсь устроить так, чтобы Москва не показалась Вам кислой. Телеграфируйте немедленно. Ваш А. Чехов» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.11];

«Если бы Вы приехали в Москву в конце апреля или в начале мая, то мы поехали бы по кладбищам, монастырям, подгородным рощам, поехали бы, пожалуй, к Троице» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.55].

О «странности» Чехова посещать кладбища вспоминал и А.С. Суворин в «Маленьких письмах» в газете «Новое время» № 10179 от 4 июля 1904:

«... и в Петербурге, и в Москве он любил до странности посещать кладбища, читать надписи на памятниках или молча ходить среди могил <...> И за границей кладбища его везде интересовали». [Письма, т.6, с.383].

- Рекламирование плана путешествия, который по желанию адресата можно в любой момент изменить:

«Так как Вас никуда не тянет и Вы не знаете определенно, куда поедете, то осмелюсь предложить Вам такой план: в начале Фоминой недели, когда уже будет тепло и распухнет береза, приезжайте в Москву, и мы, объездивши все местные Новодевичьи, Даниловские, Донские, а также побывав на Воробьевых горах и в Петровско-Разумовском, поедем в Троицкую лавру, затем в Ярославль, оттуда по Волге в Саратов – и домой: Вы в Питер, а я в Лопасню. Кстати же Вы давно уже не катались по России. <...> Я не держусь крепко своего плана. Можете изменить его, как хотите. Если хотите в Киев, где теплее, то поедем в Киев и прокатимся по Днепру до Екатеринослава» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.288].

2. Активное побуждение адресата купить участок земли под дачу в определенном месте

«Варвара Алексеевна писала, что она купила участок в Туапсе. Ой-ой, но ведь там скучища ужасная. Там чеченцы и сколопендры, а главное - нет дорог и не скоро они там будут. Из всех русских теплых мест самое лучшее пока - южный берег Крыма, это несомненно, что бы там ни говорили про кавказскую природу. <...> Пусть Варвара Алексеевна продаст или подарит кому-нибудь участок в Туапсе, а я ей найду кусочек пляжа с бухтой, с купаньем в Крыму» (В.М. Соболевскому, 19 января 1900 г. Ялта) – [Письма, т.9, с.18];

«В самом деле, Вам надо купить небольшой клочок земли, поближе к Москве, и работать, заняться садом и огородом, а зимой писать небольшие рассказы. Землю можно купить или взять в аренду на 60-90 лет. Только, главное, поближе к Москве» (Л.А. Сулержицкому, 5 ноября 1902 г. Москва) – [Письма, т.11, с.70].

3. Активное побуждение адресата к чтению

«Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. <...> Прочти ты следующие книги: «Дон-Кихот» (полный, в 7 или 8 частей). Хорошая вещь. <...> Если пожелаешь прочесть нескучное путешествие, прочти «Фрегат Паллада» Гончарова и т. д. (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.29];

«Пока живешь у нас, почитай Толстого. Он на полке. Найди рассказы «Казачки», «Холстомер» и «Поликуша». Очень интересно» (А.А. Долженко) – [Письма, т.4, с.226].

Побуждение адресата к чтению собственных рассказов А.П. Чехов облекает обычно в шутивную форму:

«Купил рассказы Чехова: что за прелесть! Купи и ты» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.4, с.256].

4. Допустимость побуждения адресата изменить почерк

«Sire! Умоляю Вас, реставрируйте Ваш ужаснейший почерк! Верьте, он даже хуже моего... Ваши к и э до того богопротивны, что их повесить мало. Удивляюсь правительству: как Вас с таким почерком терпят в департаменте! Ваше последнее письмо так мило, что заслуживает быть написанным гораздо лучшим почерком» (В.В. Билибину) – [Письма, т.1, с.195];

«Почерк у Вас трагический. Последнее письмо еще ничего, но в предыдущем письме все слова похожи на «орурк», и я не разобрал многих фраз» (А.И. Смагину) – [Письма, т.4, с.300].

5. Шутливые побуждения адресата присылать ему свое произведение или произведения третьих лиц для критики

«Пришли-ка мне на прочтение свою пьесу. Я все-таки, Саша, опытный человек и могу тебя наставить. Если же будешь вести себя хорошо, то могу и протезировать. Остаюсь упрекающий в нерадении Чехов 1-й» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.201].

Эту черту своей коммуникативной личности писатель осознавал. В одном из писем А.С. Суворину А.П. Чехов в свойственной ему шутивной манере признается:

«Присылайте еще рассказов. Я готов служить. Сия работа меня развлекает, да и приятно сознавать, что некоторым образом, так сказать, имеешь власть над чужими музами: хочу – лучину щиплю, хочу – с кашей ем» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.287].

Однако А.П. Чехову не очень нравилось, когда его критиковали как писателя. Открытых побуждений адресата к критике произведения адресанта встречаем очень редко:

«Ради бога, дорогой мой, не церемоньтесь и напишите, что моя повесть плоховата и заурядна, если это действительно так» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.185].

6. Многочисленные активные побуждения адресатов к писательской деятельности

В одном из своих писем адресату А.П. Чехов признается, что часто «вмешивается» в дела своего брата, стимулируя его к писательской деятельности:

«Живет Николай у меня, пока очень степенно. Работает. Присылайте ему тем, но только через мои руки. **Когда я вмешиваюсь, то дела его идут живее**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.3, с.13].

Как оказалось, А.П. Чехов побуждал чаще брать в руки перо не только своих братьев, но и самых разных адресатов, имеющих хоть какое-то отношение к писательскому труду. В письмах А.П. Чехова мы встречаем многочисленные примеры таких побуждений посредством следующих коммуникативных приемов:

- Частотность требований писать

Свои требования к адресату чаще писать и совершенствовать слог А.П.Чехов обычно стремится усилить образными выражениями и императивом «*пишите*» в повторах:

«**Пишите, пишите, пишите...**, пока пальцы не сломаются» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.1, с.263-264];

«**Пишите водевили. Пишите водевили. Купите себе попугая и научите его кричать Вам каждую минуту: пишите водевили.** Предполагая, что из пяти водевилей только один дает хлеб, **каждому искусившемуся надо писать их 150.** Вам, стало быть, осталось написать еще 130, а затем можете почить на лаврах» (В.В. Билибину) – [Письма, т.6, с.45-46];

«Только что прочитал в газете, что Вы пишете пьесу. **Пишите, пишите, пишите! Это нужно. Если провалится, то не беда. Неудача скоро забудется, зато успех, хотя бы и незначительный, может принести театру превеликую пользу**» (А.М. Пешкову (Горькому)) – [Письма, т.9, с.112].

- Побуждение к писательской деятельности с помощью шуточной угрозы

«Я радуюсь, что Вы пишете повесть, и заранее приветствую «Корделию». Драматургов 700 у нас, а беллетристов в сто раз меньше. **Пишите пьесы – спасение театра в литературных людях, – но не бросайте беллетристики. Если бросите, то я знать Вас не хочу**» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову)) – [Письма, т.3, с.73].

- Побуждение к одновременной писательской деятельности с адресатом

В письмах А.П. Чехова А.С. Суворину ярко просматривается не только стремление Антона Павловича к письменному и устному общению с адресатом, но и стремление к совместной или одновременной писательской деятельности. Причем Чехов не ограничивается одними побуждениями, он указывает собеседнику время, когда, на его взгляд, нужно или не нужно писать:

«Давайте летом напишем по второй пьесе! Теперь у нас есть опыт. Мы поймали чёрта за кончик хвоста. Я думаю, что мой «Леший» будет не в пример тоньше сделан, чем «Иванов». Только надо писать не зимой, не под разговоры, не под влиянием городского воздуха, а летом, когда всё городское и зимнее представляется смешным и неважным. Летом авторы свободнее и объективнее. Никогда не пишите пьес зимой ... В зимние ночи хорошо писать повести и романы, что я и буду делать, когда поумнею» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.135-136];

«Жду рассказа. Летом давайте по драме напишем. Ей-богу! Какого чёрта мы зееваем?» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.297].

- Акцентирование внимания адресата на возможности писательской деятельностью заработать деньги

«Пиши, набредешь на истинный путь. Лишний заработок окупит свою прелестью первые неудачи» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.88];

«Тебе нужно написать две-три пьесы. Это пригодится для детей. Пьеса – это пенсия» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.164];

«Надо тебе сказать, что сотрудничество твое в «Осколках» будет далеко не лишним. Рабочие там нужны и Лейкин с удовольствием завозится с тобой. Пиши рассказы в 50–80 строк, мелочи et caetera... Посылай сразу по 5–10 рассказов..., сразу их напечатают. Плата великолепная и своевременная.» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.63];

«Переводи мелочи. Мелочи можно переделывать на русскую жизнь, что отнимет у тебя столько же времени, сколько и перевод, а денег больше получишь». (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.45].

Частая чеховская фраза для мотивации брата Александра к писательской деятельности – «папаше и мамаше кушать нада»:

«А главное – папаше и мамаше кушать нада. Пиши. Мухи воздух очищают, а пьесы очищают нравы» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.189].

7. Активное побуждение адресата к написанию письма адресанту

В структуре общения А.П. Чехова наряду с этикетными побуждениями адресата к написанию письма встречается множество побуждений регулятивного характера, где Антон Павлович демонстрирует свое

отношение к «молчанию» адресата и пытается разными способами стимулировать его к написанию письма.

Подобные побуждения регулятивного характера имеют обычно шутивную тональность. А.П. Чехов использует разные коммуникативные приемы для воздействия на собеседника:

- Гиперболизация значения письма адресата:

«Пиши почаще, но поподробней. Твои письма (если в них есть что-нибудь, кроме тульских стихов и описания Тулы) я причисляю к первостатейным произведениям и охраняю их. Описывай» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.41];

«Напишите, дорогой мой, письмо. Я люблю Ваш почерк; когда я вижу его на бумаге, мне становится весело. К тому же, не скрою от Вас, мне льстит, что я переписываюсь с Вами. Ваши и суворинские письма я берегу и завещаю их внукам: пусть сукины сыны читают и ведают дела давно минувшие...» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.213].

- Шутливое требование:

«Милый Александр Леонидович, напишите, как Вы себя чувствуете и что новенького вообще. Вы обязаны писать мне длинные письма, так как Вы мой земляк» (А.Л. Вишневскому) – [Письма, т.9, с.227];

«Сердечно благодарю за письмо, жду теперь другого письма, на которое имею право, так как скучаю в уездном городе ужасно, до зеленого змия» (А.Л.Вишневскому) – [Письма, т.11, с.98];

«За то, что письмо твое не коротко, сердечно благодарю тебя и прошу впредь не забывать. Я ведь как в ссылке» (М.П. Чехову) – [Письма, т.10, с.142].

- Шутливый укор:

«Милостивейшая государыня Анна Ивановна! Как ви наивны! Неужели ви думаете, что молчание ведет к совершенству в смысле спасения? Ну отчего бы Вам не написать хоть строчечку... (хоть копеечку! – как говорит Стружкин)» (Ал.П.Чехову и А.И. Хрущовой-Сокольниковой) – [Письма, т.1, с.52];

«Буду ждать от Вас писем – и из Москвы, и из Петербурга, имейте это в виду. Знать, как я скучаю здесь, и в то же время не писать мне – ведь это бессовестно!» (А.Л. Вишневскому) – [Письма, т.12, с.57];

«Пиши, собака! Рыжая собака! Не писать мне писем – это такая низость с твоей стороны! Хоть бы написала, что делается с "Тремя сестрами"» (О.Л. Книппер) – [Письма, т.9, с.179].

- Шутливая угроза:

«За то, что вы не пишете мне про дачу и мангуса, я не привезу вам в подарок ничего. Купил было тебе, Маша, часы, но бросил их к свиньям. Впрочем, бог вас простит» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.212].

- Шутливое оскорбление:

«**Скотина! Штаны! Детородный чиновник!** Отчего не поешь? Разве твои письма утеряли свою прежнюю прелесть и силу? Разве ты перестал считать меня своим братом? **Разве ты после этого не свинья?** Пиши, 1000 раз пиши! Хоть пиши, а пиши...» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.176].

8. Активное побуждение адресата к написанию письма третьему лицу

В письмах А.П. Чехова встречается немало регулятивных побуждений адресатам писать третьим лицам:

«**Отчего Вы первый не напишите Пальмину?** Ведь он мертвецки ленив» (В.В.Билибину) – [Письма, т.1, с.214];

«Получил ли от матери письмо? **Напиши ей хоть строчку**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.77];

«**Пиши нашим почаще, ибо им скучно**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.4, с.106].

9. Высокая частотность побуждений адресата к устному общению

У А.П. Чехова была острая потребность в устном общении. Во многих его письмах встречаем типичную фразу:

«**Был бы очень рад повидаться с Вами, потолковать, вспомнить старину**» (А.А.Плещееву) – [Письма, т.11, с.318];

«**Очень бы хотелось повидаться с Вами, потолковать, вспомнить старину. Напишите мне, в какой день и час Вы могли бы зайти ко мне, и тогда я останусь дома, буду поджидать**» (А.С. Лазареву (Грузинскому)) – [Письма, т.11, с.322];

«**Многоуважаемый Федор Александрович! Мне очень хочется повидаться с Вами, чтобы потолковать, вспомнить старину...**» (Ф.А. Федорову-Юрковскому) – [Письма, т.12, с.32].

Антон Павлович может потребовать от близкого ему человека пригласить в гости не только самого адресанта, но и третьих лиц в определенный день, а также в шуточной ультимативной форме заказать для себя и гостей желаемое угощение:

«Пригласите меня и Виктора Андреевича к себе обедать в среду или четверг. И чтобы пирожки были. Позовите также Машу» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.251].

Потребность Антона Павловича к живому общению прослеживается не только с близкими людьми, но и с соседями. Обычно писатель стимулирует их не только к тому, чтобы чаще видеться, но и к совместной активной деятельности по благоустройству местности:

«**А нам с Вами надо почаще видеться. Ведь мы соседи.** Быть может, вместе мы могли бы придумать что-нибудь, чтобы оживить нашу местность, которая закисает всё больше и скоро, по-видимому, обратиться в тундру. В частности, могли бы придумать что-нибудь для предстоящей зимы» (В.И. Яковенко) – [Письма, т.6, с.166].

Нередко для воздействия на собеседника А.П. Чеховым используется типичный коммуникативный прием – гиперболизация значения личности адресата как собеседника:

«Мне страстно хочется поговорить с Вами. Душа у меня кипит. Никого не хочу, кроме Вас, ибо с Вами только и можно говорить. Плещеева к чёрту. Актеров тоже к чёрту» (А.С. Суворину, 9 декабря 1890 г. Москва) – [Письма, т.4, с.140];

«Милый Владимир Иванович, ловлю тебя на слове. Ты пишешь: "я до репетиций приеду к тебе переговорить". Так вот приезжай, пожалуйста! Приезжай, сделай милость! Мне так хочется повидать тебя, что ты и представить не можешь, и за удовольствие повидаться с тобой и потолковать я готов отдать тебе все свои пьесы. Итак, приезжай» (Вл.И. Немировичу-Данченко, 16 мая 1898 г. Мелихово) – [Письма, т.7, с.213-214].

10. Невысокая частотность обращения с личными просьбами

Частотность обращения с личными просьбами в коммуникативном поведении А.П. Чехова может быть оценена как невысокая. В основном писатель обращается с личными просьбами к братьям (в основном к брату Александру) и сестре Марии Павловне, чаще всего это просьбы в виде деловых поручений.

11. Стремление к предельной краткости при обращении с бытовыми поручениями к сестре

Письма-поручения А.П. Чехова, адресованные Марии Павловне, похожи на служебные записки. Они отличаются краткостью и четкостью формулировок заданий, которые писатель обычно располагает по пунктам. Давая поручения сестре, А.П. Чехов почти никогда не употребляет обращений. В отличие от деловых поручений брату Александру, бытовые поручения сестре Марии излагаются А.П. Чеховым обычно в серьезной тональности и без применения коммуникативной игры:

«Я был в Ялте, Теперь в Одессе. Так как, вероятно, до октября я не попаду домой, то считаю не лишним сообщить следующее:

- 1) По прилагаемой записке 1-го октября получи деньги.
- 2) Выкопай шпажники и вели накрыть листом тюльпаны. <...>»

(М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.315];

«Когда печники будут уходить, то дай 1 р. на чай. Поторопи их. За работу получают они от Толоконникова. Найми поденщицу сделать грядку для пересадки мальвы вдоль забора. <...> Твой А.Чехов» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.51];

«Узнай в магазинах средство от мышей; сволочи объели обои в гостиной на высоте 2 аршин от пола.

Привези 10 трехкопеечных бланков» (М.П.Чеховой) – [Письма, т.5, с.330].

12. Небольшая доля просьб к братьям в серьезной форме

В письмах А.П. Чехова мы находим сравнительно немного просьб, обращенных к братьям в серьезной форме. Реже всего встречаются серьезные просьбы личного характера. Обычно подобные просьбы писатель оформляет общепринятыми фразами, которые также редки в его речевом поведении при общении с братьями: *«Я убедительно прошу тебя»*, *«Не откажи»* (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.3, с.260], или репликами типа: *«Обращаюсь к тебе с просьбой»*, *«Будь добр»*, *«Умоляю»*.

В деловых просьбах братьям, высказанных в серьезной форме, А.П.Чехов часто использует выражения, умаляющие важность просьбы:

«Теперь последует моя просьба, которую ты, вероятно, исполнишь по ее незначительности: если я буду присылать письма моей мамаше через тебя, то будь так добр, отдавай их мамаше не при всякой компании, а тайно; ... **Не правда ли, глупейшая просьба?** Но ты поймешь ее. (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.21-22].

«Сашечка! Ты помогаешь разным иеромонахам, братству, Онисиму Васильевичу, пишущему корреспонденции, – не схлопочешь ли мне паспорт? Отставку или отпуск – мне всё равно, лишь бы можно было жить в Москве и уехать, куда захочется. **Я не посягаю на твой покой: буде не хочется тебе возиться с моими говенными делами, то брось, и я в амбиции не буду»** (Ал.П. Чехов) – [Письма, т.5, с.237].

13. Пристрастие оформлять деловые просьбы к братьям в виде шуточных поручений или «господских указов»

Обычно при обращении с деловой просьбой к братьям А.П. Чехов в шутку демонстрирует доминирование над ними как более «опытный» и занимающий более «высокое» социальное положение, чем они. Обычно просьбы Антон Павлович стремится оформлять в виде шуточных «господских указов». Особенно эта тенденция прослеживается в письмах брату Александру.

Текст чеховских поручений (указаний) обычно четко композиционно выстроен. Он имеет вступительную часть (обращение, речевые акты прямого или косвенного упрека адресата); основную часть (непосредственно поручение адресату), как правило, оформленную как шуточный приказ или

требование безоговорочного подчинения адресанту и четкого выполнения его инструкций; заключительную часть (шутливые угрозы, ругательства, советы, обещания поощрить адресата за исполнительность, неординарная подпись адресанта).

Важными приемами оформления просьбы (делового поручения) к брату Александру для А.П. Чехова являются:

- Широкое использование шутливых, стилистически сниженных, грубых обращений, указывающих на «ничтожное положение» адресата:

«Инфузория!» [Письма, т.4, с.25-26]; «Журнальный лилипут!» [Письма, т.3, с.237]; «Прорва!» [Письма, т.2, с.233], «Легкомысленный и посмеяния достойный брат мой Александр!» [Письма, т.6, с.361]; «Столп злобы! О, иудино окаянство!» [Письма, т.2, с.250]; «Завистник и интриган!» [Письма, т.7, с.137]; «Бедный родственник!» [Письма, т.7, с.64-65, 208]; «Бедный, неимущий Саша!» [Письма, т.8, с.172] и др.

- Формулировки поручений, демонстрирующие доминирование адресанта

Обычно А.П. Чехов формулирует поручение брату Александру так, чтобы подчеркнуть его низкий общественный статус, его незрелость, незанятость, финансовую несостоятельность:

«**Вот тебе указ от господ помещиков.** Привези рубанок, лошадиную скребку и щетку для чистки лошадей, полпуда говядины (коострец), 20 ф. Ржаного хлеба, 5 французских хлебов, одну из картин, медный крантик» (И.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.14];

«Любезный родственник! **Так как тебе делать нечего и у тебя очень много свободного времени,** то сходи в книжный магазин В.И. Клочкова, Литейный проспект, 55, и купи там следующие книги:...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.213-214];

«Почтенный друг! **Так как ты рантье и принадлежишь к ничего не делающей петербургской золотой молодежи,** то я нахожу полезным дать тебе занятие. Видишь ли: мне нужно 20 (двадцать) экземпляров сочинений Пушкина, изд. Суворина» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.2, с.25-26];

«Гонорар будешь получать всякий раз **по особому моему на то повелению**» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.3, с.72].

- Неординарные шутливые формулировки заданий:

«Литературный брандмайор! **Возьми раскаленное железо и выжги им на своей груди мои адреса.** Простые письма и «Пожарного» адресуй в Ст. Лопасня, Моск.-Курск. дор. Страховые и заказные письма, равно как и посылки, в г. Серпухов, село Мелихово. Пожалуйста, не потеряй сих адресов и не смешай их» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.4, с.368].

«Около 6-го октября приеду в Петербург. **Ты должен встретить меня на вокзале, в полной парадной форме (мундир отставного таможенного сторожа)**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.182].

- Формулировки просьбы в грубой и фамильярной форме:

«Я безденежен до мозга костей. Если у тебя есть человеколюбие в животе, то снизойди к моей унижительной просьбе: немедленно, со скоростью вальдшнепа, которому всунули в задний проход ядовитую стрелу, надевай шапку и мчись:

а) в контору «Нового времени» (Невский 38) и получи там гонорар за рассказ «На пути»,

б) в «Петербургскую газету» (Симеоновский пер.) и получи 107 рублей по счету, который оною конторой уже получен» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.7].

- Дополнительные шуточные требования при выполнении основного поручения

К основному поручению брату Александру в большинстве случаев А.П.Чехов добавляет дополнительное шуточное требование или просьбу к адресату «*надеть штаны*», «*подсучить брюки*», «*навонять*» или «*не вонять дорогой*», которые дискредитируют собеседника, косвенно намекая на его незрелость, инфантильность, безалаберность и никчемность:

«Журнальный лилипут! В благодарность за то, что я не запретил тебе жениться, ты обязан немедленно надеть новые штаны и шапку и, не воняя дорогою, пойти в магазин «Нового времени» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.237];

«Прорва! Умоляю: надень скорее штаны, побег (лейф а гейм) в магазин «Нового времени» и поторопи там выслать мне возможно скорее 2 экз. «Сумерек». Пожалуйста!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.233];

«Еще об одном одолжении: в Питере будить издаваться журнал «Солнце» (Микешин и Быков). Сходи в редакцию оною (Троицкий пер., 40) и подпиши на мое имя сей орган, уплатив 2 р. (т. е. воспользуйся рассрочкой), да за Ивана внеси 1 р. (Кудринская Садовая, д. Фацарди). Подписавшись на 2 экз<емпляра> надень шапку, навоняй и уйди. Уйдя, ступай на Большую Морскую в магазин Гольцера и скажи там, что тебя зовут Сашей. Вот и все поручения» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.22].

- Шуточные угрозы в случае невыполнения поручения:

«Не забудь о сей просьбе и не поленись исполнить ее, иначе я тебя высеку» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.3, с.200-201];

«Если ты не исполнишь моих приказаний, то да обратится твой медовый месяц в нашатырно-квасцово-купоросный!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.237];

«Податель сего! Я послал тебе письмо в Ковалергардскую и ответа не получил. В наказание за такое неуважение посылаю счет. Получи и немедленно вышли простым переводом, иначе я тебе все уши оборву» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.23];

«Любезный братец! <...> Если ты моей просьбы не исполнишь, то не будет тебе моего благословения» (А.А. Долженко) – [Письма, т.4, с.226].

- Шутливые советы на случай, если исполнению просьбы адресанта будут препятствовать:

«Ну, Гусев, надевай штаны и иди в «Петербургскую газету» за гонореей. <...> Потребуй у конторщика 259 и 266 номера, сочти строки и требуй деньги. **Если не дадут, то скажи, что у тебя голодные дети**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.120-121];

«Ступай к Суворину, спроси у него, как получают деньги из дирекции театров. Он объяснит тебе. Получив объяснения, ступай в дирекцию и потребуй деньги на «Иванова» и «Медведя». **Если не будут давать или обсчитают, то скажи, что ты пожалуешься мещанскому старосте Вукову**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.163-164].

- Обещания адресату «барского» поощрения в случае правильного исполнения задания адресанта:

«Будь хозяйским оком! Посылаю при сем циркулярик, коим будешь соображаться. **За таковой твой труд я позволю тебе на визитных карточках именоваться «братом знаменитого писателя**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.47];

«Отче, пошли или снеси мои «Сумерки» в редакцию «Русского богатства» <...> **Поручения мои исполняй не морщась. Ты будешь вознагражден отлично: тебя упомянет в моей биографии будущий историк: «Был-де у него брат Алексей, который исполнял его поручения, чем немало способствовал развитию его таланта».** Для моего будущего биографа не обязательно знать, как тебя зовут, но по подписи «Ал. Чехов» ему будет нетрудно догадаться, что тебя зовут Алексеем» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.135].

14. Многочисленность шутливых поручений братьям при прощании

«Анне Ивановне скажи, что она ничтожество, Шурку побей по ж<...>, себе вставь буж и не забывай, что у вас у всех есть Готовая услуга А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.44];

«Супружнице своей вместе с поклоном передай прилагаемое письмо, детей высеки, а сам иди на пожар. Известный тебе N.N.» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.247] и др.

15. Формулирование денежных просьб к друзьям в шутливой форме

Почти все денежные просьбы к адресатам-друзьям А.П. Чехов выражает в шутливой форме. Обращаясь с подобной просьбой к собеседнику, писатель обычно использует речевые акты шутливого обещания и заверения, что деньги будут обязательно возвращены адресату, речевые акты шутливого призывы к адресату «сжалиться» над «бедным» адресантом, а также многочисленные речевые акты условия, смягчающие просьбу или, наоборот, усиливающие ее:

«Любезнейший Михаил Михайлович! Пишу Вам, чтобы у вас было одним автографом великого писателя больше... Через 10 – 20 лет это письмо вы можете продать за 500 – 1000 руб. Завидую Вам. <...> Чертовски я богат теперь! Помилуйте, у Суворина

работую! Но тем не менее, если у Вас, г. банкир, в Вашей толстой кассе есть свободные 25 рублей, то, по примеру прошлых месяцев, дайте мне их на неопределенный, но короткий срок, ибо у меня сейчас нет ничего, кроме вдохновения и писательской славы, а без дров между тем холодно. Ваш соотечественник А. Чехов» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.199];

«Денег ни копейки... Не дадите ли Вы Вашему шаферу займы рубликов 25-35? Лопни мои животы, отдам. Если же, по случаю свадьбы, у Вас безденежье, то умоляю Вас отказать» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.86];

«Я яко наг, яко благ и зубы положил на полку. Если Вы в самом скором времени пришлете мне деньжонок, то уподобитесь водоносу, встречающемуся путнику в пустыне» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.4, с.309];

«Милейший Банк! К Вам опять просьба. <...> ... нет ли в Вашем банке под проценты 25 руб.? Честное слово, отдам. Чтоб мне сквозь землю провалиться, ежели не отдам. Когда я буду Захарьиным (чего никогда не будет), я дам Вам займы 30 000 р. без процентов» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.179].

16 . Привычка давать друзьям и близким подробный сценарий исполнения поручения

Одной из характерных особенностей коммуникативного поведения А.П.Чехова является изложение им поручения адресату в виде подробного шутливого сценария. Другим при этом писатель излагает свое поручение в подчеркнуто вежливой форме, а братьям – в подчеркнуто директивной форме:

«Журнальный лилипут! В благодарность за то, что я не запретил тебе жениться, ты обязан немедленно надеть новые штаны и шапку и, не воняя дорогою, пойти в магазин «Нового времени». Здесь ты:

во-1-х) возьмешь 25 экз. «В сумерках» и 25 экз. «Рассказов» и с помощью кого-нибудь из редакционных domestиков отправишь сии книжицы через транспортную контору по нижеследующему адресу: «г. Ялта, Даниилу Михайловичу Городецкому»;

во-2-х) возьмешь гроши, причитающиеся мне за книги, и немедленно вышлешь мне, чем премного обяжешь, ибо я сижу без гроша в кармане и выехать мне буквально не с чем (выделено А.П.Ч. – А.К).

Исполнение первого пункта ты можешь варьировать так: взявши книги, поехать в контору «Осколков» и завести там с Анной Ивановной такой разговор:

Ты. Здравствуйте. Не сделал ли Лейкин распоряжение об отсылке в Ялту Городецкому своих книг?

А.И. Да, сделал.

Ты. Так не будете ли вы любезны к Вашей посылке присоединить и сии книжицы? Я уплачу часть расходов... и т.д.» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.237];

«Collega major et amicissime Павел Григорьевич! Прерываю ход Ваших шипучих мыслей молитвословием, обращенным по Вашему адресу. Молитва моя к Вам состоит в следующем. Будьте милы, наденьте шубу и шапку и сходите в магазин «Чаю и сахару» купца Стариченко. Поздоровавшись с ним, начинайте беседу приблизительно в такой форме:

Вы: Не отдадите ли Вы, сеньор, внаймы дачу, находящуюся между Звенигородом и Саввой?

Он: Кому?

Вы: Известному московскому доктору и не менее известному литератору А.П.Чехову со чады.

Он: (побледнев). Но... ветхая хижина моя не достойна вмещать в себе невместимого!

Объяснив ему, что я человек неприятельный и в желаниях скромный, Вы, в случае его согласия отдать мне свою дачу, потупяете взор и скромно справляетесь о цене и т.д.» (П.Г. Розанову) – [Письма, т.1, с.142].

17. Частотность обращений с просьбой к друзьям и знакомым о принятии участия в благотворительных проектах

А.П. Чехов довольно часто обращается с просьбой к адресату от имени третьего лица или от своего имени принять участие в различных благотворительных проектах. В основном это просьбы и ходатайства следующего характера:

– просьбы принять участие в каком-либо образовательном или просветительском проекте (например, создании библиотек, сборе денег на памятник и др.);

– просьбы о помощи больным;

– просьбы о материальной помощи третьим лицам;

– ходатайства об устройстве на работу третьих лиц;

– ходатайства об издании произведений третьих лиц.

Очень часто, обращаясь с просьбой к адресату от имени третьего лица, А.П. Чехов дает ему понять, что выполняет лишь роль посредника между адресатом и третьим лицом. В начале просьбы писатель обычно передает разговор с третьим лицом или констатирует факт получения им письма от третьего лица, в котором оно о чем-либо просит, а А.П. Чехов лишь передает его просьбу. Такая роль посредника позволяет Антону Павловичу излагать адресату просьбу в деловой тональности и без специальных средств смягчения просьбы. Писатель обычно начинает свое обращение с просьбой к адресату следующим образом: «...прежде всего – здравствуйте, а во вторых – просьба»; «Теперь просьба»; «Только опять-таки просьба:...»; «Не откажите при случае...»; «не возьмете ли Вы на себя труд похлопотать...»:

«Милая и дорогая Лидия Стахиевна! Вчера я получил от Похлебиной письмо, в котором она тоскует о судьбе своей рукописи. Так как Вы, Ликуся, стоите близко к редакции «Артиста», то не возьмете ли Вы на себя труд похлопотать, чтобы Похлебиной поскорее написали. Попросите, чтобы рукопись прочитали и чтобы ответ написали возможно деликатнее» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.247];

«Благословясь, начинаю с просьбы. Писатель А.И. Эртель прислал мне письмо, в котором просит меня написать Вам следующее. В одной из школ Воронежской губернии, попечителем которой (т. е. не губернии, а школы) он состоит, составляется библиотека для крестьян и отчасти учителей. Так вот не можете ли Вы пожертвовать Ваших изданий, подходящих для читателей упомянутой категории? Беспокоя Вас этой просьбой Эртель ссылается на то, что Вы уроженец Воронежской губ<ернии> и что попечителем школы состоит писатель. А это последнее обстоятельство, по его мнению, не может быть безразличным для Вашего «корпоративного чувства». А главное, он решается просить Вас, потому что Вы «человек добрый и народному просвещению искренне сочувствующий» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.326].

Обращаясь к адресату от своего имени с просьбой помочь третьему лицу, А.П. Чехов обычно стремится к смягчению своей просьбы:

«Тому, кто повезет Вашего пострадавшего в сражении работника в больницу, прикажите справиться: в каком положении находится наш пастушонок Андрей? Если оный Андрей уже выздоровел, то нельзя ли будет Вашему посланному взять его с собой или, взявши, доставить на станцию или на почту, где будет сегодня вечером наш Александр. **Простите, что беспокою Вас этой просьбой**, но, говорят, мальчик тоскует, плачет, а послать за ним некого» (Е.М. Семенковичу) – [Письма, т.6, с.187];

«Теперь просьба. Умирает от чахотки один московский литератор. Ни гроша денег. Есть у него богатая сестра, живущая в Питере. Адрес ее неизвестен. **Не можете ли Вы, голубчик, узнать в адресном столе ее адрес?** Зовут ее так: жена врача Ольга Аполлоновна Митрофанова. Муж ее Дмитрий Васильевич. Жива ли она? **Узнайте, будьте отцом родным**» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.205].

Оценочность в общении

А.П. Чехов относится к рефлектирующему типу личности, поэтому оценочность занимает важное место в его коммуникативной деятельности. Почти в каждом письме писатель сообщает адресату о своей оценке знакомых и незнакомых ему людей, явлений действительности, городов и их жителей, литературных трудов своих современников, природы и погоды, своего здоровья, настроения и своей трудоспособности. Это позволяет составить впечатление о яркой оценочной составляющей речевого поведения писателя.

Доминирующими объектами оценки у А.П. Чехова являются *человек (мужчина, женщина, группа лиц), погода, природа, города, художественные произведения, творческая деятельность.*

Наиболее часто в письмах А.П. Чехова встречается оценка человека. Человеческая личность для писателя была самым интересным объектом изучения и анализа. А.П. Чехову было интересно в человеке буквально всё: внешность, одежда, характер, поведение, моральные и духовные качества, творческие способности. И всему он давал свою оценку.

Перечислим коммуникативные признаки характерные для оценки данных объектов.

МУЖЧИНЫ

Для А.П. Чехова характерна существенная разница в обсуждении и оценке мужчин и женщин, а также манере общения с мужчинами и женщинами. Так, в обсуждении и оценке мужчин, писатель демонстрирует следующие особенности.

1. Акцентирование внимания в оценке мужчины на его уме и талантливости

Человека со своими взглядами, тонким чутьем и оригинальными суждениями А.П. Чехов всегда определял как интересного человека:

«Он (А.С. Суворин. – А.К.) плохой теоретик, наук не проходил, многого не знает, во всем он самоучка – отсюда его чисто собачья неиспорченность и цельность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи беден теориями, он поневоле должен был развить в себе то, чем богато наделила его природа, поневоле он развил свой инстинкт до размеров большого ума» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.297];

«Жоржинька талантливый человек. Из всех пианистов, скрипачей, дирижеров, барабанщиков и горнистов, каких я видел на своем веку, Жоржинька единственный показался мне художником. У него есть душа, есть чутье и взгляды, он неглуп и мало испорчен предрассудками тех кружков, где ему волею судеб приходилось бывать» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.42].

Писатель отмечал такую, на его взгляд, особенность талантливого человека, как **нервность**:

«Третьего дня я обедал у Александра. <...> А сын его Миша удивительный мальчик по интеллигентности. **В его глазах блестит нервность.** Я думаю, что из него выйдет талантливый человек» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.6: с.21];

«Давыдов и Свободин очень и очень интересны. Оба талантливый, умны, **нервны**, и оба, несомненно, новы» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.153].

Некоторых людей, обладающих «нервностью» и восторженностью А.П.Чехов относит к особому типу людей – типу поэтической личности – и сравнивает их с небожителями. Обсуждая с собеседником, например, такую личность, как поэт и переводчик Л.И. Пальмин, А.П. Чехов использует следующие выражения: **«стихотворная натура»** [Письма, т.1, с.109]; **тип поэта; поэтическая личность; личность вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями:**

«Пальмин – это тип поэта, если Вы допускаете существование такого типа... Личность поэтическая, вечно восторженная, набитая по горло темами и идеями... Беседа с ним не утомляет. Правда, беседуя с ним, приходится пить много, но зато можете быть уверены, что за 3–4 часа беседы Вы не услышите ни одного слова лжи, ни одной пошлой фразы, а это стоит трезвости...» (В.В. Билибину) – [Письма, т.1, с.189].

В письме поэту, литературному критику и адвокату С.А. Андреевскому читаем:

«Начнем с психологии. Судя по Вашему последнему письму, **в Вас есть та самая раздражительность, которая свойственна только богам, поэтам и очень красивым, избалованным женщинам.** Трем богиням понадобилось мнение простого пастуха, красивой женщине после музыки, цветов и мужских ласок вдруг захочется кислой капусты или гречневой крупы, – так и Вам захотелось моей критики. Доказательство, что Вы поэт» (С.А. Андреевскому) – [Письма, т.4, с.334].

Высокую оценку уму и таланту А.П. Чехов выражает с помощью следующих слов и выражений:

– **большой молодчина:**

«Однако Билибин большой молодчина! Фельетоны его в «Газете» очень милы и не только подают надежды, но даже свидетельствуют о крупном таланте, в котором теперь даже деревянные скептики не усомнятся» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.250];

– **умница:**

«...великий человек и умница (А.С. Суворин. – А.К.)» (М.Е. Чехову) – [Письма, т.2, с.17];

– **крепкая, сильная голова:**

«Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только

Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.212-213].

Высшая степень оценки таланта собеседника-мужчины нередко выражается А.П. Чеховым через **речевые акты комплимента**:

«Перед Вами А. Чехонте, Человек без селезенки, Рувер и проч., **числящийся в длинной шеренге почитателей Вашего таланта**. Насколько я почитаю Вашу музу, видно из того, что у меня есть любимые вещи из Ваших творений и что **обещание Ваше прислать мне сборничек стихов Л.Н. Трефолева** подействовало на меня, как рюмка водки после десятичасовой поездки на перекладных по 35-градусному морозу» (Л.Н.Трефолеву) – [Письма, т.1, с.207].

2. Склонность к ранжированию мужчин по степени талантливости

А.П. Чехов часто рассуждает со своими адресатами о том, какое место в искусстве (науке) занимает тот или иной деятель. В своих письмах писатель постоянно проводит сравнительный анализ самых выдающихся, талантливых, на его взгляд, представителей науки и искусства. Для этого он использует следующие **речевые конструкции сравнения**:

– ***то же самое, что и... ;***

– ***я уподобляю по таланту... :***

«**В русской медицине он (Боткин – А.К.) то же самое, что Тургенев в литературе...** (Захарьина я уподобляю Толстому) – **по таланту**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.264];

– ***принадлежит по тембру дарования к той же категории, что и... :***

«У Вашего нового сотрудника Энгельг<ардта> несомненно бьется публицистическая жилка, но какая это уже не молодая, неясная голова. **Принадлежит он к той же категории, что и Розанов, – так сказать, по тембру дарования**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.360];

– ***стоит выше, чем... :***

«...по-моему, нет надобности из Пальмина делать другого человека. Поэт он оригинальный и, несмотря на однообразие, **стоит гораздо выше** и читается охотнее, чем десятки поэтиков, жующих злобу дня» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.268];

– ***гораздо больший, чем... :***

«Надсон – поэт **гораздо больший, чем все современные поэты, взятые вместе и посыпанные богами Лиодора Иваныча**. Из всей молодежи, начавшей писать на моих глазах, только и можно отметить трех: Гаршина, Короленко и Надсона» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.21];

– ***занимает... место после... :***

«Если говорить о рангах, то в русском искусстве он (П.И. Чайковский. – А.К.) **занимает теперь второе место после Льва Толстого**, который давно уже сидит на первом. (Третье я отдаю Репину, а себе беру девяносто восьмое.)» (М.М. Чейковскому) – [Письма, т.4, с.39];

– *среди...* :

«Я не лгун и не комплиментщик, а потому говорю прямо, как понимаю: Вы талантливый и образованный фельетонист; **если я среди беллетристов 37-ой, то Вы среди русских фельетонистов – второй**. Когда подойдет Буква, Вы будете первый... Если Вам угодно верить моему чутью и пониманию вещей, то спешите пригвоздиться к какой-нибудь газетине... Отчего Вам не работать в «Новом времени»? (В.В. Билибину) – [Письма, т.1, с.204].

Последний пример является также иллюстрацией к тому, как присвоение высокого ранга собеседнику иногда используется А.П. Чеховым как своеобразная **тактика уговора-комплимента**.

А.П. Чехов отмечал не только талантливых людей, но и посредственных. И.А. Бунин вспоминал, что *«слово «бездарность» было, высшей бранью в его устах»* (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.484]. В письмах А.П. Чехова нередко встречаются резко негативные характеристики подобных людей. Писатель их обычно оценивает как скучных, неинтересных собеседников.

3. Акцентирование внимания в оценке мужчины на его умении быть интересным собеседником

В общении с адресатом адресатами-мужчинами А.П. Чехов обычно подчеркивает такое качество, как умение быть приятным, интересным собеседником:

«Жаль, что с Григоровичем Вы встретились у Татищева, а не у меня. Этот старик бывает очень интересен, когда разойдется. Картинность выражения, остроумие и живость необыкновенные» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.5, с.161];

«С ним (с Л.И. Пальминым. – А.К.) приятно посидеть вечером» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.265].

Одним из самых любимых для писателя собеседников был А.С.Суворин. В своих письмах Антон Павлович это отмечал неоднократно:

«У нас с Сувориным разговоры бесконечные» [Письма, т.2, с.296];

«Целый день проводим в разговорах. Ночь тоже. И мало-помалу я обращаюсь в разговорную машину. Решили мы уже все вопросы и наметили тьму новых, еще никем не

приподнятых вопросов. Говорим, говорим, говорим и, по всей вероятности, кончим тем, что умрем от воспаления языка и голосовых связок. Быть с Сувориным и молчать так же нелегко, как сидеть у Палкина и не пить» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.297];

«Говорить с ним (с А.С. Сувориным – А.К.) приятно. А когда поймешь его разговорный прием, его искренность, которой нет у большинства разговорщиков, то болтовня с ним становится наслаждением» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.297].

4. Высокая доля общих положительных эмоциональных оценок мужчин в структуре общения

Высоко оценивая мужчину как личность, А.П. Чехов обычно использует такие эмоционально окрашенные выражения, как:

– замечательный человек:

«Суворин замечательный (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) человек нашего времени» (А.С. Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.2, с.215]; «Познакомился с д-ром Щербаковым. По-моему, замечательный человек. Там, где он служит, все его любят, а я с ним почти подружился» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.147];

– великий (большой) человек:

«Такие дела может обделывать только такой великий человек и умница, как Суворин, который для литературы ничего не жалеет» (М.Е. Чехову) – [Письма, т.2, с.17];

«Суворин представляет из себя воплощенную чуткость. Это **большой человек**. В искусстве он изображает из себя то же самое, что сеттер в охоте на бекасов, т. е. работает чертовским чутьем и всегда горит страстью» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.297];

– прекраснейший человек:

«Вчера у меня было очень много гостей. Был, между прочим, А.А. Долженко, игрок на скрипке и на цитре; из него вышел прекраснейший человек» (М.Е. Чехову) – [Письма, т.2, с.19];

– пресимпатичный человек:

«А что Павел Михайлович? Пресимпатичный человек!» (Е.М. Линтваревой) – [Письма, т.3, с.76];

– великолепеннейший парень:

«Голике тоже великолепеннейший парень...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.193].

Давая высокую оценку мужчине, А.П. Чехов часто использует сравнения и сравнительную степень:

«Да, таких людей, как Рачинский, очень мало на белом свете. <...> После духоты, какую чувствуешь в среде Бурениных и Аверкиевых – а ими полон мир, –

Рачинский, идейный, гуманный и чистый, представляется весенним зефиром» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.5, с.20];

«Дядя прелестен и **чуть ли не лучше всех в городе»** (Чеховым) – [Письма, т.2, с.84].

Высшую степень оценки положительных человеческих качеств А.П.Чехов обычно передает при помощи интенсификаторов экспрессивности:

– *в высшей степени... :*

«Две недели, прожитые у Суворина, прошли как единый миг. **Суворин в высшей степени искренний и общительный человек.** Всё, что говорил он мне, было очень интересно» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.3, с.94];

«**Человек он** (Островский. – А.К.) **добрый и в высшей степени добропорядочный;** но спорить с ним трудно» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.254];

– *ужасно... :*

«Мой дядя **ужасно божественный человек»** (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.48];

Очень распространено у А.П. Чехова выражение высшей степени оценки и уважения человека с помощью **речевых актов заверения:**

«**Я готов поклясться,** что Короленко очень (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) хороший человек» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.240];

«**Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич** (Чайковский – А.К.), – **до такой степени я уважаю его»** (М.И. Чайковскому) – [Письма, т.4, с.39];

«**Я готов за Рачинского живот свой положить...»** (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.5, с.20].

5. Акцентирование внимания в оценке мужчины на его порядочности и душевности

Беседуя с адресатом о каком-либо человеке, А.П. Чехов обращал большое внимание на порядочность обсуждаемого лица, то есть, искренен ли, честен ли человек, можно ли ему доверять.

Примеры положительных оценок:

«Суворин-фис очень теплый парень. С ним можешь быть вполне откровенен, он не продаст» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.58];

«Познакомился я с Билибиным. Это очень порядочный малый, которому, в случае надобности, можно доверять вполне (выделено А.П. Чеховым. – А.К.)» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.177];

«Был у меня А. Грузинский. По-видимому, это очень порядочный человек. Он молчалив, как Виктор Викторович, но и сквозь молчание иногда можно бывает разглядеть человека» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.9].

Примеры негативных оценок:

«Хромому **чёрту** (Н.А. Лейкину. – А.К.) не верь. Если бес именуется в св. писании отцом лжи, то нашего редахтура можно наименовать по крайней мере дядей её. Дело в том, что в присланном тобою лейкинском письме нет ни слова правды. <...> Вообще **лгун, лгун и лгун**. Наплюй на него и продолжай писать, памятуй, что пишешь не для хромых, а для прямых» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.192-193];

«Был в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про **к<ото>рые** в писании сказано: «до конца претерпех»... Кормил он меня великолепно, но, **скотина**, чуть не задавил меня своею ложью...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.176].

Давая оценку нравственным и душевным качествам, А.П. Чехов часто применяет специальные экспрессивно окрашенные слова и выражения.

В чеховских письмах часто встречаются гиперболизированные оценки. Так, например, высшая оценка нравственных качеств человека передается писателем с помощью выражения **великая нравственная сила**:

«Дочери Толстого очень симпатичны. Они обожают своего отца и веруют в него фанатически. А это значит, что Толстой в самом деле **великая нравственная сила**, ибо, если бы он был неискренен и не безупречен, то первые стали бы относиться к нему скептически дочери, так как дочери те же воробьи: их на мякине не проведешь... Невесту и любовницу можно надуть как угодно, и в глазах любимой женщины даже осел представляется философом, но дочери – другое дело» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.87].

О чутком человеке А.П. Чехов говорит, что он **воплощенная чуткость**:

«Суворин представляет из себя **воплощенную чуткость**. Это большой человек. В искусстве он изображает из себя то же самое, что сеттер в охоте на бекасов, т. е. **работает чертовским чутьем и всегда горит страстью**» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.297].

Щедрого человека писатель называет **разливанной чашей**:

«Остановился у Суворина: **разливанная чаша...**» (А.С. Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.2, с.215].

6. Акцентирование внимания в оценке мужчины на его аккуратности

Аккуратность в одежде и ведении хозяйства также были немаловажны для Антона Павловича. Нередко мы находим в письмах адресатам его замечания по поводу чистоплотности или неряшливости того или иного человека:

«Он (Л.И. Пальмин. – А.К.) живет чёрт знает как... Ужасно одет, не видит света, не слышит людей. Я никогда не видел его обедов, но готов держать пари, что он питается чепухой (Его супруга не дает впечатления мудрой хозяйки.) В общем, мне кажется, что он

скоро умрет. Его организм до того расшатан, что можно удивляться, как это в таком больном теле может сидеть такая стихотворная натура» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.109];

«Пальмин был у меня. Насчет богов и богинь Вы правы. Я поговорю с ним. Знаете, он и сам напоминает какого-то бога. Живет не по-людски, витает в эмпиреях и знать не хочет земли... Сюртук в пятнах, штаны вечно расстегнуты, галстук на затылке...» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.1, с.265].

7. Акцентирование внимания в оценке мужчины на его сдержанности и тактичности

А.П. Чехов, будучи сам тактичным, деликатным и сдержанным человеком, акцентировал внимание на тех же качествах личности у других:

«Нравится он (Вл.И. Немирович. – А.К.) мне и с внешней стороны: прилично держится и старается быть тактичным. По-видимому, работает над собой» (А.Н.Плещееву) – [Письма, т.3, с.293].

8. Акцентирование внимания в оценке мужчины на его лени

«Думаю, что если не поленишься, напишешь недурно, но ведь ты (Ал.П. Чехов. – А.К.), **чёрт тебя знает какой лентяй!**» » (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.241];

«Николай **страшный лентяй!**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.98];

«Насчет брата Николая согласен. Скорблю и скорблю. **Лентяй из перворазрядных** и с каждым годом становится всё ленивее и ленивее» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.131].

9. Акцентирование внимание на «сухости» мужчины

Характеризуя бесчувственного, бессердечного человека А.П. Чехов использует обычно слово *сухой* и выражение *сух до nec plus ultra*:

«Протопопова я не люблю: это рассуждающий, тянущий жилы из своего мозга, иногда справедливый, но **сухой** и бессердечный человек. Лично я с ним не знаком и никогда его не видел; он писал обо мне часто, но я ни разу не читал» [Письма, т.5, с.173];

«Порфирьев **сух до nec plus ultra**» [Письма, т.1, с.98-99].

В письмах А.П. Чехова встречаются также негативные оценки следующих качеств мужчин: **болтливости, хвастовства, самомнения, буржуазности, занудства, озлобленности** и некоторых других.

10. Возможность гиперболизации какого-либо негативного качества мужчины

«В воскресенье у меня будет **бог скуки** – Потапенко» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.217].

11. Стремление к образному выражению негативной оценки мужчины

«Будущий тесть барона Сталь фон Гольштейн скучен. Это **гроб**, а гробы тем скучнее, чем богаче они убраны. Вот тысяча первое доказательство, что не в деньгах счастье, – пошлая истина, но все-таки истина» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.72];

«Я не читал рассказа Сергиенко. Был он напечатан или еще нет? Интересно было бы прочесть, ибо Сергиенко меня интересует. У этого человека, талантливого немножко и неглупого, есть в голове какой-то **хохлатский гвоздик**, который мешает ему заниматься делом как следует и доводить дело до конца» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.242].

«Человек он (Островский. – А.К.) добрый и в высшей степени добропорядочный; но спорить с ним трудно. Трудно не потому, что высказывает он противоположные взгляды, а потому, что **приемы для спора у него времен очаковских и Крыма**» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.254].

12. Широкое использование бранных слов в негативных оценках мужчин

Давая в письмах адресатам заочную отрицательную оценку третьим лицам, А.П. Чехов нередко использует по отношению к ним выражения с негативной экспрессивной окраской и оскорбительным значением. В письмах писателя чаще всего мы встречаем:

- использование наименований животных в переносном значении

«Майков **большой осёл**, которого били и который не стал от этого умнее» (А.С.Суворину) – [Письма, т.3, с.189];

«Потапенко жид и **свинья**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.323];

«Был в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про <ото>рые в писании сказано: «до конца претерпех»... Кормил он меня великолепно, но, **скотина**, чуть не задавил меня своею ложью...» (Ал.П. Чехову, 4 января 1886 г., Москва) – [Письма, т.1, с.176].

- использование названий нечистой силы в переносном значении

Чаще всего А.П. Чехов в адрес своих обидчиков использует слова: **чёрт**, **черти**:

«**Черти**, а не люди (газетчики. – А.К.)» (Н.А. Лейкину, 25 декабря, 1888 г., Москва) – [Письма, т.1, с.94];

«Хромому **чёрту** (Н.А. Лейкину. – А.К.) не верь. Если бес именуется в св. писании отцом лжи, то нашего редактора можно наименовать по крайней мере дядей её» (Ал.П.Чехову, 3 февраля 1886 г., Москва) – [Письма, т.1, с.192-193];

- использование бранной лексики

В письмах А.П. Чехова нередко встречаются следующие слова, употребляемые им в адрес неприятного человека: **болван, тряпка, кислятина, стерва**:

«Рассказ твой «С иголки» переделывал при мне Лейкин, а не Билибин, который отродясь не касался твоих рассказов и всегда возмущался, когда видел их опачканными прикосновением **болвана**. <...> Счастье этому Лейкину! По счастливой игре случая все (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) его сотрудники в силу своей воспитанности – **тряпки, кислятины**, говорящие о гонораре, как о чем-то щекотливом, в то время как сам Л<ейкин> хватает зубами за икры!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.193];

«Доехал я благополучно, но ехал скверно, благодаря болтливому Лейкину. Он мне мешал читать, есть, спать... Всё время, **стерва**, хвастал и приставал с вопросами» (М.П.Чехову) – [Письма, т.2, с.213].

13. Заочное присвоения неприятному мужчине оскорбительного нового имени

Неприятным людям (третьим лицам) А.П. Чехов иногда присваивает новые имена и отчества по ассоциативному признаку, по сути являющиеся оскорблениями:

«Прасковью Параменовну, Настасью Тихоновну, **Собакия Семеныча** и **Матвея Сортирыча** видеть я не буду, хотя тетка и просила передать им, что она уж раз десять им писала и ответа не получила. Родственники – это племя, к которому я равнодушен так же, как к Фросе Артеменко» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.73];

«С сокрушенным сердцем ожидаю Лейкина. Он опять утомит меня. С этим **Квазимодо** у меня разладица» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.14].

14. Допустимость диаметрально противоположных заочных оценок одного и того же лица в разное время

Случается, что А.П. Чехов по истечении некоторого времени меняет свое мнение о человеке на противоположное. Так, например, Н.А. Лейкина в 1883 г. А.П. Чехов называет не иначе, как «**человечина**», что является высокой оценкой личности:

«Был у меня Н.А. Лейкин. **Человечина** он славный, хоть и скупой» (Ал.П. Чехову, между 15 и 28 октября 1883 г., Москва) – [Письма, т.1, с.88].

Затем позже, разочаровавшись в Лейкине, в письмах брату Александру А.П. Чехов не стесняется в выражениях, называя Лейкина «**Квазимодо**», «**хромой чёрт**», «**лгун**»:

«**Хромому чёрту** (Н.А. Лейкину. – А.К.) не верь. Если бес именуется в св. писании отцом лжи, то нашего редахтура можно наименовать по крайней мере дядей её. <...>

Вообще лгун, лгун, лгун» (Ал.П. Чехову, 3 февраля 1886 г., Москва) – [Письма, т.1, с.192-193];

«С сокрушенным сердцем ожидаю Лейкина. Он опять утомит меня. С этим **Квазимодо** у меня разладица. <...> Брешет, что получает письма от подписчиков с вопросом: отчего Чехонте не пишет?» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.14].

А.С. Суворина писатель долгое время боготворит, называет его не иначе, как «великий человек и умница» [Письма, т.2, с.17], «замечательный человек нашего времени» [Письма, т.2, с.215], «воплощенная чуткость», «большой человек» [Письма, т.2, с.297], говорит, что Суворин «в высшей степени искренний», «он не продаст» [Письма, т.3, с.58].

В 1901 году находим в письмах Чехова противоположную оценку А.С. Суворину:

«Суворин лжив, ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты» (М.П. Чехову, 22 февраля 1901 г., г. Ялта) – [Письма, т.9, с.208].

Факты изменения восторженной оценки человека на противоположную находим и в письмах Чехова относительно Д.В. Григоровича и А.Н.Плещеева:

«Я Григоровича очень люблю, но не верю тому, что он за меня боится. Сам он тенденциозный писатель и только прикидывается врагом тенденции. Мне кажется, что его одолевает постоянный страх потерять расположение людей, которых он любит, – отсюда и его **виртуозная неискренность**» (А.С. Суворину, 6 января 1889 г., Москва) – [Письма, т.3, с.130];

«Вчера приходил Григорович; долго целовал меня, **врал** и все просил рассказать ему про японок» (М.П. Чеховой, 14 января 1891 г., Петербург) – [Письма, т.4, с.162];

«А Плещеев постоянно разочаровывается. **Надо быть большой овцой, чтобы серьезно относиться к его симпатиям и верить в его дружбу**» (А.С. Суворину, 25 июня 1892 г., Мелихово) – [Письма, т.5, с.85].

По верному замечанию К.И. Чуковского, «самое ругательное слово в чеховском словаре было «ложь» [Чуковский 1963, с.123]. Писатель не терпел лжи, и если чувствовал, что человек лжет, он больше не мог относиться к нему по-прежнему.

ЖЕНЩИНЫ

Как показало исследование, мужчины являются основными собеседниками А.П. Чехова и занимают большую часть круга его общения.

Поэтому большая часть оценок в письмах А.П. Чехова отводится мужчинам. Оценок женщин в письмах А.П. Чехова мы встречаем гораздо меньше.

Чеховские характеристики женщин обладают своей спецификой и требуют отдельного рассмотрения.

1. Преобладание снисходительных оценок женщин в общении

У А.П. Чехова чисто мужской взгляд на женщин: оценивающе-снисходительный. Женщину писатель оценивает в основном по двум критериям: ее внешним данным и интеллекту (и, соответственно, интересна ли она в общении).

Часто в письмах к своим адресатам А.П. Чехов называет женщин *девицами* или *бабами, бабенками*, что говорит о снисходительно-пренебрежительном отношении писателя к представительницам женского пола:

«Видел богатых **девиц**. Выбор громадный, но я всё время был так пьян, что бутылки принимал за девиц, а девиц за бутылки. Вероятно, благодаря моему пьяному состоянию здешние девицы нашли, что я остроумен и «насмешник». **Девицы здесь – сплошная овца**: если одна поднимется и выйдет из залы, то за ней потянутся и другие. Одна из них, самая смелая и **вумная**, желая показать, что и она не чужда тонкого обращения и политики, то и дело била меня веером по руке и говорила: «У негодный!», причем не переставала сохранять испуганное выражение лица. Я научил ее говорить кавалерам: «Как вы наивны!» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.73];

«У меня никто не бывает. Впрочем, вчера была Мария Ивановна Водовозова, которая, очевидно, – и это очень жаль! – помирилась со мной. **Несносная, глупая бабенка, которая каждую минуту суется не в свое дело**» (О.Л. Книппер-Чеховой) – [Письма, т.10, с.213].

В письме к А.С. Суворину читаем об одном историческом персонаже женского пола:

«Напрасно Вы бросили Марину Мнишек; из всех исторических б<...> она едва ли не самая колоритная. А что касается ее отношения ко всему русскому, то ведь на это начхать можно. Русские сами по себе, а она сама по себе, **да и слишком она баба и мелка, чтобы придавать значение ее воззрениям**» [Письма, т.3, с.291].

2. Доминирование оценок внешних данных женщин

Женщина для А.П. Чехова – это в первую очередь тело или лицо: красивое или некрасивое, поэтому большая доля оценок отводится внешним данным:

«Большинство здешних (таганрогских. – А.К.) девиц сложено хорошо, имеет прекрасные профили и не прочь поамурничать» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.62];

«Я был в салон-вагоне, мадам приняла меня очень любезно, поиграла мне лицом. У нее на лице не хватает кожи, и поэтому чтобы открыть глаза, нужно закрыть рот, и чтобы открыть рот, надо закрыть глаза» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.8, с.251].

3. Возможность восторженных оценок женской внешности

Чаще всего восторженная оценка, даваемая писателем женщине, касается ее внешних данных. Особ женского пола, которым можно дать такую оценку, А.П. Чехов называет *женщинами* или *барышнями*.

Выражая свое восхищение, писатель использует эмоциональное междометие *ах* в сочетании с интенсификатором экспрессивности *какая* (*какие*):

«Ах, какие здесь (в Таганроге. – А.К.) женщины!» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.55].

4. Доминирование ироничных оценок женской внешности

Оценки женщин, даже выражающие восхищение, зачастую не лишены у А.П. Чехова иронической окраски:

«Потом прогулка по платформе. Барышни. В крайнем окне второго этажа станции сидит барышня (или дама, чёрт ее знает) в белой кофточке, томная и красивая. Я гляжу на нее, она на меня... Надеваю пенсне, она тоже... **О чудное видение! Получил катар сердца и поехал дальше**» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.56].

Возвышенно-ироническая окраска данной оценки достигается сочетанием поэтически-возвышенного слога с обыденно-сухим замечанием медика.

Встречаем и другие «мужские» оценки с ироническим оттенком:

«С хористками я был знаком. Помнится мне одна 19-летняя, которая лечилась у меня и великолепно кокетничала ногами. Я впервые наблюдал такое уменье, не раздеваясь и не задирая ног, внушить вам ясное представление о красоте бедр. Впрочем, Вы этого не понимаете. Чтоб понимать, нужно иметь особый дар свыше» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.288].

Сдержанные оценки женщин также имеют ироническую окраску:

«Барышни здесь (в Таганроге – А.К.), правда, недурны, но к ним нужно привыкнуть. Они резки в движениях, легкомысленны в отношениях к мужчинам, бегают от родителей с актерами, громко хохочут, влюбчивы, собак зовут свистом, пьют вино и проч. Есть между ними циники, напр<имер> белобрысая Моня Х<одаковская>. Эта особа трогает не только живых, но и мертвых. Когда я гулял с нею по кладбищу, она всё время смеялась

над мертвецами и их эпитафиями, над попами, дьяконами и проч.» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.68-69].

5. Допустимость категоричных негативных оценок внешних данных женщин

Негативные оценки женского тела имеют в основном категорический оттенок:

«... наездницу Годфруа я знаю. Она вовсе не хороша. Кроме езды «высшей школы» и прекрасных мышц, у нее ничего нет, всё же остальное обыкновенно и вульгарно» (А.С. Суворину) – [Письма, т.2, с.327].

Чтобы выразить к какой-либо женщине резкую антипатию А.П. Чехов использует окказионализмы, созданные по ассоциативному признаку:

«Николаева баба – это жирный кусок мяса, любящий выпить и закусить...» [Письма, т.1, с.159]; «На одном из поездов видел Созю Ходаковскую: кажется, красится во все цвета радуги и сильно окошкодохлилась» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.83].

6. Широкое использование медицинских оценок женской внешности

А.П. Чехов нередко смотрит на женское тело не только как мужчина, но и как анатомист и медик. Такая его оценка представительниц женского пола говорит о том, что ему интересна скорее физиология женщины, а не ее личностные качества:

«После обеда <...> я поехал к Ходаковскому. Пан живет недурно, хотя и не с той роскошью, какую мы знали раньше. Его белобрысая Маня – жирный, польский, хорошо прожаренный кусок мяса, красивый в профиль, но не приятный en face. Мешочки под глазами и усиленная деятельность сальных железок. По-видимому, бедовая» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.60-61].

7. Допустимость дискредитации женщины по ее внешним данным

В чеховских оценках женщина или умна, или красива. Случается, что А.П. Чехов дискредитирует женщину как третье лицо в глазах собеседника по внешним данным. В своих характеристиках интеллектуальных женщин он отмечает, что отсутствие женской красоты компенсируется умом:

«Иринушка обрюзгла и неизящна... то есть застрелиться можно» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.58];

«Евгения Иасоновна живет без мужа. Двое детей. Ужасно подурнела и пожухла. По всем видимостям, несчастна» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.60].

«Тут же посылаю рассказ одной госпожи, сотрудницы многих петербургских и московских журналов, некоей Политковской. Пришла ко мне и попросила рекомендовать. Рекомендую. Баба способная и может пригодиться, если будет поставлена на

настоящий путь. <...> Особа нервная, а посему (недаром я медицинский ф<акуль>тет проходил!) не огорошьте ее холодным и жестким ответом... Помягче как-нибудь... <...> Поэт, впрочем, недурно, но **мордемондия ужасная...**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.133];

«Входит **старая дева с крысыим лицом и в шали**, рекомендуется сестрицею Никулиной...» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.88].

8. Редкость восторженных оценок женщины как личности

В письмах А.П. Чехова положительные оценки женщины как личности довольно редки, и они в основном сдержанные или с панибратским оттенком. Писатель редко дает женщине как личности восторженную оценку. Только в пяти письмах А.П. Чехова встречаем такую оценку:

«У нас три недели гостила Наташа Линтварева. Стены нашего комодообразного дома дрожали от смеха. **Завидное здоровье и завидное настроение. Пока она у нас жила, в нашей квартире даже в воздухе чувствовалось присутствие чего-то здорового и жизнерадостного**» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.293];

«Лидия Фёдоровна **предобрейший человек**» (Е.М. Линтваревой) – [Письма, т.3, с.45].

9. Широкая допустимость негативных оценок интеллектуальных и творческих способностей женщины

Оценивая интеллектуальные и творческие способности «слабого пола», А.П. Чехов смотрит на женщин сверху вниз.

В одном из писем брату Александру в 1883 г. А.П. Чехов предлагает вниманию адресата целый трактат о женщине:

«Я разрабатываю теперь и в будущем разрабатывать буду один маленький вопрос: женский. Но, прежде всего, не смейся. Я ставлю его на естественную почву и сооружаю: «Историю полового авторитета» [Письма, т.1, с.63].

В своем трактате А.П. Чехов рассматривает историю полового авторитета у клеточки, насекомого, червя, птицы, обезьяны и человека и приходит к выводу, что почти среди всех представителей насекомых и животных авторитет самки или равен нулю, или отрицательный. У наиболее совершенных существ – обезьяны и человека женский авторитет еще слабее, то есть мужчина выше. Далее А.П. Чехов доказывает свою мысль, анализируя роль женщины в политике, социологии, науке, искусстве:

«История мужчины и женщины. **Женщина – везде пассивна. Она родит мясо для пушек. Нигде и никогда она не выше мужчины в смысле политики и социологии.**

Знания. Бокль говорит, что она дедуктивнее... и т. д. Но я не думаю. Она хороший врач, хороший юрист и т. д., но **на поприще творчества** (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) **она гусь. Совершенный организм творит, а женщина ничего еще не создала.** Жож Занд не есть ни Ньютон, ни Шекспир. **Она не мыслитель.**

<...> История женских университетов. Тут курьез: за все 30 лет своего существования женщины-медики (превосходные медики!) не дали ни одной серьезной диссертации, из чего явствует, что **на поприще творчества – они швах.**

<...> Помятуй, что совершенный организм **творит** (выделено А.П. Чеховым. – А.К.). **Если женщина не творит, то значит, она дальше отстоит от совершенного организма, следовательно, слабее мужчины, который ближе к упомянутому организму»** (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.64-66].

Как видим, в негативной оценке способностей женщин преобладают речевые акты категоричности: *«женщина – везде пассивна»*; *«она не мыслитель»*; *«на поприще творчества она гусь»*; *«на поприще творчества – они швах»*; *«совершенный организм творит, а женщина ничего еще не создала»*; *«если женщина не творит, то значит, она дальше отстоит от совершенного организма, следовательно, слабее мужчины, который ближе к упомянутому организму»*.

В отрицательной оценке умственных способностей женщин наряду с категорическими интонациями встречаются язвительно-ироничные, дискредитирующие женщину в глазах собеседника:

«Никакой ум не может постигнуть всей глубины ее (Людмилы Павловны – А.К.) ума. Я когда слушаю ее, то решительно теряюсь перед неисповедимыми судьбами, создающими иногда такие редкие перлы. Непостижимое создание! Я еще не забыл анатомии, но, глядя на ее череп, начинаю не верить в существование вещества, именуемого мозгом» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.83-84].

10. Категоричность оценок негативных сторон личности женщины

Отрицательную оценку с категорическими интонациями встречаем у А.П. Чехова не только относительно творческих и умственных способностей женщин, но и относительно других их человеческих качеств. В данном случае А.П. Чехов употребляет экспрессивные выражения: *«баба – упаси боже!»*; *«в большой дозе эта особа – покорно благодарю!»*. В письмах к А.С. Суворину находим оценки женщин вообще и оценки конкретных особ:

«Мысли Ваши насчет женщин весьма правильны. Больше всего мне не симпатичны женщины своею несправедливостью и тем, что справедливость, кажется, органически им не свойственна. Человечество инстинктивно не допускало их

к общественной деятельности; оно, бог даст, дойдет до этого и умом. **В крестьянской семье мужик и умен, и рассудителен, и справедлив, и богобоязлив, а баба – упаси боже!**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.17-18];

«У меня была астрономка (Кундасова О.П. – А.К.). Прожила со мной под одной крышей несколько суток. **В большой дозе эта особа – покорно благодарю! Легче таскать из глубокого колодезя воду, чем беседовать с ней.** Она до такой степени утомила меня своей манерой говорить и своей манерой вмешиваться в чужие дела, что под конец я стал даже говорить ей грубости» (А.С. Суворину) – [Письма, т. 6, с.64].

11. Стремление давать интеллектуальным женщинам положительную оценку с фамильярным, панибратским оттенком

По мнению А.П. Чехова, интеллект и творческие способности – прерогатива сугубо мужская, поэтому о женщинах, обладающих такими качествами, писатель отзывался панибратски, как о приятелях. Таких женщин писатель называл: «баба», «бабёнка», «мой приятель».

А.П. Чехов нередко трансформирует фамилию женщины-приятеля на манер прозвища. Например, в письмах самым близким друзьям А.П. Чехов называл жену Суворина грубовато-панибратски *Сувориха* и отмечал ее как оригинального и интересного собеседника. Надо отметить, что высшей похвалой в адрес женщины как личности являлись чеховские фразы: «с ней не скучно», «она умная и во всех смыслах порядочная»:

«Сувориха ежечасно одевается в новые платья, поет с чувством романсы, бранится и бесконечно болтает, Баба неугомонная, вертлявая, фантазерка до мозга костей. **С ней не скучно**» [Письма, т.2, с.296];

«Видаю много женщин; лучшая из них – Суворина. Она также оригинальна, как и ее муж, и **мыслит не по-женски**. Говорит много вздора, но если захочет говорить серьезно, то говорит умно и самостоятельно. <...> Обладает необыкновенным талантом безумолку болтать вздор, болтать талантливо и интересно, так как ее можно слушать весь день без скуки, как канарейку. Вообще человек она интересный, умный и хороший» [Письма, т.2, с.299];

«Теперь насчет бывшей у Вас Н.А. Гольден. **Это мой хороший приятель... Бабенка** умная, честная и во всех смыслах порядочная» [Письма, т.1, с.134].

12. Негативная оценка эмансипированных женщин

Слишком эмансипированные женщины, копирующие поведение мужчин, не очень нравятся А.П. Чехову:

«Г-жа Орлова **не без наблюдательности, но уж больно груба и издергалась. Ругается, как извозчик, и на жизнь богачей-аристократов смотрит оком прачки**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.275].

ГРУППЫ ЛИЦ

1. Акцентирование внимания адресата на релевантных для адресанта характеристиках жителей разных мест или народностей

Значительную часть в структуре общения А.П. Чехова занимают оценки представителей разных народностей, которых писатель встречал, путешествуя по России. Давая оценку какой-либо народности, А.П. Чехов, прежде всего, обращал внимание адресата на следующие черты:

- культура поведения

О евреях в г. Томске:

«Кстати об евреях.<...> Пользуются они всеобщим уважением, и, по словам заседателя, нередко их выбирают в старосты. Я видел жида, высокого и тонкого, который безглаголиво морщился и плевал, когда заседатель рассказывал скабрзные анекдоты; чистоплотная душа; его жена сварила прекрасную уху» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.81].

О поляках в г. Томске:

«Кстати о поляках. Попадают ссыльные, присланные сюда из Польши в 1864 г. Хорошие, гостеприимные и деликатнейшие люди. Одни живут очень богато, другие очень бедно и служат писарями на станциях» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.82].

- здоровье духовное и физическое, материальное благополучие

Об украинцах:

«Вокруг в белых хатах живут хохлы. Народ всё сытый, веселый, разговорчивый, остроумный. Мужики здесь не продают ни масла, ни молока, ни яиц, а едят всё сами – признак хороший. Нищих нет. Пьяных я еще не видел, а матерщина слышится очень редко, да и то в форме более или менее художественной. Помещики-хозяева, у которых я обитаю, люди хорошие и веселые» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.269];

- чистоплотность

О жителях Сибири:

«Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями. Комнаты у них убраны просто, но чисто, с претензией на роскошь; постели мягкие, всё пуховики и большие подушки, полы выкрашены или устланы самодельковыми холщовыми коврами.<...> Когда ночьюходишь в комнату, в которой спят, то нос не чувствует ни спирали, ни русского духа. Правда, одна старуха, подавая мне чайную ложку, вытерла ее о задницу, но зато вас не посадят пить чай без скатерти, при вас не отрыгивают, не ищут в голове; когда подают воду или молоко, не держат пальцы в стакане, посуда чистая, квас прозрачен, как пиво, – вообще чистоплотность, о которой наши хохлы могут только мечтать, а ведь хохлы куда чистоплотнее кацапов!» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.79].

- честность

О жителях Сибири:

«От Тюмени до Томска ни почтовые, ни вольные ящики не помнят, чтобы у проезжающего украли что-нибудь; когда идешь на станцию, вещи оставляешь на дворе; на вопрос, не украдут ли, отвечают улыбкой. О грабежах и убийствах по дороге не принято даже говорить» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.79].

- свободолюбие и независимость

О жителях Амура:

«Народ всё больше независимый, самостоятельный и с логикой. Если случается какое-нибудь недоразумение в Усть-Каре, где работают каторжные (между ними много политических, которые не работают), то возмущается весь Амур. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан. Это объясняется отчасти и полным равнодушием ко всему, что творится в России. Каждый говорит: какое мне дело?» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.125-126].

Большинство народностей, встреченных в разных местах, А.П. Чехов оценивает положительно.

2. Негативная оценка качеств русских по сравнению с другими национальностями

Примечательно, что все народы, кроме русского, А.П. Чехов оценивает позитивно. Для русского же народа, к которому сам и принадлежит, писатель не жалеет резких экспрессивно окрашенных выражений и даже ругательных слов. Больше всего А.П. Чехова в русских отталкивает **пристрастие к алкоголю и отсутствие деликатности.**

Например, русским, живущим на берегу Байкала на ст. Лиственичной, А.П. Чехов дает следующую оценку:

«**Русский человек большая свинья.** Если спросить, почему он не ест мяса и рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т. п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чем водку, которая и дороже и везти ее труднее... Нет, должно быть пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот» (Чеховым, 13 июня 1890 г., Лиственичная) – [Письма, т.4, с.114].

Обращаясь к А.С. Суворину, А.П. Чехов не без иронии пишет:

«**Русский человек не понимает деликатных чувств.** Сегодня приезжал ко мне сосед, богатый фабрикант, с сынишкой лечить горло и, прощаясь, протянул ко мне три рубля. Я сказал: зачем? полноте! Он поблагодарил и положил деньги себе в карман» (А.С.Суворину) – [Письма, т.5: с.85].

В своих письмах А.П. Чехов допускает категорические негативные оценки жителей целого города. Например, нелицеприятную оценку писателя получают жители Томска (исключая поляков, евреев и татар):

«Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы» (А.С. Суворину, 20 мая 1890 г., Томск) – [Письма, т.4, с.94].

3. Высокая доля категоричной оценки театральной, городской, курортной и читательской публики

Театральная, городская, курортная и читательская публика чаще всего оценивается А.П. Чеховым негативно. Резкая категоричная оценка публики, даваемая писателем, всегда экспрессивно окрашена. При оценке публики писатель обычно использует слова **народ, публика, люди** в сочетании со словами: **бесполезный, невоспитанный, необразованный, некультурный, партерный, нудный, мутный, тусклый, прескучнейший**; с выражением **не стоить и гроша медного**; с интенсификаторами экспрессивности: **в высшей степени, в высочайшей степени...**:

«Погода весенняя, тепло и светло, море как море, но **люди в высочайшей степени нудные, мутные, тусклые**. Я сделал глупость, что весь март отдал Крыму. Надо было поехать в Киев и там удариться в созерцание святынь и хохлацкой весны» (А.С.Суворину) – [Письма, т.5, с.283];

«Море прекрасно. Прекрасны пароходы. Но **публика некультурная, нудная**» (М.П.Чеховой) – [Письма, т.5, с.285];

«Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу и в нее верю меньше, чем в домового: **она необразованна, дурно воспитана, а ее лучшие элементы недобросовестны и неискренни по отношению к нам**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.98];

«Здесь (в Петербурге. – А.К.) погода не холодная, но серая, грязноватая, скучная. **Публика серая, вялая, обеды дома невкусные**» (О.О. Книппер) – [Письма, т.9, стр.207].

Выражая резко негативную оценку по отношению к городской публике, А.П. Чехов часто использует экспрессивное междометие **брррр!** и слово с уничижительным значением **людишки**. Вот как, например, он пишет сестре Марье Павловне о жителях Таганрога:

«Погода великолепная, но **людишки... брррр!**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.2, с.65].

4. Постоянство резко негативной оценки критиков и газетчиков

Критиков и газетчиков А.П. Чехов всегда оценивает резко негативно. Говоря о них, писатель часто не может сдерживать эмоции, поэтому оценка всегда получается экспрессивной. Писатель практически всегда использует хлесткие выражения в категоричной форме. По отношению к критикам и газетчикам А.П. Чехов употребляет выражение **народ бесполезный**, часто в сочетании с интенсификатором экспрессивности **в высшей степени**. Для крайне низкой негативной оценки газетчиков писатель довольно часто использует оскорбительное слово **жулики**:

«...все нынешние критики не стоят и гроша медного – **в высшей степени бесполезный народ...**» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.228];

«Газетчик значит, по меньшей мере, **жулик**, в чем ты и сам не раз убеждался. Я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика. Скорблю и надеюсь, что рано или поздно изолирую себя à la ты. Ты не газетчик, а вот тот газетчик, кто, улыбаясь тебе в глаза, продает душу твою за **30 фальшивых сребреников** и за то, что ты лучше и больше его, ищет тайно погубить тебя чужими руками, – вот это газетчик, о котором я писал тебе» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с. 69-70].

Экспрессивность оценки достигается писателем не только с помощью хлестких выражений, но и с помощью восклицаний, пауз (многоточий), повторов:

«У нас, газетчиков, есть болезнь – зависть. Вместо того чтоб радоваться твоему успеху, тебе завидуют и... перчику! перчику! А между тем одному богу молятся, все до единого одно дело делают... Мелочность! Невоспитанность какая-то... А как всё это отравляет жизнь!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с. 59].

Негативно оценивая критиков, сотрудников журналов и газет, А.П. Чехов очень часто использует прием перевода собственного имени носителя негативных личностных качеств в нарицательное, которое становится собирательным образом, своеобразным социальным знаком. Так, например, мы часто встречаем в письмах А.П. Чехова слово **кичевщина**, обозначающее целое общественное явление:

«Это **кичевщина** – нежелание людей одного и того же лагеря понять друг друга. Подлая болезнь!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.58].

А.П. Чехов создает целую галерею собирательных образов представителей общества с определенными стереотипными взглядами или стереотипным поведением. Вот некоторые из них:

Аверкиевы (Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836-1905), драматург, беллетрист, публицист и театральный критик);

Буренины (Буренин (псевдоним – граф Алексис Жасминов) Виктор Петрович (1841-1926), публицист, беллетрист и драматург, критик «Нового времени»);

Гавриловы (Гаврилов Иван Егорович, купец 1 гильдии, владелец галантерейной торговли; П.Е. Чехов служил у него конторщиком с ноября 1877 по апрель 1891 г.);

Готберги (Готберг Яков Матвеевич, сотрудник «Нового времени»);

Кичеевы (Кичеев Петр Иванович (1845-1902), поэт и театральный рецензент, сотрудник малой прессы; Кичеев Николай Петрович (1848-1890), журналист, в 1877-1881 гг. редактор журнала «Будильник», вел московский фельетон в «Новостях и биржевой газете»);

Левенберги (Левенберг Э., журналист; сотрудничал в «Новостях дня»);

Прокофьевы (Прокофьев Василий Алексеевич, журналист, репортер «Нового времени»);

Родзевичи (Родзевич, литератор; сотрудничал в периодических изданиях);

Уткины (Уткина Лидия Николаевна, издательница «Будильника» в 1876-1883 гг.).

Наименование собирательного образа негативных качеств личности А.П. Чехов пишет чаще всего с большой буквы, реже – с маленькой.

«Воспоминание о предстоящем возвращении в Москву, кишашую **Гавриловыми и Кичеевыми**, портит мне кровь» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.160];

«После духоты, какую чувствуешь в среде **Бурениных и Аверкиевых** – а ими полон мир, – Рачинский, идейный, гуманный и чистый, представляется весенним зефиром» (И.Л. Леонтьеву-Щеглову) – [Письма, т.5, с.20].

«Я, брат, столько потерпел и столь возненавидел, что желал бы, чтобы ты отрекся имени, которое носят **уткины и кичеевы**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.69];

Некоторые негативные качества человеческой личности ассоциируется у А.П. Чехова непосредственно с носителем этого качества:

«Карпов глупый и злой человек, самолюбие чертовское, **аверкиевское**, кончит он тем, что будет писать критические фельетоны под псевдонимом» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.175].

5. Постоянство резко негативной оценки русской интеллигенции

Русской интеллигенции А.П. Чехов постоянно дает резко негативную оценку. Примечательно, что свое мнение по отношению к русской интеллигенции писатель не изменяет в течение многих лет. Для оценки интеллигенции А.П.Чехов всегда использует целый арсенал эпитетов с отрицательными коннотациями. В письмах адресатам в 80-х годах писатель

больше всего акцентирует свое внимание на таких качествах русской интеллигенции, как пассивность, леность ума, вялость, бесцветность, безответственность, нигилизм, наивность, слабость, непатриотичность, страх выражать собственное мнение:

«Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для кредитных бумажек, которая непатриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесятикопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает всё (выделено А.П. Чеховым), так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать; которая не женится и отказывается воспитывать детей и т. д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях – и всё это в силу того, что жизнь не имеет смысла...» (А.С. Суворину, 27 декабря 1889 г., Москва) – [Письма, т.3, с.309];

«Русского человека всегда больше интересовала иностранная политика, чем своя русская, и, прислушиваясь к разговорам, видишь теперь, до какой степени наивен и суверен русский интеллигент и как мало у него знаний. Его нянька в детстве ушибла, его запугали воспитанием, и он боится иметь собственное мнение и так мало верит себе, что если сегодня сделал овацию Ермоловой, то завтра уже совестно этой овации. Но как бы ни было, все ждут и на что-то надеются, и все при встрече улыбаются!» (А.С. Суворину, 5 декабря 1894 г., Мелихово) – [Письма, т.5, с.342-343].

В 90-х годах негативная оценка А.П. Чеховым русской интеллигенции становится еще более резкой. Писатель делает акценты на таких негативных чертах русской интеллигенции, как лицемерие, истеричность, невоспитанность, лень. А.П. Чехов не верит, что интеллигенция может спасти Россию. В 1899 году в письме И.И. Орлову он говорит о том, что видит спасение России не в интеллигенции, а в отдельных нравственных, ответственных и трудолюбивых личностях, которые незаметны в социуме, но каждодневной своей работой продвигают общество вперед:

«Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям - интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало». (И.И. Орлову, 22 февраля 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.101].

ПОГОДА

1. Частое оценивание погодных явлений

Одним из постоянных объектов оценки А.П. Чехова является погода. Оценку погодным явлениям писатель дает почти в каждом письме, поскольку

настроение и работоспособность писателя напрямую зависели от погоды. Они улучшались, когда на улице светило солнце и было тепло. Любимое время года А.П. Чехова – весна и лето. Приход весны писатель всегда ощущал физически, всем своим существом:

«Солнце светит всюю. Пахнет весной. Но пахнет не в носу, а где-то в душе, между грудью и животом» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.164].

В зимнее и осеннее время года А.П. Чехов чувствовал себя хуже и психологически, и физически, о чем часто упоминал в письмах адресатам:

«Когда погода не такая, какую ей подобает быть, я вял, как переваренная макарона и не могу работать» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.5, с.193];

«Отвратительная погода наводит уныние, парализует всякую охоту двигаться и работать. Кажется, будь пьяницей, до отчаянности напился бы. Но увы! больше трех рюмок не лезет в глотку» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.5, с.196].

2. Преобладание восторженных оценок хорошей погоды

Положительная оценка А.П. Чеховым хорошей погоды редко бывает сдержанной (типа погода хорошая):

«Погода хорошая. Снег попадает редко» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.55];

«Погода хорошая. Хочется гулять» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.248].

Обычно писатель, оценивая погоду, широко употребляет экспрессивно окрашенные выражения и разнообразные эпитеты: **прекрасная, прелестная, жизнерадостная, возбуждающая, великолепная, чудесная, чудная, изумительная, удивительная, очаровательная, райская, восхитительная, роскошная:**

«Погода прекрасная, жаркая, жизнерадостная, возбуждающая, но нет дождя и всё сохнет» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.208];

«Погода прелестная. Тянет из нутра наружу» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.73];

«Погода в Петербурге великолепная. Солнце светит всюю, снега нет, и мороз слегка щиплет за щеки» (М.Е. Чехову) – [Письма, т.4: с.195];

«Погода чудесная. Небо освещено по-весеннему. Если бы я служил в департаменте государственной полиции, то написал бы целый доклад на тему, что приближение весны возбуждает бессмысленные мечтания» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6: с.26];

«Погода здесь изумительная, удивительная. Такая прелесть, что и выразить не могу. Вот когда бы Вам следовало приехать! Повторяю, такая прелесть, что просто одно сплошное очарование» (А.А. Хотяинцевой) – [Письма, т.7: с.178-179];

«Погода очаровательная» (М.О. Меншикову) – [Письма, т.7, стр.379];

«Начиная с Пасхи, погода стоит райская, и работы всем по горло» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.5, с.56].

А.П. Чехов часто использует интенсификаторы экспрессивности, позволяющие выразить наивысшую эмоциональную оценку: *так (столько)... , что... ; лучше и не надо; чёрт знает, как...; чертовски (возмутительно, анафемски)... :*

«В природе **столько** воздуха и экспрессии, что нет сил описать... Каждый сучок кричит и просится, чтобы его написал жид Левитан, держащий в Бабкине ссудную кассу» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.1, с.248];

«Боже, как я ленюсь! Погода виновата: **так хороша, что нет сил на одном месте усидеть**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.245];

«Погода в Москве великолепная. **Лучше и не надо**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.228];

«Погода у нас роскошна. Дни ясные, тихие, а **ночи чёрт знает, как хороши!**» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.1, с.246].

«**Погода чертовски, возмутительно хороша**» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.56];

3. Постоянство экспрессивной оценки плохой погоды

Почти все чеховские оценки плохой погоды содержат высокую степень экспрессивности. При оценке погоды писатель широко использует эмоционально окрашенную лексику: *отвратительная, ужасная, скверная, поганая, возмутительная, мерзкая:*

«Погода **отвратительная**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с. 200];

«Погода **ужасная**, дифтеритная» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1 с.123];

«Погода у нас **скверная**. То тепло, то холодно, так что, выходя из дому, не знаешь, что надевать: летнее пальто или отцовскую шубу...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с. 35];

«Погода в Москве **поганая**: холодно, грязно и облачно. Солнца не видим» (А.Н.Плещееву) – [Письма, т.3, с.186];

«Погода у нас **возмутительная**. Сегодня, например, в 6-ом часу утра был мороз, ясное небо, светило солнце и всё обещало хороший день; но теперь, в 8-ом часу утра, небо уже покрыто облаками. Дует с севера и пахнет снегом» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.5, с.201];

«Погода у меня на даче **мерзкая**. Дождю и сырости нет конца. Природа так паскудна, что глядеть не хочется.» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.94].

Наряду с общеупотребительными эпитетами А.П. Чехов нередко употребляет и авторские эпитеты:

«Жара, конечно, **несветимая**» (И.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.230];

«Была у нас гнусная, **нецензурная погода**, теперь же опять хорошо. Светит солнце, тепло; гимназисты щеголяют без пальто» (В.М. Лаврову) – [Письма: т.8. с.323].

При оценке погоды А.П. Чехов часто использует интенсификаторы экспрессивности, такие как: *хоть вешайся; хоть плюнь; чёрт знает что;*

«Кстати: на двора кáладна. **Просто хоть вешайся**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.203];

«**Зима в Москве плохая, хоть плюнь**. Снегу нет» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.307];

«**У нас было не лето, а сплошное чёрт знает что**: дождь, дождь и дождь... В настоящее время ветер, холодище и тяжелые тучи. Реомюр показывает 4,5 тепла. Скука и стремление к чему-нибудь зашибательному вроде пьянства» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.256].

Для выражения негативного отношения к сырой и холодной погоде А.П.Чехов часто употребляет эмоциональное междометие **бррр!**:

«Ну-с, подул с утра ветер... Тяжелые свинцовые облака, бурая земля, грязь, дождь, ветер... **бррр!**» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.4, с.75];

«**Бррр!** Холодно чертовски. Дует лютый норд-ост» [Письма, т.6, с.146]; «Грязно, холодище – бррр!» (В.А. Гольцеву) – [Письма, т.5, с.228];

«Вообще дождь, грязь, холод... **бррр!**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.71];

«Дождь порет во все лопатки. **Бррр!..**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.158].

4. Многократное употребление авторских сравнений в негативных оценках погоды

- Сравнение плохой погоды с недостойным, безнравственным человеческим поведением

Описывая природные явления, А.П. Чехов часто сравнивает их с недостойным, безнравственным человеческим поведением, создавая тем самым яркие образы в сознании собеседника. В оценках погоды писатель использует эпитеты с ярко выраженной экспрессивной негативной окраской: **безнравственная, сволочная, препаскудная, подлая**:

«**Погода безнравственная** и обещает быть таковою еще долгое время, а медицина не пускает меня из дому в дурную погоду» (А.Я. Гламе-Мещерской) – [Письма, т.3, с.284];

«**Погода сволочная**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.254];

«**Препаскудная** погода. Жалею, что я не пьяница и не могу нализаться как стелька. Очевидно, весна будет холодная, аспидская...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.197];

«**Погода в Москве подлая**: грязь, холод, дождь» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.184].

В письмах А.П. Чехова встречаются также сравнения погоды с недостойным поведением газетчиков, которых писатель не жаловал:

«У нас погода тоже скверная. Вчера была оттепель, сегодня мороз, а завтра будет дождь. Очевидно, **природа стала работать в мелкой прессе**. Иначе было бы непонятно такое ее поведение» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.21].

- Сравнение плохой погоды с половой распущенностью

Нередко плохой погоде А.П. Чехов приписывает качества падшей женщины или безнравственного человека:

«Погода у нас **занимается проституцией. Хуже всякой пьяной бабы: <...> гниет, плюет... Тифозно!»** (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.277];

«Погода в Москве скверная, **хуже полового извращения»** (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.270];

«В Питере погода аспидская. Ездят на санях, но снега нет. **Не погода, а какой-то онанизм»** (Ф.А. Куманину) – [Письма, т.4, с.8].

- Сравнение плохой погоды с чем-либо нечистым и злым

«Погода у нас в Москве **плёвая»** (А.С. Киселеву) – [Письма, т.2, с.146];

«Погода **адская**. Спасибо из Москвы приехали гости, а то бы можно было окоченеть от скуки» (В.А. Гольцеву) – [Письма, т.5, с.238];

«Погода **аспидская**, нет проезда ни на колесах, ни на санях, но в Москву не тянет и никуда не хочется из дому» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.5, с.122].

- Широкое использование медицинской терминологии при оценке плохой погоды

«Погода подлая, **насморочная**; само небо чихает. Просто не глядел бы» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.28];

«Погода ужасная, **дифтеритная**. Давно уже не видел солнца» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.123];

«Погода у нас безнравственная, **бленнорейная**. 3 градуса тепла. Санний путь перестает быть санним» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.283].

5. Значительная доля образных оценок плохой погоды

При описании плохой погоды для большей яркости и эмоциональности А.П. Чехов использует образные выражения, сравнения (нередко с шутливым оттенком) по ассоциативному признаку:

«Погода **безнадежная**. Был мороз, а теперь +2 со снегом. **Настроение грызотно-язвительное»** (М.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.199];

«Погода **пессимистическая»** (В.А. Гольцеву) – [Письма, т.5, с.237].

«У нас холодища. Идет снег, дует Борей, а небо глупо как пробка» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.238].

6. Частотность шутливых и иронических оценок плохой погоды

«Туман и облака. Не видно ничего. Птицы, крокодилы, зебры и прочие насекомые попрятались» (М.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.53];

«Холодно. Местность болотистая. Пахнет половцами и печенегам» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6: с.65];

«Погода у нас туманная. Столько по улицам туману напущено, что не только либералов, но даже и консерваторов не видно» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1: с.272].

ПРИРОДА

1. Малая доля негативных оценок природы и их исключительно экспрессивный характер

Негативных оценок природы у А.П. Чехова намного меньше, чем позитивных. Негативно писатель оценивает чаще всего природу Крыма (в основном Ялты), Баку и Каспийское море. Все эти оценки имеют экспрессивную окраску:

«С 5-го марта живу я в Ялте, откуда хочу в начале апреля бежать домой. Поехал в Крым только для того, чтобы хотя немножко удовлетворить свою страсть к передвижениям. Тут уже весна, тепло, но скучно; люди нудные, скучные, **природа кладбищенская**» (Я.А. Корнееву) – [Письма, т.5, с.280];

«Растительность в Ялте жалкая. Хваленые кипарисы не растут выше того тополя, который стоит в маленьком линтваревском саду налево от крыльца; они темны, жестки и пыльны» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.3, с.232];

«Дорога же от Тифлиса до Баку – это мерзость запустения, лысина, покрытая песком и созданная для жилья персов, тарантулов и фаланг; ни одного деревца, травы нет... скука адская. Сам Баку и Каспийское море – такая дрянь, что я и за миллион не согласился бы жить там» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.310].

2. Преобладание восторженных оценок природы

В структуре общения А.П. Чехова в основном находим положительные оценки природы. Самую высокую оценку писатель дает природе средней полосы России, Украины, Кавказа, Амура и Забайкалья. Все положительные оценки восторженные и имеют яркую экспрессивную окраску.

Рассказывая о природе своему собеседнику, А.П. Чехов стремится создать в его сознании такие яркие образы, чтобы адресат мгновенно представил созданную им картину. В одном из писем А.П. Чехов советует брату, как лучше в рассказах делать описание природы:

«В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка и т.д. **Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений ее с человеческими действиями** и т.д.» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.242].

Когда А.П. Чехов делится с адресатом своими впечатлениями о природе, в его речи присутствуют многочисленные **перечисления** и **повторы**, что свидетельствует об эмоциональном состоянии писателя:

«Всё ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное – горы, горы, и горы без конца и краю...» (неустановленному лицу) – [Письма, т.2, с.302];

«Видел я море во всю его ширь, кавказский берег, горы, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, свиней с длинными острыми мордами, деревья, окутанные лианами, как вуалью, тучки, ночующие на груди утесов-великанов, дельфинов, нефтяные фонтаны, подземные огни, храм огнепоклонников, горы, горы, горы...» (К.С.Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.308];

Особенностью коммуникативного поведения А.П. Чехова при оценке природы является также частое употребление писателем разнообразных **интенсификаторов экспрессивности**:

– *какое...:*

«**Какие** овраги, **какие** скалы!» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.117]; «Удивительная природа. **А как жарко! Какие теплые ночи!**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.125]; «Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне. **Какие** бабочки, букашки, **какие** мушки, таракашки!» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.4, с.143];

– *чрезвычайно;*

– *до чёртиков:*

«**Амур чрезвычайно интересный край. До чёртиков оригинален**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.124];

– *до бешенства и отчаяния:*

«Я в Абхазии! Ночь ночевал в монастыре «Новый Афон», а сегодня сижу в Сухуме. **Природа удивительная до бешенства и отчаяния**» (неустановленному лицу) – [Письма, т.2, с.302];

– *хоть караул кричи от вожделения:*

«...природа величественна, река широка, рыбы много, и на мельнице живет такая Муха, что просто **хоть караул кричи от вожделения**» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.2, с.273];

– *до какой степени:*

«**Вы не поверите, голубчик, до какой степени вкусны здесь** (в Абхазии – А.К.) **персики!** Величиной с большой яблочко, бархатистые, сочные... Ешь, а нутро так и ползет по пальцам...» (неустановленному лицу) – [Письма, т.2, с.302];

– *до такой степени, что...;*

«Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, Батуме, Тифлисе, Баку... Видел я чудеса в решетке... **Впечатления до такой степени новы и резки, что всё пережитое представляется мне сновидением и я не верю себе**» (К.С. Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.308];

– *умер бы от удовольствия:*

«Видел я такой утес, что если бы у его подножия Гундасова вздумала окисляться, то она бы умерла от удовольствия, и если бы мы с Софьей Петровной Кувшинниковой во главе устроили здесь пикник, то могли бы сказать друг другу: умри, Денис, лучше не напишешь. Удивительная природа» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.124-125];

– *так хорошо, что...:*

«Здесь на Афоне **так хорошо, что и описать нельзя:** водопады, эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, маслины, а главное – море и горы, горы, горы...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.310].

В письмах А.П. Чехов часто признается адресатам, что не способен выразить всю красоту природы словами. Однако даже эти признания косвенно выражают экспрессию:

«Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать, и давно уже хотел поделиться с Вами своими восторгами, но канальский пароход дрожал все семь дней и мешал писать. **К тому же еще описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну как их опишешь?**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.126].

Часто А.П. Чехов восторженную оценку природе дает с помощью фразы-пожелания самому себе: **«Вот бы где дачу нанять!»**:

«**Удивительная природа. А как жарко! Какие теплые ночи!** Утром бывает туман, но теплый! Я осматриваю берега в бинокль и вижу чёртову пропасть уток, гусей, гагар, цапель и всяких бестий с длинными носами. **Вот бы где дачу нанять!**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.125].

Выражая свое восхищение природой А.П. Чехов нередко использует слово *каналья*:

«Ах, как не хочется уезжать отсюда! **Каналья** Псёл, как нарочно, с каждым днем становится всё красивее, погода прекрасная; с поля возят хлеб...» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.312].

3. Частотность ссылок на художественные образы и художественные произведения при оценке природы

Красоту природы в своих письмах А.П. Чехов часто сравнивает с поэзией:

«Погода чудесная. Виды восхитительные. **Напоэтился** по самое горло: на 5 лет хватит» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.2, с.80];

«Нахожусь под впечатлением Забайкалья, которое я проехал: превосходный край. Вообще говоря, **от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза**» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.4, с.121].

Рассказывая своим адресатам о природе Кавказа и давая ей самую высокую оценку, Антон Павлович часто делает ссылку на поэтические образы, созданные М.Ю. Лермонтовым:

«Пережил я Военно-грузинскую дорогу. **Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвященный Тамаре...**» (К.С.Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.308];

«Видел я море во всю его ширь, кавказский берег, горы, горы, горы, эвкалипты, чайные кусты, водопады, свиней с длинными острыми мордами, деревья, окутанные лианами, как вуалью, **тучки, ночующие на груди утесов-великанов, дельфинов, нефтяные фонтаны, подземные огни, храм огнепоклонников, горы, горы, горы...**» (К.С.Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.308].

Негативно оценивая природу, А.П. Чехов также прибегает к авторским сравнениям с литературными произведениями или живописными полотнами.

Вот как, например, писатель характеризует природу Крыма:

«Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, бесколоритна, **как рассказы Иваненко**, и в общем похожа на тундру» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.2, с.294];

«У нас природа грустнее, лиричнее, **левитанистее**, здесь же она – **ни то ни сё, точно хорошие, звучные, но холодные стихи**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.282].

4. Многократность призывов к собеседнику вообразить уголок природы по описаниям адресанта

«Вообразите **Вы себя на высоте 8000 футов... Вообразили? Теперь извольте подойти мысленно к краю пропасти и заглянуть вниз**; далеко, далеко Вы видите узкое дно, по которому вьется белая ленточка – это седая, ворчливая Арагва; по пути к ней Ваш взгляд встречает тучки, лески, овраги, скалы... **Теперь поднимите немножко глаза и глядите вперед себя**: горы, горы, горы, а на них насекомые – это коровы и люди... **Поглядите вверх** – там страшно глубокое небо. Дует свежий горный ветерок... **Вообразите две высокие стены и между ними длинный, длинный коридор**; потолок – небо, пол – дно Терека; по дну вьется змея пепельного цвета» (К.С. Баранцевичу) – [Письма, т.2, с.294].

5. Частотность выражения сожаления в адрес собеседника или третьего лица, что он не может разделить с адресантом наслаждения от красоты природы

«Какие свадьбы попадались нам на пути, какая чудная музыка слышалась в вечерней тишине и как густо пахло сеном! **То есть душу можно отдать нечистому за удовольствие поглядеть на теплое вечернее небо, на речки и лужицы, отражающие в**

себе томный, грустный закат... Жаль, что Вас не было! В коляске Вы чувствовали бы себя, как в постели. Ели мы и пили каждые полчаса, не отказывали себе ни в чем, смеялись до коллик...» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.289-290].

Нередко А.П. Чехов выражает в письмах адресатам заочное сожаление в адрес И.И. Левитана, который, если бы видел такие красоты природы, какие видел адресант, то обязательно запечатлел бы их на картине. Писатель выражает свои сожаления настолько эмоционально, что переходит на снижение стиля и в шутку называет Левитана *скотиной* и *болваном*:

«В Ключеве сторож взялся довести наш багаж до станции; он ехал; а мы шли позади телеги пешком по живописнейшему берегу. **Скотина Левитан, что не поехал со мной.** Дорога лесная: направо лес, идущий на гору, налево лес, спускающийся вниз к Байкалу. Какие овраги, какие скалы! Тон у Байкала нежный, теплый. Было, кстати сказать, очень тепло» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.117];

«И горы и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые сторицею вознаградили меня за все пережитые кувырколлегии и **которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.106-107].

Желание А.П. Чехова запечатлеть красоту природы на картине и показать ее собеседнику настолько велико, что он в шутку ругает и себя за то, что не имеет таланта художника:

«Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов. **Подлец я за то, что не умею рисовать**» (неустановленному лицу) – [Письма, т.2, с.302].

ГОРОДА

1. Стремление к сравнению увиденных городов

«Из всех сибирских городов самый лучший Иркутск. Томск гроша медного не стоит, а все уездные не лучше той Крепкой, в которой ты имел неосторожность родиться» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.105];

«Красноярск красивый интеллигентный город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.98];

«Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видел в своей жизни» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.200];

«Из всех мест, в каких я был доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция. Рим похож в общем на Харьков, а Неаполь грязен» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.217];

«Крым перед Венецией – это каракатица и кит» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.204].

2. Частотность оценки города во время путешествия или сразу после него

Для коммуникативного поведения писателя характерно усиленное акцентирование внимания адресата на оценке того или иного города, края или страны, в которых он пребывает или недавно пребывал. Яркость первых впечатлений обуславливает высокую степень оценочности, по прошествии же некоторого времени после поездки степень оценочности Чеховым того или иного города резко снижается.

Письма А.П. Чехова в период его путешествий отличаются детальным описанием увиденных городов и их достопримечательностей, повышенной эмоциональностью и большим количеством высказываний оценочного характера (более 50 % от всего объема письма). Так, например, в письме Чеховым из Вены [Письма, т.4, с.200] из 51 предложения 29 предложений с оценкой города. Самое большое количество реплик с оценкой встречаем в письмах из Венеции, например, в письме М.Е. Чехову [Письма, т.4, с.205] из 23 предложений 14 предложений с оценкой города, а в письме И.П. Чехову [Письма, т.4, с.202] из 36 предложений 28 предложений с оценкой города; в письме Чеховым [Письма, т.4, с.203-204] из 38 предложений – 32 с оценкой города, что составляет почти 100 % текста.

В оценке городов А.П. Чехов прежде всего обращает внимание на состояние общей городской культуры. Писатель отмечает наличие памятников архитектуры, храмов, театров, музеев, гостиниц, магазинов (особенно книжных), скверов и других достопримечательностей. А.П. Чехов акцентирует внимание собеседника на чистоте улиц, площадей, состоянии дорог и транспорта, вежливости извозчиков. В каждом городе писатель обращает внимание на внешность местных женщин, на умение их со вкусом одеваться.

3. Преобладание восторженных оценок европейских городов по сравнению с оценками русских городов

Европейским городам А.П. Чехов давал самые высокие оценки. Самое большое впечатление на писателя произвели Венеция, Вена и Флоренция.

Оценки этих городов отличаются высокой степенью экспрессивности. Писатель использует только эмоционально окрашенные выражения, например:

«восхитительная Венеция», «прекрасная Венеция», «голубоглазая Венеция», «чудный город», «очаровательная страна», «сплошное очарование», «собор великолепен», «великолепны усыпальницы», «архитектура упоительная, изумительная», «всё грациозно и легко», «всё чертовски изящно», «церкви ласкают глаза, кажется, что они сотканы из кружев», «это не постройки, а печенья к чаю», «такие дома и церкви могут строить только люди, обладающие громадным художественным и музыкальным вкусом и одаренные львиным темпераментом».

Оценивая европейские города, А.П. Чехов употребляет множество разнообразных интенсификаторов экспрессивности (по количеству и разнообразию они могут сравниться только с интенсификаторами экспрессивности в оценках природы): *если бы вы знали, как... ; нельзя сравнить... ; какое... ; сколько... ; такое, что... ; это не..., а... ; до такой степени великолепен, что... ; выше всякой цены; не имеет цены; вне человеческой власти, нечто такое, что... ; и во сне не снились; сплошное очарование; с непривычки можно умереть; с ума сойти от восторга; трудно не сойти с ума; хочется здесь навеки остаться; дурак тот, кто не едет:*

«Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видел в своей жизни. Улицы широкие, изящно вымощенные, масса бульваров и скверов, дома все 6- и 7-этажные, а магазины – это не магазины, а сплошное головокружение, мечта! Одних галстухов в окнах миллиарды! Какие изумительные вещи из бронзы из фарфора, кожи!» (Чеховым, 20 марта (1 апреля) 1891 г, Вена) – [Письма, т.4, с.200];

«В Неаполе великолепный пассаж. А магазины!! У меня головокружение от магазинов. Сколько блеска! Ты Маша, и Вы, Лика, сбесились бы от восторга» (Чеховым, 4 (16) апреля 1891 г., Неаполь) – [Письма, т.4, с.211];

«Весь храм до такой степени великолепен, что оценить его на деньги невозможно; он выше всякой цены... <...> Замечательно, что все здешние статуи и картины не имеют цены; оценка их вне человеческой власти...» (М.Е. Чехову, 25 марта (6 апреля) 1891 г., Венеция) – [Письма, т.4: с.205];

«Я теперь в Венеции, куда приехал третьего дня из Вены. Одно могу сказать: замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни. Вместо улиц и переулков каналы, вместо извозчиков гондолы, архитектура изумительная, и нет местечка, которое не возбуждало бы исторического или художественного интереса. Плынешь в гондole и видишь дворцы дожей, дом, где жила Дездемона, дома знаменитых художников, храмы... А в храмах скульптура и живопись, какие нам и во сне не снились. Одним словом, очарование» (И.П. Чехову, 25 марта (5 апреля) 1891 г., Венеция) – [Письма, т.4, с.202];

«А вечер (в Венеции. – А.К.)! Боже ты мой господи! Вечером с непривычки можно умереть. Едешь ты на гондole... Тепло, тихо, звезды... Лошадей в Венеции нет, и потому тишина здесь, как в поле. Вокруг снуют гондолы... <...> Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга. Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться...» (И.П. Чехову, 24 марта (5 апреля) 1891 г., Венеция) – [Письма, т.4, с.202];

«Самое лучшее время в Венеции – это вечер. Во-первых, звезды, во-вторых, длинные каналы, в которых отражаются огни и звезды, в-третьих, гондолы, гондолы и гондолы: когда темно, они кажутся живыми. В-четвертых, хочется плакать, потому что со всех концов слышится музыка и превосходное пение. <...> В-пятых тепло... Одним словом, дурак тот, кто не едет в Венецию» (Чеховым, 25 марта (6 апреля) 1891 г., Венеция) – [Письма, т.4, с.204].

4. Преобладание сдержанной и негативной оценки русских городов по сравнению с оценками европейских городов

В письмах А.П. Чехова редко встречаются положительные оценки русских городов. В основном эти оценки сдержанные. Эмоционально окрашенные высказывания, касающиеся Москвы и Петербурга, находим лишь в самых ранних чеховских письмах:

«У нас в Таганроге нет ничего нового, решительно ничего! Смертельная скука! Был я недавно в таганрогском театре и сравнил этот театр с вашим московским. Большая разница! И между Москвой и Таганрогом большая разница. Если только кончу гимназию, то прилечу в Москву на крыльях, она мне очень понравилась!» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.27];

«Виденные мною порядки петербургских редакций воспеваю, где только возможно. Вообще воспеваю весь Петербург. Милый город, хоть и бранят его в Москве. Оставил он во мне массу самых милых впечатлений» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.175].

Кроме Москвы и Петербурга писатель достойное место отводит Иркутску, Красноярску Новороссийску и Воронежу [Письма, т.4, с.356]. Положительную оценку русского города писатель выражает кратко: «город хороший», «превосходный город» или «красивый город». Наивысшая оценка определяется выражением: «интеллигентный город»:

«Был я и в Новороссийске. Это превосходный город. Какие возле него хутора!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.182];

«Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы...» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.107];

«Красноярск красивый интеллигентный город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, большие, церкви изящные» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.98].

Однако большую часть у Чехова занимают негативные оценки российских городов. В них нередко присутствуют такие выражения, как: «скучный (скучнейший, прескучнейший) город», «тоска смертная», «городок не ахти (неахтительный)», «гроша медного не стоит»:

«Томск скучнейший город. Если судить по тем пьяницам, с которыми я познакомился, и по тем вумным людям, которые приходили ко мне в номер на поклонение, то и люди здесь прескучнейшие. По крайней мере мне с ними так невесело, что я приказал человеку никого не принимать» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.95];

«Одесса - скучнейший город, пресса там подлейшая из всех пресс в мире» (Ал. П. Чехову) – [Письма, т.8, с.114].

«Был я в Таганроге – тоска смертная» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.182];

«Вчера был в Нерчинске. Городок не ахти, но жить можно» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.118];

«Когда я узнал, что Жан Щеглов избрал своим постоянным местом жительства Владимир, то меня пронял ужас; ведь там его заедят комары, и скука там безысходная, историческая скука! Самый скучный из всех губернских городов, даже татра нет. Лучше бы ехал он в Тулу или Воронеж» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.72].

5. Склонность давать негативную оценку русских городов в иронической тональности

«Таганрог очень хороший город. Если бы я был таким талантливым архитектором, как Вы, то сломал бы его» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.72];

«Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.94].

6. Акцентирование внимания собеседника на высокой культуре европейских городов

В своих письмах в 1891 году А.П. Чехов в оценках европейских городов акцентирует внимание адресатов чаще всего:

– на большой значимости искусства для европейцев:

«Мне странно, что Левитану не понравилась Италия. Это очаровательная страна. Если бы я был одиноким художником и имел деньги, то жил бы здесь зимою. Ведь Италия, не говоря уж о природе ее и тепле, единственная страна, где убеждаешься, что искусство в самом деле есть царь всего, а такое убеждение дает бодрость» (Чеховым, 1 апреля (13) апреля 1891 г., Рим) – [Письма, т.4, с.210];

– на почтительном отношении европейцев к художникам:

«Великолепны усыпальницы Кановы и Тициана. Здесь (в Венеции. – А.К.) великих художников хоронят, как королей, в церквах; здесь не презирают искусства, как у нас: церкви дают приют статуям и картинам, как бы голы они ни были» (И.П.Чехову, 24 марта (5 апреля) 1891 г., Венеция) – [Письма, т.4, с.202];

– на изысканности европейской архитектуры:

«Церкви громадные, но они не давят своей громадою, а ласкают глаза, потому что кажется, что они сотканы из кружев. Особенно хороши собор св. Стефана и Votiv-Kirche. Это не постройки, а печенья к чаю. Великолепны парламент, дума, университет... всё великолепно, и я только вчера и сегодня как следует понял, что архитектура в самом деле искусство. И здесь это искусство попадает не кусочками, как у нас, а тянется полосами в несколько верст. Много памятников. В каждом переулке непременно книжный магазин» (Чеховым, 20 марта (1 апреля) 1891 г., Вена) – [Письма, т.4, с.200];

– высокой культуре общения горожан:

«Разумейте, языцы, какие здесь извозчики, чёрт бы их взял. На козлах сидят франты в пиджаках и в цилиндрах, читают газеты. Вежливость и предупредительность. <...> Женщины красивы и изящны. Да вообще всё чертовски изящно» (Чеховым, 20 марта (1 апреля) 1891 г., Вена) – [Письма, т.4, с.200].

В 1897 году Чехов продолжает отмечать высокую культуру общения европейцев, их вежливость и деликатность:

«За границей стоит пожить, чтобы поучиться здешней вежливости и деликатности в обращении. Горничная улыбается, не переставая; улыбается, как герцогиня на сцене, - и в то же время по лицу видно, что она утомлена работой. Входя в вагон, нужно поклониться; нельзя начать разговора с городовым или выйти из магазина, не сказавши "bonjour". В обращении даже с нищими нужно прибавлять "monsieur" и "madame"» (И.П. Чехову, 2 (14) октября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.64];

«Природа здешняя меня не трогает, она мне чужда, но я страстно люблю тепло, люблю культуру... А культура прет здесь из каждого магазинного окошка, из каждого лукошка; от каждой собаки пахнет цивилизацией» (А.И. Сувориной, 10 (22) ноября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.98].

7. Акцентирование внимания на низкой культуре российских городов

В отличие от оценок А.П. Чеховым европейских городов, оценки российских городов бывают крайне негативными. Особенно это касается общей культуры российских городов. Самые резкие оценки А.П. Чехов дает Таганрогу, Томску и Владивостоку:

«...я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески, и есть даже «Трактир Россия»; улицы пустынные; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка в оливковых

платях, кавалери, баришни, облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, уметь довольствоваться грошами и неопределенным будущим – всё это тут воочию так противно, что мне Москва со своею грязью и сыпными тифами кажется симпатичной...» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.60];

«Совсем Азия (Таганрог. – А.К.)! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю, 60000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов – никаких... Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сатуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.54];

«Был я во Владивостоке. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущее довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.139].

8. Зависимость оценки города от погоды

Для коммуникативного поведения А.П. Чехова свойственно менять оценку города на противоположную в зависимости от погоды. Если погода плохая, то оценка города всегда негативная:

«Лупит во всю ивановскую дождь. Venezia bella перестала быть bella. От воды веет унылой скукой, и хочется поскорее бежать туда, где солнце» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.206];

«Был я в храме Петра, в Капитолии, в Колизее, на Форуме, был даже в кафешантане, но не получил того наслаждения, на какое рассчитывал. Мешает погода. Идет дождь. В осеннем пальто жарко, а в летнем холодно» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.209];

«Я еду в Ниццу по берегу моря. Только что миновал Геную. Виды великолепные, но всё удовольствие портит скверная погода. Лупит дождь, небо пасмурно, земля грязная. Если в Ницце будет такая же погода, то мы вернемся домой. Вообще благодаря погоде нашу поездку следует признать неудачной» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.214].

9. Зависимость оценки города от перенасыщения впечатлениями

Из писем А.П. Чехова ясно видно, что степень оценочности того или иного места зависит не только яркости впечатлений писателя, но и от их многочисленности: чем больше впечатлений и чем чаще они сменяют друг друга, тем сильнее устает адресант, и тем ниже становится степень его оценочности.

Так, например, если оценка писателем Флоренции резко снижается из-за изменений погоды, оценка Ниццы – из-за курортной атмосферы, то негативная оценка Парижа дается А.П. Чеховым из-за «усталости» от отдыха, развлечений и от перенасыщения впечатлениями. В оценках Парижа уже нет той эмоциональности, которая присутствовала в начале путешествия по

Европе, нет стремления детально описывать увиденное: «Парижа не опишешь, отложу его описание до моего приезда». Писатель говорит, что «новизна ему набила оскомину»:

«Выехали из Ниццы в полдень и приехали в Париж в 8 часов утра. Поезд лупил, как сумасшедший. Едучи с вокзала, видел в тумане Эйфелеву башню, а теперь сижу в номере, умываюсь и привожу свое рыло в порядок. Из Парижа выедем в понедельник прямо в Россию, стало быть, увидимся не позже пятницы. Чем раньше, тем лучше, ибо я уже соскучился и **новизна набила мне оскомину**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.219];

«Приехал я в Париж в пятницу утром и тотчас поехал на выставку. Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальные выставочные постройки я видел только снаружи, так как внутри находилась кавалерия, приготовленная на случай беспорядков. <...> Масса движения. Улицы роятся и кипят. Что ни улица, то Трек бурный. Шум, гвалт. Тротуары заняты столиками, за столиками – французы, которые на улице чувствуют себя, как дома. Превосходный народ. **Впрочем, Парижа не опишешь, отложу его описание до моего приезда**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.219-220].

10. Акцентирование внимания адресата на оценке бытовой стороны своей жизни в Европе

В 1897 году, находясь за границей по причине невозможности пребывания в России в холодное время года из-за обостряющейся болезни, Чехов смещает акценты в своих оценках европейской жизни в сторону ее быта. Его комментарии по сравнению с прежними оценками шестилетней давности становятся менее эмоциональными и более практичными. Для писателя важны удобства, чистота и облик помещения в котором он пребывает, качество обслуживания, цены на еду, одежду, обувь, газеты и книги. В письмах разным адресатам он дублирует одну и ту же, важную для него информацию, касающуюся бытовой стороны жизни в Европе:

«В Ницце я живу в русском пансионе. Комната довольно просторная, с окнами на юг, с ковром во весь пол, с ложем, как у Клеопатры, с уборной; обильные завтраки и обеды, приготовляемые русской поварихой (борщ и пироги), такие же обильные, как в hftel Vendfme, и такие же вкусные. Плачу по 11 фр(анков) в день» (А.С. Суворину, 1 (13) октября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.62];

«В Ницце тепло; хожу без пальто, в соломенной шляпе. Кусаются комары. Вообще недурно, но как-то совестно ничего не делать. Жизнь здесь дешевая. Так, большая порция бифштекса или росбива стоит, на наши деньги считая, 37 коп., большой сифон зельтерской воды 10 коп., чашка кофе 10 коп., новые брюки около 3 руб.; на чай дают лакеям от 1 ? до 5 коп. Одним словом, человек среднего достатка может прожить здесь месяц за сто рублей роскошно» (И.П. Чехову, 3 (15) октября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.64];

«Живу я в русском пансионе, то есть в отеле, который содержит русская дама. У меня большая комната с камином, с ковром во весь пол и кроме того еще уборная, где я

умываюсь. Кухарка у нас русская, Евгения; готовит она как повариха французенка (она в Ницце живет уже 30 лет), но иногда мы едим борщ, жареные рыжики. Кофе дают много, начиная с 7 часов утра. Около дома в нашем дворе растут апельсины, померанцы, пальмы и олеандры такие же высокие, как наши ляпы. Олеандры цветут. Собаки в намордниках, разных пород. На днях я видел такса с длинной шерстью; это продолговатая гадина, похожая на мохнатую гусеницу. Кухарки здесь в шляпках; домашние тележки возят ослы, которые здесь невелики, ростом с нашего Казачка. Прачки берут дешево и стирают очень хорошо» (Е.Я. Чеховой, 4 (16) октября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.65-66];

«Повторяю, здесь очень дешево жить. Я трачу очень мало, особенно сравнительно с тем, что тратил в Большой мос(ковской) гостинице. Здесь франк (37 к.) то же, что у нас рубль, и если порция мяса или рыбы стоит 1 фр., то это считается дорого. За хранение платья, на чай лакеям, уличным тенорам здесь дают по 10 сант., т. е. по 3 7/10 коп., - и это никого не шокирует. Французы бережливы, и оттого они богаты, так богаты, что даже ропщут на судьбу: некуда девать капиталы. Золота здесь очень много, и оно в большем ходу, чем бумажки» (М.П. Чеховой, 7 (19) декабря 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.114].

11. Категоричность и экспрессивность в негативных оценках курортных мест

«В Кисловодске и вообще на курортах я не был. Проезжие говорят, что **все эти милые места дрянь ужасная. Я не терплю, когда поэзию мешают с б<...> и кулачеством. Ялта произвела на меня впечатление скверное**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.311];

«**В Ялте много барышень, но ни одной хорошенькой. Много пишущих, но ни одного талантливового человека. Много вина, но ни одной капли порядочного. Хороши здесь только море да лошади-иноходцы**» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.234];

«(В Ницце. – А.К.) **И, боже ты мой господи, до какой степени презренна и мерзка эта жизнь с ее артишоками, пальмами, запахом померанцев! Я люблю роскошь и богатство, но здешняя рулеточная роскошь производит на меня впечатление роскошного ватерклозета. В воздухе висит что-то такое, что, Вы чувствуете, оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря, луну**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.217].

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Доминирование эксплицитных критических оценок литературного или публицистического произведения, журнала, творческой деятельности

Многие современники А.П. Чехова доверяли его литературному вкусу, поэтому начинающие и уже имеющие писательский опыт авторы присылали ему свои произведения с тем, чтобы узнать его мнение. Писатель и сам испытывал тяготение к критике. В некоторых случаях А.П. Чехов первым проявлял инициативу и посылал письмо адресату, чтобы сообщить свое мнение по поводу его произведения и высказать свои критические замечания:

«Я прочел Ваш рассказ; он хорош и, вероятно, пойдет в дело, а потому считаю нелишним заранее и возможно скорее заявить Вам нижеследующее. Если Вы рассчитываете на него как на серьезный шаг и дебютируете им, то в этом смысле, по моему мнению, он успеха иметь не будет. Причина не в сюжете, не в исполнении, а в поправимых пустяках – в чисто московской небрежности в отделке и в кое-каких деталях, неважных по существу, но режущих глаза» (Н.А. Хлопову) – [Письма, т.2, с.200].

Далее А.П. Чехов по пунктам перечисляет недостатки: фактические ошибки, шаблонность художественных образов, неправильно расставленные знаки препинания. В общем, становится непонятно, что же хорошего А.П.Чехов нашел в рассказе. Однако в конце письма Антон Павлович, следуя своему правилу, успокаивает адресата и смягчает критику:

«Эти пустяки, по моему мнению, не испортят Вам музыку. Не будь их Ваш рассказ пошел бы за образцовый. <...> Повторяю: и без поправок Иона хорош и пойдет в дело, но если Вы намерены серьезно дебютировать им, то, насколько я знаю петербургских судей, успеха он иметь не будет. Жду Вашего ответа и прошу прощения за непрошеное вмешательство» [Письма, т.2, с.200-201].

У А.П. Чехова критических оценок, выявляющих достоинства и недостатки тех или иных литературных произведений, журналов, публицистических статей в 4 раза больше, чем оценок положительных без каких-либо замечаний.

Писатель обычно выражает свои критические замечания эксплицитно. Четвертую часть критических оценок составляют резко негативные оценки, и они в основном заочные.

В большинстве случаев А.П. Чехов разбирает произведение адресата «по косточкам» и дает подробный его критический анализ. Обычно в начале письма после традиционной похвалы Антон Павлович сообщает адресату, что приступает к критике:

«Если хотите недостатков, то извольте, могу указать Вам на один, который Вы повторяете во всех Ваших рассказах» (Е.М. Шавровой) – [Письма, т.5, с.336];

«Если хотите моей критики, то вот она» (И.Л. Леонтеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.204].

«NB. Ваш недостаток:...» (А.С. Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.3, с.39].;

«Критиковать по существу положительно нечего, разве только по мелочам можно сделать несколько важных замечаний» (А.В. Жиркевичу) – [Письма, т.6, с.47].

Чаще всего писатель говорит адресату, что в его произведении только один недостаток или недочетов совсем мало, а затем начинает перечислять их по пунктам:

«... разрешите для легкости излагать эту критику по пунктам: 1) ... 2) ... 3) ... 4) ... 5) ...» (А.В. Жиркевичу) – [Письма, т.6, с.47].

Как правило, недостатков в произведении адресата оказывается множество. Сначала А.П. Чехов указывает на несерьезные, недочеты, а затем переходит к разбору более важных на его взгляд недостатков. В результате такого «скрупулезного исследования» писателя выясняется, что в произведении адресата искажены факты действительности, что «фигуры» надуманны, а язык недостаточно прост. А.П. Чехова не устраивает ни «архитектура» произведения, ни его название, ни имена и фамилии героев и их пол, ни место действия, ни знаки препинания. Почти всегда писатель старается смягчить свою критику. Однако разнообразные речевые акты смягчения не делают его критику менее «беспощадной». Множество речевых актов замечания, совета, наставления зачастую превращают критику А.П.Чехова в лекцию «профессора-филолога» или «профессора-медика» в адрес «дилетанта от литературы».

2. Допустимость негативной оценки произведений известных писателей

А.П. Чехов довольно строгий критик и требовательный читатель. Даже такие писатели, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, С.И. Тургенев по представлениям А.П. Чехова не являются абсолютными величинами, и их произведения «не избежали участи всех человеческих дел, которые все несовершенны и не свободны от пятен»:

«Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь читаю. **Хорошо, но уж очень длинно и нескромно. Много претензий**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3: с.169];

«**Накануне**» (И.С. Тургенева. – А.К.) **мне не нравится всё**, кроме отца Елены и финала. Финал этот полон трагизма. <...> **«Затишье» скомкано и не удовлетворяет. «Дым» мне не нравится совсем**» (А. С. Суворину) – [Письма, т.5: с.174];

«Каждую ночь просыпаюсь и читаю «Войну и мир». Читаешь с таким любопытством и с таким наивным удивлением, как будто раньше не читал. Замечательно хорошо.

Только не люблю тех мест, где Наполеон. Как Наполеон, так сейчас и натяжки, и всякие фокусы, чтобы доказать, что он глупее, чем был на самом деле. Всё, что делают и говорят Пьер, князь Андрей или совершенно ничтожный Николай Ростов, – всё это хорошо, умно, естественно и трогательно; всё же, что делает и думает Наполеон, – это не естественно, не умно, надуту и ничтожно по значению» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.291].

А.П. Чехов допускает также эксплицитную резко негативную оценку авторитетных критиков:

«Прочел опять критику Писарева на Пушкина. Ужасно наивно. Человек развенчивает Онегина и Татьяну, а Пушкин остается целехонек. Писарев дедушка и папенька всех нынешних критиков, в том числе и Буренина. Та же мелочность в развенчивании, то же холодное и себялюбивое остроумие и та же грубость и неделикатность по отношению к людям. Оскотиниться можно не от идей Писарева, которых нет, а от его грубого тона. Отношение к Татьяне, в частности к ее милому письму, которое я люблю нежно, кажется мне просто омерзительным. Воняет от критики назойливым, придирчивым прокурором. Впрочем, шут с ним!» (А.С.Суворину) – [Письма, т.5: с.22].

3. Частотность резко негативной оценки современных писателей, художественных произведений и театров

А.П. Чеховым почти всегда негативная оценка современных ему литературных произведений и театров дается открыто. При этом писатель использует следующие выражения: «рассказ жидок», «рассказ груб», «рассказ положительно никуда не годится»; «недостойн (журнала)», «я бы не напечатал рассказа»; «меня не удовлетворяет»; «мне не нравится всё»; «мне не нравится совсем», «следует всё вычеркнуть или ничего», «совсем швах»:

«Возвращаю Вам рукопись П. Боткина. В ней следует всё вычеркнуть или же ничего. Я бы не напечатал такого рассказа. Это потуга на обличительную сценку и довольно плохая» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.139];

«Путешествие в Китай» недостойно «Осколков», а рисунки Богданова совсем швах» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.104].

«...Горева ужасно плоха. Я был раз в ее театре и чуть не околел с тоски. Труппа серая, претензии подавляющие» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.265];

«Театры здесь (в Петербурге. – А.К.) необычайно скучны. Видел я «Бедную невесту» и «Холостяка». Игра чиновницкая, бездушная, деревянная» (А.И. Сумбатову (Южину) – [Письма, т.4, с.14].

4. Резкая критика писателей, искажающих в своих художественных произведениях факты действительности

Любое художественное произведение А.П. Чехов рассматривает не только как читатель и писатель, но и как ученый, для которого огромную роль в восприятии художественного мира играет достоверность в описании образов и событий. Писатель не терпит художественного вымысла там, где речь идет об исторических или современных реалиях и научных фактах. Общаясь с адресатом, А.П. Чехов открыто выражает свое негативное отношение к тем или иным натяжкам в его произведении, которые ведут к искажению фактов действительности:

«Есть 2-3 неловких выражения, которые я подчеркнул. Попы ни во всенощной, ни в обедне не читают апостола» (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.357];

«Место, где Иона возится с двумя десятинами, как паук с мухой, прекрасно, но зачем Вы губите его прелесть описанием невозможной и маловероятной забавы с сохой? Разве это необходимо? Вы знаете, что кто пашет первый раз в жизни, тот не сдвинет плуга с места – это раз; дьячку выгоднее отдать свою землю под скопчину – это два; воробьев никаким калачом не заманишь из деревни в поле – это три... <...> В конце рассказа дьячок (это очень мило и кстати) поет: «Благослови, душе моя, господи, и возрадуется...» Такой молитвы нет. Есть же такая: «Благослови, душе моя, господа и вся внутренняя моя имя святое его...» (Н.А. Хлопову) – [Письма, т.2, с.200].

Чаще всего А.П. Чехов резко критикует авторов, которые не знают специфики работы врачей и особенностей некоторых болезней, но берутся об этом писать в своих произведениях. Нередко большая часть чеховских писем такому адресату превращается в лекцию «профессора-медика», прочитанную для дилетанта. Яркими примерами в этом смысле являются письма Е.М.Шавровой:

«Мы, старые холостяки, пахнем, как собаки? Пусть так. Но насчет того, что врачи по женским болезням в душе селадоны и циники, позвольте поспорить. Гинекологи имеют дело с неистойвой прозой, которая Вам даже не снилась и которой Вы, быть может, если б знали ее, со свирепостью, свойственной Вашему воображению, придали бы запах хуже, чем собачий. **Кто постоянно плавает в море, тот любит сушу; кто вечно погружен в прозу, тот страстно тоскует по поэзии. Все гинекологи идеалисты.** <...> Вы упустили также из виду, что хорошим гинекологом не может быть глупый человек или посредственность. Ум, хотя бы семинарский, блестит ярче, чем лысина, а Вы лысину заметили и подчеркнули, а ум бросили за борт. <...> У Ноя было три сына: Сим, Хам и, кажется, Афет. Хам заметил только, что отец его пьяница, и совершенно упустил из виду, что Ной гениален, что он построил ковчег и спас мир. **Пишущие не должны подражать Хаму. Намотайте себе это на ус.** Я не смею просить Вас, чтобы Вы любили гинеколога и

профессора, но смею напомнить о справедливости, которая для объективного писателя нужнее воздуха» [Письма, т.4, с.273].

В одном из писем Е.М. Шавровой А.П. Чехов завершает свою «лекцию» пожеланием, явно дискредитирующим адресата:

«Мне хотелось бы, чтобы Вы изобразили что-нибудь жизнерадостное, ярко-зеленое, вроде пикника. Предоставьте нам, лекарям, изображать калек и черных монахов» [Письма, т.6: с.30].

5. Частотность критики художественных образов в произведениях третьих лиц и адресатов

При оценке литературного произведения адресата А.П. Чехов обращает особое внимание на художественные образы или, как их называет Антон Павлович, «*фигуры*», «*лица*». Давая им негативную оценку, писатель чаще всего употребляет следующие выражения: «*лица мелкие, едва намечены, взяты небрежно, шаблонны*», «*фигуры утрированные, (наполовину) сочинены, ходульны, притянуты за хвост, похожи одна на другую, нового ничего не дают, эпохи не характеризуют, не внушают доверия*»:

«Фигура писаря в пиджачке и с клочками сена в волосах шаблонна и к тому же сочинена юморист<ическими> журналами. Писаря умнее и несчастнее, чем принято думать о них, и т. д.» (Н.А.Хлопову) – [Письма, т.2, с.200].

«Кроме старушки в Базарове, т. е. матери Евгения и вообще матерей, особенно светских барынь, к<ото>рые все, впрочем, похожи одна на другую (мать Лизы, мать Елены), да матери Лаврецкого, бывшей крепостной, да еще простых баб, **все женщины и девицы Тургенева невыносимы своей деланностью и, простите, фальшью**. Лиза, Елена – это не русские девицы, а какие-то Пифии, вещающие, изобилующие претензиями не по чину. Ирина в «Дыме», Одинцова в «От<цах> и детях», вообще львицы, жгучие, аппетитные, ненасытные, чего-то ищущие – все они чепуха. Как вспомнишь толстовскую Анну Каренину, то все эти тургеневские барыни со своими соблазнительными плечами летят к чёрту» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.174-175].

А.П. Чехов советует начинающим писателям работать филигранно, отсекая всё лишнее, тогда их фигуры будут «живее», «сочнее», «пухлее», «круглее», «яснее»:

«Вы правильно лепите фигуру, но не пластично, Вы не хотите или ленитесь удалить резцом всё лишнее. Ведь сделать из мрамора лиц, – значит удалить из этого куска то, что не есть лицо» (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.357];

«Перепишите рассказ еще раз, и Вы увидите, какая будет перемена: **станет сочнее, круглее и фигуры яснее**» (Л.А. Авиловой) – [П., т.4: с.360];

«Женщин нужно описывать так, чтобы читатель чувствовал, что Вы в расстегнутой жилетке и без галстука, природу – то же самое. Дайте себе свободы» (А.С. Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.3, с.39]).

6. Многочисленность критических замечаний по поводу лишних фигур, эпизодов и описаний в художественных произведениях адресатов-писателей

Давая оценку художественному произведению какого-либо писателя-современника, А.П. Чехов часто критикует своих адресатов-писателей за то, что в их произведениях есть *лишние фигуры, эпизоды, описания*:

«Рассказ написан несколько жидковато: тенденция так и прет, подробности расплзаются, как пролитое масло, лица же едва намечены. Есть лишние лица; например, брат героини, мать героини. Есть лишние эпизоды; например, события и разговоры перед свадьбой, да и всё, что свадьбы касается» (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.29-31].

«Надо начинать прямо с купеческой дочки, на ней остановиться, а **Верочку – вон, гречанок – вон, всех вон, кроме доктора и купеческого отродья**» (Е.М. Шавровой) – [Письма, т.4, с.274];

«**Горничную вон, вон!** Появление ее нереально, потому что случайно и тоже требует пояснений; оно осложняет и без того сложную фабулу, а главное – оно расхолаживает. **Бросьте ее!**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.332].

А.П. Чехов часто настоятельно советует адресату, чтобы тот не только удалил лишнего, на взгляд адресанта, героя, но и поменял главному герою рассказа профессию, имя, фамилию или даже пол:

«Во-вторых, то, что есть Дуня, должно быть мужчиною. В-третьих, о Соне нужно побольше сказать... В-четвертых, нет надобности, чтобы герои были студентами и репетиторами, – это старо. Сделайте героя чиновником из департамента окладных сборов, а Дуню офицером, что ли... Барышкина – фамилия некрасивая» (Л.А. Авиловой) – [Письма, т.4, с.360];

«Читаю Ваши рассказы. Прогресс замечаю огромный. **Только бросьте Кузю, имя Семен и обывательски-титულлярный тон Ваших героев.** Побольше кружев, опопанакса, сирени, побольше оркестровой музыки, звонких речей... Сиречь, пишите колоритней. Физиономия Ваша уже выработалась, с чем я Вас и поздравляю. Это хорошо, и я рад Вашим успехам» (А.С. Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.3, с.275]).

7. Значительная доля резкой критики языка произведения и грамотности писателей

А.П. Чехов часто «ругает» своих адресатов-писателей или третьих лиц за недостаточную простоту языка, разговорный стиль, мещанский тон, неотточенность фраз и однообразие языковых средств:

«Почитываю Ваши стихи. У Вас хорошая душа и стихом Вы владеете, но язык недостаточно прост; надо воли себе давать больше» (В.А. Долгорукову) – [Письма, т.4, с.18];

«Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пущай и без теперича» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.210];

«Грузинский совсем уже выписался и определился; он крепко стал на ноги и обещает много. Ежов тоже выписывается; таланта у него, пожалуй, больше, чем у Грузинского, но не хватает его ума. Про семгу уже оба не пишут. **Журю их обоих за мещанский тон их разговорного языка и за однообразно-бурый колорит описаний. Их даже самые лучшие рассказы своим колоритом напоминают мне деревянные лестницы в квартире Пальмина**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.3: с.280].

Читая произведения начинающих авторов, А.П. Чехов всегда обращал внимание на расстановку знаков препинания, которые называл «нотами при чтении» и указывал адресату на неправильную их расстановку:

«Последнее сказание: знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего. Изобилие многоточий и отсутствие точек» (Н.А. Хлопову) – [Письма, т.2, с.200];

«Вместо того, чтобы сердиться, вы повнимательнее прочтите мое письмо. <...> Позволять Вам писать или не позволять – не мое дело; я указал Вам на молодость, потому что в 30-40 лет уже поздно начинать; указал на необходимость выучиться правильно или литературно ставить знаки препинания, потому что в художественном произведении знаки зачастую играют роль нот, и выучиться им по учебнику нельзя; нужны чутье и опыт» (Р.Ф. Ващук) – [Письма, т.6, с.318].

Очень часто писатель советует адресату убрать из его произведения лишние или неуместные слова и неправильно построенные фразы:

«**Мы-ста**» и «**шашнадцать**» сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа. Эти «мы-ста» и «шашнадцать» производят на меня всегда впечатление *mouches volantes* (летающих мушек (*франц.*) – А.К.), которые мешают смотреть на ясное небо. Какое-то излишнее и досадное впечатление» (Е.П. Гославскому) – [Письма, т.5, с.33-34];

«Провинциализмы, как «подборы», «хата»; в небольшом рассказе кажутся шороховатыми не только провинциализмы, но даже редко употребляемые слова вроде «разнокалиберный» (А.В. Жиркевичу) – [Письма, т.6, с.48];

«... то и дело попадаются фразы, тяжелые, как булыжник. Например, на стр. 2 фраза: «он заходил ко мне два раза в продолжение получаса». Или: на губах Ионы появилась долгая, несколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнул продолжительный дождь», так, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка». Впрочем, это пустяки...» (Н.А. Хлопову) – [Письма, т.2, с.200].

Давая подобные советы, А.П. Чехов часто прибегает к своему излюбленному приему шуточного требования:

«**Выкиньте слова «идеал» и «порыв».** Ну их! Когда критикуешь чужое, то чувствуешь себя генералом» (Л.А. Авиловой) – [Письма, т.4, с.360].

8. Незначительная доля сдержанных положительных оценок без серьезных критических замечаний

Положительные сдержанные оценки без каких-либо серьезных замечаний в письмах А.П. Чехова встречаются гораздо реже, чем критические оценки. В основном это оценки-ободрения молодым авторам или оценки-рекомендации начинающих писателей в письмах издателям:

«Добрейший Николай Михайлович, начну с того, что «Лунатик» – **очень хороший рассказ и всем здесь нравится. Вы делаете поразительные успехи**» (Н.М. Ежову) – [Письма, т.5, с.145];

«Сегодня в 9 часов утра, сидя в холодной классной комнате на Новой Басманной, я прочел Ваше «Одиночество» и простил Вам все Ваши преступления. Рассказ положительно хорош, и, нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа» (Т.Л. Щепкиной-Куперник) – [Письма, т.5, с.348].

Для оценок-рекомендаций начинающих писателей, которые мы обычно встречаем в чеховских письмах редакторам и издателям журналов, характерен немного снисходительный тон:

«Шлю Вам рассказ одной моей знакомой барыни (не Политковской), очень умной и симпатичной, работающей преимущественно в детских журналах. <...> **Рассказ, как Вы сами увидите, очень недурен, литературен и не без идейки. Главное, короток.** (Дамы редко пишут коротко!) **Несколько сентиментален, но это не беда... Барыня совсем литературная...** Это хорошая знакомая моей семьи, Марья Влад<имировна> Киселева, дама почтенная и (во избежание нехороших идей в Вашей голове) в летах» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.266].

Давая сдержанную положительную оценку художественного или публицистического произведения адресата или третьего лица, А.П. Чехов использует выражения: *мне понравился (мне симпатичен) рассказ, меня растрогал рассказ, меня тронула художественность рассказа; рассказ недурен, мил, весьма умен, литературен, вполне интеллигентная (литературная) вещь, симпатичный, приличный, добросовестный, хорош(ий), положительно хорош, сделан хорошо, очень хороший.*

Позитивно оценивая писательскую деятельность каких-либо молодых авторов в письмах своим адресатам, А.П. Чехов использует обычно выражения: *«заметно выписывается», «заметно прогрессирует»,*

«достаточно насобачился», «со временем из него выработается настоящий драматург»:

«Читал рассказ нового сотрудника, Кулакова. Мне кажется, он может писать и уж достаточно **насобачился**. Не понравилось мне, что он дебютировал с пьянства. Напишите ему, что описывать пьянство ради пьяных словечек – есть некоторого рода цинизм. Нет ничего легче, как выезжать на пьяных...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.282];

«Немирович Владимир говорил, что виделся с Вами. Мне кажется, что сей Немирович очень милый человек и что **со временем из него выработается настоящий драматург**. По крайней мере, с каждым годом он пишет всё лучше и лучше» (А.Н.Плещееву) – [Письма, т.3: с.293].

9. Повышенная эмоциональность высоких оценок литературных произведений, статей и театральных пьес

Высоко оценивая литературное, публицистическое или театральное произведение, А.П. Чехов обычно использует слова и выражения с экспрессивной окраской: *очень, очень хорошо; чудесно; замечательно хорошо; сильно; деликатно; пикантно; роскошно; божественно; гениально; великолепный; удивительный; превосходный; эффектный; громадина; (сплошная) прелесть; сплошной восторг; роскошь; волшебная штука:*

«Ваша статья о Толстом **сплошная прелесть. Очень, очень хорошо. И сильно, и деликатно**» [Письма, т.4, с.175];

«У гадалки» **великолепный рассказ, и я этому ужасно рад. Очень, очень хорошо**» (Е.М. Шавровой) – [Письма, т.4, с.191];

«Вчера я был у Корша и смотрел «Sans Gêne». **Пьеса поставлена роскошно** и идет недурно» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.11];

«Видел я вчера «Женитьбу» Гоголя. **Превосходная пьеса. Действия длинны до безобразия, но это едва чувствуется благодаря удивительным достоинствам пьесы**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.160].

Писатель часто употребляет разнообразные речевые акты восхищения: *«Боже мой!»; «Что за роскошь!»; «Просто хоть караул кричи!»; «Просто гениально»; «Это чёрт знает как сделано!»; «Это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал!»; «Замечательно до такой степени, что комар носа не подточит!»; «Сплошной восторг и больше ничего»; «Я захлебывался, читая его»:*

«Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова была сделана так сильно, что я ослабел и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? А Кукшина? Это чёрт знает как сделано. Просто гениально» [Письма, т.5, с.174-175];

«Особенно врезался в мою память один рассказ, где купцы с пасхальной заутрени приходят, **я захлебывался, читая его**. Мне так знакомы эти ребята, опаздывающие с куличом, и хозяйская дочка, и праздничный «сам», и зама заутреня...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.60];

«Вчера Ленский прислал мне билет в ученический спектакль. Его ученики играли в Малом театре «Пучину». **Пьеса удивительная. Последний акт – это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал**. Этот акт целая пьеса, и когда я буду иметь свой театр, то буду ставить только этот один акт» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.11].

Высоко оценивая чье-либо произведение, А.П. Чехов использует также и авторские сравнения:

«Ваше «маленькое письмо» насчет немцев и нашего необразования **написано прекрасно. Хорошие мысли у Вас оправлены в живой темперамент, а язык – точно масло льется**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.223].

Критерием высшей чеховской оценки литературного произведения адресата является сообщение ему о том, что его рассказ читали вслух:

«...как непосредственен, как силен Гоголь и какой он художник! Одна его «Коляска» стоит двести тысяч рублей. Сплошной восторг и больше ничего. Это **величайший русский писатель**. В «Ревизоре» лучше всего сделан первый акт, в «Женитьбе» хуже всех III акт. **Буду читать нашим вслух**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.202];

«Ваш «Айвазовский» мне так понравился, что я послал его своему домохозяину, а сей последний – любитель веселого чтения – снес его в Клиники, где и читал вслух» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.127].

10. Категоричность в негативных оценках литературных журналов

А.П. Чехов почти всегда дает литературным журналам резко негативные оценки. Подобные оценки часто содержат **речевые акты возмущения и негодования**:

«*Какая гадость!*»; «*Боже, что за ...!*»; «*Душно!*»; «*К чёрту ...!*»; «*Чёрт бы побрал ...!*»; «*это свинство*»; «*оскотиниться можно*»; «*я читаю и отплеываюсь*»; «*кажется мне просто омерзительным*»; «*я презираю*»; «*я сердит на ...*»:

«Во всех наших толстых журналах царит кружковая, партийная скука. **Душно! Не люблю я за это толстые журналы, и не соблазняет меня работа в них**. Партийность, особенно если она бездарна и суха, не любит свободы и широкого размаха» (А.Н.Плещееву) – [Письма, т.2, с.183];

Выражения негодования (возмущения) А.П. Чехов часто подкрепляет авторскими сравнениями и интенсификаторами экспрессивности со злобной иронической окраской:

«Боже, что за рисунки в последнем N «Осколков»! Мазня Юргенсона (?) на самом видном месте, мазня кабацкая с кабацкими стихами! Этот N перещеголял даже Кланга и «Развлечение». Декольтированная баба в центре эрберовского рисунка до того не изящна и кухонно гнусна, что редактора и художника стоило бы посадить на гаупвахту. Не говорю уж о рисунке Лебедева, где ловит рыбу девица в декольте, в перчатках и в туфельках, – это так же возможно, как ходить на охоту во фраке и с шапокляком» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.111];

«Что же касается «Русской мысли», то там сидят не литераторы, а копченые сиги, которые столько же понимают в литературе, как свинья в апельсинах. К тому же библиографический отдел ведет дама. Если дикая утка, которая летит в поднебесье, может презирать свойскую, которая копается в навозе и в лужах и думает, что это хорошо, то так должны презирать художники и поэты мудрость копченых сигов... Сердит я на «Русскую мысль» и на всю московскую литературу!» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.14-15];

«Уход Южакова – это громадная потеря для тех читателей, которых летом одолевают мухи. Статьи Южакова, как сонно одуряющее средство, действительнее мухомора» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.269].

Самопрезентация и самокритика

1. Использование иронической самопрезентации

В письмах близким друзьям и знакомым А.П. Чехов иногда прибегает к шутивому самовозвеличиванию:

«В литературных сферах я теперь сила, которая может принести Вам много добра или много зла, смотря по тому, как Вы будете вести себя по отношению к моей гениальности. Если не будете угощать меня наливкой, восхвалять мой талант и будете позволять Вашим большим глазам шпионить за мной, то я уроню Вас во мнении всей Европы и не позволю Вам напечатать ни одной строки...» (В.М. Киселевой) – [Письма, т.2, с.234].

2. Использование уничижительной самопрезентации

Иногда А.П. Чехов, наоборот, использует уничижительную самопрезентацию:

«Уважаемый Николай Александрович! **Посылаю Вам рассказец**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.102];

«Уважаемый Николай Александрович! **Шлю купно с большим поклоном плохой фельетон**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.121]; «

Уважаемый Николай Александрович! **Шлю Вам всё, что успел выжать из своих мозговых полушарий**, и даю отчет:...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.178].

3. Склонность к эксплицитному позиционированию собственной личности

В письмах к своим собеседникам А.П. Чехов эксплицитно позиционирует себя как свободную, бескомпромиссную личность, постоянно совершенствующуюся, акцентирующую свое внимание на праве быть самим собой и открыто высказывать собственное мнение:

«Кроме изобилия материала и таланта, нужно еще кое-что, не менее важное. Нужна возмужалость – это раз; во-вторых, необходимо чувство личной свободы (выделено А.П. Чеховым. – А.К.), а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было; его заменяли с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.132-133];

«Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет; я их меняю ежемесячно...» (Д.В. Григоровичу) – [Письма, т.3: с.17].

Позиционируя себя как свободную, сильную личность, А.П. Чехов в общении с собеседником часто использует выражения в категорической форме типа: *я считаю, я ненавижу; я презираю; я не люблю; мне противны* и т.п., а также генерализованные высказывания, аккумулирующие в себе определенные жизненные правила и сумму знаний писателя:

В одном из писем А.П. Чехов даже излагает программу, которой должна держаться свободная творческая личность:

«Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал и не консерватор, не постепенец, не монах, не индефферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским. Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святое святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.11].

4. Высокая доля категоричности в оценке своего характера и личностных качеств

В письмах к самым разным адресатам А.П. Чехов часто акцентирует внимание собеседника на каком-нибудь своем негативном качестве:

«У меня не характер, а мочалка» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.225];

«Во мне нет дисциплины» (А.С. Суворину) – [Письма, т.2, с.326];

«Я не умею быть исправным. У меня семь пятниц на неделе, я то начинаю, то бросаю, работаю медленно и неуверенно, иногда по целым дням ничего не делаю, а при таких условиях мои обещания прислать рассказ к такому-то сроку – пустой звук!» (М.О.Меньшикову) – [Письма, т.5, с.137];

«Нет ничего тяжелее, как обманывать надежды и раздражать людей своей неисправностью. Я положительно не умею писать к сроку. <...> Из всех беллетристов я самый ленивый и самый ненадежный» (Л.Я. Гуревич) – [Письма, т.5, с.150];

«Как работник и помещик я решительно ничего не стою. Только и умею снег в пруд бросать да канавки копать. А вбиваю гвоздь – криво выходит» (А.С. Суворину) – [П., т.5, с.42];

«Я самолюбив ведь, как свинья» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.269];

«Я честолюбив» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.99];

«Вообще в денежных делах я до крайности мнителен и лжив против воли» (А.С.Суворину) – [Письма, т.2, с.322-323].

5. Частотность критической оценки себя как писателя и оценки своих произведений

Из всех самооценок А.П. Чехова большую часть занимают критические оценки себя как писателя и драматурга и оценки своих литературных произведений:

«Пьесу я кончил. Называется она «Чайка». Вышло не ахти. Вообще говоря, я драматург неважный» (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.99];

«Ну-с, пьесу я уже кончил. <...> Я более недоволен, чем доволен, и, читая свою новорожденную пьесу, еще раз убеждаюсь, что я совсем не драматург» (А.С.Суворину) – [Письма, т.6, с.100];

«Мне надо учиться, учить всё с самого начала, ибо я как литератор, круглый невежда; мне надо писать добросовестно, с чувством, с толком, писать не по пяти листов в месяц, а один лист в пять месяцев. Надо уйти из дому, надо начать жить за 700–900 р. в год, а не за 3–4 тысячи, как теперь, надо на многое наплевать, но хохлацкой лени во мне больше, чем смелости» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.304-305].

Оценивая свой материал, писатель чаще всего употребляет следующие эпитеты: *нищ, нищенски тощ, мелок, скуден, жалок, бледен, неотшлифован, тяжеловесен*:

«Настоящий присыл принадлежит к неудачным. Заметки бледны, а рассказ неотшлифован и больно мелок» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.81];

«Посылаю Вам заметки. На сей раз они вышли у меня, говоря искренно, жалки и нищенски тощи. Материал так скуден, что просто руки отваливаются, когда пишешь» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1: с.91];

«Кончил длинную повесть. Вещь тяжеловесная, так что человека убить можно. Тяжеловесна не количеством листов, а качеством. Нечто неуклюжее и громоздкое. Мотив затрагиваю новый» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.3, с.247];

«**Повестушка скучная, как зыбь морская**; я сокращал ее, шлифовал, фокусничал, и так она, подлая, надоела мне, что я дал себе слово кончить ее непременно к маю, иначе я ее заброшу ко всем чертям» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.239].

6. Незначительная доля серьезной критической самооценки в письмах близким

В письмах А.П. Чехова своим близким мы редко встречаем самокритику. Если писатель и критикует себя, то это выглядит скорее как нравоучение по отношению к кому-либо из членов своей семьи, а не как самокритика:

«Я каюсь, **слишком нервен с семьей. Я вообще нервен. Груб часто, несправедлив**, но отчего сестра говорит мне о том, о чем не скажет никому из вас? А, вероятно, потому, что я в ней не видел только «горячо любимую сестру», как в Мишке не отрицал человека, с которым следует (выделено А.П. Чеховым. – А.К.) обязательно говорить... <...> **Груб я, сморкаться не умею, много не читал, но я молюсь вашему богу – этого достаточно, чтобы вы ценили меня на вес золота!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.58-59].

7. Ироническая форма самокритики

В основном А.П. Чехов относится к себе очень строго и дает своим личностным качествам довольно низкие оценки, причем обычно в иронической форме:

«Хочу сесть писать – к постели тянет, лягу – писать хочется... **Так бы взял да и высек свою лень**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.122];

«**Я рассеян, как профессор**: забываю инструменты у больных, не плачу извозчикам, которые потом дерут с меня впятеро адреса на письмах и т. п. Воображаю, что будет в старости! **Вероятно, в старости я буду надевать вместо своей шляпы дамскую, жилет надевать раньше сорочки и т. п.**» (Г.М. Чехову) – [Письма, т.2, с.97];

«Нарочно пишу разгонистым почерком, но всё еще остается много места. **Лица, не умею писать! Я умею только выпивать и закусывать**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.4, с.235];

«**Я свои дела не умею завязывать и развязывать, как не умею завязывать галстук**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.6, с.156].

8. Незначительная доля положительных самооценок в серьезной тональности

Позитивные самооценки встречаются в письмах А.П. Чехова гораздо реже, чем негативные, и в основном имеют ироническую окраску. Положительная самооценка в серьезном тоне встречается только два раза в

ранних письмах А.П. Чехова. В 1883 году Антон Павлович пишет брату Александру:

«Мои рассказы не подлы и, говорят, лучше других по форме и содержанию, а андюшки дмитриевы возводят меня в юмористы первой степени, в одного из лучших, даже самых лучших; на литературных вечерах рассказываются мои рассказы...» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.70];

«Рассказ про сумасшедшую, названный мною «Кто счастливей?» очень миленький, тепленький и грациозный рассказ. Даже собака Лейкин, не признающий никого, кроме себя и Тургенева, нашел, что этот рассказ «недурен и литературен» (М.В.Киселевой) – [Письма, т.1, с.270].

9. Высокая доля положительных самооценок в форме шутливого самовозвеличивания

В дружеских письмах и письмах близким А.П. Чехова мы находим множество положительных самооценок в шутливой форме самовозвеличивания:

«Любезнейший Михаил Михайлович! Пишу Вам, чтобы у Вас было одним автографом великого писателя больше... Через 10–20 лет это письмо Вы можете продать за 500–1000 руб. Завидую Вам» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.199];

«Не находите ли, что с пьесами я справляюсь очень быстро? Едва коснулся пальцем к «Иванову», как он уж и готов. Надо в Крыловы поступить» (А.С.Суворину) – [Письма, т.3, с.92];

«Многоуважаемая Мария Владимировна! Сегодня утром явился ко мне некий гусь от кн. Урусова и просил у меня небольшой рассказ для охотничьего журнала, издаваемого оным князем. Конечно, я отказал, как отказываю всем, прибегающим с мольбами к подножию моего пьедестала. В России есть теперь две недостижимые высоты: вершина Эльборуса и я» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.3, с.296];

«При библиотеке мечтают открыть музей. Я и Павловский надавали уже много обещаний. Между прочим я пожертвовал (по своей доброте и отчасти желая получить серебряную медаль на шею) портрет Льва Тостого с факсимиле. Вот до чего простираются мои благодеяния!!» (Ал. П. Чехову) – [Письма, т.6, с.229].

10. Заниженная оценка собственного произведения

«В моей повести не два настроения, а целых пятнадцать; весьма возможно, что и ее Вы назовете дерьмом. Она в самом деле дерьмо. Но льщу себя надеждою, что Вы увидите в ней два-три новых лица, интересных для всякого интеллигентного читателя; увидите одно-два новых положения. Льщу себя также надеждою, что мое дерьмо произведет некоторый гул и вызовет ругань во вражеском стане. А без этой ругани нельзя, ибо в наш век, век телеграфа, театра Горевого и телефонов, ругань родная мать рекламы» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.248];

«Посылаю Вам, дорогой Алексей Сергеевич, тот очень дешевый и бесполезный подарок, который я обещал Вам. За словарями я буду скучать, поскучайте и Вы за моим подарком. Сочинил я его в один присест, спешил, а потому вышел он у меня дешевле дешевого. За то, что я воспользовался Вашим заглавием, подавайте в суд. Не показывайте его никому (выделено А.П. Чеховым. – А.К.), а, прочитавши, бросьте в

камин. Можете бросить не читая. Вам я всё позволяю. Можете даже по прочтении сказать: **чёрт знает что!**» (Суворину А.С.) – [Письма, т.3, с.171-172];

«Многоуважаемый Петр Ильич! В этом месяце я собираюсь начать печатать новую книжку своих рассказов; **рассказы эти скучны и нудны, как осень, однообразны по тону, и художественные элементы в них густо перемешаны с медицинскими**, но это все-таки не отнимает у меня смелости обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: разрешите мне посвятить эту книжку Вам» (П.И. Чайковскому) – [Письма, т.3, с.259].

11. Заниженная оценка собственного почерка

Писатель строго относился к своему почерку. Для него небрежность и неразборчивость при письме были недопустимы. Если по каким-либо причинам А.П. Чехов был недоволен своим почерком, то он акцентировал внимание собеседника на этом и старался объяснить причину своей небрежности:

«**Почерк у меня преподлый, потрясучий.** Это оттого, что пароход трясет. Писать трудно» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.119];

На самом деле по воспоминаниям современников почерк у А.П. Чехова был вполне хорошим:

«Представляю также себе и его почерк: тонкий, без нажимов, ужасно мелкий, с первого взгляда – небрежный и некрасивый, но, если к нему приглядеться, очень ясный, нежный, изящный и характерный, как и все, что в нем было» (А.И. Куприн) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.515].

Реакция на критику

1. Нетерпимость к критике его литературных произведений адресатами или третьими лицами (активная самозащита)

Современники А.П. Чехова утверждают, что писатель относился к себе довольно строго, постоянно корректировал и переписывал свои литературные произведения. Однако он не любил, когда кто-нибудь критиковал их, и всегда защищал написанное:

«К самому себе Чехов умел относиться с строгой критикой. Я видел его после ряда часов, проведенных за корректурой «Трех сестер». Он был не в духе, находил пропасть недостатков в своей пьесе и клялся, что больше для театра писать не будет. К счастью, такое настроение скоро проходило у него, и **когда кто-нибудь из приятелей позволял себе критическое отношение к тем или другим сторонам его комедии, он искусно и победоносно отстаивал написанное, прибавляя: “Нельзя судить о пьесе, не видев ее на сцене”**» (М.М. Ковалевский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.365].

2. Доминирование резко негативной эмоциональной реакции на критику его произведения над сдержанной реакцией

Чеховская реакция на критику его литературных произведений адресатами или третьими лицами гораздо чаще бывает резко негативной, чем сдержанной.

В письмах А.П. Чехова встречаем разные типы негативных ответных реакций на критику.

- Реакция эмоциональным обличением в адрес критика-третьего лица

Данный тип реакции А.П. Чехов чаще всего выражает в прямой форме в письмах адресатам, находящимся с ним в дружеских или родственных отношениях и обычно не критикующих его произведения.

Выражая негативную реакцию на критику своих произведений, А.П.Чехов всегда использует стратегию активной самозащиты. Коммуникативное поведение писателя отличается при этом повышенной эмоциональностью, обличительным типом речи, саркастической или категорической тональностью.

Данный тип ответной реакции характеризуется частым цитированием критиков в саркастической манере и стремлением дискредитировать их перед адресатом. Тональность речи по отношению к собеседнику доверительная, а по отношению к критикам – категорическая и саркастическая.

Демонстрируя свое резко отрицательное отношение к современным критикам и их «злым» критическим статьям, А.П. Чехов употребляет экспрессивно-оценочную лексику с негативным значением и множество разнообразных сравнений. Так, например, критиков А.П. Чехов саркастически называет «судьями человечества», «господами критиками», а критикуемых писателей сравнивает с «подсудимыми». Критические статьи А.П. Чехов называет «наглыми», «отвратительными», «похожими на собачий лай», а неконструктивную критику – «ненавистью, животной, ненасытной злобой».

Деятельность подобных «критиков» А.П. Чехов оценивает с помощью авторских выражений: «*дуют в рутину, в шаблон*», «*строго держатся казенщины*»:

«Читали ли Вы наглую статью Евгения Гаршина в «Дне»? Мне прислал ее один благодетель. Если не читали, то обязательно прочтите. Вы оцените всю искренность этого злополучного Евгения, когда вспомните, как он раньше ругал меня. Подобные статьи тем отвратительны, что они похожи на собачий лай. И на кого лает этот Евгений? На свободу творчества, убеждения, лиц... Нужно дуть в рутину и в шаблон, строго держаться казенщины, а едва журнал или писатель позволит себе проявить хоть на пустяке свою свободу, как поднимается лай. Этот Евгений величает меня нововременцем и бахвалит за «своенравие». Очевидно, в «Дне» не платят гонорара, и малому пришла охота подмазаться к «Новому времени». И странное дело! Судебный хроникер, описывая подсудимого, старается держаться общепринятого, приличного тона; господа же критики, продергивая нас, не разбойников и не воров, пускают в ход такие милые выражения, как шушера, ценки, мальчишки... Чем мы хуже подсудимых?» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.64-65].

Выражая негативную реакцию на критику, А.П. Чехов нередко демонстрирует адресату нарастание своего эмоционального напряжения. Свои эмоции А.П.Чехов часто передает при помощи многочисленных повторов: «*у меня **физическое** отвращение к брани, направленной на кого бы то ни было; говорю – **физическое**, потому что...*»; «*...но за что, за что...*»; «*зачем... , зачем ...*»; «*Я не могу и не могу*»:

«Я не журналист: у меня **физическое** отвращение к брани, направленной на кого бы то ни было; говорю – **физическое**, потому что после чтения Протопопова, Жителя, Буренина и прочих судей человечества у меня всегда остается во рту вкус ржавчины, и день мой бывает испорчен. Мне просто больно. Стасов обозвал Жителя клопом; но **за что, за что** Ж<итель> обругал Антокольского? Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, ненасытная злоба. **Зачем** Скабический ругается? **Зачем** этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах? **Я не могу и не могу**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.173].

- Реакция демонстративным отказом от спора под видом саркастического согласия с мнением критика-адресата или третьего лица

Если А.П. Чехов категорически не согласен с оценкой своего произведения адресатом или третьим лицом и не хочет аргументировать свое несогласие, так как точка зрения критикующего уже устоялась, то писатель использует коммуникативный ход – возражение под видом саркастического согласия, тем самым демонстрируя отказ от спора и свое намерение

прекратить разговор на неприятную тему. Его речь в этом случае характеризуется раздраженной, категорической тональностью.

Писатель обязательно цитирует аргумент критикующего, затем делает из него саркастический вывод-согласие по следующим схемам:

– *«Очень хорошо (очень приятно). Если они правы, значит, что-нибудь из двух: или я... или они...»* ;

– *«Если это так, как вы говорите (они говорят), то тогда я...»* :

«Петерб<ургская> газета» извещает, что моя пьеса признана «прекрасной драматизированной повестью». Очень приятно. Значит, что-нибудь из двух: или я плохой драматург, в чем охотно расписываюсь, или же лицемеры все те господа, которые любят меня, как родного сына; и умоляют меня бога ради быть в пьесах самим собою, избегать шаблона и давать сложную концепцию» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.269];

«Неужели и в последнем рассказе не видно «направления»? Вы как-то говорили мне, что в моих рассказах отсутствует протестующий элемент, что в них нет симпатий и антипатий... Но разве в рассказе от начала до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление? Нет? Ну, так значит, я не умею кусаться или я блоха...» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.25].

3. Многократные сообщения адресатам о реакции критиков и публики на свое произведение

Самая первая реакция А.П. Чехова на критику его произведения, которое вызвало споры, но в целом имело успех у публики – это стремление как можно быстрее оповестить родственников и друзей о том, какую позицию по отношению к нему занимают критики, и как воспринимает его произведение (пьесу) публика. Антон Павлович мог написать несколько писем в день разным адресатам, сообщая им в саркастической, ироничной или чрезмерно эмоциональной тональности о том, какое впечатление его произведение произвело на публику, и какую оценку ему дала критика. А.П. Чехов любит цитировать критиков, особенно те их выражения, которые дискредитируют его произведение. Чем сильнее «задевают» критики самолюбие писателя, тем сильнее его реакция, и тем чаще он использует их цитаты. Так, например, в один и тот же день, 24 ноября 1887 г., он пишет два письма: А.С. Киселеву и брату Александру, где цитирует Петра Кичеева, нелестно отзывавшегося о его пьесе «Иванов»:

«Моя пьеса нагло-цинична, безнравственна и отвратительна». Таково мнение Петра Кичеева, убившего в свое время на Ваших глазах человека» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.2, с.153];

«На другой день после спектакля появилась в «Московском» листке» рецензия Петра Кичеева, который обзывает мою пьесу нагло-цинической, безнравственной дребеденью» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.154].

Особенностью речевого поведения А.П. Чехова является еще и то, что в сообщениях адресату о реакции публики на его произведение, вызвавшее споры, писатель широко прибегает к гиперболизациям. С одной стороны, он умаляет значение собственного произведения, намеренно используя грубые экспрессивно окрашенные слова и выражения, а с другой стороны, нарочито преувеличивает степень реакции публики.

«Ты не можешь себе представить, что было! Из такого малозначащего дерьма, как моя пьесенка ..., получилось чёрт знает что. Я уже писал, что на первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 32 года. Шумели, галдели, хлопали, шикали; в буфете едва не подрались, а на галерке студенты хотели вышвырнуть кого-то, и полиция вывела двоих. Возбуждение было общее. Сестра едва не упала в обморок. Дюковский, с которым сделалось сердцебиение, бежал, а Киселев ни с того ни с сего схватил себя за голову и очень искренно возопил: «Что же я теперь буду делать?» Актеры были нервно напряжены» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.154].

4. Доминирование сдержанной реакции над эмоциональной в случае критики адресатом

Реакция писателя на очную критику его произведений адресатом почти всегда сдержанная. Зафиксировано 11 подобных случаев. Очень редко А.П. Чехов позволяет себе эмоциональную реакцию на критику адресата (1 случай).

Демонстрируя сдержанную реакцию на критику, писатель использует в равной степени активную и пассивную стратегии самозащиты (по 5 случаев). Активная стратегия представлена в основном речевым жанром «Убеждение». Пассивная стратегия А.П. Чехова характеризуется в основном стремлением писателя уклониться от спора под видом равнодушного согласия или неаргументированного несогласия с адресатом.

5. Шутливая угроза в ответ на необъективную критику со стороны хорошо знакомого собеседника

Данный тип коммуникативной реакции реализуется А.П. Чеховым через стратегию активной самозащиты. Однако в этом случае писатель не стремится убедить собеседника в своей правоте, а прибегает к коммуникативному ходу «ответа добром на зло». Цель высказываний писателя – в корректной форме продемонстрировать адресату свое несогласие с его точкой зрения, а также в иронической форме дать ему понять, что адресант настолько великодушен, что может отвечать на критику собеседника похвалой в его адрес.

Ответ писателя строится по следующей схеме:

- ироническое противопоставление отношений адресанта и адресата к произведениям друг друга;
- высокая комплиментарность в адрес собеседника, сменяющаяся критикой его суждений;
- презентация собственного произведения;
- иронический укор в адрес собеседника, недооценившего труд адресанта;
- шутливая угроза в адрес собеседника:

«Вы смеетесь над моею основательностью, сухостью и над потомками, которые оценят мой труд, я же добром плачу за зло: с восхищением читаю Ваше последнее письмо о расколе и воздаю Вам великую хвалу. Великолепное письмо, и успех его вполне понятен. Во-первых, оно страстно, во-вторых, либерально и, в-третьих, очень умно. Либеральное Вам всегда чрезвычайно удается, а когда пытаетесь проводить какие-нибудь консервативные мысли или даже употребляете консервативные выражения (вроде «к подножию трона»), то напоминаете тысячепудовый колокол, в котором есть трещинка, производящая фальшивый звук.

Мой «Сахалин» – труд академический, и я получу за него премию митрополита Макария. Медицина не может теперь упрекать меня в измене: я отдал должную дань учености и тому, что старые писатели называли педантством. И я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит! Печатать «Сахалин» в журнале, конечно, не следует, это не журнальная работа, книжка же, я думаю, пригодится на что-нибудь. Во всяком случае Вы напрасно смеетесь. Хорошо смеется тот, кто последний смеется. Не забывайте, что скоро я буду видеть Ваш новый водевиль» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.258].

6. Игнорирование критики хорошо знакомого собеседника под видом равнодушного согласия с ней

В чеховских письмах встречаются примеры, когда писатель реагирует на критику хорошо знакомого ему собеседника подчеркнуто равнодушно, иногда с легкой иронией. В этом случае в письме адресату А.П. Чехов констатирует его правоту и обычно говорит, что сам знает о своих недостатках, которых в силу стечения обстоятельств невозможно было избежать:

«Иглу, которую Вы вонзили в мое авторское самолюбие, принимаю равнодушно. Вы правы. В письме моем Иванов, вероятно, ясней, чем на сцене. Это потому, что четверть ивановской роли вычеркнута. Я охотно отдал бы половину своего успеха за то, чтобы мне позволили сделать свою пьесу вдвое скучней. Публика величает театр школой. Коли она не фарисей, то пусть мирится со скукой. В школе ведь не весело» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.145];

«Спасибо за прочтение пьесы. Я и сам знал, что IV акт никуда не годится, но ведь я же давал пьесу с оговоркой, что сделаю новый акт. Больше половины Ваших замечаний таковы, что я ими непременно воспользуюсь» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.285].

Однако, несмотря на то, что А.П. Чехов покорно соглашается с оценкой адресата, писатель может в прямой или в косвенной форме отказаться исправить в своем произведении недочеты, на которые указал ему собеседник:

«Но, разумеется, и на солнце есть пятна, и одно такое незначительное стилистическое пятнышко я как-то указал Чехову, когда мы разговаривали о «Степи». Именно почему-то вспомнилась в самом начале (где говорится о смерти бабушки) фраза, на которой я запнулся, читая впервые рассказ: «Она была жива, пока не умерла...» Что-то в этом роде.

– Быть не может! – воскликнул Чехов и сейчас же достал с полки книгу и нашел место: «до своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики». – Чехов рассмеялся. – Действительно, как это я так не доглядел. А впрочем, нынешняя публика не такие еще фрукты кушает. Нехай! И равнодушно захлопнул книгу (Это место в «Степи» осталось без переделки. – А.К.)» (И.Л. Леонтьев-Щеглов) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.77].

7. Частотность игнорирования критики незнакомого адресата под видом полного согласия с ней

В ситуации, когда незнакомый А.П. Чехову адресат критикует его произведение, писатель старается уклониться от спора с ним, применяя при этом коммуникативный ход покорного и добродушного соглашательства с

собеседником. Вербальная реакция А.П. Чехова на критику в этом случае заключается в том, что на все вопросы адресата Антон Павлович отвечает эхом, повторяя высказывание собеседника в утвердительной форме, а на все его нападки говорит: «вы правы». Невербальная его реакция – смех. Тональность речи писателя в беседе с адресатом в подобной ситуации обычно добродушно-снисходительная, при этом А.П. Чехов стремится как можно быстрее перевести разговор на другую тему.

Один из современников А.П. Чехова вспоминает, как однажды студенты пытались вызвать писателя на спор:

«Студенты были другие, чем Антон Павлович. Они были большие спорщики и в какой-то своеобразной оппозиции ко всему.

– Если у вас нет убеждений, говорил один студент, обращаясь к Чехову, то вы не можете быть писателем...

– Нельзя же говорить, что у меня нет убеждений, – говорил другой, – я даже не понимаю, как это можно не иметь убеждений.

– У меня нет убеждений, – отвечал Антон Павлович.

– Вы говорите, что вы человек без убеждений... Как же можно написать произведение без идеи? У вас нет идей?..

– Нет ни идей, ни убеждений... – ответил Чехов. <...>

– Кому нужны ваши рассказы?.. К чему они ведут? В них нет ни оппозиции, ни идеи... Вы не нужны «Русским ведомостям», например. Да, развлечение и только...

– И только, – ответил Антон Павлович.

– А почему вы, позвольте вас спросить, подписываетесь Чехонте?.. К чему такой китайский псевдоним?..

Чехов засмеялся.

– А потому, – продолжал студент, что когда вы будете доктором медицины, то вам будет совестно за то, что вы писали без идеи и без протеста...

– Вы правы... – отвечал Чехов, продолжая смеяться.

И прибавил:

– Поедем-ка в Сокольники... Прекрасный день... Там уже цветут фиалки... Воздух, весна» (К.А. Коровин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.27-28].

8. Оправдание и защита отсутствующего дискредитируемого лица

А.П. Чехов не любил, когда при нем кого-либо заочно осуждали или критиковали. Если писатель был в дружеских отношениях с адресатом, то он открыто выражал свое неприятие. А.П. Чехов всегда оправдывал критикуемого, апеллируя к его возрасту, профессионализму или положительным личностным качествам.

Современник писателя Б.А. Лазаревский рассказывал, как однажды А.П. Чехов спросил его, как поживает один господин. Б.А. Лазаревский ответил ему, что этот господин сильно пьет, плохо отдает долги и вообще заслуживает мало симпатий. На эти слова Антон Павлович отреагировал очень эмоционально:

«Это не всё... Это не так. Вот, вы знаете, в восьмидесятых годах был процесс, и если бы не этот господин, то несколько хороших и ни в чем не повинных людей, может быть, пошли бы на каторгу... Он добрый, а это много, очень много!» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.581].

Тот же Б.А. Лазаревский вспоминает, как однажды ему «сильно досталось» от А.П. Чехова, когда он сказал ему об одном уже немолодом беллетристе, который уже давно пишет, но дальше одного тома и двух рассказов не пошел, хотя имел полную возможность работать и издаваться когда ему хочется. Выслушав своего собеседника, А.П. Чехов возразил и стал защищать знакомого писателя от нападок:

«Неправда, он много написал. Отличный писатель, чудесный писатель, и работает он хорошо!» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.579-580].

Другие современники также отмечают, что А.П. Чехов не переносил, когда при нем критиковали какого-либо знакомого ему писателя:

«Ну, зачем вы? Он же старик, ему же семьдесят лет...» или «Он же ведь еще молодой, это же по глупости...» (М.Горький) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.447];

«Когда у меня вырывалось резкое, жесткое замечание о каком-нибудь его знакомом литераторе, ему было неприятно, и он начинал оправдывать его и приводить смягчающие вину обстоятельства» (С.Я. Елпатьевский) [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.558].

9. Невербальная негативная реакция на критику, направленную на третье лицо, в виде уклонения от разговора

Если при А.П. Чехове мало знакомый ему собеседник заочно осуждал или критиковал третье лицо, то негативная реакция писателя обычно была имплицитной и выражалась невербально.

А.И. Куприн вспоминает, как однажды к А.П. Чехову приехал один штатский генерал, и чтобы выразить свое читательское одобрение и доставить Антону Павловичу удовольствие, начал поносить одного молодого

писателя, известность которого только начинала расти. А.И. Куприн хорошо запомнил чеховскую невербальную реакцию:

«Чехов тотчас же сжался, ушел в себя и все время сидел с опущенными глазами, с холодным лицом, не проронив ни слова. И только по быстрому ускоряющемуся взгляду, который он бросил при прощании на знакомого, приведшего генерала, можно было видеть, как много огорчения принес ему этот визит» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.519].

Реакция на похвалу и почести

1. Резко негативная реакция на овации, пафосную речь и чествование в свой адрес (реакция «бегством»)

Многие современники А.П. Чехова отмечают, что у писателя была негативная реакция на публичный успех. Он не любил бурных оваций, пафосных речей и чествований в свой адрес:

«– Да, Антон Павлович, вот скоро и юбилей ваш будем праздновать!

– Знаю-с я эти юбилеи! Бранят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят ему гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и поцелуями восторженную ахинею» (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.484].

К.С. Станиславский также вспоминает, что реакция А.П. Чехова на успех его пьесы «Дядя Ваня» была негативной:

«Первый акт был принят холодно. К концу успех вырос в большую овацию. Требовали автора. **Он был в отчаянии, но все-таки вышел**» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.386].

В дружеских письмах адресатам А.П. Чехов признается, что терпеть не может публичного успеха и оваций до такой степени, что ему хочется убежать:

«Кстати, об успехе и овациях. **Всё это так шумно и так мало удовлетворяет, что в результате не получается ничего, кроме утомления и желания бежать...**» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.3, с.158].

Современники А.П. Чехова также подтверждают, что в случае большого успеха его пьесы, писатель мог незаметно уйти из театра, никого не предупредив:

«То, что отравляло Антону Павловичу спектакли, – это необходимость выходить на вызовы публики и принимать чуть ли не ежедневно овации. Нередко поэтому он вдруг неожиданно исчезал из театра, и тогда приходилось выходить и заявлять, что автора в

театре нет» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.391].

Нелюбовь А.П. Чехова к торжественным чествованиям в свой адрес явилась также причиной «бегства» писателя и с собственной свадьбы:

«...Антон Павлович попросил артиста Художественного театра Александра Вишневского устроить в день свадьбы торжественный обед и пригласить на него всех родных его и Ольги Леонардовны. А.Л. Вишневский это выполнил. В назначенный час все собрались, ждут Антона Павловича и Ольгу Леонардовну. Их все нет и нет. Начали уже волноваться. Наконец откуда-то стало известно, что Антон Павлович и Ольга Леонардовна уже обвенчались, заехали из церкви к Анне Ивановне Книппер, матери Ольги Леонардовны, и оттуда проехали на вокзал и сейчас... уже едут в поезде в Нижний Новгород! Пусть читатели сами себе представляют себе то забавное положение, в котором оказались гости на званом обеде, когда пригласившие их на этот обед хозяева... сбежали» (М.П. Чехова) – [Вокруг Чехова 1990, с.351-352].

Еще за месяц до свадьбы Антон Павлович писал Ольге Леонардовне:

«Собака Олька! <...> Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, – то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться. Из церкви укатить бы не домой, а прямо в Звенигород. Или повенчаться в Звенигороде. Подумай, подумай, дуся! Ведь ты, говорят, умная» (О.Л. Книппер, 26 апреля 1901 г., Ялта) – [Письма, т.10, с.17].

2. Реакция описанием своего психического состояния на признание своего таланта

Чеховская реакция на признание его таланта отличается чрезмерной эмоциональностью. Это «коктейль» из чувств ликования, смятения, смущения и ответственности.

Ключевые фразы в письмах Чехова: «*поразило как молния*» [Письма, т.1, с.216], «*И вдруг точно град с неба, эта премия!*» [Письма, т.3, с.23], «*Премия выбила меня из колеи*» [Письма, т.3, с.20].

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас. Вы знаете, какими глазами обыкновенные люди глядят на таких избранных, как Вас; можете поэтому судить, что составляет для моего самолюбия Ваше письмо. <...> Простите за сравнение, оно подействовало на меня, как губернский пригаз «выехать из города в 24 часа!», т.е. я вдруг почувствовал обязательную потребность спешить, скорее выбраться оттуда, куда завяз...» (Д.В. Григоровичу, 28 марта 1886 г., Москва) – [Письма, т.1, с.216-219]

Писатель нередко сравнивает свои ощущения с состоянием влюбленности. Его реакция в дружеских письмах выражается через речевой жанр эмоционального признания:

«Известие о премии имело ошеломляющее действие. Оно пронеслось по моей квартире и по Москве, как грозный гром бессмертного Зевса. Я все эти дни хожу как влюбленный» (А.С. Суворину, 10 октября 1888 г., Москва) – [Письма, т.3, с.23].

Интенцией к демонстрации своей реакции перед собеседником является потребность А.П. Чехова поделиться с адресатом своими чувствами и переживаниями, осмыслить происходящее через проговаривание. В этом случае для речевого поведения писателя характерно нарастание эмоционального насыщения фразы. В языковом плане это выражается в использовании Чеховым экспрессивной лексики и выражений: «я ошалел», «*Всё пропало!*»; в авторских сравнениях: «*тина и чертовщина городской, литературной суеты охватывают меня, как спрут-осьминог*», а также в эмоциональных перечислениях:

«Я получил Пушкинскую премию! Эх, получить бы эти 500 рублей летом, когда весело, а зимою они пойдут прахом. <...> Премия выбила меня из колеи. Мысли мои вертятся так глупо, как никогда» (А.Н. Плещееву, 9 октября 1888 г., Москва) – [Письма, т.3, с.20];

«Получил я известие, что Академия наук присудила мне Пушкинскую премию в 500 р. Это, должно быть известно уже вам из газетных телеграмм. Официально объявят об этом 10-го окт<ября> в публичном заседании Академии с подобающей случаю классической торжественностью. Это, должно быть, за то, что я раков ловил.

Премия, телеграммы, поздравления, приятели, актеры, актрисы, пьесы – всё это выбило меня из колеи. Прошлое туманится в голове, я ошалел; тина и чертовщина городской, литературной суеты охватывают меня, как спрут-осьминог. Всё пропало! Прощай лето, прощайте раки, рыба, остроносые челноки, прощай моя лень, прощай голубенький костюмчик. <...> Если когда-нибудь страстная любовь выбивала Вас из прошлого и настоящего, то то же самое почти я чувствую теперь» (Е.М. Линтваревой, 9 октября 1888 г., Москва) – [Письма, т.3, с.21-22].

3. Реакция самоиронией на признание его писательского таланта

Очень часто А.П. Чехов реагирует с некоторым смущением на признание его писательского таланта. При этом ему свойственно стремление «гасить» любой пафос, снижать свои сильные эмоциональные всплески через самоиронию. Например, его чрезмерно эмоциональная реакция на признание

его таланта может чередоваться с такими формами иронической реакции, как:

- реакция шутливым самовозвеличиванием:

«Григоровичем польщен. Это единственный человек, который оценил меня!! Скажите всем знаменитым писателям, в том числе, конечно, и Лейкину, чтобы они брали с него пример» (В.В. Билибину, 8 или 9 февраля 1886 г., Москва) – [Письма, т.1, с.196];

«Пьяница! Хождение твое в Академию не пропало даром: премию я получил. Так как и ты принимал участие в увенчании меня лаврами, то часть моего сердца посылается и тебе. Возьми сию часть и скушай» » (Ал.П. Чехову, 13 октября 1888 г., Москва) – [Письма, т.3, с.44];

- реакция ироничным приуменьшением практической значимости наград за писательские заслуги:

«Премия имеет значение, так сказать, духовное. Если глядеть на нее с чиновничьей точки зрения, то она уподобляется Станиславу 3-й степени. Она казенная. Когда меня потащат служить на войну, ее запишут в мой формулярный список; главный корпусный доктор, прочитав сей список, глубокомысленно промычит: «М-да...». Вот и всё» (Е.М.Линтваревой, 27 октября 1888 г., Москва) – [Письма, т.3, с.44];

«Как это нескладно, что мне назначили Грибоедовскую премию! Это не даст мне ничего, кроме буренинской брани, да и уж стар я для сих поощрений» (О.Л. Книппер-Чеховой, 29 января 1902 г., Ялта) – [Письма, т.10, с.181];

- реакция ироничным приуменьшением собственных писательских достоинств:

«Рецензия прекрасна; ценю ее на вес не золота, не алмазов, а своей души. Мое глубокое и искреннее убеждение: получил я гораздо больше, чем заслужил» (А.С.Суворину, 1889 г.) – [Письма, т.3, с.146];

«Вы чехист? Покорно благодарим. Нет, Вы не чехист, а просто снисходительный человек» (М.И. Чайковскому, 1890 г.) – [Письма, т.4, с.40].

4. Резко негативная реакция на чрезмерное внимание к своей персоне

А.П. Чехов выражал негативную реакцию, когда пафосно рекламировали его как писателя и его произведение. Он считал, что скромность является лучшей рекламой для писателя:

«Многоуважаемый Петр Васильевич! Иероним Иеронимович писал мне, что Вы близко стоите к редакции «Всемирной иллюстрации». Будьте добры, при случае передайте редакции, что анонс, в котором она величает меня «высокоталантливым» и заглавие моего рассказа печатает буквами вывесочного размера, – этот анонс произвел на меня самое неприятное впечатление. Это похоже на рекламу зубного врача или массажистки и во всяком случае неинтеллигентно. Я знаю цену рекламе и не против нее, но для литератора скромность и литературные приемы в отношениях к читателю и товарищам составляют самую лучшую и верную рекламу» (П.В. Быкову, 1892 г.) – [Письма, т.5, с.59].

Когда А.П. Чехов стал известным писателем, с ним искали знакомства или случая хотя бы один раз его увидеть самые разные люди. Современники писателя вспоминают, что ялтинские дамы и молодежь специально отправлялись гулять на набережную или шли в театр, на концерты, если знали, что там будет А.П. Чехов. Из густой толпы то и дело доносился полусшепот: «Чехов! Чехов! Вон он стоит! Вон он пошел! Вон он остановился!» (В.А. Фаусек) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.265].

Некоторые «любители» литературы осмеливались приглашать писателя к себе на званые обеды, устроенные в честь А.П. Чехова. Антон Павлович очень уставал от такой публичности и реагировал на подобные приглашения в резко негативной форме:

«... А.П. встретил меня, видимо чем-то взволнованный.

– Послушайте! – говорит. – Что это у вас тут за барон В.?

И Чехов протянул мне визитную карточку барона, увенчанную короной.

Говорю, есть такой барон. Принадлежит к местному бомонду, очень богат, дачу роскошную имеет в Ялте. Личность, ровно ничем не замечательная.

– Можете себе представить?! Является ко мне, представляется и просит сегодня же у него отобедать, что у него соберутся гости и тому подобное?! Какой-то наивный нахал?!

– Что же вы ему сказали?

– Спровадил его! Сказал ему, что не имею чести его знать и обедать к нему не пойду. Он только что ушел от меня!

На другой же день я мог сообщить Антону Павловичу, что барон В. имеет все основания быть на него в претензии. Он назвал гостей «на Чехова», и гости в назначенное время съехались к нему обедать. А обед оказался «без Чехова»...» (В.А. Фаусек) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.265-266].

5. Негативная реакция на неумеренную похвалу в свой адрес

По многочисленным воспоминаниям современников А.П. Чехов не любил, когда его много хвалили и возвеличивали. Обычно он старался игнорировать такую похвалу. Свою реакцию на чрезмерную похвалу публики или мало знакомого человека писатель чаще всего выражал невербально: имел сконфуженный вид, краснел, иногда мрачнел, опускал глаза, иногда пересаживался подальше от компании или уходил в другую комнату. Если же А.П. Чехова хвалил хорошо знакомый ему человек, то

писатель обычно переводил разговор на другую тему или обращал его в шутку.

Современник А.П. Чехова И.Л. Леонтьев-Щеглов вспоминает, как в Петербурге, на следующий день после спектакля по чеховской пьесе «Иванов», принятой публикой восторженно, помещик Соковнин устроил банкет в честь Чехова. На обеде присутствовало несколько литераторов, артист Свободин и другие почитатели таланта писателя. Гости говорили А.П.Чехову много приятных слов и комплиментов, а хозяин дома, адресуя писателю тост, торжественно приравнял чеховского «Иванова» к грибоедовскому «Горе от ума». И.Л. Леонтьев-Щеглов обратил внимание на реакцию А.П. Чехова на эту речь:

«Я взглянул искоса на Чехова: он густо покраснел, как-то сконфуженно осунулся на своем месте, и в глазах его мелькали чуть-чуть заметные юмористические огоньки – дозорные писательские огоньки, свидетельствующие о непрерывной критике окружающего... «И Шекспиру не приходилось слышать тех речей, какие прослышал я!» – не без иронии писал он мне потом из Москвы» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.64].

А.И. Куприн также отмечает, что А.П. Чехов стыдливо и холодно относился к похвалам, которые ему расточали:

«Бывало, уйдет в нишу, на диван, ресницы у него дрогнут и медленно опустятся, и уже не поднимаются больше, а лицо делается неподвижным и сумрачным» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.519].

6. Негативная реакция на свою популярность

В письмах друзьям и родным А.П. Чехов почти всегда с горечью говорит о своей популярности: с одной стороны, писатель сталкивается с отношением публики, которая «любит» его не за талант, а за известность; а, с другой стороны, с лицемерием и завистью коллег-литераторов:

«Вы пишете, что писатели избранный народ божий. Не стану спорить. Щеглов называет меня Потемкиным в литературе, а потому не мне говорить о тернистом пути, разочарованиях и проч. Не знаю, страдал ли я когда-нибудь больше, чем страдают сапожники, математики, кондуктора; не знаю, кто вещает моими устами, бог или кто-нибудь другой похуже. Я позволю себе констатировать только одну, испытанную на себе маленькую неприятность, которая, вероятно, по опыту знакома и Вам. Дело вот в чем. Вы и я любим обыкновенных людей; нас же любят за то, что видят в нас необыкновенных. Меня, например, всюду приглашают в гости, везде кормят и поят, как генерала на свадьбе; сестра возмущается, что ее всюду приглашают за то, что она сестра писателя. Никто не

хочет любить в нас обыкновенных людей. Отсюда следует, что если завтра мы в глазах добрых знакомых покажемся обыкновенными смертными, то нас перестанут любить, а будут только сожалеть. А это скверно. Скверно и то, что в нас любят такое, чего мы часто в себе сами не любим и не уважаем. Скверно, что я был прав, когда писал рассказ «Пассажир I класса», где у меня инженер и профессор рассуждают о славе» (А.С.Суворину, 24 и 25 ноября 1888 г., Москва) – [Письма, т.3, с.78];

«Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Чёрт их знает. Если бы я застрелился, то доставил бы этим большое удовольствие девяти десятым своих друзей и почитателей. И как мелко выражают свое мелкое чувство! Буренин ругает меня в фельетоне, хотя нигде не принято ругать в газетах своих же сотрудников; Маслов (Бежецкий) не ходит к Сувориным обедать; Щеглов рассказывает все ходящие про меня сплетни и т.д. Всё это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плесень» (М.П. Чеховой, 14 января 1891 г., Петербург) – [Письма, т.4, с.161-162].

Юмор в общении

Стремление к общению в юмористическом регистре – одна из наиболее ярких черт коммуникативной личности А.П. Чехова. Практически все жанры общения писателя имеют яркий юмористический компонент.

Писатель использует юмористический регистр общения как в устной, так и в письменной речи. Укажем на наиболее типичные проявления юмористического регистра в коммуникативном поведении писателя.

1. Широкое использование шутливой формы оформления разных речевых актов

А.П. Чехов в письмах адресатам наиболее часто оформляет в шутливую форму следующие речевые акты:

- упрека (укора)

«Отчего Вы мне не написали? Отчего? От души желаю, чтобы у Вас, когда Вы будете управляющим казенной палатой, были непочтительные подчиненные, чтобы Ваш секретарь нюхал отвратительный табак и отрыгал во время доклада луком и чтобы старые чиновницы писали Вам любовные письма» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.5, с.160];

«Ах, милый Жан, да проглотит Вас ад за Ваш возмутительный, святотатственный почерк! Я не разобрала пяти слов... Воображаю же, во что обходится Ваш почерк наборщикам и переписчикам!» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову)) – [Письма, т.2, с.329];

«Любезный друг Сашинькёх! Письмо твое поганое получил и оно читал с упреком в нерадении» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.51];

«Недостойный брат! Ты у нас очень много кушал, а между тем не прислал ни одной строчки благодарности. Тебе дано было поручение – и ты его не исполнил. После этого мне остается только перестать благодетельствовать тебе» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.138];

«В последнем номере "Недели" прочти статью об алкоголизме: упоминают о тебе» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.7, с.29];

- поздравления

«Аплодирую Вам, уважаемая Елизавета Константиновна, до боли и мозолей в ладонях. Ваша свадьба – это лучшая пьеса, которую Вы когда-либо играли... Поздравляю, крепко жму руку от чистого сердца, приятельски желаю всего лучшего. Несмотря на свой очень маленький рост, Вы более, чем кто-либо другой, стоите настоящего, хорошего счастья» (Е.К. Сахаровой) – [Письма, т.1, с.252];

«Завидую Вам, добрейший Александр Семенович. Завидую, что Вы женитесь и что Вы не утонули по уши в суету и не разучились еще писать, как аз многогрешный. Поздравляю Вас, женише, с поступлением в ряды несчастных, осмеянных Вашими афоризмами, и желаю Вам от души, чтобы теща бывала у Вас не чаще одного раза в год и чтобы дети Ваши не знали ни с музами, ни с нечистыми духами, ни с Н.А.Лейкиным...» (А.С. Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.2, с.288].

«Таганрогский мещанин! Поздравляю тебя с новосельем и желаю тебе добродетели, блаженного чревоугодия, здоровья и многолетия и во всем благого поспешения. Живи в новом доме еще лет 30, дожись собственных очень высоких деревьев и умри дряхлым старцем, когда уже не будешь в состоянии отличить собственного дома от чужого» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.9, с.73-74];

- пожелания

«Братя, будем целомудренны, как римляне!!!» (Н.П. и И.П. Чеховым) – [Письма, т.1, с.34];

«Будь здоров, невредим, водки не пей, похоть удерживай, пиши передовые, а репортерство брось» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.77];

«Желаю Вам жития мирна и безгрешна, ложа нескверна, здоровья, спасения и во всем благого поспешания» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.50-51];

«Желаю Вам побольше денег и белого потолка в кабинете. Избави Вас бог от золотого на красном. В самом деле, пестро и невкусно» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.231];

«Да хранят Вас небеса, видимые с земли и видимые с Сириуса» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.37];

«Будьте здоровы и не хандрите. Не будьте кислы, как клюква. Будьте рахат-лукумом» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.7, с.136];

- приглашения

«После первого мая начнем с нетерпением ожидать Вашего приезда. Отклонить наше приглашение Вы будете не в состоянии, так как все мы будем умолять Вас со слезами – это во-первых. А во-вторых, если Вы не приедете к нам, то я не отдам Вам долга. В первый же день приезда Вы получите, если и не весь долг, то часть; если же не приедете до 1-го июня, то не получите ни копейки. Клянусь!» (Н.М. Линтваревой) – [Письма, т.5, с.45];

«Я не приглашаю Вас к себе в деревню, так как это бесполезно. Вы гордец и надменны и высокомерны, как Навуходоносор. Если бы Вас пригласил принц Кобургский или хедив египетский, то Вы поехали бы, приглашение же незначительного русского литератора вызывает у Вас презрительную улыбку. Жаль. Гордость мешает Вам ехать ко мне, а между тем, какая у меня сметана, какие агнцы, какие огурцы будут в мае, какая

редиска! В мае будет чудесно. Я строю себе в лесу флигель» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.5, с.274];

- просьбы

«Г. Звенигородскому Уездному Врачу.

Имею честь просить Ваше Высокоблагородие принять уверение в глубоком моем уважении, а также вменяю Вам приятную (?) обязанность взять у врача Успенского оставленную мною у него красную рубаху и доставить оную при случае, как вещественное доказательство моего пребывания в г. Звенигороде. Надеюсь получить ее от Вас в Бабкине. При сем препровождаю госпожу Маркову для медицинского освидетельствования ее сосудистой системы, преимущественно сердца, в котором, как она мне заявила, запечатлелся Ваш образ. Сей образ прошу заспиртовать и прислать мне. Хирург патологии: А. Чехов» (П.Г. Розанову) – [Письма, т.1, с.155];

- извинения (оправдания)

«Раскаявшийся пьяница! Прости, что я долго не отвечал на твои поганые письма: одолели лень, скука и безденежье» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.58];

«Маленькая польза! Пожелав тебе самой большой пользы, отвечаю на твое письмо. Прежде всего каюсь и извиняюсь: не писал долго по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень...» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.59];

«Многотерпеливе и многомилостиве! Иже праведные любяй и грешные милуяй! Вместо платы за квартиру посылаю Вам том моих экскрементов. За квартиру же – увы! – уплачу через сто лет (или же ранее, при первой получке). Если не согласны, то подавайте мировому. Банкрот А. Чехов» (Я.А. Корнееву) – [Письма, т.2, с.106];

- благодарности

«Спасибо тебе восьмиэтажное (с чердаком и погребом). Не будь твоего сюртука, я погиб бы от равнодушия женщин!!! Впрочем, ты человек женатый и не понимаешь нас, холостяков. (Вздыхаю.) <...> Еще раз спасибо за сюртук. Желая, чтобы он у тебя женился и народил множество маленьких сюртучков» (Д.Т. Савельеву) – [Письма, т.1, с.97];

«Многоуважаемая Анна Михайловна! Благодарю Вас за деньги и за обещание познакомить меня с миллионершей. Кстати: настоящие ли у нее миллионы? Если настоящие, а не дутые, то почему она до сих пор не вышла замуж? Я человек подозрительный...» (А.М. Евреиновой) – [Письма, т.3, с.278];

«Благодарю тебя, Сашечка, за хлопоты. Когда я буду действ<ительным> статским советником, то за теперешние мои старания разрешу тебе обходиться со мною без чинов, т. е. не называть меня вашим превосходительством» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.165];

- наставления

«...веди себя хорошенько, не воняй и не топчи сзади брюк! И ходи по гладенькому» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.128];

«Не надо быть штанами» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.276];

«Будь здоров и не будь утюгом» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.292];

«В дурную погоду подсучивай брюки и слушайся старших. Твой благодетель Antonio» (Ал.П. Чехову, 14 августа 1898 г. Мелихово) – [Письма, т.7, с.254];

«Будь здоров и благомысленен, и кроток, как твой родитель, который собирает под деревьями яблоки, чтобы их не украли» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.7, с.247];

«Служи беспорочно, помни присягу, не распускай мужика, и если нужно, то посеки. Всякого нарушителя долга прощай как человек, но наказывай как дворянин. Ну, будь

здоров, счастлив и удачлив в делах своих. Не забывай, пиши, пожалуйста, пиши, памятуя, что живу я в чужой стороне не по своей воле и сильно нуждаюсь в общении с людьми, хотя бы письменном» (В.Н. Ладыженскому) – [Письма, т.8, с.73];

- прощания

«Кланяюсь Вам низко, по-китайски, ухватившись руками за живот» (Н.Н.Оболонскому) – [Письма, т.5, с.7].

- отказа

«Согласно письма Вашего от 20-го апреля, спешу сообщить Вам, милостивый государь, что от Вас не было получено мною никаких произведений, кроме Ваших стихов (из армянской жизни), которые не могут быть напечатаны вследствие отсутствия в них истинного поэтического чувства. В случае же если кто-нибудь пришлет мне Ваши рукописи, то они будут употребляться в домашнем хозяйстве на известные Вам надобности. С почтением Фед<оров> (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.337];

- медицинского совета

«От зубной боли и любви помогает шальная пуля, пущенная в висок. Такая пуля дает определенное впечатление» (В.М. Киселевой) – [Письма, т.2, с.101].

2. Широкое использование шуточных обращений как знаков дружеского расположения

Шуточные обращения составляют значительную часть начальных обращений в письмах писателя. Как правило, подобные обращения А.П.Чехов использует в общении с родственниками, друзьями и близкими знакомыми. Наибольшее распространение получили следующие типы обращений:

- шуточные ситуативно-оценочные экспрессивные обращения

«**Несчастный доктор, не находящий себе места от любви к неизвестной мне девице!**» (Н.Н. Оболонскому) – [Письма, т.3, с.282];

«**Образованнейшая и лютейшая Любовь Александровна!**» (Л.А. Камбуровой) – [Письма, т.1, с.36];

«**Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович!**» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.1, с.248];

«**Бессердечная немка!**» (А.Л. Селивановой-Краузе) – [Письма, т.6, с.293];

«**Легкомысленный и посмеяния достойный брат мой Александр!**» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.44.];

«**Милейший Банк!**» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.179].

- Обращения, характеризующие адресата по какому-либо его качеству

«**Женатый коллега!**» (П.Г. Розанову) – [Письма, т.1, с.181];

«**Великолепный и женатый брат мой Саша!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.260];
 «**Счастливейший избранник Гименея, добрейший доктор и восхитительный мужчина!**» (Н.Н. Оболенскому) – [Письма, т.3, с.302].

«**Доброкачественный брат мой, Александр Павлович!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.53];

«**Фотографический и плодовитый брат мой!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.4, с.252].

- Обращения, характеризующие адресата по его географическому местонахождению

«**Друзья мои тунгусы!**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.65, 68, 70, 95];

«**Европейский брат!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.4, с.105].

- Шутливые обращения, возвеличивающие собеседника

«**Талантливейший из всех архитекторов мира!**» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.37];

«**Милый мой collega, Татьяна Львовна, великая писательница земли русской!**» (Т.Л. Щепкиной-Куперник) – [Письма, т.5, с.270];

«**Здравствуйте, Клеопатра Александровна, великая артистка земли русской!**» (К.А. Каратыгиной) – [Письма, т.5, с.271];

«**Многоуважаемый и добрейший, как самая добрая маменька, Леонид Николаевич!**» (Л.Н. Трефолеву) – [Письма, т.1, с.215];

«**Добрейший из юмористов и помощников присяжного поверенного, бескорыстнейший из секретарей Виктор Викторович!**» (В.В. Билибину) – [Письма, т.1, с.189];

«**Elegantissime!**» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.41];

«**Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лика!**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.4, с.231];

«**Великолепная моя мамаша, превосходная Маша, сладкий Миша и все присные мои!**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.78].

- Шутливые социально-ролевые обращения

«**Милый мой драматург!**» (И.Л. Леоньеву-Щеглову) – [Письма, т.2, с.282];

«**Милый господин театрал!**» (И.Л. Леоньеву-Щеглову) – [Письма, т.3, с.179];

«**г. Театрал!**» (И.Л. Леоньеву-Щеглову) – [Письма, т.3, с.250];

«**Гг. юмористы!**» (Н.М. Ежову и А.С. Лазареву (Грузинскому)) – [Письма, т.2, с.110];

«**Уловляющий контрабандистов-человеков-вселенную, таможенный брат мой, краснейший из людей, Александр Павлыч!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.45];

«**Таможенный брат мой Александр!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.41];

«**Пожарный брат мой!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.4, с.364];

«**Добрейший столоначальник Александр Павлович!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.49];

«**Капитан!**» (И.Л. Леоньеву (Щеглову)) – [Письма, т.2, с.198, 267; т.3: с.191];

- Шутливо-учтивые и шутливо-почтительные обращения

«**Милостивейший государь Виктор Сергеевич, Отец и благодетель!**» (В.С. Миролюбову) – [Письма, т.5, с.290];

«Милостивые государи и милостивые государыни!» (Чеховым) [Письма, т.2, с.159];

«Милостивая государыня Маша!» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.1, с.241];

«Достопочтенный братец!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.120];

«Достоуважаемый братец!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.42];

- Шутливое присвоение адресатам высоких чинов и титулов

«Ваше Превосходительство!» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.189, 294];

«Ваше Благородие!» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.206];

«Ваше Высокородие!» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.2, с.146; т.4, с.311];

«Sire!» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.1, с.240; т.2, с.109, 123; т.3, с.40];

«Владыко!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.349; т.6, с.16];

«Отче Александре!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с. 334];

«О. Архимандрит!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.216];

«Милейший надворный советник» (А.С. Лазареву (Грузинскому)) – [Письма, т.2, с.155, 214];

«Милейший маэстро!» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.66].

«Ваше великолепие!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.206];

«Ваше Целомудрие!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.14];

«Ваше Вдовство!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.314].

- Экспрессивно-оценочные обращения, шутливо дискредитирующие адресата

Обращения этого типа А.П. Чехов использует только по отношению к своему брату Александру.

– обращения, указывающие на «безнравственность» собеседника:

«Безнравственный брат!» [Письма, т.6, с.275];

«Брат наш мерзавец Александр Павлович!» [Письма, т.1, с.87];

«Бездельник!» [Письма, т.2, с.241];

«Гнусный шантажист!» [Письма, т.2, с.235];

«Неблагодарный брат!» [Письма, т.5, с.248, 251, 299];

«Недостойный брат!» [Письма, т.5, с.291; т.6, с.138];

«Неблагодарный и недостойный брат!» [Письма, т.5, с.240];

«Двулично-вольнодумствующий брат наш!» [Письма, т.4, с.230];

– обращения, указывающие на «недостаток ума» собеседника:

«Голова садовая!» [Письма, т.2, с.32]; «Недоуменный ум!» [Письма, т.2, с.33, 275];

– обращения, указывающие на «дурные наклонности» собеседника:

«Алкоголизм!» [Письма, т.3, с.246];

«Пьяница!» [Письма, т.3, с.26];

«Раскаявшийся пьяница!» [Письма, т.3, с.58]; «Прорва!» [Письма, т.2, с.233];

– обращения, указывающие на «ничтожность личности» собеседника:

«Ничтожество!» [Письма, т.2, с.44];

«Инфузория!» [Письма, т.4, с.25];
 «Ремешок от штанов!» [Письма, т.1, с.283];
 «Дубина! Хам! Штаны! Ум недоуменный и гугнивый!» [Письма, т.2, с.95];
 «Маленькая польза!» [Письма, т.1, с.68; т.2, с.264, 265];
 «**Финюга, маленькая польза, взяточник, шантажист и всё, что только пакостного может придумать ум мой!**» [Письма, т.1, с.192];

– обращения, указывающие на принадлежность собеседника к «темным силам»:

«666!» [Письма, т.3, с.77];
 «**Столп злобы! О, иудино окаянство!**» [Письма, т.2, с.250];

– обращения, указывающие на «отсутствие» у собеседника литературного таланта:

«**Лжедраматург**, которому мешают спать мои лавры!» [Письма, т.3, с.209];
 «**Журнальный лилипут!**» [Письма, т.3, с.237];
 «**Ненастоящий Чехов!**» [Письма, т.2, с.283];
 «**Разбойник пера и мошенник печати!**» [Письма, т.2, с.137];
 «**Бесшабашный шантажист, разбойник пера и мошенник печати!!**» [Письма, т.2, с.317];

– обращения, указывающие на низкое социальное положение адресата

Иногда А.П. Чехов обращается к своему старшему брату как к дворовому слуге или крепостному:

«**Человек!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.166].

3. Стремление к жанровой игре (индивидуально-авторское жанровое оформление высказывания)

- Несоответствие официальной формы обращения с последующей оценкой адресата

«**Милостивый государь Алексей Сергеевич!** В среду 25 ноября идет моя пьеса «Иванов» в 3-й раз. Вот было бы хорошо, если бы Вы приехали! Пожалуйста, приезжайте! <... > Моя пьеса нагло-цинична, безнравственна и отвратительна. Таково мнение Петра Кичеева, убившего в свое время на Ваших глазах человека. Вообще, кроме Вас, у меня много врагов. **Из всех врагов самый злой – Вы!!!**» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.2, с.153].

- Несоответствие почтительного обращения к адресату и просторечной манеры высказывания упрека по отношению к нему

«**Любезнейший Николай Павлович!** Ты поручил мне идти к Аванцо за деньгами для матери и для заключения надлежащих условий, **но вместе с сим ты был толиким быком, что не оставил мне доверенности в виде: «Подателю сего и прочее».** Будучи

уверен, что ты пришлешь сию доверенность, остаюсь твой доброжелатель и благодетель, брат твой строгий и справедливый» (Н.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.32].

- Несоответствие статуса лица ожидаемому от него поступку

«Как поживает **поп Покровский? Еще не поступил в гусары?»** (М.И. Морозовой) – [Письма, т.1, с.84].

- Стилизация сообщения адресату под художественный текст

Часто во время путешествий или отдыха летом на съемных дачах в средней полосе России или на юге А.П. Чехов рассказывает в письмах друзьям и родным о своих впечатлениях от увиденных им мест с подробными описаниями. В этих случаях ярко проявляется писательский талант А.П. Чехова и его творческая энергия. Писателю становится «тесно» в узких рамках эпистолярного жанра, он «ломает» их и переходит в жанр художественного произведения. По сути А.П. Чехов создает новый жанр письма-рассказа. Главный герой рассказа – автор, а все события, происходящие с ним – реальные. Некоторые письма целиком соответствуют жанру рассказа. Художественные описания в них заканчиваются, как правило, многоточием и словами *«продолжение следует»*, примером является письмо М.П. Чехову от 28 июля 1888 г. [Письма, т. 2, с.303-306]. В большинстве же случаев писатель ограничивается лишь беллетристическим или поэтическим началом письма.

В начале писем-рассказов А.П. Чеховым игнорируются приветствия, практически не используются обращения, отсутствует зачин письма. Писатель сразу переходит к повествованию. Частое использование многоточий задает высказываниям определенный ритм и тональность. Начало может быть выдержано в разной тональности: от тихой лирической до восторженной экспрессивной, но всегда интригующей. Чтобы создать у адресата необходимое настроение для восприятия, пробудить его чувствительность и визуализировать в его сознании реальность, в которой он находится или находился, А.П. Чехов прибегает к подробным описаниям своих зрительных, тактильных, обонятельных и слуховых ощущений,

мастерски передает особенности речи вступившего с ним в диалог собеседника:

«По морям Черному, Житейскому и Каспийскому. (Посвящается капитану
собственных пароходов М.П. Чехову)

Паршивенький грузовой пароход «Дир» мчится на всех парах (8 узлов в час) от Сухума до Поты. Двенадцатый час ночи... В маленькой каютке, единственной на пароходе и похожей на ватерклозет, нестерпимо душно и жарко. Воняет гарью, канатом, рыбой и морем... Слышно, как работает машина: «бум, бум, бум»... Над головой и под полом скрипит нечистая сила... Темнота качается в каютке, а кровать то поднимается, то опускается... Всё внимание желудка устремлено на кровать, и он, словно нивелируя, то подкатывает выпитую зельдерскую воду к самому горлу, то опускает ее к пяткам... Чтобы не облевать в потемках одежды, быстро одеваюсь и выхожу... Темно...» (И.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.303-304];

«13 янв. Звонок. Василий докладывает: – Попов!

Входит бритая крыса и смотрит на меня с недоумением. Спрашиваю: чем могу быть полезен?

Крыса мнетя и жует губами.

– Виноват... бормочет она. – Извините...

– Да вам, собственно, кого и что нужно?

– Мне нужен Михаил Павлович.

Я докладываю, что ты уже уехал домой. Изумление.

– Но ведь он обещал быть у нас вечером! Я приехал звать его обедать... и т. д.

Я вспоминаю твои рассказы про Попова, усаживаю его, и у нас начинаются богимовские воспоминания. Затем разговоры о дочерях, посещающих медицинские курсы» (М.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.151].

- Стилизация начала письма под жанр дневниковых записей с детальными описаниями

Обычно письма с такой стилизацией А.П. Чехов адресует своим родным:

«7, 8, 9 и 10 апрель. Скучнейшие дни. Холодно и пасмурно. Все дни меня «несет». Бегаю днем и ночью. Ночью чистое мучение: потемки, ветер, трудно отворяемые скрипучие двери, блуждание по темному двору, подозрительная тишина, отсутствие газетной бумаги...» (Чеховым, 30 апреля 1887 г., Рагозина Балка) – [Письма, т.2, с.75].

- Стилизация зачина письма под официально-деловой стиль

А.П. Чехов не любит все официозное и казенное. Даже в письмах своим деловым партнерам он по возможности избегает официального стиля речи. Однако ему нравится «играть» в деловых партнеров. Подобную языковую игру мы наблюдаем в письмах к Н.А. Лейкину. В общение с ним А.П. Чехов нередко вступает с фразы, стилизованной под официально-деловой стиль («даю отчет...», «в исполнение Вашей редакторской воли...», «извещаю

Вас...», «*прилагая при сем...»*), независимо от того, какое будет следовать ниже сообщение: делового или неделового характера:

«Уважаемый Николай Александрович! Шлю Вам всё, что успел выжать из своих мозговых полушарий, и даю отчет:...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.178];

«Уважаемый Николай Александрович! В исполнение Вашей редакторской воли шлю Вам свои литературные экскременты в воскресенье...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.126];

«Из дальних странствий возвратясь, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, привет и отчет. Отчет будет краток поневоле, ибо те места, где я был, и люди, которых я видел, слишком многочисленны» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.310].

Подобная стилизация под официально-деловой стиль не всегда легко дается А.П. Чехову, в чем он просто и играючи признается в одном из писем А.Н. Лейкину:

«Уважаемый Николай Александрович! Прилагая при сем фельетон, рассказ и мелочишку... не знаю, что писать после деепричастия, не подберу никак главного предложения, хоть и литератор» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.310].

- Стилизация письма под «бухгалтерский отчет»

«Милостивый государь!

Контора «А.П. Чехов и К^о» имеет честь препроводить при сем следуемые Вам 27 руб. по расчету:

	р.	к.
Взято в кредит	25	–
Переплет книг	1	–
На извозчика г. Азанчевск<ому>	1	–
	<hr/>	
	Итого:	27 р.

С почтением:

Ответственный бухгалтер

А. Чехов (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.188];

«Милый Франц Осипович! В Ваших глазах я рискую приобрести репутацию дрянного человека.

1) Пасхальную ночь Вам испортил.

2) На Рязанский вокзал не поехал.

Итого: свинство» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.1, с.236];

4. Сочетание в высказывании лексики контрастных стилистических пластов

«Двулично-вольнодумствующий брат наш! Сим извещаю твое благоутробие, что я уже **вернулся из гнилого запада** и живу на даче (**зри** выше адрес). **Со мною имеет пребывание и отец**, который у Гаврилова, слава богу, уже не служит» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.4, с.230].

«Простите, милейший надворный советник, что так долго не отвечал Вам. В голове такое умопомрачение и приходится писать столько писем, что я **ошалел**» (А.С.Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.2, с.44];

«**Милый капитан!** Простите, что так долго не отвечал на Ваше пессимистическое письмо. Был занят по горло и утомлен как сукин сын. Теперь отвечаю» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.188];

«**Ваше Высокородие!** Сим довожу до Вашего сведения, что моя пьеса пойдет в четверг 19 ноября, каковое число прошу Вас зарубить на носу Лилиши с тем, чтобы Лилиша показывала Вам свой нос ежеминутно» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.2, с.146].

5. Шутливое использование церковнославянских слов и выражений

«Лейкин сердит на вас. На меня тоже. (Я потребовал прибавки). Что ж, будем с покорностью сносить гнев наших начальников. **Несть власти, аще не от бога...**» (А.С.Лазареву (Грузинскому) – [Письма, т.2, с.19];

«Пиши, братец, не ленись, если есть время; если нет время, то не прогневаюсь, **поелику незлобив есмь...**» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.18];

«Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь... **на реках Вавилонских седоном и плакохом...**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.70];

«Желаю Вам **жития мирна и безгрешна, ложа нескверна, здравия, спасения и во всем благого поспешания**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.50-51];

«Если бы мне пришлось заполучить рублей триста, то я был бы на верху блаженства, так как **есмь нищ и убог**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.108];

«...гнушно, если в каждой строке видна лейкинская **длань...**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.177];

«Я возьму клочок бумаги и вкратце набросаю Вам всё, что нужно, и объясню, **буде сумею**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.4, с.42];

«К счастью, во время своего путешествия из Сахалина я достаточно привык и к туманам и к свежим ветрам и потому смотрю на Черное море свысока и во время качки обедаю **ничтоже сумняся**» (Г.М. Чехову) – [Письма, т.5, с.275];

«Получил я твое письмо, пожарный Саша, и отвечаю **сице**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.77];

«На сих днях уезжаю в Москву за деньгами. **Зело обнищал**» (А.И. Смагину) – [Письма, т.5, с.50].

6. Шутливое использование в литературной речи разговорной, просторечной лексики, диалектизмов и украинизмов

«**Не сумлевайтесь**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.47];

«**Одначе** будьте здоровы и благополучны» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.140];

«Дело в том, что я занят, занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю, а тут еще разные **«обчественские»** дела, перепись in spe, поездки, пациенты и тьма-тьмущая гостей...» (Е.М. Шавровой-Юост) – [Письма, т.6, с.260];

«...милейший **братуха**» (Г.М. Чехову) – [Письма, т.2: с.131];

«Ну **пуцай** ничего **не выйдить...**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.43];

«Хозяйка сказала, что не пишет она Вам **по безграмотству**» (Т.Л. Щепкиной-Куперник) – [Письма, т.5: с.242];

«Людмила Павловна **«радая» забула** засыпать дорогого чая...» (Чеховым) – [Письма, т.2: с.57]

«Сашичка, **иде ты бул?**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2: с.33];

«Я послушаюсь того хохла, который сказал: «**колы б я був царем, то украв бы сто рублив и утик**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.24];

«Доехали мы по меньшей мере мерзко. <...> Я больше половины пути **протелепался пешедралом**» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1: с.152];

«Пока **прощевайте**» (Чеховым) – [Письма, т.2: с.69].

7. Шутливое использование иностранных слов, выражений и имен (немецких, французских, латинских)

«**Mein lieben Johann!**» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.3, с.65];

«**Ma chère Marie!**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.6, с.32];

«Дела его **швах**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.201];

«В Туле **шнапс-тринкен**, легкое опьянение и **шляфен**» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.55];

«... хочется сходить к Толстому **solo**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.180];

«А я бы с удовольствием поехал в Феодосию. Конечно, **solo**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.73];

«Оранжереи и теплицы у меня нет. Есть у меня только парники, а остальное пребывает пока **in spe** (в надежде на будущее (*лат.*). – А.К.)» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.5, с.56];

«Умер он от алкоголя и добрых приятелей, **nomina коих sunt odiosa**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.87];

«Изменил я также и подпись, переставив буквы на случай если сотрудничество в «малой» прессе окажется Вам немножко **мовé** (дурного тона (*франц.*). – А.К.)» (Е.М. Шавровой) – [Письма, т.5, с.35];

«**Ergo** (следовательно (*лат.*). – А.К.): была бы охота ехать, а проезд всегда есть» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.5, с.31];

«Я узнал, что затевается нечто **en grand**, с народным театром, с читальней, с библиотекой ...» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.6, с.141].

8. Шутливое употребление бранных слов

Проявляется в употреблении бранных слов (*мерзавец, подлец, ничтожество*), а также табуированных слов и выражений с яркой экспрессивной негативной окраской по отношению к адресату (в основном брату Александру):

«Брат наш **мерзавец** Александр Павлович!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.87];
«**Ничтожество!**» (Ал.П. Чехову) – [П., т.2: с.44];

«За тобой 10 к. Надеюсь, что твоя **подлая натура, склонная к скоктанию, <...> и грабежу**, 10 к. мне возвратит... Не будь **подлецом** и возврати! <...> Заплати **сволач!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.25];

«Отчего ты не работаешь в «Осколках»? Неужели ты уже так зазнался и возмечтал о себе, что даже и деньги тебе не нужны? **Гандон** ты этакий!..» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.33];

«У меня (вопреки, **скотина**, твоему желанию, чтобы я при переходе на V курс порезался) выпускные экзамены, выдержав кои, я получу звание Качиловского» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.87].

9. Языковые шутки с «непристойным» намеком

«Был у Пальмина... Лечил **живущую под ним** (каламбур?!!) **девицу** и убежал к нему. Он спал, но, услышав мой голос, проснулся и предстал предо мною во всем величии поэта, с опустившимися панталонами и всклокоченной куафюрой... Сидел я у него недолго: прогнало меня от него отсутствие сортира» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.127];

«Ехал я, понятно, в самом напряженном состоянии. Снились мне гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч. ... Вообще ночь была подлая... **Единственным утешением служила для меня милая и дорогая Анна, которой я занимался всю дорогу** (речь идет об Анне Карениной. – А.К.)» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.35];

«Еду сейчас к одной дамочке. Буду у нее **«писать»** (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.2, с.67].

10. Использование вставных выдуманных сюжетов

«Когда будете жениться на рябой бабе, которая будет Вас бить, и когда на Волге вместе с этой бабой и ее любовником станет одолевать Вас непогода, то Вам будет скучно. Но эта скука ничто в сравнении с тем унынием, в какое я впал, вернувшись из Вашего шумного Питера» (В.А. Тихонову) – [Письма, т.3, с.95].

11. Любовь к розыгрышам

По воспоминаниям современников, А.П. Чехов очень любил розыгрыши:

«Иногда он разрешал себе вечерние прогулки. Раз возвращаемся с такой прогулки уже поздно. Он очень устал, идет через силу – за последние дни много смочил платков кровью, – молчит, прикрывает глаза. Проходим мимо балкона, за парусиной которого свет и силуэты женщин. И вдруг он открывает глаза и очень громко говорит:

– А слышали? Какой ужас! Бунина убили! В Аутке, у одной татарки!

Я останавливаюсь от изумления, а он быстро шепчет:

– Молчите! Завтра вся Ялта будет говорить об убийстве Бунина» (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.495];

«Одну из шуток Гиляровского Антон Павлович очень любил рассказывать.

Однажды, в смутное время, когда часто бросали бомбы, и вся полиция была настороже, по Тверской ехали Антон Павлович и Гиляровский. Гиляровский держал в руках завернутую в бумагу тыкву с огурцами. Проезжая мимо городского, Гиляровский останавливает извозчика, подзывает городского и с серьезным, деловым лицом передает ему в руки завернутую тыкву. Городовой принял в руки тыкву. Когда извозчик тронул дальше, Гиляровский как бы в виде предупреждения крикнул городовому:

– Бомба!

И шутники унеслись на лихаче дальше по Тверской. А опешивший городской, боясь двинуться с места, стоял посредине улицы, бережно держа в руках завернутую тыкву.

– Я же все оглядывался, – говорил Антон Павлович, – мне хотелось увидеть, что он будет делать дальше, да так и не увидел» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.404];

«Невольно вспоминается мне ... один эпизод, имевший место в январе 1891 года.

Накануне были мои именины, прошедшие шумно и весело, с почетным застольным гостем А.Н. Плещеевым во главе, и я проснулся довольно поздно. Разбудил меня чей-то сильный звонок. Горничная через дверь объясняет мне в замешательстве, что пришли какие-то два незнакомые господина и хотят непременно меня видеть.

– Кто такие?

– Они так сказывают, что чиновники от градоначальника и по важному делу. – Наскоро одеваюсь и, не на шутку встревоженный выхожу в залу.

И что же? Вместо полицейских чиновников вижу на пороге Чехова и Свободина. Оба весело переглядываются, явно довольные удавшейся мистификацией. <...> За завтраком, между словом, я попрекнул Чехова за его выходку.

– Ах, Антуан, как вы меня ужасно расстроили! Вы ведь знаете, что я человек нервный и болезненный – и вдруг такая внезапность...

Чехов подлил себе и Свободину вина и окинул меня зорким, докторским испытывающим взглядом:

– Ну, вам, Жан, нечего особенно бояться!.. Нервы у вас, положим, щеплиные; но зато у вас кость широкая и легкие крепкие. – И добавил, добродушно ухмыляясь: – Вот увидите, вы еще на наших некрологах заработаете!!» (И.Л. Леонтьев-Щеглов) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.70-71].

12. Флирт с женщинами

Из писем А.П. Чехова видно, что речевой жанр флирта очень интересен писателю, так как изначально задан как игровой. Коммуникативное поведение А.П. Чехова в этом жанре отличается раскованностью и лингвокреативностью.

- Употребление эмотивных и окказиональных обращений к женщине-адресату:

«Ликуся», «милая моя Лика», «милая блондиночка», «милая канталупочка», «дуся», «кукуруза души моей».

- Разнообразные способы выражения желания видеть женщину-адресата:

– *шутливый укор за отсутствие контакта:*

«Лика, лютый мороз на дворе и в моем сердце, а потому я не пишу Вам длинного письма, какое Вы хотели получить. Ну, как Вы решили дачный вопрос? **Вы врунья, и я не верю Вам: Вы вовсе не хотите жить около нас. Ваша дача в Мясницкой части под каланчой – там Вы душой и сердцем. Мы же для Вас ничто. Мы прошлогодние скворцы, пение которых давно уже забыто**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.36].

Здесь обыгрывается тональность высказывания. Намеренное преувеличение категоричности достигается за счет нагромождения отрицаний и употребления нетабуированного имени *врунья* для выражения категорического морального осуждения. Комичность высказывания усиливается авторским сравнением «*мы прошлогодние скворцы, пение которых давно уже забыто*», употребляемым в данном контексте.

– *шутливые уговоры восстановить контакт:*

«Приезжайте, милая блондиночка, поговорим, поссоримся, помиримся; **мне без Вас скучно, и я дал бы пять рублей за возможность поговорить с Вами хотя бы в продолжении пяти минут.** <...> Прите к нам, хорошенькая Лика, и спойте. Вечера стали длинные, и нет возле человека, который пожелал бы разогнать мою скуку. <...> Лика, если Вы влюбились в кого-нибудь, а меня уже забыли, то по крайней мере не смейтесь надо мной. <...> Будьте здоровы, милая моя Лика, и не забывайте меня. Если Вы увлеклись каким-нибудь Тишей, то все-таки черкните хоть строчку» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.225].

Здесь языковая шутка основана на соединении в одном ряду «высокого» (страстного желания видеть объект симпатии) и «низкого», утилитарного (плата за исполнение своего желания: «*я дал бы пять рублей...*»).

– *шутливая угроза:*

«**Какие муки мы должны будем придумать для Вас, если Вы к нам не приедете? Я оболью Вас кипятком и раскаленными щипцами вырву из Вашей спины кусок говядины.** Напишите мне Мелита, хотя две строчки. Не предавайте нас преждевременному забвению. По крайней мере делайте вид, что Вы нас еще помните. Обманывайте нас, Лика. Обман лучше, чем равнодушие» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.38-39].

Соединение приглашения и эксплицитной угрозы в одном высказывании само по себе комично, сообщение о потенциальных манипуляциях с телом адресата-женщины как с мясной пищей в случае, если она ответит на приглашение отказом, усиливает комический эффект.

- Гиперболизация значения женщины-адресата для адресанта (заверение в преданности и «поклонении» объекту симпатии):

«**При одной мысли потерять Ваше благорасположение у меня волосы становятся дыбом...** Знайте, несчастная раба хандры, что у Вас в Москве есть покорнейший слуга, готовый почистить Ваш давно не чищенный самовар» (Л.А.Камбуровой) – [Письма, т.1, с.36];

«Ну, до свидания, кукуруза души моей. **Хамски почтительно целую Вашу коробочку с пудрой и завидую Вашим старым сапогам, которые каждый день видят Вас.** Пишите мне о Ваших успехах. Будьте благополучны и не забывайте побежденного Вами Царя Мидийского» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.86-87];

«**Ваш от головы до пяток, всей душой и всем сердцем, до гробовой доски, до самозабвения, до одурения, до бешенства.** Антуан Тшекóф (Произношение кн. Урусова)» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.38-39].

- Создание для себя «мифических поклонниц» в целях провоцирования ревности у женщины-адресата:

«Любил Антон Павлович выдумывать – легко, изящно и очень смешно, это вообще характерная черта чеховской семьи. Так, в начале нашего знакомства большую роль у

нас играла «Наденька», якобы жена или невеста Антона Павловича, и эта «Наденька» фигурировала везде и всюду, ничто в наших отношениях не обходилось без «Наденьки», – она нашла себе место и в письмах» (О.Л. Книппер-Чехова) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.630].

- Создание «мифических поклонников» для женщины-адресата в целях демонстрация своей ревности:

«Антон Павлович переписывался с Ликой. Письма его были полны остроумия и шуток. Он часто поддразнивал Лику придуманным им ее мифическим поклонником, называл его Трофимом, причем произносил это имя по-французски Trophin. И в письмах так же писал, например: «Бросьте курить и не разговаривайте на улице. Если Вы умрете, то Трофим (Trophin) застрелится, а Прыщиков заболит родимчиком...» (М.П. Чехова) – [Вокруг Чехова 1990, с.329].

Некоторые письма-угрозы А.П. Чехов адресует непосредственно этому «мифическому поклоннику» своего объекта симпатии:

«Трофим! Если ты, сукин сын, не перестанешь ухаживать за Ликой, то я тебе, сволочь этакая, воткну штопор в то место, которое рифмуется с Европой. Ах ты, пакость этакая! Разве ты не знаешь, что Л<ика> принадлежит мне и что у нас уже есть двое детей? Свиньячья морда! Сморчок! Сходи на двор и освежись в луже, а то ты сошел с ума, сукин сын! Мать твою корми и почитай ее, а девушек оставь. Скотина!!! Ликин любовник» (Л.С.Мизиновой) – [Письма, т.5, с.136].

А.П. Чехов любил «приписывать» в поклонники женщине-адресату не только выдуманных ухажеров, но и всех реально существующих лиц мужского пола, которые когда-либо вступали с ней в общение:

«Снятся ли Вам Левитан с черными глазами, полными африканской страсти? Продолжаете ли Вы получать письма от Вашей семидесятилетней соперницы и лицемерно отвечать ей?» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.86-87];

«Крюковский учитель еще не возвратил Вашей карточки. Говорит, что отдал ее фабриканту Кочеткову, а тот будто бы вывесил ее у себя в гостиной и подписал: «Пава». Какие скоты! Они положительно не имеют никакого уважения к Reinheit (чистоте, невинности (нем.). – А.К.)» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.214-215];

«Что за мерлехлюндия, Лика? Мы будем видеться не 3 и 4 месяца, как Вы пишете, а 44 года, так как я поеду за Вами или, проще, не пущу Вас. Будем видеться, пока не прогоните. Скажите всем Вашим поклонникам и тому, между прочим, который стянул у Вас 20 рублей, что им недолго еще осталось блаженствовать» (Л.С.Мизиновой) – [Письма, т.5, с.235].

- Выражение постоянной заинтересованности в получении информации о «любовных похождениях» женщины-адресата:

«Милая Ликуся, вместо того чтоб ныть и тоном гувернантки отчитывать себя и меня за дурное (?) поведение, Вы бы лучше написали мне, как Вы живете, что делаете и вообще как Ваши дела. Ухаживают ли за Вами Ржевские драгуны? Я разрешаю Вам эти ухаживания, но с условием, что Вы, дуся, приедете не позже конца июля. Слышите

ли? Не позже конца июля, иначе будете биты палкой. <...> До свиданья, Ликуся, милая канталупочка» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.38-39];

«Ну как Вы живете? Что нового? Кто ухаживает за Вами теперь? Напишите всё подробно» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.214-215].

- Имитация чувства собственной неполноценности по сравнению с другими «поклонниками» женщины-адресата:

«Дела службы, которые Вы ехидно подчеркиваете в Вашем письме, не помешают мне провести с Вами несколько мгновений, если Вы, конечно, подарите мне их. **Я уж не смею рассчитывать на час, на два или на целый вечер. У вас завелась новая компания, новые симпатии, и если Вы уделите старому надоевшему воздыхателю два-три мгновения, то и за это спасибо** (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.146-147].

- Имитация собственных страданий от ревности к женщине-адресату:

«Милая Ликуся, Вы пишете, что Вам было досадно уезжать из Мелихова и что в Москве Вам некуда деваться от тоски. Вы хотите, чтобы я Вам поверил? Извольте, ангел мой! **Вы вскружили мне голову до такой степени, что я готов верить даже тому, что дважды два – пять. Могу себе представить, как Вы, бедняжка, тоскуете в обществе Архимова, Куперник, кн. Урусова и проч., как противен Вам коньяк и каким раем представляется Вам Мелихово, когда Вы в Симфоническом щеголяете в своем голубом платье, которое, говорят, Вам очень к лицу. Неужели Вы не скоро приедете? Не скоро? Да?»** (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.132].

- Умаление значения женщины-адресата для адресанта:

«Дорогая Лидия Стахиевна! Я приеду в субботу со скорым, в восьмом часу. Вот церемониал моего прибытия:

1) Когда поезд остановится у дебаркадера, я, **убедившись, что на вокзале никто меня не встретил**, найму извозчика за 20 коп. и поеду в Большую моск<овскую> гостиницу.

2) Сдавши здесь свой багаж и заняв номер, найму извозчика за 10 коп. и поеду к Теодору, у которого остригусь за 15 коп.

3) Ставши от стрижки моложе и красивее, возвращусь к себе в номер.

4) В 10 часов вечера сойду в ресторан, чтобы съесть полпорции омлета с ветчиной. **Если со мной будет Лидия Стахиевна, то я уделю ей кусочек от своей порции, в случае ее настойчивых требований, поставлю ей на свой счет бутылку трехгорного пива.**

5) После ужина спущусь к себе вниз и лягу спать, радуясь, что я, наконец, один.

6) Проснувшись утром, одевшись, умывшись, поеду под Сухаревку покупать книги.

7) Уеду из Москвы во вторник утром, **воздержавшись от всего лишнего и не позволивши никому вольностей, несмотря даже на настойчивые требования.** До свидания, добрая Лидия Стахиевна! Уважающий Вас А. Чехов» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.6, с.225].

В этом примере А.П. Чехов намеренно объединяет в одном ряду перечисленных событий мелкие будничные дела с детальными подробностями встречи с женщиной-адресатом, что «умалает» их значение.

«Умаление» значения женщины-адресата для адресанта усиливается также упоминанием о ней в третьем лице. Данное письмо А.П. Чехова интересно еще и тем, что второстепенная обыденная информация в нем выдается за основную, а важная информация «закодирована» в предложениях, которые адресату следует понимать «от противного»:

- Гиперболизация своего «старческого целомудрия» и вербальная защита от потенциальных «посягательств» на него женщины:

«Вы меня жестоко обижаете, попрекая меня Яшенькой, m-me Сахаровой и проч. Неужели вам неизвестно, что я давно уже отказался от суеты мирской, от земных наслаждений и весь отдался медицине и литературе? Благонамереннее и степеннее меня трудно найти человека во всём свете. Я так полагаю, что даже архимандрит Вениамин грешнее меня. Даже воспоминания о Екатерине Васильевне не ласкают моего воображения» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.1, с.278].

«Приеду в начале ноября и остановлюсь у Вас – с условием, что Вы не будете позволять себе вольностей» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.6, с.206].

- Заверения, что адресант не будет «посягать» на «целомудрие» женщины-адресата:

«Многоуважаемая Лидия Стахивна! Позвольте мне возвыситься до Вашего этажа, чтобы воспользоваться Вашим обещанием – напоить меня кофе. Верьте, что я не злоупотребляю Вашим доверием и буду вести себя прилично» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.158].

- Составление дискредитирующего сценария будущей жизни адресата-женщины «с другим»:

«Прекрасный у Вас характер, нечего сказать. Напрасно Вы думаете, что будете старой девой. Держу пари, что со временем из Вас выработается злая, крикливая и визгливая баба, которая будет давать деньги под проценты и рвать уши соседским мальчишкам. Несчастный титулярный советник в рыжем халатишке, который будет иметь честь называть Вас супругою, то и дело будет красть у Вас настойку и запивать ею горечь семейной жизни. Я часто воображаю, как две почтенные особы – Вы и Сафо сидите за столиком и дуете настойку, вспоминая прошлое, а в соседней комнате около печки с робким и виноватым видом сидят и играют в пашки Ваш титулярный советник и еврейчик с большой лысиной, фамилии которого я не хочу называть» Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.93-94].

- Использование в одном письме разных эмоциональных и оценочных характеристик адресата:

«Благородная, порядочная Лика!», «чудовище», «Канталупа», «крокодил», «кукуруза души моей».

- Демонстрация в одном письме равнодушия и признания:

«Как только Вы написали мне, что мои письма ни к чему меня не обязывают, я легко вздохнул, и вот пишу Вам теперь длинное письмо без страха, что какая-нибудь тетушка, увидев эти строки, женит меня на таком чудовище, как Вы. <...> Ну, до свидания, кукуруза души моей. Хамски почтительно целую Вашу коробочку с пудрой и завидую Вашим старым сапогам, которые каждый день видят Вас» (Л.С.Мизиновой) – [Письма, т.5, с.86-87].

- Противопоставление и соединение «высокого» и «низкого» (бытового, утилитарного):

«...письма Ваши в глазах моих имеют значение лишь душистых цветов, но не документов...»; «Канталупа, я знаю: вступив в зрелый возраст, Вы разлюбили меня. Но в благодарность за прежнее счастье пришлите мне три тысячи. Это Вас ни к чему не обяжет, я же не останусь в долгу и пришлю Вам зимой сливочного масла и сушеных вишен» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.86-87].

- Использование взаимоисключающих требований к адресанту:

«В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и в сущности я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили. Дальше, дальше от меня! Или нет, Лика, куда ни шло: **позвольте моей голове закружиться от Ваших духов и помогите мне крепче затянуть аркан, который Вы уже забросили мне на шею**» (Л.С.Мизиновой) – [Письма, т.5, с.86-87].

- Использование ироничного флирта в ответ на упрек женщины.

Упреки женщин А.П. Чехов «отражал» с помощью ироничного флирта:

«Милая Лика, Вы выудили из словаря иностранных слов слово эгоизм и угощаете им меня в каждом письме. Назовите этим словом Вашу собачку. Я ем, сплю и пишу в свое удовольствие? Я ем и сплю, потому что все едят и спят; даже Вы не чужды этой слабости, несмотря на Вашу воздушность. Что же касается писания в свое удовольствие, то Вы, очаровательная, прочирикали это только потому, что не знакомы на опыте со всюю тяжестью и с угнетающей силой этого червя, подтачивающего жизнь, как бы мелок он ни казался Вам. Мне всё удастся? Да, Лика, всё, кроме разве того, что в настоящее время у меня нет ни гроша и что я не вижу Вас. Впрочем, не буду спорить с Вами. Пусть по-Вашему. Не могу не поделиться с Вами, друг мой, изумлением: что это Вам, ни с того, ни с сего, вздумалось продернуть меня?» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.232];

«Откуда Вы взяли, что я забыл Вас, почтенная коллега? О, нет, мысль моя следует за Вами так же неотступно, как тот московский офицер, который влюблен в Вас. Дело в том, что я занят по горло: пишу и зачеркиваю, пишу и зачеркиваю, а тут еще разные «общественские» дела, перепись in spe (в ожидании (лат.). – А.К.), поездки, пациенты и тьма-тьмущая гостей... Голова кружится! При такой обстановке мудрено писать письма» (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.260].

13. Использование языковой игры

Под языковой игрой мы понимаем (в широком смысле) намеренное искажение норм языка в целях создания экспрессивности словоупотребления и получения комического эффекта. Языковая игра в данном понимании –

едва ли ни главный, наиболее яркий признак коммуникативной личности А.П. Чехова, основное средство формирования юмористического регистра его коммуникативного поведения. Многочисленные примеры использования А.П. Чеховым языковой игры приводятся в разделах *Использование юмористического регистра общения*, а также в разделах *Стремление к общению*, *Тематика общения*, *Выход из общения*, *Самопрезентация*, *Оценочное общение*, *Общение с женщинами*, *Обращение с просьбами и поручениями*. Здесь мы остановимся на наиболее распространенных приемах языковой игры, используемых писателем.

Рассмотрим использование данных приемов на различных уровнях.

ФОНЕТИКА И ОРФОГРАФИЯ

– Игра с твердостью / мягкостью согласных:

- замена [и] на [ы]:

«Ну-с, посылаю детям **рубахы**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.206];

Умудрысь прежде всего переменить название рассказа» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.206];

«**Грыбы**, рыбная ловля и земская лечебница» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.114];

«**Плодовытая** смоковница!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.4, с.258];

- замена [ы] на [и]:

«...я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески, и есть даже «Трактир Расия»; улицы пустынные; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка в оливковых платьях, **кавалери, баришни**, облупившаяся штукатурнка, всеобщая лень...» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.60];

«Я научил ее говорить кавалерам: «Как **ви** наивны!» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.73];

- замена [е] на [э]:

«Если завтра придет Макаренко, то всё, что можно сказать к его **характэрыстике**, я напишу тебе завтра же». (М.П. Чеховой, 22 июня 1899 г. Москва) – [Письма, т.8, с.207];

- смягчение согласных в конце глагола в 3 л. ед.ч. на просторечный манер:

«Что сей сон **значить?**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.33];

«У нас весна. Всё **поёт, всё текёт**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.6, с.138].

– Вставка лишних согласных:

«г. Гусятников! Не пишу я тебе по той **притчине**, что и ты: в лености житие мое иждих» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.233];

«Кланяйся Носу, Без носа, бестурнюрной, Яшньке, Яденьке и **протчим**» (М.П.Чеховой) – [Письма, т.2, с.65];

«Что ж из **этого** выйдить? Ну пушай ничего не выйдить... Но что из **этого** выйдить?» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.43];

«Имеются вести о Вашем **суббббботнике**» (В.А. Гиляровскому) – [Письма, т.2, с.129];

«Поздравляю тебя, **Сашшичка**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.12, с.81].

– Замена гласных и согласных звуков, перестановка согласных:

«Если бес именуется в св. писании отцом лжи, то нашего **редахтура** можно наименовать по крайней мере дядей её» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.192-193];

«Из оставленных тобою 3-х рублей один принадлежит положительному с характером (т. е. Ивану), а остальные **андай** моему крестнику или купи себе на них цилиндр» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.2, с.24];

«Пруд находится в саду, в 20 шагах от дома. Глубок, 6 аршин. Что за **вдовольствие** наполнять его снегом и предвкушать то время, когда из недр его будет выплескиваться рыба!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.30];

«...если это Вас не стеснит, приложите счет, т. е. записку, что книги стоят столько-то, – это нужно для **булгактерии**, которую так любят попечители школ» (И.И. Горбунову-Посадову) – [Письма, т.6, с.105];

«Милый Казимир Станиславович, поздравляю тебя и твою семью с Новым годом и с новым счастьем, **жружески** жму тебе руку и желаю всего хорошего. Мать и сестра тебе кланяются. Как поживаешь? Как здоровье? Что нового? Непременно пришли мне свою **флтлграфию**, какую-нибудь поновее» (К.С. Баранцевичу) – [Письма, т.8, с.336].

– Повтор слогов:

«Посылаю и твою **рукопись-пись-пись! Умудрысь!-дрысь! Умудрысь** прежде всего переменить название рассказа. И сократи, братец, сократи!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.206].

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

– Создание окказионализмов путем обыгрывания исконно русских словообразовательных аффиксов:

- префиксальный способ:

«Теперь же позвольте **отгрызнуться** на Вашу критику...» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.10];

«Вы писали, что будете у меня на сих днях; я ждал, но вместо Вас приходила газета с «маленькими письмами», из коих я заключил, что Вы крепко засели в Петербурге и **отдумали** ехать куда-нибудь» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.304];

«Но к чему я никогда не могу **оравнодушеть**, так это к тем передрягам, которые тебе volens-polens (волей-неволей (лат.). – А.К.) приходится переживать чуть ли не каждый месяц» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.198];

«...доктора **заарестовали** меня и засадили в темницу, сиречь в клиники» (Н.И.Забавину) – [Письма, т.6, с.316];

«Почерк у меня **преподлый**, потрясучий. Это от того, что пароход трясет. Писать трудно» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.119];

- префиксально-суффиксальный способ:

«Для нас дороже матери ничего не существует в сем **разъехидственном мире**, а посему премного обяжешь твоего покорного слугу, утешая его полуживую мать» (М.М.Чехову) – [Письма, т.1, с.21-22];

«За мелкие вещицы стою горой и я, и если бы я издавал юмористический журнал, то херил бы все **продлинновенное**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.47];

«Жара, конечно, **несоветимая**» (И.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.230];

«Погода чудесная. Виды восхитительные. **Напоэтился** по самое горло: на 5 лет хватит» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.2, с.80];

«Как врач, я в Таганроге **охлатился** бы и забыл свою науку, в Москве же врачу некогда ходить в клуб и играть в карты» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.141];

«Поздравь Володю с двумя сотнями. Значит, он уже совсем **объадрокатился**» (О.Л.Книппер-Чеховой) – [Письма, т.11, с.85-86];

«Собаки и журавли жиреют, Арсений совсем **опреподобился**, скоро начнет ходить в подрыснике» (О.Л. Книппер-Чеховой) – [Письма, т.11, с.126];

- суффиксация:

«Места тебе не ищю прямо из **эгоистизма**: хочу лето с тобой провести на юге» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.88].

«... не замолвите ли Вы словечко, чтобы мне поскорее выслали **гонорарий**? Чахну!» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.22];

«Вы спрашиваете в последнем письме: «Что должен желать русский человек?» Вот мой ответ: желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело **кисляйство**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.345];

«Натошак никакой крокет, никакие коньки не заставят **студиоза** быть бодрым» (А.С.Суворину) – [Письма, т.6, с.37];

«Я и **старичина** бомбардируем друг друга письмами: философствуем» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.3, с.77];

«Лейкин будет **интимничать**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.274].

– **Создание окказионализмов путем обыгрывания русских и иноязычных компонентов:**

- исконная основа (нередко сниженная, бытовая) – иноязычный аффикс:

«Любезный друг **Сашинкѣх**! (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.51];

«Схожу сегодня к **оберзнайке** Гиляровскому...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.144];

«А ты, брат, недоумение, обоняние, газ... ничтожество... **газетчикхен**» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.69-70].

«Намерения были благие, а исполнение вышло **плохиссимое**...» (В.В. Биллибину) – [Письма, т.1, с.196];

«Впрочем, **наплювѣ** на это...» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.249];

- иноязычная основа – исконный аффикс:

«Ты ужасно похож на **фатера**!» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.27];

«Прошу еще раз **пардона**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.68];

«Остаюсь добро желающий Брудер, имеющий одну только Швестер и, кроме того, четырех **Брудеров** родных и двух **Брудеров** двоюродных и эйне Швестер такую же и имеющий все, кроме денег и хорошего разума» (М.М. Чехову) – [Письма, т.1, с.20];

– **Авторское словообразование путем контаминации:**

- включение в середину основного, «базового» слова сегмента другого слова, имеющего отрицательную коннотацию:

«Теперь насчет сниматься. <...> Если моя **физиомордия** (*физиономия + морда*. – А.К.) непременно нужна, то уж я не знаю, как быть» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.2, с.209].

Видимо, на основе этой контаминации с перестановкой включенного сегмента в начало слова и превращения его в «базовый», образовался авторский неологизм *мордемондия*, употребляемый А.П. Чеховым довольно часто:

«Сама жизнь обращается мало-помалу в сплошную **мордемондию**. Живется серо, людей счастливых не видно...» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.1, с.264];

«Тут же посылаю рассказ одной госпожи, сотрудницы многих петербургских и московских журналов, некоей Политковской. <...> Особа нервная, а посему (недаром я медицинский ф<акуль>тет проходил!) не огорошьте ее холодным и жестким ответом... Помягче как-нибудь... <...> Поет, впрочем, недурно, но **мордемондия** ужасная...» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.1, с.133].

– **Произвольное соединение сегментов слова с добавлением новых гласных:**

«Кланяюсь **коемуждо**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.66].

– **Соединение слова и частицы с добавлением нового согласного:**

«Утешал себя только тем, что авось и я когда-нибудь услужу Вам **такоже**» [Письма, т.6, с.217].

– **Словосложение:**

«Пожелав Вам и всем Вашим благ земных, пребываю лицемерным и **иезуитоподобным** А. Чехов» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.1, с.145];

«Когда я ехал, то видел в Сазонихе брошенные сани с товаром, а теперь и подалее творится нечто **хаосоподобное**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.183];

«Пожалуйста, продолжайте считать меня Вашим сотрудником и не сердитесь на мою **тугоподвижность**» (М.О. Меньшикову) – [Письма, т.5, с.261];

«Вчера и третьего дня была свадьба, настоящая казачья, с музыкой, бабьим **козлогласием** и возмутительной попойкой» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.72];

«Мы люди свои, дышим одним и тем же, думаем одинаково, родня по духу, а между тем... у нас хватает мелочности писать: «умолчу!» **Широковещательно!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.58];

«Газетчик значит, по меньшей мере, жулик, в чем ты и сам не раз убеждался. Я в ихней компании, работаю с ними, **рукопожимаю** и, говорят, издали стал походить на жулика» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.69-70];

«...зачем Вы так часто стали помещать на первой странице **голопуние** и **голоножие**? Право, публике теперь не до барделей» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.2, с.208];

«**Настроение грызотно-язвительное**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.5, с.199];

«Проза его пахнет чем-то **небесно-чугунно-немецким...**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.86];

«Если ты не исполнишь моих приказаний, то да обратись твой медовый месяц в **нашатырно-квасцово-купоросный!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.3, с.237].

– Экспрессивное словообразование («фокус-покус прием»)

Данный прием заключается в том, что какое-либо слово «повторяется с изменением начального звука или группы звуков, например: *фокус-покус, страсти-мордасти*. А.П. Чехов использует указанный способ словообразования обычно в обращениях к родным:

«**Миша-герентиша!**» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.152];

«**Саша-Таракаша!**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.86].

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

– Авторская метафора

А.П. Чехову свойственно употребление большого количества авторских метафор:

«**Погода у нас занимается проституцией. Хуже всякой пьяной бабы: <...> гниет, плюет... Тифозно!**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.277];

«**Погода безнравственная** и обещает быть таковою еще долгое время, а медицина не пускает меня из дому в дурную погоду» (А.Я. Гламе-Мещерской) – [Письма, т.3, с.284];

Погода у нас безнравственная, бленнорейная. 3 градуса тепла. Санний путь перестает быть санным» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.283];

«Погода подлая, насморочная; само **небо чихает**. Просто не глядел бы» (А.С.Суворину) – [Письма, т.4, с.28];

«У нас холодища. Идет снег, дует Борей, а **небо глупо как пробка**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.238];

«**Мой мозг машет крыльями, а куда лететь – не знаю**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.78];

«Теперь о рыбе. На удочку идет плохо. Ловятся ерши да пескари. Поймал, впрочем, одного голавля, но такого маленького, что в пору ему не на жаркое идти, а **в гимназии учиться**» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.153].

«**Рассказиков напеку...**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.127];

«А затем, пожелав тебе всего лучшего и хорошего, остаюсь твой брат, написавший эти **щелочные и санитарные строки**, А. Чехов» (Н.П. и И.П. Чеховым) – [Письма, т.1, с.34].

Обращает на себя внимание частая характеристика А.П. Чеховым человеческого тела с использованием лексем, употребляемых при описании мясной пищи:

«Я буду в восторге, если Вы приедете ко мне, но боюсь, как бы не вывихнулись Ваши **вкусные хрящики и косточки**. Дорога ужасная, тарантас подпрыгивает от мучительной боли и на каждом шагу теряет колеса» (Т.Л. Щепкиной-Куперник) – [Письма, т.5, с.341];

«После обеда <...> я поехал к Ходаковскому. <...> **Его белобрысая Маня – жирный, польский, хорошо прожаренный кусок мяса**, красивый в профиль, но не приятный en face» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.60-61];

«Николаева баба – это **жирный кусок мяса**, любящий выпить и закусить...» [Письма, т.1, с.159].

– Авторская метонимия

Обращает на себя внимание и использование писателем авторской метонимии:

«Не будь твоего сюртука, я погиб бы от равнодушия женщин!!! Впрочем, ты человек женатый и не понимаешь нас, холостяков. (Вздыхаю.) <...> Еще раз спасибо за сюртук. **Желаю, чтобы он у тебя женился и народил множество маленьких сюртучков**» (Д.Т.Савельеву) – [Письма, т.1, с.97];

«Желаю вам... **жениться на тех таинственных голубых глазах, о которых вы писали мне**» (Ф.А. Червинскому) – [Письма, т.4, с.264].

– Придание слову нового, субъективно-авторского лексического значения:

«Я рад, что Вы, **шипучий человек**, не отказались от мысли о медицинской газете» (П.Г. Розанову) – [Письма, т.2, с.52];

«Живу я в Кудрине, против 4-й женской гимназии, в доме Корнеева, похожем на комод. Цвет дома **либеральный**, т. е. красный» (Л.Ф. Трефолеву) – [Письма, т.2, с.123];

«Ну, Гусев, надевай штаны и иди в «Петербургскую газету **за гонореей** (имеется в виду *за гонораром*. – А.К.). Счет № 252 – 312 строк» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.120].

«Будьте здоровы и **приблизительны** (имеется в виду *будьте ближе, не отдаляйтесь*. – А.К.). Ваш А. Чехов» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.97].

– Оценочная энантиосемия:

- Использование положительно-оценочной лексики для выражения отрицательной оценки:

«**Безденежье изумительное**» (А.И. Смагину) – [Письма, т.5, с.63];

«**Благополучно паскудствующие** «Новости дня»...» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.94].

- Употребление слов, обычно выражающих моральное осуждение, для выражения морального восторга:

«Твои **похабные письма** получаем, читаем, гордимся и восхищаемся» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.42].

– Авторские эвфемизмы

Авторские эвфемизмы у А.П. Чехова связаны преимущественно с обозначениями физиологических процессов, частей тела, одежды:

«**Мой кишечный катар продолжает носить меня из комнаты в место злачное и обратно**» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.67];

«Меня кормят неистово. **И природа отвечает на сие довольно непринужденно: сегодня я уже два раза был там, куда короли пешком ходят**» (О.Л. Книппер-Чеховой) – [Письма, т.11, с.263];

«**Как на плане клозет далеко от кухни! Значит, кухарка Маша теперь останется без музыки?**» (О.Л. Книппер-Чеховой) – [Письма, т.12, с.57];

«Запросите с Сысоихи не менее 50 рублей за лист. Умоляю Вас! Хотя раз в жизни уважьте меня! Если она, психопатически ноя и **виляя в письме турнюром**, будет жаловаться на бедность и предлагать Вам 30–40 руб., то, ради всего святого, имейте мужество не согласиться» (М.К. Киселевой) – [Письма, т.1, с.168];

«Если успеешь, купи мне мужские подтяжки, ибо я похудел в талии и **с меня падает «некоторая часть моего фанфаронства»**, как выразился один семинарист» (М.П.Чеховой) – [Письма, т.6, с.276].

– Трансформация устойчивых единиц

- Замена в устойчивом выражении двух компонентов на созвучные им лексемы с другим значением:

«**Не блуди, не блудим будеши, а ты блудишь**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.42].

Модифицируя таким образом устойчивую фразу, А.П. Чехов привносит в нее субъективный смысл, тем самым добиваясь комического эффекта.

- Замена двух компонентов фразеологизма на близкие по значению, но не созвучные лексемы с сохранением основного смысла устойчивой фразы и ее синтаксической структуры:

«В конце концов **плохой воробей в руке лучше, чем райская птица в раю**» [Письма, т.2, с.46].

- Замена одного из компонентов при сохранении компонента, несущего основную смысловую нагрузку:

«**Дождь порет во все лопатки**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.158];

«**Рад служить во все лопатки**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.144];

«**Браню себя во все лопатки**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.80];

«Он (Григорович. – А.К.) невыносимо страдал, метался, стонал, а я 2½ часа сидел возле него, **броня во все лопатки свою бессильную медицину**» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.40];

«**Буду во все лопатки стараться заработать возможно больше денег, чтобы опять провести лето ничего не делая...**» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.332].

В данных примерах компонент *во все лопатки* из фразеологизма *бежать во все лопатки*, обозначающий интенсивность действия, сохраняется. Трансформируя подобным образом фразеологизм, писатель «адаптирует» его к самым разным ситуациям, когда требуется акцентировать внимание адресата на интенсивности какого-либо действия (не только бега).

Есть примеры подобных модификаций и других устойчивых выражений:

«**Я безденежен до мозга костей**» [Письма, т.2, с.7]; «**Я утомлен до мозга костей**» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.186];

«**На безрыбье и Фома человек**» (Н.А. Лейкину) – [Письма, т.1, с.76];

«Милый Евтихий Павлович, если, как Вы пишете, Давыдов облюбовал роль Сорина, **то ему и книги в руки**. Очень рад, пусть берет Сорина» (Е.П. Карпову) – [Письма, т.6, с.184].

- Замена одного из компонентов устойчивой фразы, ведущая к изменению ее смысла на противоположный:

«...приходится садиться за обязательный труд и **в поте лица есть свой хлеб**» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.2, с.328].

- Создание нового выражения путем контаминации фразем близких по смыслу:

«Он <...> всегда таскал в кармане брюк громадный револьвер и **сильно зашибал муху**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.246].

Здесь контаминация фразем: *сильно зашибать* и *быть под мухой*.

«В ожидании скорейшего ответа рекомендую Вам, милостивый государь, лечь на кровать, **взять свой мозг в руки и заняться размышлением...**» (А.С. Лазареву (Грузинскому)) – [Письма, т.2, с.148].

В данном случае происходит смысловая контаминация фразем: *Взять себя в руки* и *Взяться за ум*.

«**Моя голова совсем отбилась от рук** и отказывает сочинительствовать...» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.2, с.8].

Здесь смысловая контаминация фразем: *Взяться за ум* и *Отбиться от рук*.

- Создание нового выражения с использованием хорошо узнаваемых лексем из устойчивого выражения без сохранения его синтаксической структуры:

«Нет того Сеньки, для которого нельзя было бы подобрать шапку» (А.С.Суворину) – [Письма, т.3, с.177].

- Трансформация синтаксической структуры устойчивого выражения с сохранением его основного смысла:

«В 3 часа является домой Ерем<еев>, **пьяный, как стелька**» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.62]; «Препаскудная погода. Жалею, что я не пьяница и не могу **нализаться, как стелька**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.197].

- Придание устойчивому выражению тавтологичности путем удаления второго компонента фразы и замены его на другой, тождественный по значению первому компоненту:

«Необходимо поехать с ним, тем более, что мы не знаем Москвы **ни в зуб**» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.1, с.13].

Мы ни в зуб ногой имеет значение *мы не знаем*, поэтому удаление компонента *ногой* и добавление вместо него компонента *знаем* делает выражение *Мы не знаем Москвы ни в зуб* тавтологичным.

СИНТАКСИС

– Нарушение семантического согласования по числу

«**Девицы** здесь – **сплошная овца**: если одна поднимается и выйдет из залы, то за ней потянутся и другие» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.73].

Здесь писатель намеренно нарушает согласование единиц фразы по числу, чем усиливает значение данного высказывания, суть которого – *все, как одна*.

– Нарушение моделей управления

А.П. Чехов нередко намеренно нарушает модели управления. Этот прием писатель использует в стилистических целях, например, для создания речевого колорита, присущему жителям тех или иных мест:

«Кланяйся от меня астраханскому городскому голове и скажи ему от меня, что **я на его жену недоволен** за то, что Мариуполем нельзя намазывать смычок, как канифолем» (Н.П. и И.П. Чеховым) – [Письма, т.1, с.34];

«Передайте таганрогским барышням, что **тоскую** за ними ужасно» (М.И.Морозовой) – [Письма, т.1, с.84];
 «Мерси **Вас**» (М.М. Дюковскому) – [Письма, т.1, с.199];
 «Благодару **вам**» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.66].

– Активное использование зевгматических конструкций

Выстраивая высказывание, А.П. Чехов ставит в один ряд грамматически однородные слова, принадлежащие оппозиционным семантическим сферам: «одушевленное» – «неодушевленное»; «человеческое» – «вещественное»; «человеческое» – «животное» / «растительное» / «климатическое»; «низшее, физиологическое (плоть)» – «высшее, духовное (чувства)»:

«Николай женится. Берет жгучую брюнетку с 20 тысячами приданого. **Кроме денег: две перины, одна теща и много всякой всячины.** Я задыхаюсь от зависти» (Н.А.Лейкину) – [Письма, т.1, с.84];

«**Потапенко, солнце и луна потонули в блаженстве...**» (В.А. Гольцеву) – [Письма, т.5, с.309];

«Я нанял себе дачу около города Сум на реке Псле. **Место поэтическое, изобилующее теплом, лесами, хохлами, рыбой и раками**» (Я.П. Полонскому) – [Письма, т.2, с.219];

«**У нас в Ялте прохладно, идет дождь. У нас в Ялте также расстройство кишечника,** которое я ничем не могу остановить, ни лекарствами, ни диетой» (О.Л.Книппер) – [Письма, т.12, с.89];

«У доктора Бородулина, которого ты знаешь, несчастье: рак пищевода. Доктор Средин тоже все болеет; чахотка отошла на второй план, а теперь мучает его нефрит, т. е. воспаление почек. Доктор Алексин похудел и постарел. Доктор Чехов **влюблен в свою супругу и страдает расстройством кишечника**» (О.Л. Книппер) – [Письма, т.12, с.79].

Очень часто, используя зевгму, А.П. Чехов объединяет в одном ряду предложения с разноплановыми отрицаниями, где слово «нет» подчиняет себе семантически гетерогенный ряд:

«**Денег нет, Мелита.** Немножко угарно. **Форточек нет.** Отец накурил ладаном. Я навонял скипидаром. Из кухни идут ароматы. Болит голова. **Уединения нет. А главное – нет Мелиты и нет надежды, что я увижу ее сегодня или завтра**» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.38-39];

«**Нового ничего нет. И воды тоже нет в водопроводе**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.9, с.71];

«**Нового ничего нет. Дождей тоже нет,** всё засохло» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.9, с.113];

«**Сапоги желтые, о которых ты спрашиваешь, не чищены** с того дня, как я проводил тебя. **И меня никто не чистит.** Хожу весь в пыли, в пуху и в перьях» (О.Л.Книппер) – [Письма, т.9, с.100].

Создание семантических аномалий при помощи зевгматических конструкций позволяет писателю не только внести комизм в высказывание,

но и дать сообщение в сжатой форме, внести в него, в зависимости от ситуации) элементы оценочности, жалобы, укора, признания, флирта и т.д.

ТЕКСТ

– Стремление к каламбуру

Двусмысленности, обеспечивающей юмористический регистр восприятия его слов, А.П. Чехов часто добивается при помощи каламбура:

«Барышни здесь, правда недурны, но к ним нужно привыкнуть. <...> Есть между ними даже циники, напр<имер> белобрыдая Мона Х<одакоаская>. **Эта особа трогает не только живых, но и мертвых.** Когда я гулял с ней по кладбищу, она всё время смеялась над мертвецами и их эпитафиями, над попами, дьяконами и проч.» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.69];

«Жиница» мне Сашечка, нельзя, потому что **незаконно живущие не могут жить законно**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.5, с.208];

«Прощай, брат, семь лет не будем видеться, дела таким образом клеятся или, говоря исакиевским языком, "обстоятельство такого сорта", что **не придется еще раз проехаться по маменьке России в маменьку или матушку Москву к своей маменьке**» (М.М.Чехову, 9 июня 1877 г., Таганрог) – [Письма, т.1, с.23];

«**Стрепетом продолжаю**» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.80]; «Благосклонные читатели и благочестивые слушатели! **Стрепетом продолжаю**, соблюдая хронологический порядок» (Чеховым) – [Письма, т.2, с.55].

Последним выражением А.П. Чехов обычно начинает письма родным во время путешествий по России. Писатель обыгрывает звуковую близость слова *стрепет* в значении *степная птица* и слова с предлогом *с трепетом* в значении *сильное волнение, напряженность чувств*, соединяя два смысла: *продолжающий путешествие по степи + продолжающий испытывать сильное волнение.*

– Частотное употребление авторских сравнений

Индивидуально-авторские сравнения – очень яркая черта коммуникативной личности А.П.Чехова. Мы выявили 6 основных тем, при описании которых А.П. Чехов активно использует авторские сравнения: 1)«Природа, погода»; 2) «Скука»; 3) «Писательский труд»; 4) «Душевное состояние (чувства)»; 5) «Физическое состояние»; 6) «Материальное положение»:

Природа, погода

«У нас природа грустнее, лиричнее, левитанистее, здесь же она – ни то ни сё, точно хорошие, звучные, но холодные стихи» (Л.С. Мизиновой) – [Письма, т.5, с.282];

«Запах свежего сена пьянит и дурманит, так что достаточно часа два посидеть на копне, чтобы вообразить себя в объятиях голой женщины» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову) – [Письма, т.5, с.304];

«Мухá полненькая, похожая на кулич с изюмом» (А.С. Киселеву) – [Письма, т.1, с.273];

«Телка от кормления яблоками стала пузатой, как бутылка с зубровкой» (Н.М.Линтваревой) – [Письма, т.5, с.99];

«Окунь так велик, что Киселев будет сегодня у нас обедать» (М.П. Чехову) – [Письма, т.1, с.153];

«Караси мои здравствуют и уже настолько созрели, что хочу дать им конституцию» (В.Н. Ладыженскому, 4 февраля 1899 г. Ялта) – [Письма, т.8, с.72];

«Погода в Москве скверная, хуже полового извращения» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3, с.270];

«В Питере погода аспидская. Ездят на санях, но снега нет. Не погода, а какой-то онанизм» (Ф.А. Куманину) – [Письма, т.4, с.8];

«Италия без солнца, это всё равно, что лицо под маской» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.207];

«Житие в городе летом – это хуже педерастии и безнравственнее скотоложства» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.1, с.248].

«... распутица страшная и добраться до станции так же трудно, как вообразить себе Жужелицу в роли Офелии. Нельзя ни ездить, ни ходить» (П.А. Сергеевко) – [Письма, т.5, с.181].

Скука

«У меня новая лампа, многоуважаемая Мария Владимировна, всё же остальное скучно, серо и старо, как реплики Екатерины Васильевны» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.118];

«У нас нет политики, у нас нет ни общественной, ни кружковой, ни даже уличной жизни, наше городское существование бедно, однообразно, тягуче, неинтересно – и говорить об этом также скучно, как переписываться с Луговым» (Вл.И. Немировичу-Данченко) – [Письма, т.6, с.241];

«После Вашего отъезда я был в Центральных банях, простудился там и два дня потом просидел, как филин, у себя в номере, скучая и ругаясь» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5, с.301];

«Повестушка скучная, как зыбь морская...» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.2, с.239];

«В Ялте чудесная погода, но скучно, как в Шклове. Я точно армейский офицер, заброшенный на окраину» (Л.А. Авиловой) – [Письма, т.8, с.76];

«Мое здоровье недурно, я чувствую себя лучше, чем в прошлом году, но всё же доктора не пускают меня из Ялты. А этот милый город надоел мне до тошноты, как постылая жена. Он излечит меня от туберкулеза, зато состарит лет на десять» (А.С.Суворину) – [Письма, т.9, с.10];

«Мне здесь скучно, надоело, и такое чувство, как будто я выброшен за борт» (Ф.Д. Батюшкову) – [Письма, т.9: с.26].

Писательский труд

«Что мне делать с «Монте-Кристо»? Я сократил его так, что он стал похожим на человека, перенесшего тиф. Из толстяка получился худосочный субъект» (А.С.Суворину) – [Письма, т.5, с.70];

«Отчего Вы не попробуете написать пьесу? Ведь это такое ощущение, точно первый раз лезешь в неподогретый нарзан. Напишите-ка» (Е.М. Шавровой-Юст) – [Письма, т.6, с.211];

«Рассказ я пришлю, добрейший Владимир Алексеевич, но сказать, как он будет называться, я не могу. Назвать его теперь также трудно, как определить цвет курицы, которая вылупилась из яйца, которое еще не снесено» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.271];

«Много сюжетов, которые киснут в мозгу, хочется писать, но писать не дома - сущая каторга, точно на чужой швейной машине шьешь» (М.П. Чеховой, 14 (26) декабря 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.122];

«Работаю вяло, как ленивый хохол» (М.М. Ковалевскому, 8 (20) января 1898 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.147];

«Мне опротивело писать, и я не знаю, что делать. <...> Когда я теперь пишу или думаю о том, что нужно писать, то у меня такое отвращение, как будто я ем щи, из которых вынули таракана - простите за сравнение» (Л.А. Авилловой, около 24-26 июля 1898 г., Мелихово) – [Письма, т.7, с.244];

«Не хочется писать, и пишешь так, точно ешь постное на шестой неделе поста» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.7, с.246].

Душевное состояние

«На душе, как в горшке из-под кислого молока» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.5, с.193];

«Мне не весело и не скучно, а так какой-то студень на душе» (Чеховым) – [Письма, т.4, с.69];

«Вы и Кони доставили мне письмами немало хороших минут, но всё же душа моя, точно луженая, я не чувствую к своим пьесам ничего, кроме отвращения, и через силу читаю корректуру» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.251];

«Обидно, что Вы уезжаете за границу. Когда я прочел об этом в Вашем письме, то у меня в нутре точно ставни закрыли. В случае беды или скуки камо пойду?» [Письма, т.5, с.223];

«...после разговора с литератором у меня теперь во рту такое чувство, как будто вместо водки я выпил рюмку чернил с мухами» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3, с.266];

«Воспоминание о тех особах, о которых Вы пишете мне, вызывает во мне тошноту, как будто я съел гнилую сардинку» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.107].

«Здоровье мое ничего. Но боюсь, что настроение скоро будет опять скверное: Лавров и Гольцев настояли на том, чтобы «Чайка» печаталась в «Русской мысли» – и теперь начнет хлестать меня литературная критика. А это противно, точно осенью в лужу лезешь» (Вл.И. Немировичу-Данченко) – [Письма, т.6, с.231].

Физическое состояние

«Я каждый день собираюсь к Вам, но я слаб, как углая ладья, и волны носят меня не туда, куда нужно» (Л.Я. Гуревич) – [Письма, т.5, с.149];

«Когда погода не такая, какую ей подобает быть, я вял, как переваренная макарона, и не могу работать» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.5, с.193];

«Целый месяц мотала меня лютая инфлюэнца. Ударила она сначала в голову и ноги, так что я слег в постель, а потом ударила в легкие, так что я кашлял неистово и **стал худ, как копченая стерлядь**» (Н.М. Линтваревой) – [Письма, т.4. с.325];

«**Я утомлен, как балерина после пяти действий и восьми картин**» (М.П. Чеховой) – [Письма, т.4. с.161];

«У меня болит правая лопатка и то пространство, которое у архиереев называется междукрылием, т. е. место между лопатками. Больно повернуть шею, а **надеть чулки и сапоги так же трудно, как поцеловать себя в пятку**» (Ф.О. Шехтелю) – [Письма, т.4. с.350].

Материальное положение

«Я давно бы тронулся на юг, да **не шлют гонорара, без которого я всё равно что лодка без парусов**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.174];

«**Я безденежен, как курицын сын**» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2, с.172];

«...я беднее, чем ваш осел. Не купите ли Вы у меня рассказов? Для Вас я уступил бы по рублю за сотню. У меня их больше, чем в купальне малявок» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.2, с.119];

«**Денег, повторяю, меньше, чем стихотворного таланта**» (М.В. Киселевой) – [Письма, т.1, с.261];

«**Деньги у меня плывут со скоростью окуня, которого укусила за хвост щука.** Трачу без конца и не знаю, когда кончу тратить. Отсюда мораль: надо работать для денег» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3. с.196].

В письмах А.П.Чехова, помимо сравнений в рамках перечисленных выше тем, отмечены и другие индивидуально-авторские сравнения:

«**Оба вы чужды друг другу, как колокольный звон кусочку мыла...**» (Ал.П.Чехову) – [Письма, т.2, с.319];

«**Собственность – это канальская штука; затягивает в себя, как варенье муху**» (И.И. Ясинскому) – [Письма, т.5, с.334];

«... **убережся в деревне от хлопот и забот так же трудно, как в аду от ожогов**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.320];

«У Вас превосходный вкус, и **Вашему первому впечатлению я верю, как тому, что на небесах есть солнце**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5. с.41];

«Я обещаю быть великим мужем, но **дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моем небе не каждый день**» (А.С. Суворину) – [Письма, т.6, с.40];

«Скворцы еще не прилетели, а **грачи шагают по дорогам уныло, точно факельщики**» (А.А. Тихонову (Луговому)) – [Письма, т.6. с.134];

«Знание жизни у Вас громадное и, повторяю (я это говорил когда-то раньше), **Вы становитесь всё лучше и лучше, и точно каждый год к Вашему таланту прибавляется по этажу**» (Вл.И. Немировичу-Данченко) – [Письма, т.6, с.84];

«Был у меня Л.Н. Толстой, и я был у него, обедал. Бываю у Федотовой. **Одним словом, окружен знаменитостями, как непорочная девушка ангелами, когда она спит**» (К.М. Иловайской) – [Письма, т.8, с.160].

В заключении рассмотрения данного параметра отметим, что он является одним из наиболее ярких в коммуникативной личности А.П. Чехова – многочисленные другие примеры использования А.П. Чеховым

юмористического регистра общения см. также выше в разделах *Контактность*, *Вступление в общение*, *Выход из общения*, *Побуждение адресата к действию*, *Оценочность в общении*, *Самопрезентация и самооценка*, *Реакция на критику*, *Реакция на похвалу и почести*.

Невербальное общение

1. Сдержанность жестикуляции

Современники А.П. Чехова вспоминают, что жесты писателя были скупы, но очень выразительны:

«Он говорил, как писал, короткими фразами, подумав, несколько скупо и очень определенно; так же скупы и выразительны были и его жесты, едва намеченные и, одновременно, вполне законченные» (И.А. Новиков) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.425];

«Держался он скромно, но без излишней застенчивости; жест сдержанный» (Вл.И.Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с. 280].

2. Манера запрокидывать назад голову и ежеминутно поправлять пенсне

«Где и когда я познакомился с Ант. Пав. Чеховым – не помню. <...> Антон Павлович обратился ко мне с какой-то приветливой шуткой, но я не ценил тогда его юмора. Мне трудно покаяться в том, что Антон Павлович был мне в то время мало симпатичен.

Он мне казался гордым, надменным и не без хитрости. Потому ли, что его манера запрокидывать назад голову придавала ему такой вид, – но она происходила от его близорукости: так ему было удобнее смотреть через пенсне. Привычка ли глядеть поверх говорящего с ним или суетливая манера ежеминутно поправлять пенсне делали его в моих глазах надменным и неискренним, но на самом деле все это происходило от милой застенчивости, которой я в то время уловить не мог» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.373-374].

3. Манера жестами делать риторические акценты на словах

«Он (родной брат А.П. Чехова Иван. – А.К) – это я почувствовал особенно ярко после смерти Антона Павловича – необыкновенно напоминал его голосом, интонациями и одним жестом: как-то кулаком по воздуху делать акценты на словах» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.282-283].

4. Нервные жесты при недовольстве и раздражении

Современники отмечают привычку А.П. Чехова покручивать шнурок от пенсне ощупывать пальцами близлежащие предметы и отталкивать их от себя:

«... Чехов нервно покручивал шнурок от пенсне. <...> Длинными пальцами он трогал близлежащие предметы: пепельницу, блюдечко, молочник и сейчас же с какой-то брезгливостью отпихивал их от себя» (А. Серебров-Тихонов) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.588-589].

5. Привычка пощипывать бородку

«Глаза его весело улыбались, левой рукой он слегка пощипывал свою молодую бородку» (И.Л. Леонтьев-Щеглов) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.48];

«Не знали, как и о чем говорить... И он смотрел на нас, то улыбаясь, то вдруг необычайно серьезно, с каким-то смущением, пощипывая бородку и вскидывая пенсне...» (О.Л. Книппер-Чехова) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.617];

«Любил Антон Павлович все смешное, все, в чем чувствовался юмор, любил слушать рассказы смешные и, сидя в уголке, подперев рукой голову, пощипывая бородку, заливался таким заразительным смехом, что я часто, бывало, переставала слушать рассказчика, воспринимая рассказ через Антона Павловича» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.630].

6. Привычка ходить по комнате при разговоре

У А.П. Чехова была манера поддерживать общение с собеседниками в постоянном движении. Делал он это обычно заложив руки в карманы или за спину и часто поправляя пенсне:

«Чехов принялся ходить взад и вперед по комнате – обычная его повадка, когда он хотел что-нибудь рассказать или доказать...» (И.Л. Леонтьев-Щеглов) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.55];

«... Чехов спорил мягко, со своей вспыхивающей улыбкой; расхаживал по комнате крупными шагами, заложив руки в карманы...» [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.291].

Многие современники А.П. Чехова отмечают, что писатель в их присутствии гостей редко сидел на одном месте. Он все время ходил от одного гостя к другому, уделяя каждому внимание, заходил на какое-то время в свой кабинет, а затем опять обходил гостей:

«За обедом и ужином он ел мало, почти всегда вставал из-за стола и ходил взад и вперед по столовой, останавливаясь около гостя и усиленно его угощая, и все с шуткой, с метким словом» (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986: с.502];

«Оттуда всем обществом, кто пешком, кто человек по шести в экипаже, отправились к Антону Павловичу. У Антона Павловича был вечно накрытый стол, либо для завтрака, либо для чая. <...> Вид у Антона Павловича был страшно оживленный. Он все время двигался с места на место, держа руки назад, поправляя ежеминутно пенсне. То он на террасе, заполненной новыми книгами и журналами, то с не сползающей с лица улыбкой покажется в саду, то во дворе. Изредка он скрывался у себя в кабинете и, очевидно, там отдыхал» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.389].

7. Крепкое, но сдержанное рукопожатие

«Помниться мне теперь очень живо пожатие его большой, сухой и горячей руки, – пожатие, всегда очень крепкое, мужественное, но, в то же время сдержанное, точно скрывающее что-то» (А.И. Куприн вспоминает) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.515].

8. Манера бросать пристальный и внимательный взгляд на собеседника и тут же с улыбкой опускать голову

«Беседуя с кем-либо, он иногда пристально вглядывался в говорящего, но тотчас же опускал голову и улыбался какой-то особенной, кроткой улыбкой» (К.А. Коровин) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.27].

9. Смена выражения глаз в процессе общения

Современники писателя отмечали, что выражение глаз А.П. Чехова при общении с адресатом быстро менялось:

«По обыкновению мы и в этот раз засиделись до поздней ночи и говорили о литературе и общественной жизни. Чехов показался мне малоразговорчивым, каким он и был на самом деле. Говорил он охотно, но больше отвечал, не произнося, так сказать, монологов. В его ответах проскальзывала иногда ирония, к которой я жадно прислушивался, и я подметил при этом одну особенность, так хорошо памятную знавшим А.П. Чехова: перед тем, как сказать что-нибудь значительно-остроумное, его глаза вспыхивали мгновенной веселостью, но только мгновенной. Эта веселость потухала также внезапно, как и появлялась, и острое замечание произносилось серьезным тоном, тем сильнее действовавшим на слушателя» (В.Н. Ладыженский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986: с.212].

Глаза писателя, как правило, выдавали его эмоциональное состояние, часто выражали радость от остроумного замечания, меткого слова, удачной шутки. Однако А.П. Чехов контролировал свои эмоции и старался их скрыть от адресата. Иногда, в зависимости от обстоятельств и собеседника, это было его внутренней потребностью, а иногда – коммуникативной тактикой.

10. Кратковременность улыбки при общении с собеседником

Характерными чертами улыбки А.П. Чехова были ее открытость и мимолетность:

«Его ... улыбка ... была совсем особенная. Она сразу, быстро появлялась и так же быстро исчезала. Широкая, открытая, всем лицом, искренняя, но всегда накоротке. Точно человек спохватился, что, пожалуй, по этому поводу дальше улыбаться не следует. Это у Чехова было на всю жизнь. И было это семейное. Такая же манера улыбаться была у его матери, у сестры и, в особенности, у брата Ивана» (Вл.И. Немирович-Данченко) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с. 281].

11. Манера часто смеяться

Многие современники А.П. Чехова вспоминают, что он обычно смеялся коротким, негромким, почти беззвучным смешком:

«Красивый, изящный, он был тихий, немного застенчивый, с негромким смешком, с медлительными движениями, с мягким, терпимым и немножко скептическим, насмешливым отношением к жизни и людям» (С.Я. Елпатьевский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с. 563];

«И смех его, почти беззвучный, был как-то особенно хорош. Смеясь, он именно наслаждался смехом, ликовал; я не знаю, кто бы мог еще смеяться так – скажу «духовно» (М. Горький) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.454].

Однако когда А.П. Чехову было особенно весело, он мог смеяться от души и нередко со смехом падал головой на колени:

«Он принимался хохотать с тем мучительным удовольствием, с которым он хохотал тогда, когда ему что-нибудь особенно нравилось. <...> Он со смехом падал головой на колени...» (И.А. Бунин) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.493].

Больше всего писателя смешил И.А. Бунин:

«... там, где Бунин, непременно стоит Антон Павлович и хохочет, помирает от смеха. Никто так не умел смешить Антона Павловича, как И.А. Бунин, когда он был в хорошем настроении» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.389].

Над грубыми анекдотами Чехов никогда не смеялся:

«Грубые анекдоты никогда не смешили его» (М. Горький) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.454].

Смех А.П. Чехова являлся реакцией не только на шутки и смешные истории, но и был эмоциональным откликом на яркие позитивные впечатления. Своим смехом писатель иногда удивлял окружающих, которым казалось, что Антон Павлович смеется не к месту. Писатель же смеялся часто просто от внутреннего удовольствия:

«У меня осталась в памяти очень характерная черта его непосредственного и наивного восприятия впечатлений. Не генеральной репетиции второго акта «Микаэля Крамера» я, стоя на сцене, слышал иногда его смешок. Но так как действие, происходившее на сцене, не подходило к такому настроению зрителя, а мнением Антона Павловича я, конечно, очень дорожил, то этот смешок несказанно меня смущал. Кроме того, среди действия Антон Павлович несколько раз вставал и быстро ходил по среднему проходу, всё продолжая посмеиваться. Это еще больше смущало играющих.

По окончании акта я пошел в публику, чтобы узнать причину такого отношения Антона Павловича, и увидел его сияющего, также возбужденно бежавшего по среднему проходу.

Я спросил его о впечатлении. Ему очень понравилось.

– Как это хорошо! – сказал он. – Чудесно же, знаете, чудесно!

Оказалось, что смеялся он от удовольствия. Так смеяться умеют только самые непосредственные зрители» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986: с.398-399];

«Антон Павлович любил прийти до начала спектакля, сесть против гримирующегося и наблюдать, как меняется лицо от грима. Смотрел он молча, очень сосредоточенно. А когда какая-нибудь проведенная на лице черта изменит лицо в том направлении, которое нужно для данной роли, он вдруг обрадуется и захохочет своим густым баритоном. И потом опять замолчит и внимательно смотрит» (К.С. Станиславский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986: с.400].

Для А.П. Чехова была также характерна усмешка над своими словами:

«Это часто бывало у него: говорит так тепло, серьезно, искренно и вдруг усмехнется над собой и над речью своей. И в этой мягкой, грустной усмешке чувствовался тонкий скептицизм человека, знающего цену слов, цену мечтаний. И еще в этой усмешке сквозила милая скромность, чуткая деликатность...» (М. Горький) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.440].

Выводы

В целом в коммуникативной личности А.П. Чехова нами было выявлено 237 доминантных признаков, которые мы сгруппировали по 17 параметрам. При этом, как показало проведенное исследование, и среди параметров, и среди признаков коммуникативного поведения писателя можно выделить наиболее яркие.

Яркость параметров определяется нами в зависимости от их объема, под которым мы понимаем количество входящих в параметр признаков. Наиболее яркими, и, следовательно, наиболее значимыми в структуре коммуникативной личности А.П. Чехова, оказались следующие 5 параметров:

1. «Оценочность в общении» – 77 признаков.
2. «Выход из общения» – 19 признаков.
3. «Побуждение адресата к действию» – 17 признаков.
4. «Юмор в общении» – 14 признаков.
5. «Вступление в общение» – 13 признаков.

Яркость коммуникативных признаков определяется вариативностью коммуникативных приемов, а также разнообразием использования языковых

средств, придающих высказыванию эмотивность, категоричность, образность, стилистическую окраску и т.д.

Самыми яркими в коммуникативном поведении А.П. Чехова оказались следующие 20 признаков:

1. Широкая модификация имени адресата в начальных обращениях
2. Использование неординарных авторских обращений
3. Широкое использование шутливых обращений как знаков дружеского расположения
4. Пристрастие подписываться нетрадиционно
5. Стремление пригласить собеседника в гости
6. Частотность побуждений собеседника к перемене места
7. Многочисленные активные побуждения адресатов к писательской деятельности
8. Активное побуждение адресата к написанию письма адресанту
9. Пристрастие оформлять деловые просьбы к братьям в виде шутливых поручений или «господских указов»
10. Нравоучительность и морализаторство
11. Реакция самоиронией на признание его писательского таланта
12. Преобладание восторженных оценок хорошей погоды
13. Постоянство экспрессивной оценки плохой погоды
14. Многократное употребление авторских сравнений в негативных оценках погоды
15. Значительная доля образных оценок плохой погоды
16. Преобладание восторженных оценок европейских городов по сравнению с русскими
17. Широкое использование шутливой формы оформления разных речевых актов
18. Стремление к жанровой игре (индивидуально-авторское жанровое оформление высказывания)
19. Флирт с женщинами
20. Использование языковой игры

Через данные признаки проявилось стремление А.П.Чехова выйти за рамки традиционных форм общения; тенденция к языковому разнообразию в оценках, описаниях событий и мест; тяготение писателя к применению различных коммуникативных приемов в рамках разных речевых жанров, особенно таких, как *приветствие, прощание, приглашение, поздравление, просьба, требование.*

Проведенное исследование позволило также выявить излюбленные коммуникативные тактики А.П. Чехова, каковыми являются:

- уговоры
- шутивная угроза
- шутивный укор
- рекламирование достоинств предлагаемого места:
- рекламирование плана путешествия
- объяснение необходимости перемены места профессиональной целесообразностью
- зарисовка многообещающей картины совместного времяпровождения:
 - гиперболизация значения письма адресата
 - шутивное самоуничижение
 - шутивное самовозвеличивание.

Глава 3.

Коммуникативная личность А.П. Чехова в динамике

В жизни А.П. Чехова, как и в жизни любого человека, были факторы, влияющие на его коммуникативное поведение. Условия жизни писателя, его путешествия, переезд в Ялту, ухудшение состояния здоровья, постоянное расширение круга общения, повышение интенсивности общения, женитьба на О.Л. Книппер, а также изменение политической обстановки в России вело к переменам в коммуникативном поведении Чехова, модификации его коммуникативных привычек, что, в свою очередь, вело к изменениям его коммуникативной личности. Эти перемены стали особенно заметны в последние семь лет его жизни – с 1897 г. по 1904 г.

В воспоминаниях современников, относящихся к этому периоду жизни писателя, прямо указывается на ряд заметных изменений в его устном общении, в манере говорить, его коммуникативных предпочтениях, в его отношении к общению вообще.

Проведенное описание коммуникативной личности зрелого Чехова и моделирование его коммуникативной личности по параметрам и доминантным признакам позволяют рассмотреть и сопоставить

коммуникативную личность писателя в рамках двух периодов – относительной стабильности его коммуникативной личности (до 1897) и периода изменений в его коммуникативной личности (1897-1904).

В ходе исследования при сопоставлении 2-х периодов в жизни писателя было обнаружено ослабление одних признаков, усиление других и возникновение новых признаков.

Рассмотрим, как менялись признаки по параметрам.

1. КОНТАКТНОСТЬ

Повышенное стремление А.П. Чехова к общению в целом сохраняется. Остались неизменными такие доминантные признаки его коммуникативной личности, как *стремление к новым знакомствам; стремление к сокращению коммуникативной дистанции с адресатом; потребность в одиночестве писать письма*. Заметно усилился такой признак, как *расширение с каждым годом круга общения, увеличение объема переписки и количества адресатов*.

Несущественно ослабились следующие признаки: *любовь к длительным разговорам; стремление пригласить собеседника в гости; любовь к проведению времени в компаниях*.

В структуре коммуникативной личности писателя появляются и новые признаки: *стремление избежать избыточного общения; стремление избежать общения в больших компаниях; стремление избежать общения с незнакомыми людьми; избирательность в дружеском общении, высокая частотность сообщений об усталости от гостей и от долгих разговоров с ними*.

С 1899 года яркой чертой переписки писателя в письмах самым разным адресатам становится констатация именно факта усталости от общения.

Призыв писателя к адресату «надо встретиться» сохраняется, но встречается гораздо реже, чем раньше, А.П. Чехов хочет видеть немногих, только интересных, близких и важных для него людей. Скучных людей он не выносит, общением с незнакомыми людьми тяготится.

Наблюдается выраженное стремление спрятаться от утомительного общения и очень ярко выражается усталость от многочисленных гостей – эта тема затрагивается многократно в самых разных письмах последнего периода его жизни:

«Переписки у меня очень много, моя комната похожа на почтовое отделение, а люди ходят то и дело; часа нет свободного, хоть беги вон из Ялты» (В.М. Соболевскому, 5 марта 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, стр.117];

«Получаю много деловых и неделовых писем. Не могу отвечать, надоело, и если отвечать на все письма, то нужно сидеть за столом от утра до вечера. Почтальон ропщет и изумляется» (М.П. Чеховой, 19 марта 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, стр.132];

«После 1-го мая уеду в Мелихово, а пока сижу в Москве и принимаю посетителей, им же несть числа. Утомился» (А.С. Суворину, 24 апреля 1899 г., Москва) – [Письма, т.8, стр.156];

«.....у меня буквально вертится голова от массы суеты, от массы посетителей, которые толкуются у меня с утра до ночи» (Н.М. Ежову, 4 мая 1899 г., Москва) – [Письма, т.8, стр.166].

2. КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

В данном параметре остались неизменными 3 признака: *неровность коммуникативных предпочтений в семейном общении; предпочтение в общении с собеседниками из Москвы и Петербурга; увеличение круга общения адресатов из литературно-издательской среды.*

Несущественно усилился признак *предпочтения дружеским отношениям приятельских отношений.*

Добавилось 2 признака: увеличение круга общения адресатов из театральной среды: Вл.И. Немирович-Данченко, К.С. Алексеев (Станиславский), А.Л. Вишневецкий; предпочтение О.Л. Книппер всем другим собеседникам в письменном общении с 1899 г. и до конца жизни.

Проведенное нами исследование подтверждает сохранность неровности коммуникативных предпочтений А.П. Чехова в семейном общении на протяжении всей жизни. Одним из самых предпочтительных адресатов в семейном общении по-прежнему остается сестра писателя Мария Павловна. Объем переписки с ней в последние 7 лет жизни возрастает. Примечательно, что с 1898 г. степень интенсивности общения писателя с родным братом

Александром, ранее предпочтительным адресатом, резко снижаться: от 22 писем в 1897 г. и до 1–4 писем в последние годы жизни.

Объем переписки с матерью писателя Евгенией Яковлевной возрастает, особенно в 1901 г. (20 писем). Количество писем маме в этом году почти сравнивается с количеством писем сестре Маше (29 писем). Такая активность переписки объясняется долгим пребыванием Антона Павловича за границей, вдали от родных. В 1898-1899 гг. увеличивается и объем переписки с родным братом Иваном до 26 писем в год, затем опять идет к снижению до 3-4 писем в год. С родным братом Михаилом объем переписки всегда был небольшим. В последние же годы жизни А.П. Чехов пишет ему от 1 до 4-х писем в год.

С 1899 г. начинает активно расти интенсивность общения с О.Л. Книппер. В последние 7 лет жизни писателя Ольга Леонардовна и Мария Павловна являются самыми востребованными для него адресатами. Своей жене за 5 лет жизни Антон Павлович написал столько же писем, сколько сестре за всю жизнь. Становится заметно, что в последние годы жизни А.П. Чехов всё больше тяготеет к семейному общению.

У писателя по-прежнему происходит увеличение круга общения адресатов из литературно-издательской среды. Он, как и раньше, отдает предпочтение собеседникам из Москвы и Петербурга. Антон Павлович продолжает общаться с журналистом и редактором журнала «Русская мысль» В.А. Гольцевым, начинает переписку с писателем и редактором «Журнала для всех» В.С. Миролубовым, писателем И.А. Буниным. Когда Бунин бывает в Ялте, он обязательно заходит к Чехову, и они подолгу беседуют:

«Ходит ко мне каждый день Бунин» (О.Л. Книппер-Чеховой, 9 сентября 1901 г., Ялта) – [Письма, т.10, стр.75]; «...сегодня у меня обедают двое: Бунин и один прокурор» (О.Л. Книппер-Чеховой, 5 сентября 1901 г., Ялта) – [Письма, т.10, стр.72].

В это же время появляются постоянные адресаты из театральной среды: создатели и руководители Московского Художественного театра Вл.И. Немирович-Данченко и К.С. Алексеев (Станиславский), соученик

Чехова по таганрогской гимназии, артист Московского Художественного театра А.Л. Вишневский.

В этот период у А.П. Чехова появляется и нестоличный собеседник, молодой писатель А.М. Пешков (Горький), которого Антон Павлович очень ценит за самобытность и талант, и общение с которым доставляет ему большое удовольствие.

И еще один нестоличный адресат, соученик А.П. Чехова по таганрогской гимназии, санитарный врач и член Таганрогской городской управы П.Ф. Иорданов становится с 1896 года постоянным собеседником А.П. Чехова. С ним писатель решает деловые вопросы по пополнению книгами городской библиотеки и по организации культурного пространства родного Таганрога.

В эти же годы снижается активность переписки с Л.С. Мизиновой, Е.М. Шавровой, Л.А. Авиловой, Т.Л. Щепкиной-Куперник – женщинами, к которым А.П. Чехов проявлял симпатию и с которыми активно переписывался. Сходит на нет общение с А.С. Сувориным, Н.А. Лейкиным, А.Н. Плещеевым – всеми теми адресатами, которым Антон Павлович ранее отдавал предпочтение.

Начиная с 1896 г. и по 1904 г. растет объем вынужденной деловой переписки с петербургским книгоиздателем и книготорговцем А.Ф. Марксом, с которым в 1899 г. А.П. Чехов заключил договор о продаже ему своих сочинений, и писателем П.А. Сергеенко – посредником в этих делах.

В последние 7 лет жизни у А.П. Чехова появляется множество новых знакомств, связей, но при этом он ни с кем особенно не сближается, предпочитая по-прежнему дружеским отношениям приятельские, более того, этот признак его коммуникативной личности усиливается с годами. Писатель со своими адресатами вежлив, деликатен, участлив, доброжелателен, говорит с ними о литературе, издательских делах, о погоде, о благотворительности,

сообщает о своем здоровье, но никогда не сближается с собеседником настолько, чтобы делиться с ними своими личными переживаниями.

3. ВСТУПЛЕНИЕ В ОБЩЕНИЕ

В этом параметре неизменным остался 1 признак: *игнорирование формального приветствия и допустимость неиспользования начального обращения в письмах.*

Заметно усилился также 1 признак: *использование традиционных начальных обращений как знаков вежливости.*

В общем объеме общения незначительно ослабилось 7 признаков, связанных со стремлением адресанта придать вступлению в контакт больше разнообразия и оригинальности: *широкое варьирование обращений; широкая модификация имени адресата в начальных обращениях; использование неординарных авторских обращений; использование неординарных поздравлений; вступление в контакт с фамильярных извинений-оправданий; вступление в контакт с ироничной самопрезентации; вступление в письменный контакт с сообщения бытовых подробностей своей жизни.*

Сильно ослабилось 2 признака: *вступление в контакт с ироничного комплимента адресату; вступление в контакт с жалобы-самоиронии.*

Полностью исчезли 2 признака: *вступление в письменный контакт с провокационного вопроса; вступление в контакт с благодарности в фамильярной форме.*

Опишем подробнее динамику изменения ослабившихся признаков. В период с 1875 г. по 1897 г. в чеховских письмах встречается множество эмотивных традиционных и окказиональных начальных обращений. Обычно подобная форма вступления писателя в контакт наблюдается в письмах брату Ал.П. Чехову, М.М. Дюковскому, Ф.О. Шехтелю, Л.А. Мизиновой, В.В.Билибину, И.Л. Леонтьеву (Щеглову), Т.Л. Щепкиной-Куперник, И.Н. Потапенко. В последние 7 лет жизни А.П. Чехов почти перестает

применять авторские обращения, кроме некоторых писем брату Александру и 3-х писем М.С. Малкиель (в апреле, мае и июне 1899 г.).

И всё же мы не можем говорить о значительном ослаблении данных признаков. Замечена интересная тенденция: перечисленные коммуникативной признаки, проявленные А.П. Чеховым в общении с большим количеством адресатов до 1897 года в последние годы жизни проявляются в основном в общении с О.Л. Книппер, особенно в период после заключения с ней брака. При вступлении в письменное общение с Ольгой Леонардовной писатель прибегает к широкому варьированию обращений: от традиционных форм до окказиональных, часто сочетая их между собой.

Из традиционных форм Антон Павлович выбирает только эмотивные обращения. В 1900 и 1901 гг. самыми типичными из них является обращение «*Милая моя*» [Письма, т.9, с.106,116,124,128,132,171,176] и его модификация «*Милюся моя*» [Письма, т.9, с.100,102,104,119,124,189,198,204; т.10, с.76]. Встречается масса и других начальных эмотивных обращений: *моя хорошая, славная девочка, моя золотая, ненаглядная, моя радость, светик мой, ангел мой, ангелочек, голубчик, душка*:

«**Милюся моя, Оля, голубчик, здравствуй!**» [Письма, т.9, стр.119];
 «**Миленькая моя, здравствуй!**» [Письма, т.9, стр.229];
 «**Хорошая моя девочка, я теперь в Риме**» [Письма, т.9, стр.198];
 «**«Милая, славная, добрая, умная жена моя, светик мой, здравствуй!**» [Письма, т.10, стр.99].

Замечено, что для А.П. Чехова характерно стремление при вступлении в письменное общение с О.Л. Книппер заменять собственное имя адресата номинативными именами (*актриса, актрисуля, актрисочка, немка, немочка*). Очень часто к подобным обращениям писатель добавляет различные эпитеты (*милая, драгоценная, великолепная, очаровательная, необыкновенная*) [Письма, т.8, с.202, 260-261, 280, 306; т.9, с.7,8,21,45,57,76,86]:

«**Милая, восхитительная актриса, здравствуйте!**» [Письма, т.9, с.86];
 «**Здравствуй, милая, хорошая моя актрисочка**» [Письма, т.9, с.101].

В чеховских письмах в обращениях очень часто встречается добавление к собственному имени жены прозвища или полная замена ее имени прозвищем:

«Собака Олька!» [Письма, т.10, с.17];

«Собачка, милый мой песик, письмо твое только что получил, прочитал его два раза - и целую тебя тысячу раз» [Письма, т.10, стр.67];

«Оля моя хорошая, крокодил души моей!» [Письма, т.9, с.111];

«Дуся моя, суслик, ...» [Письма, т.11, стр.296];

«..., кашалотик, дусик мой!» [Письма, т.12, с.55];

«Милый дусик мой, лошадиная моя собачка,...» [Письма, т.11, с.251];

«Здравствуй, венгерская лошадка, как поживаешь?» [Письма, т.11, с.312];

«Дуся моя насекомая,...» [Письма, т.10, с.207].

Нередко в качестве обращения к жене А.П. Чехов использует термины родства (*жена моя, мамуся, супружница, деточка, бабуся, бабуня*):

«Милая, славная, добрая, умная жена моя, светик мой, здравствуй!» [Письма, т.10, с.99];

«Милюся, мамуся моя дивная,...» [Письма, т.9, с.204];

«..., супружница моя хорошая» [Письма, т.10, с.17];

«..., моя милая бабуня. [Письма, т.9, с.117].

Еще одной характерной особенностью вступления А.П. Чехова в письменное общение с О.Л. Книппер является применение в ряде случаев этикетной формулы приветствия «здравствуй», которую он всегда игнорировал в письмах другим адресатам. Но доля ее в письменном общении с Ольгой Леонардовной не такая большая, поэтому можно считать, что признак «Игнорирование начального приветствия» остается в целом сохранным и неизменным.

В письменном общении А.П. Чехова с О.Л. Книппер в это время наблюдаем широкую вариативность вступления в контакт:

- начало общения с комплиментом адресату:

«Здравствуйте, последняя страница моей жизни, великая артистка земли русской. Я завидую черкесам, которые видят Вас каждый день» [Письма, т.8, с.202];

- начало общения с высокой оценки письма адресата:

«Милая моя, славная моя Оля, актрисочка замечательная, твое последнее письмо, в котором ты описываешь свое путешествие на Воробьевы горы, растрогало меня, оно очаровательно, как ты сама» [Письма, т.9, с.116];

«Милая моя дуся, хорошая, славная девочка, удивительная, сейчас мне принесли с почты твое письмо, которое ты послала еще 11 дек. Письмо чудесное, великолепное и, слава небесам, оно не пропало [Письма, т.9, с. 171-172];

- начало общения с мягкого упрека адресату:

«Миленькая, сегодня уже 26 фев(аля), а от тебя нет писем, нет! Отчего это?»
«Милый мой песик, сегодня нет от тебя письма, а вчера было сердитое, короткое... Ты не в духе? Отчего?» [Письма, т.10, с.72-73];

«Сегодня нет письма от тебя, радость моя. Поэтому я не в духе» [Письма, т.10, с.121-122];

- начало общения со строгого упрека адресату:

«Что же это значит? Где Вы? Вы так упорно не шлете о себе вестей, что мы совершенно теряемся в догадках и уже начинаем думать, что Вы забыли нас и вышли на Кавказе замуж. Если в самом деле Вы вышли, то за кого? Не решили ли Вы оставить сцену? Автор забыт - о, как это ужасно, как жестоко, как вероломно!» [Письма, т.8, с.200];

«Жестокая, свирепая женщина, сто лет прошло, как от тебя нет писем. Что это значит?» [Письма, т.9, с.178-179];

«Жена моя, что это значит? Отчего вот уже второй день я не получаю от тебя писем? Отчего ты не сообщаем мне своего нового адреса? Пишешь, что перебралась на Спиридоновку, а чей дом – неизвестно» [Письма, т.10, с.75-76];

- начало общения со строгого требования:

«Беспутная жена моя, посиди дома хоть одну недельку и ложись спать вовремя! Ложиться каждый день в 3-6 часов утра - ведь этак скоро состаришься, станешь тощей, злой» [Письма, т.10, с.162-163];

- начало общения с признания, что скучает по адресату:

«Милая моя Оля, ангел мой, мне очень, очень, очень скучно без тебя» [Письма, т.9, с.109];

«Милая, славная, великолепная моя актриса, я жив, здоров, думаю о тебе, мечтаю и скучаю оттого, что тебя здесь нет. <...> Страшно скучаю. Понимаешь? Страшно» [Письма, т.9, с.111];

- начало общения с благодарности за подаренное счастье:

«Сегодня, дусик мой, ровно три месяца, как мы повенчались. Я был счастлив, спасибо тебе, моя радость, целую тебя тысячу раз» [Письма, т.10, с.65];

- начало общения с благодарности за письмо:

«Милая собака, ты пишешь мне каждый день, я тебя люблю за это, благохвалю - поступай и впредь так..» [Письма, т.10, с.70];

- начало общения с беспокойства за здоровье адресата:

«Жена моя, Олюша милая, как доехала? Я беспокоюсь, душа не на месте. Твои мозоли, затем эта погода лютая отравили мне сегодня весь день, и я не успокоюсь, пока не получу от тебя письма. Как? Что? Ради бога, пиши, дуся, подробно. Пиши, милая. Погода продолжает быть холодной, скверной, и я рисую, как ты в настоящее

время подъезжаешь к Байдарам, скрюченная от холода и сердитая. Приезжай, дуся, поскорей. Я не могу без жены» [Письма, т.10, с.200].

4. ВЫХОД ИЗ ОБЩЕНИЯ

В данном параметре сохранилось 4 признака: *фактический отказ от этикетной формулы «До свидания» в письмах адресатам; предпочтение завершать письменный контакт с адресатом поклонами третьим лицам вместо прощания; активное использование эпистолярных штампов пожелания вместо прощания; стремление оканчивать письма постскриптумом.*

Несущественно ослабились следующие признаки: *пристрастие подписываться нетрадиционно; предпочтение вместо прощания побуждать адресата к общению; широкое использование эмоционально окрашенных пожеланий вместо прощания; активное использование шуточных пожеланий при прощании в дружеских письмах; частотность шуточной просьбы при выходе из контакта в дружеских письмах; активное использование фамильярных форм выхода из письменного контакта с родственниками; склонность к комплиментарности и флирту при прощании с женщинами; стремление перейти на шуточный регистр общения в постскриптуме.*

Заметно усилился 1 признак: *частотность эпистолярного «рукопожатия» при прощании.*

Существенно ослабились: *стремление давать шуточные медицинские советы при выходе из письменного общения с родственниками и друзьями; широкое употребление шуточных уверений; обыкновение прерывать письменный контакт с адресатом констатацией фактов действительности, не связанных с контекстом письма; обыкновение прерывать контакт с адресатом констатацией собственных желаний, намерений; допустимость и распространенность резкого прерывания контакта.*

Исчез 1 признак: *допустимость жалобы в постскриптуме.*

В целом в указанном параметре отмечаем ту же тенденцию, как и в параметре «Вступление в общение»: ослабление признаков, свидетельствующих о стремлении адресанта уйти от скучного традиционного выхода из общения, желании придать завершению общения шутливую окраску, закончить контакт шутливыми советом, упреком, побуждением, комплиментом, шутливой подписью.

А.П. Чехову всегда было свойственно создавать у собеседника ощущение живого разговора: вставить в постскриптуе какую-то мысль, которая только что пришла в голову или которую хотел выразить, но забыл, так как увлекся другой мыслью, сообщить о какой-то бытовой подробности, о погоде, о каком-либо вспомнившемся человеке, вдруг возникшем желании что-то сделать.

Эта тенденция заметно ослабевает в письменном общении почти со всеми адресатами, кроме брата Александра (а количество писем к нему в последние годы жизни Чехова заметно убавилось) и О.Л. Книппер. Именно в общении с ней ярко высветились все ослабленные коммуникативные признаки. При этом они проявляются настолько ярко, что мы не можем говорить об их существенном изменении. Они продолжает оставаться значимыми в коммуникативном поведении А.П. Чехова.

Данные признаки при общении с Ольгой Леонардовной проявляются в следующем:

- оригинальных подписях:

«Твой мужчинка» [Письма, т.9, с.231];

«Твой Antonio» [Письма, т.10, с.11];

«Твой хозяин Антон» [Письма, т.10, с.60];

«Твой иеромонах Антоний» (т.9, стр.218)

«Твой Тото, отставной лекарь и заштатный драматург» [Письма, т.9, с.180];

«Твой Тото, титулярный советник и кавалер» [Письма, т.9, с.172];

- вербальных проявлениях тактильности при прощании:

«До свиданья, собака! Прощай, собака! Я тебя глажу и целую. Твой влюбленный в Книппиц дуралей» [Письма, т.10, с.11-12];

«Целую тебе обе руки, все 10 пальцев, лоб и желаю и счастья, и покоя, и побольше любви, которая продолжалась бы подольше, этак лет 15. Как ты думаешь,

может быть такая любовь? У меня может, а у тебя нет. **Я тебя обнимаю**, как бы ни было... Твой Тото» [Письма, т.9, с.172-173];

«**Крепко целую тебя и обнимаю до отчаянности крепко. <...> Обнимаю еще раз.** Твой Антоний. Иеромонах» [Письма, т.9, с.193];

«**Целую тебя крепко, до обморока, до ошаления.** Не забывай твоего Antoine» [Письма, т.9, с.116-117];

- пожеланиях при прощании:

«**Приснись мне, дуся! Твой муж Antoine**» [Письма, т.10, с.162];

«Ну, прощай, моя лютераночка, **будь здорова, весела и не худей. Будь полной, краснощекой немкой**». [Письма, т.10, с.17];

«Ну, будьте живеньки, здоровеньки, **актрисища лютая**, желаю Вам здоровья, веселья, денег – всего, чего только желается душеньке Вашей. **Крепко жму руку и кланяюсь в ножки.** Ваш А. Чехов» [Письма, т.8, с.306].

- поклонах при прощании:

«Желаю Вам в самом деле счастья и **кланяюсь Вам в ножки**» [Письма, т.9, с.7];

«Ну-с, жму Вашу руку, низко кланяюсь, **стукаюсь лбом о пол**, многоуважаемая» [Письма, т.8, с.272];

«**Крепко жму руку и кланяюсь в ножки.** Ваш А. Чехов» [Письма, т.8, с.306];

- требованиях не забывать адресанта при прощании:

«Будьте здоровы, счастливы, радостны! **Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я здесь утоплюсь или женюсь на сколопендре.** Целую крепко Вашу руку, крепко, крепко!! Весь Ваш А. Чехов» [Письма, т.8, с.260-261];

«**Крепко тебя целую и обнимаю мою милую бабуся. Не забывай меня. Вспоминай хоть раз в неделю.** Еще раз обнимаю, и еще. Твой Antoine» [Письма, т.9, с.153-154];

«**Будь здорова, дуся моя, актриса отчаянная, не забывай обо мне и люби меня хоть немножко, хоть на копейку**» [Письма, т.9, с.187-188];

- упреках при прощании:

«**Долго еще ты не будешь мне писать? Месяц? Год?** Целую тебя крепко, крепко, моя родная. Господь тебя благословит. Твой Антоний иеромонах» [Письма, т.9, с.210];

«**Ты редко пишешь мне, это я объясняю тем, что я уже надоел тебе, что за тобой стали ухаживать другие. Что ж? Молодец, бабуся!** Целую ручку. Твой Antoine» [Письма, т.9, с.119-120];

«**Ты мне не пишешь. Если ты влюбилась в кого-нибудь, то напиши, чтобы я не смел мысленно целовать тебя и даже обнимать, как делаю это теперь.** Ну, дуся, прощай, до свиданья! Живи, глупенькая, уповай на бога. Не сомневайся. Твой Antoine» [Письма, т.9, с.176-177];

- проявлениях шуточной строгости при прощании:

«Имей в виду, скоро приеду, **веди себя хорошо.** Целую тебя крепко. Твой Antonio» [Письма, т.10, с.11];

«**Говорить тебе, собака, что я тебя люблю, - я не стану. Довольно баловать тебя! Надо держать тебя в строгости, надо грозить тебе, иначе ты не приедешь вовсе или же**

приедешь только на полчаса. Будь здорова, собака. Так и быть уж, обнимаю тебя и целую» [Письма, т.10, с.178-179];

«Итак, жду от тебя письма, моя славная актрисуля, не ленись, бога ради, и не зазнавайся очень. **Помни, что жена да убьется мужа своего.** Твой иеромонах» [Письма, т.9, с.209];

«**Начну хлопотать о разводе, если узнаю, что моя жена ведет себя дурно, мало отдыхает.** Ах, собака, собака!» [Письма, т.10, с.205-206];

- побуждениях к письменному общению при прощании:

«**Умоляю тебя, пиши!** Моя комната и моя постель похожи теперь на дачи, покинутые постояльцами. Целую мою жену бесподобную и обнимаю. Твой немец Антон» [Письма, т.10, с.200].

«Обнимаю тебя, изменница, сто раз, крепко целую тебя. **Пиши, пиши, моя радость, а то, когда женюсь, буду тебя колотить.** Твой старец Antoine» [Письма, т.9, с.229-230];

«**Пиши мне почаще, не скупись. За это я тебя награжу, я тебя буду любить свирепо, как араб.** Прощай, Оля, будь здорова и весела. Не забывай, пиши и почаще вспоминай твоего Antoine» [Письма, т.9, с.104];

«**Пиши мне почаще, твои письма радуют меня всякий раз и поднимают мое настроение, которое почти каждый день бывает сухим и черствым, как крымская земля**» [Письма, т.9, с.108];

- признаниях, что очень скучает по адресату:

«Прощай, мамуся, ангел мой, немочка прекрасная. **Мне без тебя адски скучно.** Твой Antoine» [Письма, т.9, с.102-103];

«**Без тебя я повешусь.** Будь здорова и счастлива, **немочка моя хорошая.** Не хандри, спи крепко и пиши мне почаще. Целую тебя крепко, крепко, четыреста раз. Твой Antonio» [Письма, т.9, с.99];

«Ну-с, будьте здоровы, милая, необыкновенная актриса. **Я по Вас соскучился.** Ваш А. Чехов.!» [Письма, т.9, с.7-8];

- просьбах не забывать адресата:

«**Не забывай меня, ведь я твой муж.** Целую крепко, крепко, обнимаю и опять целую. Постель кажется мне одинокой, точно я скупой холостяк, злой и старый. Пиши!! Твой Antoine. **Не забывай, что ты моя жена, пиши мне каждый день**» [Письма, т.10, с.99-100].

5. УКЛОНЕНИЕ ОТ ОБЩЕНИЯ

Все три признака данного параметра: *допустимость ухода от избыточного или нежелательного общения; использование посредника для объяснения нежелательному собеседнику причин, по которым общение с ним адресанта не может состояться; резко негативная реакция на предложение выступить публично* – в полной мере сохранились и остались неизменным.

6. ИСКРЕННОСТЬ И ОТКРОВЕННОСТЬ В ОБЩЕНИИ

В данном параметре сохранились и остались неизменными 4 признака: *стремление к искренности в общении с родными и близкими людьми; разная степень искренности в выражении очных и заочных оценок творческой деятельности другого лица; низкая степень искренности в оценках своего финансового положения в общении с мало знакомым собеседником; высокая степень искренности в оценках своего финансового положения в общении с хорошо знакомым собеседником.*

Незначительно усилился признак *стремление к откровенности в сообщении бытовых подробностей о своей жизни.*

Незначительно ослабились 2 признака: ***высокая степень откровенности в характеристиках своего физического состояния; низкая степень откровенности в характеристиках своего душевного состояния.***

Появился новый признак: *высокая частотность признаний в любви к жене.*

Остановимся подробнее на коммуникативных признаках, претерпевших изменения.

У молодого А.П. Чехова была довольно высокая степень откровенности в характеристиках своего физического состояния в дружеских письмах разным адресатам.

С 90-х годов этот коммуникативный признак постепенно ослабляется в письменном общении с большинством адресатов, особенно с матерью и сестрой. А.П. Чехов старается не сообщать матери и сестре лишних подробностей о своем ухудшающемся здоровье.

В своем письме брату Александру от 2 апреля 1897 г. Антон Павлович признается, что с 1884 г. у него кровохарканья почти каждую весну, что его будущее представляется неопределенным, иронизирует, что нужно, не откладывая, писать завещание и просит брата не проговориться о его состоянии родным [Письма, т.6, с.323].

В письмах другим адресатам в этом году писатель говорит о своем здоровье с легкой иронией, стараясь не вдаваться в детали и намеренно преуменьшая опасность:

«Здоровье мое ни то, ни се и порядочно-таки мне надоело. Стараюсь о нем не думать и злюсь, когда о нем говорят.» (Е.М. Шавровой-Юст, 28 апреля 1897 г., Мелихово) – [Письма, т.6, с.336];

«Я здоров, но за мной надзирают так тщательно, что ничего больше не остается, как считать себя больным» (Е.М. Шавровой-Юст, 21 апреля 1897 г., Мелихово) – [Письма, т.6, с.336];

«... болезнь моя выражается только тем, что я кашляю по утрам и злюсь» (М.О.Меньшикову, 21 апреля 1897 г., Мелихово) – [Письма, т.6, с.343].

В последующие годы до самой смерти писатель продолжает демонстрировать искренность в рассказах о своем физическом состоянии братьям, отдельным собеседникам, но скрывать истинное положение дел в письмах маме и сестре.

Так, в письме сестре от 12 (24) ноября 1897 г. А.П. Чехов пишет из Ниццы, что с его здоровьем все хорошо, а 14 (26) ноября признается в письме А.А. Хотяинцевой:

«Здоровье мое ничего себе; прыгаю помаленьку, Вашими молитвами, и не жалуясь. Третьего дня прекратилось кровохарканье, которое продолжалось 3 недели - шутка сказать! – **кровь шла понемногу, но подолгу, самочувствие же было великолепное, так что я махнул рукой на кровь и вполне искренно писал домой, что я здоров вполне. (Не пишите Вы туда ничего о моем здоровье, кстати сказать)**» – [Письма, т.7, с.100-101].

Также 7 марта 1901 г. из Ялты Антон Павлович пишет сестре, что всё благополучно [Письма, т.9, с.221], а 8 марта сообщает А.Б. Тараховскому и двоюродному брату Г.М. Чехову, что уже дней десять кашляет неистово [Письма, т.9, с.221, 222].

В письмах другим адресатам Антон Павлович также признается, что скрывает состояние своего здоровья от родных:

«У меня пять дней было кровохарканье, и вот только сегодня отпустило. **Но это между нами, не говорите никому. Я совсем не кашляю, температура нормальна, и моя кровь пугает других больше, чем меня, – и потому я стараюсь кровохаркать тайно от своих**» (А.С. Суворину, 29 ноября 1898 г., Ялта) – [Письма, т.7, с.347].

Стараясь избежать подробностей в сообщениях о своем физическом состоянии, А.П. Чехов очень часто в письмах разным адресатам использует

одну и ту же формулу – «я жив, почти здоров» [Письма, т.9, с.14, 17], или в один и тот же день может повторить одну и ту же ироническую фразу:

«Ноги у меня уже совсем не болят, я хорошо сплю, великолепно ем, только одышка – от эмфиземы и сильнейшей худобы, приобретенной в Москве за май. **Здоровье входит не золотниками, а пудами**» (П.И. Куркину, 12 (25) июня, 1904 г., Баденвейлер) – [Письма, т.12, с.120];

«Здоровье мое поправляется, входит в меня пудами, а не золотниками. Ноги уже давно не болят, точно и не болели, ем я помногу и с аппетитом; осталась только одышка от эмфиземы и слабость от худобы, приобретенной мною за время болезни» (В.М.Соболевскому, 12 (25) июня, 1904 г., Баденвейлер) – [Письма, т.12, с.121];

Здоровье входит в меня не золотниками, а пудами. По крайней мере, я научился здесь, как питаться. Кофе запрещают мне совершенно, говорят, что он слабительное. Яйца уже начинаю есть понемногу» (М.П. Чеховой, 12 (25) июня, 1904 г., Баденвейлер) – [Письма, т.12, с.122].

В письмах многим адресатам писатель старается говорить о своём негативном самочувствии с самоиронией:

«Я живу себе помаленьку. **Бациллы ведут себя прилично, не либеральничают;** по крайней мере, в моих плевках давно уже не было красного...» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову)), 19 января, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.15];

«Вы не написали, как живете, как Ваше здоровье. Утомились? **А я все сижу на одном месте, покашливаю и бегаю в ватерклозет, извините за выражение, по 5 раз в день - minimum. Игра природы. Если, когда я буду в Москве, будете у нас обедать, то, пожалуйста, не смейтесь**» (А.Л. Вишневному, 7 ноября, 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.299];

«Милая Книппуша, собака моя, здравствуй! <...> У нас дожди, сыро. Не выхожу. **Зато часто бегаю в W. – все-таки гимнастика**» (О.Л. Книппер-Чеховой, 10 ноября, 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.304].

Ослабление коммуникативного признака «Низкая степень откровенности в характеристиках своего душевного состояния» ведет к появлению у А.П. Чехова нового признака, проявляющегося исключительно в общении с О.Л. Книппер. Своей жене он почти в каждом письме пишет о своих чувствах. Никому раньше А.П. Чехов в письменном общении открыто не признавался в любви:

«Дуся моя, ангел, собака моя, голубчик, умоляю тебя, верь, что я тебя люблю, глубоко люблю; не забывай же меня, пиши и думай обо мне почаще. Что бы ни случилось, хотя бы ты вдруг превратилась в старуху, я все-таки любил бы тебя - за твою душу, за нрав. Пиши мне, песик мой! Береги твое здоровье. Если заболеешь, не дай бог, то бросай всё и приезжай в Ялту, я здесь буду ухаживать за тобой. Не утомляйся, деточка» [Письма, т.10, с.99-100];

«Ты пишешь: "ведь у тебя любящее, нежное сердце, зачем ты делаешь его черствым?" А когда я делал его черствым? В чем, собственно, я выказал эту свою черствость? Мое сердце всегда тебя любило и было нежно к тебе, и никогда я от тебя

этого не скрывал, никогда, никогда, и ты обвиняешь меня в черствости просто так, здорово живешь. По письму твоему судя в общем, ты хочешь и ждешь какого-то объяснения, какого-то длинного разговора – с серьезными лицами, с серьезными последствиями; а я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е. что я тебя люблю – и больше ничего. Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству» [Письма, т.9. с.124-125].

Как было уже отмечено выше, коммуникативный признак *стремление к откровенности в сообщении бытовых подробностей о своей жизни* в последние годы жизни у А.П. Чехова усилился. Писателю даже стало свойственно повторять одни и те же бытовые подробности в письмах разным адресатам:

«Я завел себе мышеловку новой конструкции и ловлю мышей - единственный спорт, доступный для меня в настоящее время» (П.И. Куркину, 23 декабря 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с. 334];

«Кстати сказать, я ни за кем здесь не ухаживаю; нет ни одной живой души! Чтобы развлечь себя хотя немножко, придумал для себя особый спорт: завел мышеловку новой конструкции и ловлю мышей!» (Е.М. Шавровой-Юст, 27 декабря 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с. 338];

«От нечего делать ловлю мышей и пускаю их на пустопорожнее место Мандражи. (Е.Я. Чеховой, 24 сентября 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, стр.123];

«... у тебя очень много материала для писем, хоть отбавляй, у меня же ничего, кроме разве одного: сегодня поймал двух мышей» (О.Л. Книппер, 27 сентября 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, стр.124].

Подобная особенность коммуникативного поведения писателя, видимо, связана с тем, что в Ялте его не покидало чувство скуки и покинутости.

В общении с А.П. Чехова с женой указанный коммуникативный признак проявляется еще ярче. В чеховских письмах находим множество примеров, где писатель дает подробный отчет своей супруге о том, в каком состоянии его тело, волосы, борода, одежда, как он проводит день, как спит, с кем обедает:

«Сегодня я остригся, мыл голову, подстриг бородку, гулял по набережной, потом обедал дома вместе с д-ром Реформатским» [Письма, т.10, с.72];

«Сплю прекрасно, хотя страшно скучно спать одному (привык!), ем много, говорю целый день с гостями. Кефир пью каждый день, со вкусом, "кишечки" пока ничего себе, шеи одеколоном не вытираю - забыл. Вчера мыл голову. <...> Видишь, какой я муж: пишу тебе каждый день, исправнейшим образом» [Письма, т.10, с.67];

«Оля, жена, поздравь меня: я остригся!! Вчера чистили мне сапоги - это в первый раз после моего приезда. Платье не было еще в чистке. Но зато я каждый день меняю галстук и вчера мыл себе голову» [Письма, т.10, стр. 103];

«Да, дуся моя, радуйся и торжествуй: я остригся, о чем уже и сообщал тебе. Зубы твоим мылом чищу и вспоминаю тебя каждый раз. Ем отменно. [Письма, т.10, с.112];

«Сегодня Марфуша чистила мой пиджак и пришила пуговицу» [Письма, т.10, с.122];

«А бани здесь нет, мыться негде! Мою одну только голову» [Письма, т.10, с.125];

«Вчера мыл голову спиртом» [Письма, т.10, с.71].

Подобные бытовые отчеты А.П. Чехова нередко приобретают окраску упрека в адрес жены, что о нем никто не заботится:

«Сапоги желтые, о которых ты спрашиваешь, не чищены с того дня, как я проводил тебя. И меня никто не чистит. Хожу весь в пыли, в пуху и в перьях» [Письма, т.9, с.100];

Сегодня я не чистил своего платья – вот уже чувствуется твое отсутствие. И сапоги тоже не чищены. Но ты не волнуйся, я распоряджусь, и Маша распорядится, всё будет чиститься» [Письма, т.10, с.60];

«Меня чистят каждый день, но не так, как при тебе... Арсений чистит, уже вернувшись из города; надо снимать платье (пиджак) и отдавать ему, это неинтересно и потому происходит не ежедневно» [Письма, т.10, с.70].

7. ДЕЛИКАТНОСТЬ ОБЩЕНИЯ

Все признаки данного параметра: *реакция на неделикатность посетителя вежливой сдержанностью; деликатное пристыживание адресата в качестве реакции на его необязательность; отсутствие стремления монополизировать разговор; ровность в общении с людьми разных возрастов, рангов, профессий и сословий; мягкость в споре – сохраняются и остаются неизменными.*

В то же время появился новый признак: *сильная негативная реакция на невыполнение обещаний и обязательств другими людьми.*

Данный коммуникативный признак проявляется у А.П. Чехова в обсуждении с адресатом необязательных третьих лиц. У писателя всегда было негативное отношение к этому качеству личности. Однажды в письме Лике Мизиновой А.П. Чехов в полушутку так написал о своем отношении к данному слову:

«Ну будьте здоровы, блондиночка. В другой раз не злите меня Вашей ленью и, пожалуйста, не вздумайте оправдываться. **Где речь идет о срочной работе и о данном слове, там я не принимаю никаких оправданий. Не принимаю и не понимаю их**» (Л.С. Мизиновой, 27 и 30 июля 1892 г., Мелихово) – [Письма, т.5, с.98].

В последние же годы жизни у А.П. Чехова появилась болезненная реакция на людей, которые не выполняют обязательства и подводят других.

Если это деловые партнеры, то писатель разрывает с ними отношения:

«От "Скорпиона" получил корректуру, но **в крайне неряшливом виде**, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует "Скорпион" о своей книге тоже неряшливо, выставляя меня первым – и я, прочитав это объявление в "Русск(их) ведом(остях)", дал себе клятву **больше уже никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами**». (И.А. Бунину, 14 марта 1901 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.228].

8. ТЕМАТИКА ОБЩЕНИЯ

В данном параметре остается неизменным 1 признак: *интерес к медицинской тематике преимущественно как источнику естественно-научных знаний и материала для писательской деятельности*.

Значительно усиливаются 7 признаков: *повышенный интерес к литературной, тематике общения; интерес к театральной тематике общения; интерес к культурной тематике общения; интерес к природной и географической тематике общения; частотность тем о благотворительности; частотность подробных описаний своего жилища и быта в нем; частотность подробных описаний своего плохого физического состояния*.

Несущественно ослабляется 1 признак: *частотность описаний своего времяпровождения*.

Появляются 2 новых признака: *заметный интерес к политике и готовность ее обсуждать; частотность обсуждения собственного настроения, состояния, трудоспособности*.

Остановимся подробнее на коммуникативных признаках, претерпевших изменения.

Тенденция обсуждения литературной и театральной тематики заметно усиливается: А.П. Чехов много пишет о литературе, театре, дает советы театральным деятелям, издателям, пишет и говорит о своей оценке литературных произведений и их авторов. Он хвалит и критикует произведения своих адресатов – развернуто, подробно, длинно, дает оценки

произведениям и конкретные советы литераторам – убрать главу, сократить конец, объединить героев.

В этот период А.П. Чехов много пишет о личности А.М. Горького его творчестве. Театральным режиссерам и актерам он дает советы, как играть тех или иных персонажей.

Антон Павлович тревожится о том, как проходит процесс написания его пьесы «Три сестры», выражает беспокойство по поводу ее репетиций и постановки. Писем на эту тему очень много, самое большое количество в это время: с января 1900 г. по сентябрь 1901 года Чехов написал об этом более 60 писем. Также много писем посвящено пьесе «Вишневый сад»: с января 1902 по ноябрь 1903 года – более 30 писем.

Частота обсуждения тематики погоды в общении А.П. Чехова усиливается, писатель очень внимателен к погоде и считает необходимым описывать погоду в большинстве своих писем. Антону Павловичу даже приходится извиняться и оправдываться перед адресатом, что надоедает ему своими сообщениями о погоде [Письма, т. 10, с. 172], но в следующих письмах в прямой или в косвенной формах просит разрешения опять писать о погоде [Письма, т. 10, с. 178, 183].

Хотя погода стала характеризоваться в переписке А.П. Чехова чаще, чем раньше, характеризуется она при этом чисто объективно и кратко – например, что она *летняя, изменилась, испортилась, холодная; сегодня жарко, сухо, тихо, тепло, туманно, ярко светит солнце* и др.:

«Жарко, тихо, сухо, пыльно» (М.П. Чеховой, 6 июня 1897 г., Мелихово) – [Письма, т. 7, с.7];

«Небо облачно, ожидается дождь» (М.П. Чеховой, 11 июня 1897 г., Мелихово) – [Письма, т. 7, с.11];

«Лупит дождь. Холодно» (А.И. Сувориной, 11 (21) сентября 1897 г., Биарриц) – [Письма, т.7, с.46];

«В Ялте туман, но тепло. Ночи лунные» (Н.М. Ежову, 21 ноября 1898 г., Ялта) – [Письма, т.7, с.338].

Личная оценка погоды – *отвратительная, приятная, великолепная, очаровательная, изумительная* и др., а также авторские эмоциональные

характеристики фиксируется заметно меньше, чем раньше. Стало мало развернутых, экспрессивных описаний природы и погоды.

К оценке погоды А.П. Чехову становится свойственно добавлять подробную информацию о том, в чем одеты люди, в чем ходит он сам, какие цветут растения, какое море и т.д. В этот период заметно стремление писателя передать как можно больше подробностей в максимально краткой форме:

«Здесь очень тепло и солнечно. Комары кусаются жестоко. Море. Пальмы. Эвкалипты. Олеандры. Женщины. Апельсины. Здоровье превосходно» (О.Г. и Мих.П. Чеховым, 7 октября 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.58];

«Тепло, солнце яркое, море ласковое; хожу в соломенной шляпе, без пальто» (В.А.Гольцеву, 18 (30) октября 1897 г. Ницца) – [Письма, т.7, с.78];

«Погода в Ялте совершенно летняя, +26. Жарко. Цветы и розы. Сегодня я ходил в летнем пальто. Море как зеркало. Вот тебе и зима» (И.П. Чехову, 16 ноября 1898 г., Ялта) – [Письма, т. 7, с.334].

Интересно, что писатель стал гораздо реже, чем раньше писать о влиянии погоды на его настроение.

Что касается географической тематики, то в последние 7 лет его жизни у А.П. Чехова заметно участилось обсуждение впечатлений о городах (Ялта, Петербург, Москва, городах Крыма, Ницца, Берлин), регионах (Крым), странах (Франция, Италия, Германия), много стало наблюдений над русскими за границей.

Тенденция описаний своего времяпровождения в общем объеме общения несущественно ослабевает, но в письмах к жене остается сохранной. Описания времяпровождения в письмах О.Л. Книппер приобретают вид подробных отчетов.

Тенденция обсуждения А.П. Чеховым проблем, связанных с благотворительностью, сохраняется и заметно усиливается.

Сохраняется и усиливается тенденция обсуждать темы дома, сада, бытовые проблемы. Появляются многочисленные письма с подробным описанием различных домов, дач, комнат, удобств и неудобств проживания, степени благоустройства жилища.

Продолжает активно развиваться такая тенденция, как обсуждение А.П.Чеховым его сада и его личных успехов в садоводстве.

При этом одни и те же бытовые сведения и оценки практически в одних и тех же выражениях рассылаются писателем десяткам адресатов, что подчеркивает важность для него данной темы, его озабоченность данными проблемами и готовность их обсуждать.

Усиливается тенденция к обсуждению с адресатами темы своего здоровья.

Перейдем к рассмотрению новых коммуникативных признаков, появившихся в последние годы жизни А.П. Чехова. Так, новый коммуникативный признак «Заметный интерес к политике и готовность ее обсуждать» отражает изменение степени вовлеченности писателя в политику.

М. Горький отмечает, что А.П. Чехову не нравились разговоры на высокие темы, он не любил обсуждать острые и больные вопросы русской действительности [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.443]. Большинство современников также указывают, что Антон Павлович не переносил разговоров о политике:

«К политике Чехов относился равнодушно, пренебрежительно, даже можно сказать – немножко брезгливо. Он не любил заостренных политических людей, редко бывал в домах, где мог встретить их, услышать интеллигентские споры о политике» (С.Я. Елпатьевский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.563];

«В политических разногласиях Чехов не разбирался, вернее, не хотел разбираться. Улучшения жизни он ожидал от того, что лежит глубже этих разногласий» (В.А. Поссе) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.458];

«Не легко было вызвать Чехова на сколько-нибудь продолжительный разговор, который позволил бы составить себе понятие об его отношении к русской действительности. Но по временам это мне удавалось. <...> Чехова мало интересовали вопросы о преимуществе республики или монархии, федерального устройства и парламентаризма. Но он желал видеть Россию свободной, чуждой всякой национальной вражды, а крестьянство – уравненным в правах с прочими сословиями, призванным к земской деятельности и к представительству в законодательном собрании» (М.М.Ковалевский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.362-363];

«Приходилось говорить и о тех конфликтах, которыми полна русская жизнь, и о тех острых и больных вопросах, которые давно стоят перед русскою жизнью в их строгой повелительности, но разговор о них недолго продолжался. Лицо его делалось усталым и скучным, говорил он слова скучные и утомительные, приводил какой-нибудь случай из деревенской или обывательской жизни, характеризующий жестокость и некультурность этой жизни, иногда приводил свои заграничные впечатления и охотно переходил на

другие темы, и было видно, что ему скучно говорить и хочется уйти от надоедливой темы» (С.Я. Елпатьевский) – [А.П.Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.558].

Однако современники также отмечают, что впоследствии у А.П. Чехова появился живой интерес к политике, и даже его любимая тема литературы ушла на второй план. Пробуждение политического интереса в письмах Чехова наблюдаем с 1897 г., когда во Франции возникло так называемое «Дело Дрейфуса», которое началось в 1894 году и длилось несколько лет. Это дело получило большой резонанс и в России. Большая часть русской интеллигенции вовлеклась в обсуждение правомерности военного суда над капитаном французской армии Альфредом Дрейфусом, обвиненным в шпионаже в пользу Германии. Самая сильная волна интереса к этому политическому делу поднялась в 1896-1898 гг., когда стали всплывать новые факты, подвергающие сомнению виновность Дрейфуса. Когда А.П. Чехов в 1897 году приехал во Францию, чтобы поправить здоровье, там как раз происходило бурное обсуждение «Дела Дрейфуса». Французское общество было расколото на дрейфусаров и антидрейфусаров. В числе последних были в основном националисты, антисемиты и почти все военные. За Дрейфуса выступили многие известные представители французской литературной и художественной интеллигенции разных взглядов, в том числе и Э.Золя, чьей гражданской позицией Чехов неоднократно восхищался в своих письмах. Став на сторону дрейфусаров, А.П. Чехов настолько заинтересовался этим делом, что читал французские газеты и протоколы суда. Он даже нанял себе в Ницце учительницу французского языка, чтобы ничего не пропустить в иностранных текстах и лучше их понимать. В общении с адресатами А.П.Чехов посвящает очень много времени «Делу Дрейфуса»: в 1897-1898 годах в письмах писателя находим как короткие, часто эмоциональные комментарии, так и подробные рассуждения на эту тему.

Из Ниццы Чехов пишет объемные письма А.С. Суворину, издателю газеты «Новое время», в которых не соглашается с мнением газеты, занявшей позицию против Дрейфуса.

В девятисотые годы интерес писателя к политике еще больше возрастает. Видимо, возбужденное состояние российского общества передалось и ему. Если раньше он читал в газетах статьи на темы культуры и литературы, выискивал какие-либо интересные сведения о жизни обывателей, то теперь он искал информацию о политических событиях, происходящих в стране и за рубежом, часто звонил друзьям и знакомым, и говорил, что ему безотлагательно нужно знать, что происходит в политической жизни Москвы и Петербурга. Современники отмечают, что у Чехова девятисотых годов даже изменились жесты, появились новые интонации:

«И вот пришло время, не стало прежнего Чехова... И случилось это как-то вдруг, неожиданно для меня. Поднимавшаяся русская волна подняла и понесла с собой и Чехова. Он, отвертывающийся от политики, весь ушел в политику, по-другому и не то стал читать в газетах, как и что читал раньше. Писсимистически и, во всяком случае, скептически настроенный Чехов стал верующим. Верующим не в то, что будет хорошая жизнь через двести лет, как говорили персонажи его произведений, а что эта хорошая жизнь для России продвинулась вплотную, что вот-вот сейчас перестроится вся Россия по-новому, светлому, радостному... И весь он другой стал – оживленный, возбужденный, другие жесты явились у него, новая интонация послышалась в голосе» (С.Я. Елпатьевский) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.564-565].

У В.В. Вересаева, встретившегося с Чеховым весной 1903 г., тоже возникли похожие впечатления:

«Для меня был очень неожидан острый интерес, который Чехов проявил к общественным и политическим вопросам. Говорили, да это чувствовалось и по его произведениям, что он человек глубоко аполитический, общественными вопросами совершенно не интересуется, при разговоре на общественные темы начинает зевать. <...> **Теперь это был совсем другой человек:** видимо революционное электричество, которым в то время был перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова. **Глаза его загорались суровым негодованием, когда он говорил о неистовствах Плеве, о жестокости и о глупости Николая II»** (В.В. Вересаев) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.601].

Перемены в настроении А.П. Чехова отмечал и Е.П. Карпов, встретившийся с ним в Москве в июне 1902 г. у В.Ф. Комиссаржевской:

«– Написали что-нибудь для театра? – спросила Вера Федоровна.

– Да, пишу... – нехотя, конфузливо улыбаясь, ответил Антон Павлович. – Пишу не то, что надо. Не то, что хотелось бы писать... Нудно выходит... Совсем не то теперь надо...

– А что же?

– Совсем другое надо... Бодрое... Сильное. Пережили мы серую канитель... Поворот идет... Круто повернули...

– Разве пережили? Что-то не похоже... – усомнился я.

– Пережили... уверяю вас... – убежденно сказал Антон Павлович. – Здесь в Москве, да и вообще в столицах это не так заметно... У нас на юге волна сильно бьет... В народе сильное брожение. Я недавно беседовал с Львом Николаевичем. И он тоже видит... А он старец прозорливый...

Гудит, как улей, Россия. Вот вы посмотрите, что будет года через два-три... Не узнаете России... – Антон Павлович оживился, встал с дивана, заложил одну руку в карман, стал ходить по комнате.

– Вот мне хотелось бы поймать это бодрое настроение... Написать пьесу... Бодрую пьесу... Может быть, и напишу... Очень интересно... Сколько силы, энергии, веры в народе... Прямо удивительно!...» [Чехов в воспоминаниях современников 1954, с.571-572].

Чехов размышляет о роли писателя в политике, сочувственно относится к студенческим волнениям в крупных университетах, просит адресатов уточнить информацию о подозрительных личностях-шпионах в студенческой среде [Письма, т.10, с.199, 201-202], реагирует на нарушение прав человека в отношении студентов, говорит об ужесточившейся цензуре.

Его живо интересуется начавшаяся война с Японией. Интерес Чехова к войне настолько высок, что он читает все газеты, собирает из них вырезки и побуждает адресатов к чтению заинтересовавшего его материала:

«Дуся, в "Русских вед(омостях)" чудесно излагается война, особенно морская, неким В. М. Ты приучи себя, читай ежедневно и скоро войдешь во вкус. В. М., как оказывается, это не моряк-адмирал, как я думал, а простой думский статистик, с детства помешавшийся на флотах и знающий все флоты в свете, во всех мельчайших подробностях. Он гадает - и выходит верно. Ну, кашалотик мой, собачка серенькая, глажу тебя, обнимаю, целую. Твой А.» (О.Л. Книппер-Чеховой, 8 марта 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.58];

«Если будет что интересно в газетах, то вырежи ножницами и пришли. "Русь" я получаю, "Новое время" тоже - и больше никаких газет петербургских» (О.Л. Книппер-Чеховой, 1 апреля 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.77];

«Вырезывай из газет статьи и присылай или присылай газеты, не вырезая, под бандеролью с 2-х коп. маркой. Поняла?» (О.Л. Книппер-Чеховой, 7 апреля 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.79];

«Дорогой Константин Сергеевич, большое Вам спасибо за газетные вырезки, я получил уже три пакета. Читаю с удовольствием» (К.С. Алексееву (Станиславскому), 14 апреля 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.87];

«Мы все интересуемся пока одной только войной и думаем только о ней. Я выписал даже "Правительственный вестник"» (А.И. Зальца, 18 марта, 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.64-65];

Писатель хочет знать все подробности о войне. Его включенность в тему настолько велика, что он, несмотря на ухудшающееся здоровье, хочет

отправиться на войну врачом, чтобы видеть всё своими глазами. О своем намерении он сообщает разным адресатам:

«Если в конце июня и в июле буду здоров, то поеду на войну, буду у тебя проситься. Поеду врачом». (О.Л. Книппер-Чеховой, 12 марта 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.61-62].

«Если буду здоров, то в июле или августе поеду на Дальний Восток не корреспондентом, а врачом. Мне кажется, врач увидит больше, чем корреспондент. Вчера получил я из Владивостока письмо от одного жизнерадостного молодого человека - писателя; ехал он во Владивосток весело, а там вдруг почувствовал отчаяние» (А.В.Амфмтиатрову, 13 апреля 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.85].

Еще один новый коммуникативные признак – *частотность обсуждения собственного настроения, состояния, трудоспособности* – также требует подробного рассмотрения.

В период жизни в Ялте с 1898 г. по 1904 г. А.П. Чехов очень много пишет о том, как он оценивает свое настроение, состояние, трудоспособность. В основном это негативные оценки. Писатель часто пребывает в подавленном состоянии из-за того, что оторван от привычной и наполненной жизни в столице, вынужден все время переезжать из одного места в другое:

«Я, по-видимому, уже не человек, а блуждающая почка. Судите сами: 20-го июля я уехал на Кавказ, оттуда в Крым, в начале августа возвратился в Москву, а в среду опять уезжаю в Крым, где останусь, вероятно, на всю осень и даже зиму. В Москве отвратительная, мрачная погода, и холодно, и сыро, мне нездоровится, надо торопиться с отъездом, хотя уезжать совсем не хочется. **Доколе я буду так блуждать, когда войду в свою колею и стану вновь оседлым человеком** - ведомо одному аллаху. (М.О.Меньшикову, 22 августа, 1899 г., Москва) – [Письма, т.8, с.247];

«А Вы-то зачем хандрите? Зачем хандрите? Вы живете, работаете, надеетесь, пьете, смеетесь, когда Вам читает Ваш дядя, - чего же Вам еще? Я – другое дело. Я оторван от почвы, не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить; я люблю шум и не слышу его, одним словом, я переживаю теперь состояние пересаженного дерева, которое находится в колебании: приняться ему или начать сохнуть? Если я иногда позволю себе пожаловаться в письме на скуку, то имею на то некоторое основание, а Вы? И Мейерхольд тоже жалуется на скуку жизни. Ай-ай!» (О.Л. Книппер-Чеховой, 10 февраля, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.45];

«Живешь тут, точно сидишь в Стрельне, и все эти вечнозеленые растения, кажется, сделаны из жести, и никакой от них радости. И не видишь ничего интересного, так как нет вкуса к местной жизни. (М.В. Соболевскому, 19 января, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.17].

В письмах А.П. Чехова все чаще появляется слово «скука». Живя в Ялте, писатель в большинстве своих писем позволяет себе жаловаться на скуку

разным адресатам. В письме М. Горькому он объясняет возникновение своего состояния не экзистенциальными причинами, а необходимостью жить в глухой провинции:

«Мне скучно не в смысле Weltschmerz, не в смысле тоски существования, а просто скучно без людей, без музыки, которую я люблю, и без женщин, которых в Ялте нет. Скучно без икры и без кислой капусты» (А.М. Пешкову (М. Горькому)), 15 февраля, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9. с.53].

И во многих письмах другим адресатам Чехов пишет, что он скучает по Москве и москвичам, по колокольному звону, который он так любил, по своим добрым знакомым, по умным и красивым женщинам, которых нет в Ялте, по театрам, ресторанам, по московским газетам, по разговорам о литературе [Письма, т.7, 344, 347; т.8: с.18, 45, 83; т.9: с.14].

Писатель жалуется на отсутствие в Ялте интересных собеседников:

«Какое здесь тусклое общество, какие неинтересные люди, батюшки мои! Нет, нельзя разрываться с Москвой навсегда» (М.П.Чеховой, 4 февраля, 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.74];

«Живется мне скучновато, неинтересно; публика кругом досадно неинтересна, ничем не интересуется, равнодушна ко всему» (О.Л.Книппер-Чеховой, 27 февраля, 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.49].

Его не устраивает постоянная праздность, царящая в Ялте :

«Ты заработался, я же подавлен праздностью. Я теперь подобен заштатному городу, в котором застой дел полнейший. <...> От праздности я так же коченею, как ты от холода» (Вл.И. Немировичу-Данченко, 8 февраля, 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8. с.82];

«Читаю усердно "Figaro" и "Temps", сажаю деревья, гуляю, и мне кажется, что моя праздность и весна продолжают уже шестьдесят лет и что не мешало бы теперь на север. Скучна роль человека не живущего, а проживающего "для поправления здоровья"; ходишь по набережной и по улицам, точно заштатный поп» (А.С.Суворину, 2 апреля, 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.143].

Чехов делится с адресатами своим изменившимся ощущением времени:

«Здесь, в благословенной Ялте, без писем можно было бы околотить. Праздность, дурацкая зима с постоянной температурой выше ноля, совершенное отсутствие интересных женщин, свиные рыла на набережной - всё это может изгадить и износить человека в самое короткое время. **Я устал, мне кажется, что зима тянется уже десять лет»** (А.М. Пешкову (М. Горькому)), 3 февраля, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.40];

«Мое здоровье недурно, я чувствую себя лучше, чем в прошлом году, но всё же доктора не пускают меня из Ялты. **А этот милый город надоел мне до тошноты, как постылая жена. Он излечит меня от туберкулеза, зато состарит лет на десять»** (А.С.Суворину, 8 января, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.10];

«Лица, мне в Ялте очень скучно. **Жизнь моя не идет и не течет, а влачится»** (Л.С. Мизиновой, 29 января, 1900 г., Ялта) – [П., т.9: с.45];

«**Ни одна зима не тянулась для меня так долго, как эта, и только тянется время, а не движется**, и теперь я понимаю, как я глупо сделал, оставив Москву. Я отвык от севера и не привык и югу, и ничего теперь не придумаешь в моем положении, кроме заграницы. После весны началась здесь в Ялте зима; снег, дождь, холодно, грязно - хоть плюнь» (А.С. Суворину, 10 марта, 1900 г., Ялта) – [Письма, т.9, с.70].

Чехов часто очень эмоционален в оценках своего настроения и состояния. Он не устает повторять своим адресатам, что ему невыносимо скучно и неинтересно жить в провинции, «хоть караул кричи» [Письма, т.8, с.88, 147], что ему приходится делать усилие над собой, чтобы не роптать на судьбу [Письма, т.8, с.67, 339], что он «точно армейский офицер, заброшенный на окраину» [Письма, т.8, с.76], «выброшен за борт» [Письма, т.9, стр.26], что жизнь проходит мимо него [Письма, т.11, с.303], что он как в тюрьме, в ссылке, что близок к тому, чтобы спиться, покончить с жизнью или жениться, что для Чехова часто кажется одним и тем же:

«У меня нет книг, мне нечего читать, **я каменею от скуки - и кончится тем, что брошусь с мола в море или женюсь**» (Е.М. Шавровой-Юост, 28 ноября 1898 г., Ялта) – [Письма, т.7, с.344];

«Между тем мне ужасно хочется в столицу, ужасно! Я здесь соскучился, стал обывателем и, по-видимому, уже близок к тому, чтобы сойтись с **рябой бабой, которая бы меня в будни била, а в праздники жалела**. Нашему брату не следует жить в провинции» (В.А. Тихонову, 5 января 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.16];

«**Я в Ялте, в ссылке, быть может, и прекрасной, но всё же ссылке. Жизнь проходит скучно. <...> Право, мне здесь скучно, а без писем можно повеситься, научиться пить плохое крымское вино, сойтись с некрасивой и глупой женщиной**» (Г.И. Россолимо, 11 октября 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.284];

«Два или три зимних месяца буду проживать в Москве - так я решил. **Погибнуть от сурового климата гораздо достойнее, чем от провинциальной скуки, которую я испытываю вот уже два года, с того дня, как доктора отправили меня в ссылку**» (М.М. Зензинову, 5 апреля 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.147];

«Милая, славная моя Книппшиц, я не удерживал тебя, потому что **мне в Ялте противно** и потому что была мысль, что всё равно скоро увижусь с тобой **на свободе**» (О.Л. Книппер, 22 апреля 1901 г., Ялта) – [Письма, т.10, с.14].

С 1897 г. в письмах А.П. Чехова увеличивается количество негативных оценок собственной трудоспособности. Это происходит, видимо, из-за того, что заканчивается оседлая жизнь писателя, он вынужден по состоянию здоровья менять климат, переезжая с места на место: в холодные месяцы – на юг, а в жаркие месяцы – на север.

Самое большое количество писем с негативными оценками своей трудоспособности приходится на период проживания за границей, в Ницце, с октября 1897 г. по март 1898 г., и на период проживания в Ялте, особенно в холодные месяцы, начиная с поздней осени 1898 г. и по 1904 г.

В эти периоды Чехов часто жалуется, что ему пишется с трудом. В Ницце писателю мешают хорошая погода, лень, сытость, праздность, характерная для любого курорта, и отсутствие привычного рабочего места. Писатель часто говорит, что ему неудобно работать «на чужой стороне за чужим столом», у него чувство, что он «подвешен за одну ногу»:

«Здесь работать можно, но чего-то не хватает, и когда работаешь, то испытываешь неудобство, точно повешен за одну ногу» (А.С. Суворину, 24 ноября (6 декабря) 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.104];

«Работаю, к великой своей досаде, недостаточно много и недостаточно хорошо, ибо работать на чужой стороне за чужим столом неудобно; чувствуешь себя так, точно повешен за одну ногу вниз головой. Работаю мало, быть может, и оттого, что много ем. <...> И кажется, что ешь непрерывно, для писания же нужно прежде всего избегать сытости» (М.П. Чеховой, 25 ноября (7 декабря) 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.106];

«Много сюжетов, которые киснут в мозгу, хочется писать, но писать не дома – сущая каторга, точно на чужой швейной машине шьешь» (М.П. Чеховой, 14 (26) декабря 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.122];

«Здесь великолепная погода, одно сплошное очарование. Тепло, даже жарко; небо голубое, яркое, море сверкает, фруктовые деревья цветут. Хожу в соломенной шляпе, без пальто. **Я обленился, как араб**, и ничего не делаю, решительно ничего, и глядя на себя и на других русских, всё больше убеждаюсь, что **русский человек не может работать и быть самим собой, когда нет дурной погоды**. (А.С. Суворину, 13 (25) марта 1898 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.184-185];

«Хуже всего, конечно, то, что повесть моя для "Русской мысли" еще не готова и я не знаю, когда я ее кончу. **Как я уже писал, для работы здесь обстановка самая неподходящая - для меня по крайней мере. Je ne suis pas tout a mon aise; стол чужой, ручка чужая, и то, что я пишу, кажется мне чужим**. Пришел М. Ковалевский, помешал писать» (В.А. Гольцеву, 29 (10) февраля 1898 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.163];

«Повесть я не пришлю, а привезу. Прости, голубчик, за медлительность. **Здесь до такой степени неудобно писать, или я в таком настроении, что у меня не выходит ничего путного. Дома, в своем флигеле, я сразу приведу себя в порядок**. (В.М. Лаврову, 25 февраля (9 марта) 1898 г., Ницца) – [Письма, т.7, с.176].

Заграница и юг вообще, по мнению А.П. Чехова, не способствуют писанию. Он это заметил еще в 1891 г., когда путешествовал по Европе, и укрепился в своем мнении, проживая в Ялте:

«Мне ужасно надоело завтракать, обедать, и спать. На всё это за границей тратится очень много времени. **Сибирь, где путешественники не завтракают, не обедают и не спят, в этом отношении гораздо лучше. Там не ешь и потому чувствуешь себя как на крыльях**» (Чеховым, 17 (29) апреля 1891 г., Ницца) – [Письма, т.4, с.90];

«Дом мой строится, но муза моя совершенно расстроилась, я ничего не пишу, и работать совсем не хочется; надо вздохнуть иным воздухом, а здесь на юге такая лень!» (И.И. Орлову, 18 марта 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.130].

В 1899 г. писатель еще не считает Ялту своим домом, поэтому в письмах этого периода он часто жалуется адресатам, что ему мешает писать отсутствие чувства оседлости:

«**В настоящее время, пока я не дома, я работаю очень мало и неохотно**, но в апреле, вероятно, начну работать как следует и буду присылать Вам рассказы, которые по своему содержанию и цензурным условиям будут подходить для Вашего журнала» (А.Ф.Марксу, 25 февраля 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.105];

«В "Неделю" пришлю рассказ, **когда наконец поселюсь в деревне. Сюжетов много, но нет оседлости**» (М.О. Меньшикову, 27 апреля 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.162].

«И я тоже почти ничего не сделал в прошлые два года ни для библиотеки, ни для музея. Это не оттого, что я охладел; я никогда не охладю. **Виновато же в моей недеятельности то, что я выбит из колеи, утерять право оседлой жизни, точно фельдъегерь старого времени, которого гоняли то в Крым, то в Варшаву, то в Царское Село, то за Урал**» (П.Ф. Иорданову, 15 мая 1899 г., Мелихово) – [Письма, т.8, с.178].

Второй причиной, из-за которой снижается работоспособность Чехова в Ялте, является скука, которая вызвана провинциальной жизнью и плохой погодой:

«Идет дождь. Скучно. Писать не хочется. Жизнь проходит так, нога за ногу» (Л.С.Мизиновой, 22 января 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с.40];

«Погода скверная, в комнатах холодно, до Москвы далеко, и, **в общем создается такое настроение, при котором писание представляется лишним**» (О.Л. Книппер-Чеховой, 25 ноября 1901 г., Ялта) – [Письма, т.10, с.124].

С 1903 г. причиной низкой трудоспособности А.П. Чехова в основном становится состояние его здоровья. Он часто упоминает об этом в своих письмах. Все другие причины снижения трудоспособности уходят на второй план:

«**С болезнью возился все праздники, ничего не делал, и теперь все, что начал, придется начинать снова, начинать с досадой**. Простите меня, без вины виноват перед "Миром божьим". Когда будет рассказ, наверное не могу сказать. Мне нужно кончить рассказ еще для "Журнала для всех", куда я обещал очень давно. **Плохим я стал работником, говоря в скобках**. (Ф.Д. Батюшкову, 11 января 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.121];

«**Мне грустно, что у меня столько времени ушло без работы и что, по-видимому, я уже не работник**. Сидеть в кресле, с компрессом и киснуть не очень-то весело» (О.Л. Книппер-Чеховой, 13 января 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.123];

«Пишу по 6-7 строчек в день, больше не могу, хоть убей. Желудочные расстройства буквально каждый день, но все же чувствую себя хорошо, мало кашляю, температура нормальна, от плеврита не осталось и следа» (О.Л. Книппер-Чеховой, 5 февраля 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с.143];

«А здоровье уже не то, не могу писать по-прежнему, утомляюсь скоро» (В.С.Миролюбову, 27 февраля 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11. с.167].

9. МАНЕРА ИЗЛОЖЕНИЯ МЫСЛЕЙ

Все 3 признака данного параметра: *пристрастие излагать свои мысли по пунктам; стремление к краткости и информативности изложения; частое изложение своих мыслей вслух неожиданно для собеседника* – сохраняются и остаются неизменными.

10. РЕГУЛЯТИВНОСТЬ В ОБЩЕНИИ

Регулятивность коммуникативного поведения А.П. Чехова в последние семь лет жизни значительно ослабевает.

В данном параметре сохраняются и остаются неизменными 4 признака: *высокая степень коммуникативной доминантности в общении с родными; высокая степень коммуникативной доминантности в женском обществе; стремление к педагогической доминантности; стремление к смягчению поучительной и категоричной тональности общения после завершения мысли.*

Существенно ослабевает 4 признака: *нравоучительность и морализаторство; допустимость нотаций и «вычетов» друзьям за их «недостойное» поведение; допустимость вмешательства в финансовые дела третьего лица; допустимость прямого вмешательства в профессиональную деятельность адресата.*

Исчезает 1 признак: *допустимость жестких медицинских наставлений.*

Появляется новый признак: *чередование в общении с женой шутливого доминирования и подчинения.*

Раньше в письмах молодого А.П. Чехова элементы шутливого доминирования возникали в общении с братом Александром в обращениях и

подписях, а также в просьбах. Антон Павлович всегда брал на себя роль старшего, главного, а брату отводил роль ведомого, подчиненного. В последние годы жизни зрелого А.П. Чехова склонность к проявлению шутивого доминирования ярко проявилась в общении с женой. При этом в письмах к ней появилась новая черта в коммуникативном поведении Чехова: брать на себя разные роли – от шутивого доминирования до такого же шутивого подчинения. Рассмотрим эти роли:

•Роль строгого мужа:

«Помни, что жена да убоится мужа своего» [Письма, т.9, с.209];

«Имей в виду, скоро приеду, веди себя хорошо» [Письма, т.10, с.11];

«Пиши, пиши и пиши каждый день, иначе будешь бита. Ведь я очень строгий и суровый муж, ты это знаешь» [Письма, т.10, с.60-61];

«Веди себя хорошо, а то буду колотить очень больно» [Письма, т.10, с.67];

«Пиши каждый день, а то отберу паспорт. Вообще я буду держать тебя в строгости, чтобы ты боялась меня и слушалась. Я тебе задам! Твой суровый муж А. Чехов» [Письма, т.10, с.71-72].

«Актрисуля, что же ты не слушаешься мужа? Отчего ты не сказала Немировичу, чтобы он выслал последний акт "Мещан"? Скажи ему, дуся!» [Письма, т.10, с.135];

«Что бы ни случилось, все-таки лето мы будем проводить вместе. Не так ли? Смотри, иначе я тебя отколочу» [Письма, т.9, с.192].

•Роль мужа-наставника, советчика:

«Милая моя, не читай газет, не читай вовсе, а то ты у меня совсем зачахнешь. Впредь тебе наука: слушайся старца иеромонаха» [Письма, т.9, с.211-212].

«То, что ты пишешь о своей ревности, быть может, и основательно, но ты такая умница, сердце у тебя такое хорошее, что всё это, что ты пишешь о своей якобы ревности, как-то не вяжется с твоею личностью. Ты пишешь, что Маша никогда не привыкнет к тебе и проч. и проч. Какой всё это вздор! Ты всё преувеличиваешь, думаешь глупости, и я боюсь, что, чего доброго, ты будешь ссориться с Машей. Я тебе вот что скажу: потерпи и помолчи только один год, только один год, и потом для тебя все станет ясно. Что бы тебе ни говорили, что бы тебе ни казалось, ты молчи и молчи. Для тех, кто женился и вышел замуж, в этом непротивлении в первое время скрываются все удобства жизни. Послушайся, дуся, будь умницей!» [Письма, т.10, с.71].

•Роль послушного мужа

Нередко в письмах своей жене А.П. Чехов стремится выразить свое полное ей подчинение, вплоть до вручения собственной судьбы в её руки:

«Думай о будущем ты, будь моей хозяйкой, как скажешь, так я и буду поступать, иначе мы будем не жить, а глотать жизнь через час по столовой ложке» [Письма, т.10, с.14-15].

«Я сижу у себя в кабинете безвыходно и, за неимением других занятий, занимаюсь только тем, что думаю и кашляю. Не сердись на меня, дуся, за такое мое поведение, не наказывай меня невеселыми мыслями. Скоро, скоро увидимся. Я выеду из Ялты 5 мая

или, самое позднее, - 10-го, смотря по погоде. Затем поедем на Волгу, одним словом, **будем делать всё, что ты только пожелаешь. Я в твоей власти**» [Письма, т.10, с.19].

•Роль великодушного мужа:

«Ты пишешь про кошку Мартына, но – бррр! – я боюсь кошек. Собак же уважаю и ценю. Вот заведи-ка собаку! Кошку держать нельзя, скажу кстати, потому что наша московская квартира на полгода (почти) будет оставаться пустой. **Впрочем, дуся моя, как знаешь, заведи хоть крокодила; тебе я всё разрешаю и позволяю и готов даже спать с кошкой**» [Письма, т.10, с.68].

11. ПОБУЖДЕНИЕ АДРЕСАТА К ДЕЙСТВИЮ

Такие коммуникативные признаки, как *многочисленные активные побуждения адресатов к писательской деятельности; частотность побуждений собеседника к перемене места; активное побуждение адресата к чтению; невысокая частотность обращения с личными просьбами; небольшая доля просьб к братьям в серьезной форме; стремление к предельной краткости при обращении с бытовыми поручениями к сестре* полностью сохраняются на протяжении всей жизни. А.П. Чехов всегда призывал адресатов больше читать, а также часто побуждал адресатов не только к путешествиям, но и к перемене места жительства, объясняя это профессиональной необходимостью. Обычно Антон Павлович стимулировал к перемене места писателей, живущих в провинции, например, уговаривал их переехать жить в Москву или Петербург, чтобы иметь возможность быть в гуще всех культурных событий и вращаться в литературных кругах.

В последние годы жизни А.П. Чехова у него значительно усиливаются такие признаки, как *активное побуждение адресата купить участок земли под дачу в определенном месте и частотность обращений с просьбой к друзьям и знакомым о принятии участия в благотворительных проектах.*

После переезда в Ялту А.П. Чехов начинает активно агитировать адресатов к покупке земли под строительство дома в Крыму или под Москвой, значительно больше занимается благотворительностью.

Незначительно ослабились следующие признаки: *пристрастие оформлять деловые просьбы к братьям в виде шуточных поручений или*

«господских указов»; активное побуждение адресата к написанию письма адресанту; высокая частотность побуждений адресата к устному общению.

Писатель стал реже побуждать адресатов писать ему письма. Во многих письмах с 1897 г. нет побуждений к письменному общению. В тех же, где оно есть, побуждение выражается, как правило, теперь скупо, одним или несколькими словами: «Пиши», «Пишите», «Черкни мне что-нибудь», «Черкни мне 2-3 строчки» «Напишите, как доехали и что нового», «Напишите, что у Вас нового».

При этом в своих ответах на письма Чехов стал чаще извиняться, что не ответил вовремя, появляются оправдания, почему не писал, долго не отвечал.

Однако этот признак ярко проявляется и даже усиливается в общении с женой. Та же тенденция прослеживается и в побуждениях адресатов к устному общению.

В последние годы жизни писателя значительно ослабевают такие признаки, как *активное побуждение адресата к написанию письма третьему лицу; шутливые побуждения адресата присылать ему свое произведение или произведения третьих лиц для критики; многочисленность шутливых поручений братьям при прощании.* Полностью исчезают следующие признаки: *допустимость побуждения адресата изменить почерк; формулирование денежных просьб к друзьям в шутливой форме; привычка давать друзьям и близким подробный сценарий исполнения поручения.*

12. ОЦЕНОЧНОСТЬ

Как мы уже отмечали, А.П. Чехов относится к рефлектирующему типу личности, поэтому оценочность занимает важное место в его коммуникативной деятельности и присутствует на протяжении всей его жизни.

До 1898 года оценочность в письмах писателя проявлялась неодинаково. С 1875 по 1882 гг. количество чеховских писем невелико и коммуникативная оценочность в них проявляется слабо: за год – от одного до 10 высказываний оценочного характера. В 1883 г. объем переписки возрастает до 32 писем, и количество высказываний оценочного характера увеличивается примерно в 10 раз. В это время писатель в основном оценивает встреченных им людей, писателей, редакторов, критиков и художественные произведения. Весьма часто в этот год встречаем и самооценку А.П. Чехова. В 1884-1885 гг. уровень оценочности снижается больше, чем на треть. В 1886 году количество писем увеличивается до 88, а уровень оценочности становится таким же, как в 1883 году. Писатель также в основном оценивает себя, людей, художественные произведения свои и других авторов. Такая частотность оценок объясняется, видимо, потребностью писателя в осмыслении фактов жизни близких ему людей, коллег по перу и фактов своей жизни.

Наивысшего пика коммуникативная оценочность А.П. Чехова достигает в годы, когда он совершает путешествия: в 1887 г. (поездка в г. Таганрог), в 1888 г. (отдых в Сумах, поездка в Феодосию, в Абхазию), 1890 г. (путешествие на о. Сахалин), 1891 г. (поездка в Европу). Нами отмечено стремление А.П. Чехова письменно фиксировать все свои впечатления и делиться ими со своими адресатами. Некоторые чеховские письма почти целиком состоят из эмоционально окрашенных оценок природы, погоды, архитектуры городов, внешнего вида местных жителей, их культуры и быта.

Так, например, в письме И.П. Чехову из г. Сумы [Письма, т.2, с.265-266] из 23 предложений оценочный характер носят 17 предложений; в письме неустановленному лицу из Абхазии [Письма, т.2, с.302] из 27 предложений – 14 имеют оценочный характер; в письме Чеховым из Венеции [Письма, т.4, с.203-204] 38 предложений, и из них 26 носят оценочный характер, почти все они эмоционально окрашены.

Динамика оценочности особенно заметна в чеховской оценке писателей и литераторов: самую низкую степень оценочности А.П. Чеховым писателей и их литературных произведений наблюдаем с 1875 по 1887 гг.; с 1888 г. степень оценочности по сравнению с 1887 годом возрастает в 4 раза, наиболее ярко оценочность писателя проявляется с 1888 по 1892 гг. В 1896 и 1897 гг. в письменном общении она резко снижается. Видимо, это можно объяснить стремительно увеличившимся в эти годы объемом переписки А.П. Чехова, в том числе и деловой, а также ухудшением здоровья писателя и соответственно снижением эмоционального восприятия окружающего мира.

Рассмотрим, какие коммуникативные признаки претерпели изменения в параметре «Оценочность в общении» с 1897 по 1994 гг. Проследим их динамику на объектах *человек (мужчина, женщина, группы лиц), погода, природа, города, художественные произведения и творческая деятельность.*

МУЖЧИНЫ

Полностью сохранились и не изменились такие признаки, как *акцентирование внимания в оценке мужчины на его уме и талантливости; высокая доля общих положительных эмоциональных оценок мужчин в структуре общения; акцентирование внимания в оценке мужчины на его порядочности и душевности; возможность гиперболизации какого-либо негативного качества мужчины; стремление к образному выражению негативной оценки мужчины; допустимость диаметрально противоположных заочных оценок одного и того же лица в разное время.*

Несущественно усилился один признак: *акцентирование внимания в оценке мужчины на его умении быть интересным собеседником*

Незначительно ослабились такие признаки, как *склонность к ранжированию мужчин по степени талантливости; акцентирование внимания в оценке мужчины на его сдержанности и тактичности; широкое использование бранных слов в негативных оценках мужчин; заочное присвоения неприятному мужчине оскорбительного нового имени.*

Значительно ослабились следующие признаки: *акцентирование внимания в оценке мужчины на его аккуратности; акцентирование внимания в оценке мужчины на его лени; акцентирование внимание на «сухости» мужчины.*

В последние годы жизни А.П. Чехова у него появились и новые коммуникативные признаки: *акцентирование внимания на том, что мужчина скучен, неинтересен; акцентирование внимания в оценке мужчины на его доброте; акцентирование внимания в оценке мужчины на его интеллигентности; частотность сообщений собеседнику-мужчине о его положительной оценке третьим лицом.*

ЖЕНЩИНЫ

Сохранились и не изменились следующие признаки: *преобладание снисходительных оценок женщин в общении; доминирование оценок внешних данных женщин; доминирование ироничных оценок женской внешности; допустимость заочных категоричных негативных оценок внешних данных женщин; допустимость заочной дискредитации женщины по ее внешним данным; категоричность оценок негативных сторон личности женщины; широкая допустимость негативных оценок интеллектуальных и творческих способностей женщины; редкость восторженных оценок женщины как личности.*

Несущественно ослабился признак: *возможность восторженных оценок женской внешности.*

Значительно ослабились такие признаки, как *широкое использование медицинских оценок женской внешности; стремление давать интеллектуальным женщинам положительную оценку с фамильярным, панибратским оттенком.*

Исчез признак *негативная оценка эмансипированных женщин.*

Появились новые признаки: *акцентирование внимания на том, что женщина скучна, неинтересна; акцентирование внимания на выражении*

лица и чертах характера при оценке фотографии жены; частотность сообщений жене о ее положительной оценке третьим лицом.

ГРУППЫ ЛИЦ

Сохраняются и не изменяются такие признаки, как *постоянство резко негативной оценки критиков и газетчиков; постоянство резко негативной оценки русской интеллигенции; высокая доля категоричной оценки театральной, городской, курортной и читательской публики.*

Несущественно усиливается признак *акцентирование внимания адресата на релевантных для адресанта характеристиках жителей разных мест или народностей.*

Существенно ослабевает признак *негативная оценка качеств русского человека по сравнению с другими национальностями.*

Добавляются новые признаки: *негативная оценка русских за границей; частотность оценок иностранцев.*

Отметим, что многочисленные оценки человека присутствуют в общении А.П. Чехова с адресатами на протяжении всей его жизни. Писатель был очень наблюдательным, его умение точно оценить черты характера человека по его внешности, взгляду, манерам говорить, одеваться и обустраивать быт все больше оттачивалось с годами. Один из современников писателя вспоминает, что А.П. Чехов, выбирая учителей для построенных при его участии школ в Серпуховском уезде в конце 90-х годов, посещал их квартиры, чтобы составить мнение о степени интеллигентности педагога:

«На открытии школ по соседству с Мелиховым он всегда присутствовал и, между прочим, по некоторым мелочам в квартире учителя выводил правильное заключение о степени его интеллигентности. Только на основании того, как, где и в чем хранились деловые бумаги и книги, как была расставлена мебель, чем были украшены стены, Чехов делал безошибочную характеристику ее обитателя» (М.Е. Плотов) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников 1986, с.226].

ПОГОДА

При оценке погоды несущественно усилился признак *частое оценивание погодных явлений.* Несущественно ослабился признак *преобладание*

восторженных оценок хорошей погоды. Существенно ослабились такие признаки, как постоянство экспрессивной оценки плохой погоды; многократное употребление авторских сравнений в негативных оценках погоды; значительная доля образных оценок плохой погоды; частотность шуточных и иронических оценок плохой погоды.

В последние годы у А.П. Чехова в оценке погоды появились и 2 новых признака: *стремление к эмоциональной сдержанности в оценках погоды; предпочтение кратких оценок погоды.*

ПРИРОДА

При оценке природы постоянным остался признак *малая доля негативных оценок природы и их исключительно экспрессивный характер.* Несущественно ослабились такие признаки, как *преобладание восторженных оценок природы; частотность ссылок на художественные образы и художественные произведения; многократность призывов к собеседнику вообразить уголок природы по описаниям адресанта; частотность выражения сожаления в адрес собеседника или третьего лица, что он не может разделить с адресантом наслаждения от красоты природы.*

В последние годы жизни у писателя появилось и два новых коммуникативных признака: *стремление к эмоциональной сдержанности в оценках природы и предпочтение кратких оценок природы.*

ГОРОДА

При оценке городов остались неизменными следующие признаки: *стремление к сравнению увиденных городов; частотность оценки города во время путешествия или сразу после него; преобладание восторженных оценок европейских городов по сравнению с русскими; преобладание сдержанной и негативной оценки русских городов в сопоставлении с оценками европейских городов; акцентирование внимания собеседника на высокой культуре европейских городов; акцентирование внимание адресата*

на бытовой стороне своей жизни в Европе; категоричность и экспрессивность в негативных оценках курортных мест.

Незначительно усилились признаки: зависимость оценки города от погоды; зависимость оценки города от перенасыщения впечатлениями.

Существенно ослабились 2 признака: акцентирование внимания на низкой культуре российских городов; склонность давать негативную оценку русских городов в иронической тональности.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Не изменились и сохранились следующие признаки: доминирование эксплицитных критических оценок литературного или публицистического произведения, журнала, творческой деятельности; допустимость негативной оценки произведений известных писателей; резкая критика писателей, искажающих в своих художественных произведениях факты действительности; незначительная доля сдержанных положительных оценок без серьезных критических замечаний; категоричность в негативных оценках литературных журналов.

Усилились такие признаки, как частотность критики художественных образов в произведениях третьих лиц и адресатов; многочисленность критических замечаний по поводу лишних фигур, эпизодов и описаний в художественных произведениях адресатов-писателей; значительная доля резкой критики языка произведения и грамотности писателей.

Несущественно ослабились признаки: повышенная эмоциональность высоких оценок литературных произведений, статей и театральных пьес; частотность резко негативной оценки современных писателей, художественных произведений и театров.

В последние годы у А.П. Чехова появился и новый признак: частотность косвенной опосредованной оценки литературных произведений адресатов.

Таким образом, в последние годы жизни, с 1898 г. по 1904 г. оценочность в устном и письменном общении А.П. Чехова постепенно возрастает, при этом постепенно снижается категоричность писателя в оценке, появляется больше позитивных оценок, бранные негативные оценки исчезают.

В последние годы жизни у писателя появляется такой речевой жанр как *косвенная (опосредованная) оценка* – он часто пишет своим адресатам, что они, их произведения кому-то из известных ему лиц понравились.

Наблюдаемая ранее склонность у молодого А.П. Чехова к дифференциации мужчин и женщин по уму и таланту в последний период жизни не прослеживается. Мы не встречаем сравнительных оценок этих качеств личности.

13. САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И САМОКРИТИКА

По данному параметру сохранились и остались неизменными такие признаки, как *склонность к эксплицитному позиционированию собственной личности; заниженная оценка собственного произведения; незначительная доля серьезной критической самооценки в письмах близким; незначительная доля положительных самооценок в серьезной тональности; высокая доля положительных самооценок в форме шутливого самовозвеличивания.*

Несущественно ослабились такие признаки, как *использование иронической самопрезентации; использование уничижительной самопрезентации; ироническая форма самокритики; высокая доля категоричности в оценке своего характера и личностных качеств; частотность критической самооценки себя как писателя и оценки своих произведений.*

Полностью исчез признак *заниженная оценка собственного почерка.*

14. РЕАКЦИЯ НА КРИТИКУ

В рамках данного параметра сохранились и не изменились следующие признаки: *нетерпимость к критике его литературных произведений адресатами или третьими лицами (активная самозащита); многократные сообщения адресатам о реакции критиков и публики на свое произведение; доминирование сдержанной реакции над эмоциональной в случае критики адресата; оправдание и защита отсутствующего дискредитируемого лица; невербальная негативная реакция на критику, направленную на третье лицо, в виде уклонения от разговора.*

Остальные признаки: *доминирование резко негативной эмоциональной реакции на заочную критику над сдержанной реакцией; игнорирование критики хорошо знакомого собеседника под видом равнодушного согласия с ней; частотность игнорирования критики незнакомого адресата под видом полного согласия с ней; шутливая угроза в ответ на необъективную критику со стороны хорошо знакомого собеседника – существенно ослабились, при этом последний почти исчез.*

15. РЕАКЦИЯ НА ПОХВАЛУ И ПОЧЕСТИ

В данном параметре сохранились и не изменились следующие признаки: *резко негативная реакция на овации, пафосную речь и чествование в свой адрес (реакция «бегством»); резко негативная реакция на чрезмерное внимание к своей персоне; негативная реакция на неумеренную похвалу в свой адрес; негативная реакция на свою популярность.*

Незначительно ослабился признак *реакция самоиронией на признание его писательского таланта.* В этом признаке исчезли такие коммуникативные приемы, как:

- реакция шутливым самовозвеличиванием
- реакция ироничным приуменьшением собственных писательских достоинств:

Остался лишь один прием:

• реакция ироничным приуменьшением практической значимости наград за писательские заслуги.

В последние годы жизни писателя больше не обнаруживается признак *реакция описанием своего психического состояния на признание своего таланта*. Однако появляется новый признак: *допустимость резкого прерывания публичного чествования в свой адрес шутливой дискредитацией выступающего*.

А.П. Чехов в последние годы жизни продолжает негативно реагировать на разные публичные мероприятия в его честь:

«В Таганроге праздновали мой юбилей, **газеты пишут про этот юбилей, хотя, очевидно, чествовать меня, т.е. наврать про меня еще больше;** а между тем мой юбилей (25 л.) будет года через два-три, не раньше» (О.Л. Книппер-Чеховой, 1 ноября 1903 г. Ялта) – [Письма, т.11, с.292];

«Мой юбилей - это выдумки. Про меня никогда еще не писали в газетах правды. Юбилей будет, вероятно, не раньше 1906 г. **И меня эти юбилейные разговоры и приготовления только раздражают**» (О.Л. Книппер-Чеховой, 8 ноября 1903 г., Ялта) – [Письма, т.11, с. 302];

«В Петербург я не поехал по той причине, что **там мне угрожало чествование, вроде юбилейного**» (К.Л. Книпперу, 4 февраля 1904 г., Москва) – [Письма, т.12, с.30].

У писателя по-прежнему остается негативное отношение к повышенному вниманию к своей персоне, он не любит, когда его выделяют среди гостей на каком-либо домашнем торжестве:

«Милая Маша, третьего дня вечером я был на именинах у Варв(ары) Конст(антиновны). Торжество происходило не в квартире, а в актовом зале. Танцевали, ужинали. Девиц и дам было несравненно больше, чем мужчин, было два попа, директ(ор) мужск(ой) гимназии. **Тупиков за ужином, со свойств(енной) ему важностью,** **сказал длинную речь по моему адресу, после чего я дал себе слово уже больше никогда не ходить в Ялте на ужины**» (М.П. Чеховой, 6 декабря 1898 г., Ялта) – [Письма, т.7, с.355-356].

Обычной реакцией, как молодого, так и зрелого Чехова на торжественные речи и чествования в его адрес было уклонение от общения, если была такая возможность. В молодости, если нельзя было избежать общения, то писатель часто реагировал на такое повышенное внимание к нему невербально (мрачнел, краснел, опускал глаза) или смущенно отшучивался. Есть воспоминания современников, которые в 90-е годы засвидетельствовали у писателя еще один вид его реакции на публичные

чувствования – переключение внимания публики со своей персоны на выступающего с торжественной речью. При этом Чехов использовал такой коммуникативный прием, как шутливая дискредитация человека, произносящего речь. Подобным образом Антону Павловичу удавалось резко снизить пафос происходящего:

«По предложению Морозова было решено окрестить именем Чехова вновь отстроенную школу. Чехову это не понравилось, но он промолчал. Мне поручили составить соответствующий адрес, а дяде Косте – его прочитать. Тот долго отнекивался, но наконец сказал, что «ради памяти потомства» он согласен.

Когда Чехов узнал, что в школе будут служить молебен, он наотрез отказался присутствовать на торжестве. Тогда решили поднести ему адрес на дому.

Я сидел у Чехова в комнате и читал ему вслух Апухтина. Чехов лежал на кушетке – ему сильно нездоровилось. <...> В комнату несмело вошла делегация: учитель, священник, фельдшер и начальник станции. Дядя Костя выступил вперед и, задыхаясь от волнения, прочел мой высокопарный адрес... Настало торжественное молчание... Начальник станции даже вытянул руки по швам, как на параде.

Чехов медленно поднялся, взял папку с адресом из дрожащих рук дяди Кости и, оглядев его, сказал так, будто ничего не произошло:

– Константин Иванович, а у вас опять брюки не застегнуты!

Дядя Костя закрыл ладонями живот и присел от испуга. Все засмеялись и громче всех, басом, начальник станции, усатый жандарм.

Когда я вечером рассказывал об этом Савве, тот долго трясся от залиvistого, с бубенчиком, смеха и, вытирая белоснежным платком слезы, сказал:

– Чему же вы удивляетесь? Вы еще его не знаете – он не только дядю Костю, он кого угодно может стащить с колокольни... Не любит он пышности и вообще колокольного звона» (А. Серебров-Тихонов) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986: с.592-593].

16. ЮМОР В ОБЩЕНИИ

На протяжении всей жизни А.П. Чехова ему был присущ такой коммуникативный признак, как *любовь к розыгрышам*.

В рамках рассматриваемого параметра с течением жизни писателя незначительно ослабились такие коммуникативные признаки, как: *широкое использование шутливых обращений как знаков дружеского расположения; сочетание в высказывании лексики контрастных стилистических пластов; широкое использование шутливой формы оформления разных речевых актов; стремление к жанровой игре (индивидуально-авторское жанровое оформление высказывания); шутливое использование церковнославянских слов и выражений; шутливое использование иностранных слов, выражений и имен (немецких, французских, латинских); флирт с женщинами;*

использование языковой игры. Еще раз подчеркнем, что данные признаки ослабились незначительно. А.П. Чехов и в последние годы своей жизни по-прежнему остается приверженцем языковой игры и всякого рода шуток:

«В Pension Russe много новых персонажей, но все **мордемондии**» (В.М.Соболевскому 22 ноября (4 декабря) 1897 г., Ницца) – [Письма, т.7, стр.103];

«Будь щислива» (М.П. Чеховой, 23 или 24 июля 1897 г., Петербург) – [Письма, т.7, с.27];

«Меньшиков пишет, что у вас в Москве будет Лидия Ивановна Веселитская (она же писательница Микулич); я с нею не знаком, но мне известно, что **она сангитментальна, как мокрая алва**» (М.П. Чеховой, 11 февраля 1899 г., Ялта) – [Письма, т.8, с. 87];

«Милая Маша, писать не о чем, всё обстоит благополучно. Было холодно, но теперь опять жарко. **Бездожде**» (М.П. Чеховой, 14 июня 1898 г., Мелихово) – [Письма, т.7, стр.224]

«Я чувствую себя здорово. **Сегодня иду покупать pantalon, ибо мои показывают уже пожар не в одной Арбатской части, а сбор всех частей**» (М.П. Чеховой, 5 (17) сентября 1897 г., Париж) – [П., т.7: с.46].

«А я сижу и все мечтаю о рыбной ловле и размышляю о том, куда девать всю пойманную рыбу, хотя **за все лето поймаю только одного пескаря, да и тот поймается из склонности к самоубийству**» (О.Л. Книппер-Чеховой, 15 апреля 1904 г., Ялта) – [Письма, т.12, с.88].

В последние годы жизни А.П. Чехова значительно ослабели следующие признаки: *шутливое использование в литературной речи разговорной, просторечной лексики, диалектизмов и украинизмов; шутливое употребление бранных слов; языковые шутки с «непристойным» намеком.*

Полностью исчезли 2 признака: *использование вставных выдуманных сюжетов и вставка в письмо адресату отрывка «драматического произведения» вне связи с контекстом.*

17. НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ

подавляющее большинство коммуникативных признаков невербального общения сохраняются у А.П. Чехова на протяжении всей его жизни. Это такие признаки, как *манера запрокидывать назад голову и ежеминутно поправлять пенсне; манера жестами делать риторические акценты на словах; нервные жесты при недовольстве и раздражении; привычка пощипывать бородку; привычка ходить по комнате при разговоре; крепкое, но сдержанное рукопожатие; манера бросать пристальный и*

внимательный взгляд на собеседника и тут же с улыбкой опускать голову; смена выражения глаз в процессе общения; кратковременность улыбки при общении с собеседником; манера часто смеяться.

Несущественное изменение претерпел лишь один признак: *сдержанность жестикологии*. В последние годы у А.П. Чехова наблюдается повышение жестикологии при разговорах о политике.

Выводы

Рассмотрев выявленные коммуникативные признаки в динамике, мы разграничили их по степени сохранности (постоянные, усиленные, несущественно ослабленные существенно ослабленные, исчезнувшие), а также определили новые признаки, которые появились в коммуникативном поведении А.П.Чехова в последние 7 лет его жизни. Приведем полученные данные в количественном и процентном соотношении:

Сохранились неизменными – 93 признака (39% от общего количества признаков)

Усилились – 21 признак (9% от общего количества признаков)

Ослабились несущественно – 51 признак (21% от общего количества признаков)

Ослабились существенно – 33 признака (14% от общего количества признаков)

Добавились новые – 27 признаков (12 % от общего количества признаков)

Исчезли – 12 признаков (5% от общего количества признаков)

На основании полученных данных представилось возможным составить динамическую модель коммуникативной личности А.П. Чехова, определив ее ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии. Данная модель представлена в виде таблицы в Приложении 2.

В ядро коммуникативной личности А.П. Чехова вошли неизменные признаки и признаки, усилившиеся у писателя к концу его жизни – в общей сложности 114 признаков. Ближнюю периферию составили несущественно ослабившиеся признаки – всего 51 признак; в дальнюю периферию попали

существенно ослабившиеся признаки, а также новые признаки, появившиеся у А.П. Чехова только в последние годы его жизни – в сумме 68 признаков; в крайней периферии оказались признаки, которые исчезли из коммуникативного поведения писателя – 12 признаков.

Распределение коммуникативных признаков по зонам представлено в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение коммуникативных признаков по зонам

Зоны структуры коммуникативной личности	Количество коммуникативных признаков в зоне	Процент от общего количества коммуникативных признаков
Ядро	114	49%
Ближняя периферия	51	21%
Дальняя периферия	60	26%
Крайняя периферия	12	5%

Таким образом, в ядре концентрируется почти половина всех признаков коммуникативной личности А.П. Чехова, все они остались сохранными на протяжении всей жизни писателя, из них 21 признак усилился.

В ядерной части коммуникативной личности писателя наиболее всего усилились признаки из параметра «Тематика общения» (из имеющихся в параметре 12 признаков в ядре сконцентрировались 8 признаков, 7 из которых усилились). Это такие признаки, как *повышенный интерес к литературной тематике общения, интерес к театральной тематике общения, интерес к культурной тематике общения, интерес к природной и географической тематике общения, частотность подробных описаний своего жилища и быта в нем, частотность тем о благотворительности, частотность подробных описаний своего плохого физического состояния.*

Из имеющихся в параметре «Оценочность» 77 признаков в ядре сконцентрировались 37 признаков, 7 из которых усилились: *акцентирование внимания в оценке мужчины на его умении быть интересным собеседником, акцентирование внимания адресата на релевантных для адресанта характеристиках жителей разных мест или народностей, частое оценивание погодных явлений, зависимость оценки города от погоды, зависимость оценки города от перенасыщения впечатлениями, значительная доля резкой критики языка произведения и грамотности писателей, частотность критики художественных образов в произведениях третьих лиц и адресатов, многочисленность критических замечаний по поводу лишних фигур, эпизодов и описаний в художественных произведениях адресатов-писателей.*

В параметре «Побуждение адресата к действию» из имеющихся в нем 18 признаков в ядре сконцентрировались 7 признаков, 2 из которых усилились: *активное побуждение адресата купить участок земли под дачу в определенном месте, частотность обращений с просьбой к друзьям и знакомым о принятии участия в благотворительных проектах.*

В параметрах «Контактность», «Коммуникативные предпочтения», «Вступление в общение», «Выход из общения», «Искренность и откровенность в общении» из признаков, вошедших в ядро, усилились по 1 признаку. В остальных параметрах ядерные признаки не усилились.

Из этого можем заключить, что основу коммуникативной личности А.П. Чехова составляют параметры «Тематика общения» и «Оценочность в общении», в каждом из которых усилилось по 7 признаков. Тенденция к усилению этих признаков показывает, что А.П.Чехов всю жизнь интересуется литературной, театральной, культурной, природно-географической тематикой. На протяжении всей жизни он любит поднимать темы благоустройства дома, сада, культурного пространства городов, благотворительности. Эта тенденция не только сохранилась, но и усилилась в

последний период его жизни и повлекла за собой также усиление ядерных признаков параметра «Побуждение адресата к действию».

Наиболее устойчивыми параметрами, чьи коммуникативные признаки не подверглись изменениям или изменились незначительно, оказались:

«Манера изложения мыслей» – 100 % ядерных признаков;

«Уклонение от общения» – 100 % ядерных признаков;

«Невербальное общение» – 90 % ядерных признаков.

Самыми неустойчивыми параметрами, в которых отмечено наименьшее количество ядерных признаков, оказались следующие:

«Юмор в общении» – 7% ядерных признаков;

«Вступление в общение» – 15% ядерных признаков.

Сводные данные о соотношении зон в модели коммуникативной личности А.П. Чехова по выделенным параметрам представлены в таблице 2.

Таблица 2.

**Соотношение зон в модели
коммуникативной личности А.П. Чехова**

№ п/п	ПАРАМЕТРЫ	Ядро	Ближняя периферия	Дальняя периферия		Крайняя периферия
				<i>Сильно ослабленные признаки</i>	<i>Новые признаки</i>	
1.	Контактность	33%	25%		42%	
2.	Коммуникативные предпочтения	67%			33%	
3.	Вступление в общение	15%	54%	15%	15%	
4.	Выход из общения	26%	4%		26%	5%
5.	Уклонение от общения	100%				
6.	Искренность и откровенность в общении	63%	25%		13%	
7.	Деликатность в	83%			17%	

	общении					
8.	Тематика общения	67%	8%		25%	
9.	Манера изложения мыслей	100%				
10.	Регулятивность в общении	40%		50%	10%	
11.	Побуждение адресата к действию	47%	18%	18%		18%
12.	Оценочность в общении	49%	16%	16%	18%	1%
13.	Сапопрезентация и самокритика	45%	45%			10%
14.	Реакция на критику	56%		44%		
15.	Реакция на похвалу и почести	58%	14%	14%		1%
16.	Юмор в общении	7%	57%	21%		14%
17.	Невербальное общение	90%	10%			

Проведенный анализ позволил выявить *типологические черты* коммуникативной личности писателя, представляющие собой обобщенные характеристики отличительных особенностей коммуникативной личности.

Представим выделенные нами типологические черты коммуникативной личности А.П.Чехова.

1. Высокая общительность

Эта типологическая черта сохраняется на протяжении всей жизни писателя. Ее составили такие ядерные признаки, как *стремление к новым знакомствам; стремление к сокращению коммуникативной дистанции с адресатом; потребность в одиночестве писать письма*, а также признаки ближней периферии: *любовь к длительным разговорам; стремление пригласить собеседника в гости; любовь к проведению времени в компаниях.*

Отметим, что переход последних трех признаков в ближнюю периферию был вызван усилением в параметре «Контактность» таких ядерных признаков, как *расширение с каждым годом круга общения и увеличение объема переписки и количества адресатов.* Усиление данных ядерных признаков повлияло и на появление новых признаков на дальней периферии,

свидетельствующих об ослаблении стремления А.П. Чехова к избыточному общению, к общению в больших компаниях и с незнакомыми людьми. Писатель становится избирательным в дружеском общении, чувствуется его усталость. С 1899 года он часто констатирует этот факт в письмах разным адресатам. Тем не менее, громадный объем письменного и устного общения писателя свидетельствует о высокой общительности А.П.Чехова.

2. Стремление к увеличению круга общения – яркая типологическая черта коммуникативной личности А.П. Чехова.

В последние годы жизни заметно усилилась тенденция к увеличению объема общения с А.П. Чехова с писателями, издателями, актерами и театральными режиссерами. Свои предпочтения А.П. Чехов по-прежнему отдает собеседникам из Москвы и Петербурга и при каждом удобном случае советует провинциальным молодым писателям держаться ближе к столице, чтобы быть в гуще литературного и культурного процесса. Новый добавившийся признак на дальней периферии: *увеличение круга общения адресатов из театральной среды: Вл.И. Немирович-Данченко, К.С. Алексеев (Станиславский), А.Л. Вишневский, О.Л. Книппер* – создал перспективу к усилению данной типологической черты.

3. Стремление к традиционной этикетной вежливости

Данная типологическая черта осталась сохранной на протяжении всей жизни писателя. Ее основу составили ядерные признаки параметров «Вступление в общение» и «Выход из общения»: *предпочтение завершать письменный контакт с адресатом поклонами третьим лицам вместо прощания; активное использование эпистолярных штампов пожелания вместо прощания; стремление оканчивать письма постскриптумом; частотность эпистолярного «рукопожатия» при прощании; использование традиционных начальных обращений как знаков вежливости.*

Последние два признака усилились, на их усиление повлияли указанные выше ядерные признаки в параметрах «Контактность» и «Коммуникативные предпочтения», а также появление новых названных выше признаков из этих

же параметров. Увеличение объема общения, ухудшение состояния здоровья писателя, его повысившаяся активность в литературно-издательской, театральной и благотворительной деятельности сказались на чеховских предпочтениях в выборе способов начала общения и выхода из него.

В последние годы жизни в большом объеме чеховских писем мы находим традиционные формулы начальных обращений и прощаний. Это в основном официальные обращения *многоуважаемый, уважаемый* и эмотивные обращения – *дорогой, милый*, задающие письму дружеский тон. Выход из контакта А.П. Чехов чаще всего оформляет эпистолярными рукопожатиями *жму руку; крепко жму руку*; краткими этикетными формулами пожеланий (без вербальных поклонов и с поклонами), заверений и традиционной подписью: *Будьте здоровы!; Будьте здоровы, желаю всего хорошего!; Будьте здоровы и благополучны!; Будьте здоровы, желаю всего хорошего и низко кланяюсь; Искренно уважающий Ваш Чехов; Искренно преданный А. Чехов.*

4. Стремление к нестандартным формам вступления в общение и завершения общения, к нестандартным формам выражения мысли в целом

Данная типологическая черта в целом сохраняется на протяжении всей жизни А.П. Чехова и является одной из самых динамичных. Ее составили яркие признаки, которые в последние 7 лет жизни А.П. Чехова несущественно ослабели и перешли в ближнюю периферию: *широкое варьирование обращений; широкая модификация имени адресата в начальных обращениях; использование неординарных авторских обращений; использование неординарных поздравлений; вступление в контакт с фамильярных извинений-оправданий; склонность к комплиментарности и флирту при прощании с женщинами; широкое использование эмоционально окрашенных пожеланий вместо прощания; активное использование шуточных пожеланий при прощании в дружеских письмах; стремление*

перейти на шуточный регистр общения в постскрипуме; частотность шуточной просьбы при выходе из контакта в дружеских письмах.

Вытеснению всех перечисленных коммуникативных признаков в ближнюю периферию сопутствовало усиление признаков, указывающих на стремление А.П. Чехова применять в письменном общении традиционные этикетные формулы.

Однако при этом наблюдается интересная тенденция перехода указанных коммуникативных признаков из общения с одними адресатами в общение с другими собеседниками. Имеется в виду переписка А.П. Чехова с О.Л. Книппер до венчания и после венчания 25 мая 1901 г. Весь набор своих речевых и языковых инструментов, которыми пользовался молодой Чехов в письменном общении со множеством своих собеседников, он сосредоточивает на одном коммуниканте – невесте, а потом жене Ольге Леонардовне.

5. Допустимость категорического уклонения от общения с нежелательным собеседником

Эта яркая типологическая черта коммуникативной личности писателя сохраняется на протяжении всей его жизни. Все признаки, подтверждающие эту особенность чеховского коммуникативного поведения, остаются ядерными: *допустимость ухода от избыточного или нежелательного общения; использование посредника для объяснения нежелательному собеседнику причин, по которым общение с ним адресанта не может состояться.*

В воспоминаниях современников много свидетельств «бегства» Антона Павловича от нежелательных собеседников. Когда у писателя была возможность «сбежать» от гостей – он «сбегал». Когда такой возможности у него не было, он пользовался своей привилегией исчезать в своей комнате от надоедливых посетителей. Выше в работе, в описании параметра «Уклонение от общения приводятся примеры (воспоминания К.С. Станиславского, И.Н. Потапенко), подтверждающие устойчивость указанных признаков.

6. Стремление избегать публичных выступлений

Данная типологическая черта проявляется в структуре личности А.П.Чехова довольно ярко, её отражают такие ядерные коммуникативные признаки, как *резко негативная реакция на предложение выступить публично; допустимость ухода от избыточного или нежелательного общения.*

А.П. Чехов эту черту осознавал, говорил о ней собеседникам. Неприязнь к публичным выступлениям и страх перед ними сохраняется в коммуникативном поведении писателя до конца жизни.

7. Стремление к деликатности и вежливости в общении

Все признаки, подтверждающие устойчивость данной типологической черты А.П. Чехова, остаются ядерными и неизменными: *реакция на неделикатность посетителя вежливой сдержанностью; деликатное пристыживание адресата в качестве реакции на его необязательность; отсутствие стремления монополизировать разговор; ровность в общении с людьми разных возрастов, рангов, профессий и сословий; мягкость в споре.*

Несмотря на устойчивость ядерных признаков, в дальней периферийной зоне коммуникативной личности писателя появляется новый признак: *сильная негативная реакция на невыполнение обещаний, обязательств другими людьми.* Она не входит в типологическую черту коммуникативной личности, но сигнализирует о перспективе ослабления типологической черты в одном из ее признаков.

Если раньше молодой Чехов в деликатной форме объяснял собеседнику, в чем он неправ, аккуратно пристыживая его, то у зрелого Чехова проявляется стремление к резкому прекращению контакта с необязательным адресатом безо всяких объяснений и, если это возможно, к возложению миссии неприятных объяснений на третьих лиц.

8. Высокая откровенность в обсуждении бытовых вопросов и низкая в характеристике своего душевного состояния

Данную типологическую черту составили признаки параметра «Искренность и откровенность в общении»: несущественно усилившийся ядерный признак *стремление к откровенности в сообщении бытовых подробностей о своей жизни* и признаки ближней периферии: *высокая степень откровенности в характеристиках своего физического состояния; низкая степень откровенности в характеристиках своего душевного состояния.*

У А.П. Чехова в последние годы жизни повысилась готовность обсуждать бытовые подробности, он много пишет о них в письмах разным адресатам. Он может откровенно сообщить адресату, что давно не мылся, в чем он одет, рассказать, что подстригся и т.д.

Особенно это проявляется в письменном общении Антона Павловича с Ольгой Леонардовной, при этом возникает речевой жанр детальных бытовых отчетов мужа перед женой о содержании себя в чистоте и порядке.

Ослабление типологической черты происходит по признаку *высокая степень откровенности в характеристиках своего физического состояния.* Данный признак ослабляется в общении А.П. Чехова с сестрой и матерью и некоторыми другими адресатами в обсуждении своего состояния здоровья. Писатель не хочет беспокоить родных, а также опасается, что информация о его здоровье от кого-нибудь из его знакомых попадет в газеты и начнется ее публичное обсуждение. Также ослабление этого признака находим и в сообщениях писателя многим адресатам о своей душевной хандре, скуке и тоске по Москве во время пребывания его в Ялте.

В дальней периферии структуры коммуникативной личности А.П. Чехова появляется новый признак: *высокая частотность признаний в любви к жене.* В письмах Чехова к Книппер рождается речевой жанр «признание в любви», не реализованный им ранее. До 1899 года в письменном общении А.П. Чехова с другими женщинами, такого откровения не было. Чувства и свое отношение к женщинам молодой Чехов проявлял в косвенной форме, полунамекami, обычно через жанр флирта, то приближая к

себе женщину, то отдаляясь от нее, играя с ней, как кошка с мышкой. Появление этого признака способствует еще большему ослаблению признака *низкая степень откровенности в характеристиках своего душевного состояния.*

9. Тяготение к обсуждению культуры, литературной, театральной, природно-географической тематики, тем дома, сада и благотворительности

Данная типологическая черта очень устойчивая, она не только не поменялась, но и усилилась в последние годы жизни.

Однако появление на дальней периферии новых признаков: *заметный интерес к политике и готовность ее обсуждать, частотность обсуждения собственного настроения, состояния, трудоспособности;* свидетельствуют о расширении предпочтительной для А.П. Чехова тематики общения.

10. Стремление к краткости и простоте изложения мыслей

Данную типологическую черту составили устойчивые ядерные признаки: *пристрастие излагать свои мысли по пунктам; стремление к краткости и информативности изложения.*

Она остается неизменной на протяжении всей жизни, признаков, влияющих на ее изменение, мы не наблюдаем.

11. Стремление к регулятивности

Указанную типологическую черту А.П. Чехова позволили выявить следующие ядерные коммуникативные признаки: *высокая степень коммуникативной доминантности в общении с родными; стремление к педагогической доминантности.*

У писателя была склонность к модификации поведения адресата. Он любил давать советы, как лучше устроить быт, как правильнее питаться, следить за здоровьем, вести финансовые расходы, как лучше поступать в профессиональной деятельности. Он требовал от членов своей семьи уважительного отношения друг к другу и прислуге, порядка в доме. Наиболее ярко в его коммуникативном поведении высвечивается такой

признак, как *педагогическая доминантность*. Она проявляется в общении с братьями, молодыми людьми, начинающими писателями, независимо от их возраста. Чаще всего писатель требует от них самодисциплины, самосовершенствования и перфекционизма в их деле.

В коммуникативном поведении молодого Чехова нами были замечены и такие признаки, как *нравоучительство и морализаторство; допустимость вмешательства в финансовые дела третьего лица; допустимость прямого вмешательства в профессиональную деятельность адресата*. Однако в последний период жизни эти признаки сильно ослабели и ушли на дальнюю периферию, что позволяет нам сделать вывод о тенденции к ослаблению рассматриваемой типологической черты к концу жизни.

12. Побуждение к активным действиям

Рассматривая типологическая черта одна из самых ярких в коммуникативной личности А.П. Чехова. Ее составили 3 ядерных признака, которые остались постоянными на протяжении всей жизни: *частотность побуждений собеседника к перемене места; многочисленные активные побуждения адресатов к писательской деятельности; активное побуждение адресата к чтению*; 2 ядерных признака, усиленных в последние годы жизни: *активное побуждение адресата купить участок земли под дачу в определенном месте; частотность обращений с просьбой к друзьям и знакомым о принятии участия в благотворительных проектах*; 3 ослабленных признака с ближней периферии: *пристрастие оформлять деловые просьбы к братьям в виде шуточных поручений или «господских указов»; частотность побуждений адресата к устному общению; активное побуждение адресата к написанию письма адресанту*.

Последние 3 признака, оказались ослабленными из-за влияния на них усиленного ядерного признака из параметра «Контактность» *расширение с каждым годом круга общения, увеличение объема переписки и количества адресатов*.

Большинство перечисленных признаков, составляющих данную типологическую черту, являются очень яркими в структуре коммуникативной личности А.П. Чехова. Их яркость определяется наличием и вариативностью коммуникативных приемов, используемых писателем при побуждении собеседника к активному действию.

Уход на дальнюю периферию таких признаков, как *шутливые побуждения адресата присылать ему свое произведение или произведения третьих лиц для критики; активное побуждение адресата к написанию письма третьему лицу, многочисленность шутливых поручений братьям при прощании* также произошел под влиянием признака, обозначающего увеличение круга общения и объема переписки.

Таким образом, просматривается тенденция в сторону некоторого ослабления данной типологической черты.

13. Стремление к оцениванию

Данная типологическая черта самая яркая и в то же время самая динамичная в структуре коммуникативной личности А.П. Чехова. Ее признаки больше всего подвержены изменениям. Несмотря на то, что писатель на протяжении всей жизни отдает предпочтение одним и тем же объектам оценки: человек (мужчина, женщина, группы лиц), погода, природа, города, художественные произведения и творческая деятельность, он в разные периоды жизни акцентирует внимание на различных характеристиках объектов.

Наиболее подвижными являются оценки погоды и природы. Они самые эмоциональные и больше всего претерпели изменений. Восторженные оценки ушли в ближнюю периферийную зону, для А.П. Чехова стало предпочтительным давать краткие и сдержанные оценки погодным и природным явлениям.

Оценки мужчин оказались более подвижными, чем оценки женщин. Сравнительных оценок мужчин и женщин по уму и таланту в последние годы жизни писателя мы не наблюдаем.

Оценочность А.П. Чехова литературных произведений и творческой деятельности писателей в последние годы жизни сильно выросла. Также выросла и оценочность городов, об этом свидетельствуют два усилившихся ядерных признака.

В рамках данной черты прослеживается также тенденция к снижению эмоциональности в оценках человека.

14. Стремление к иронической самооценке и самокритике

Данная типологическая черта также достаточно динамична. 50% признаков расположились в ядерной зоне, а 50% – в зоне ближней периферии. Типологическую черту составляют следующие ядерные признаки: *незначительная доля положительных самооценок в серьезной тональности; высокая доля положительных самооценок в форме шуточного самовозвеличивания; заниженная оценка собственного произведения; незначительная доля серьезной критической самооценки в письмах близким.*

В сторону ближней периферии сдвинулись следующие признаки: *использование иронической самопрезентации; использование уничижительной самопрезентации; ироническая форма самокритики; высокая доля категоричности в оценке своего характера и личностных качеств; частотность критической самооценки себя как писателя и оценки своих произведений.*

Как видим, основная тенденция критического отношения к себе и своим произведениям у А.П. Чехова остается неизменной, при этом начинает просматриваться тенденция к смягчению категоричности в самокритике и к снижению иронической самоподачи: все реже встречается его коммуникативная тактика шуточного самоуничижения, хотя тактикой шуточного самовозвеличивания он продолжает пользоваться.

15. Негативное реагирование на критику

А.П. Чехов отрицательно относился к критике не только в свой адрес, но и в адрес отсутствующего третьего лица. Данную типологическую черту характеризуют следующие признаки: *нетерпимость к критике его*

литературных произведений адресатами или третьими лицами (активная самозащита); многократные сообщения адресатам о реакции критиков и публики на свое произведение; доминирование сдержанной реакции над эмоциональной в случае критики адресатом; оправдание и защита отсутствующего дискредитируемого лица; невербальная негативная реакция на критику, направленную на третье лицо, в виде уклонения от разговора.

В дальней периферийной зоне структуры коммуникативной личности А.П. Чехова оказались признаки, указывающие на эмоциональную реакцию писателя на критику и на шуточный ответ на критику. Заметна тенденция резкого ухода в сторону сдержанной реакции.

16. Негативное реагирование на чрезмерную похвалу и чествования

Данная типологическая черта довольно устойчива. Ее характеризуют следующие признаки: *резко негативная реакция на овации, пафосную речь и чествование в свой адрес (реакция «бегством»); резко негативная реакция на чрезмерное внимание к своей персоне; негативная реакция на неумеренную похвалу в его адрес; негативная реакция на свою популярность.*

Появление в дальней периферии признака *допустимость резкого прерывания публичного чествования в свой адрес шуточной дискредитацией выступающего* сигнализирует о появлении новой коммуникативной тактики отвлечения внимания от своей персоны.

17. Склонность к высокой языковой креативности и юмористическому регистру общения

Данная типологическая черта одна из самых ярких и динамичных в коммуникативном поведении А.П. Чехова. Языковую креативность и юмористический регистр общения, а они между собой крепко связаны, писатель сохраняет на протяжении всей своей жизни. Тем не менее, наблюдается несущественное ослабление признаков данной типологической черты: все коммуникативные признаки (кроме признака *любовь к*

розыгрышам), характеризующие юмористический регистр общения, перешли в последние 7 лет жизни в зону ближней периферии.

18. Сдержанное, но выразительное невербальное общение

Данная типологическая черта остается неизменной на протяжении всей жизни писателя. По воспоминаниям современников, А.П. Чехов демонстрировал достаточно выразительное невербальное поведение: поправлял пенсне, жестами делал риторические акценты на словах, пощипывал бородку, при разговоре в случае недовольства нервно двигал на столе предметы, имел привычку ходить по комнате при разговоре. При этом общая манера его невербального коммуникативного поведения оценивается современниками как сдержанная.

Таким образом, нами выделено 18 типологических черт коммуникативной личности А.П. Чехова. Данные черты охватывают ядерные признаки его коммуникативной личности, а также отдельные признаки из ближней периферии, и в совокупности составляют коммуникативный образ писателя, в котором он предстает своим собеседникам.

Заключение

Исследование показало важность и осуществимость научного исследования и реконструкции коммуникативной личности писателей по материалам их переписки и воспоминаниям современников.

Разработаны, определены и дифференцированы основные понятия, необходимые для описания коммуникативной личности – понятия *коммуникативной личности, доминантного признака коммуникативной личности, ядра и периферии коммуникативной личности, типологической черты коммуникативной личности, коммуникативного образа личности.*

В работе предложено понимание *коммуникативной личности* как индивидуальной совокупности коммуникативных признаков личности,

отражающих доминантные тенденции ее коммуникативного поведения в типовых коммуникативных ситуациях.

Коммуникативная личность дифференцирована от языковой личности и лингвокультурного типажа. *Языковая личность* есть часть коммуникативной личности, одна из ее составляющих. *Лингвокультурный типаж* выступает как коллективный, групповой, а не индивидуальный портрет конкретной личности.

Впервые в русистике комплексно описана коммуникативная личность А.П. Чехова на материале полного анализа его эпистолярного наследия и воспоминаний о писателе.

Показано, что описание коммуникативной личности писателя может быть эффективно осуществлено в форме выявления *доминантных признаков* его коммуникативной личности – признаков его коммуникативной деятельности, которые представлены в материалах исследования (текстах и воспоминаниях) наиболее частотно и наименее противоречиво,

При описании коммуникативной личности учитываются только не противоречащие друг другу выявляемые коммуникативные характеристики. Противоречащие характеристики фиксируются как установленные факты, но они не включаются в итоговое описание коммуникативной личности, куда входят только доминантные черты. Противоречащие характеристики могут быть интерпретированы применительно к определенной ситуации или адресату, в этом случае они требуют специального объяснения и описания.

Коммуникативная личность индивида эффективно отражается модифицированным вариантом параметрической модели описания коммуникативного поведения через выявление отдельных характерных особенностей коммуникативного поведения личности в рамках выявленных параметров.

В диссертации разработана и апробирована поэтапная методика описания коммуникативной личности писателя, предусматривающая пять последовательных исследовательских процедур.

С помощью разработанной методики построена динамическая модель коммуникативной личности А.П. Чехова, согласно которой в ядро вошли коммуникативные признаки, оставшиеся неизменными в течение всей его жизни, а также признаки, усилившиеся у писателя в последние годы. Ближнюю периферию составили несущественно ослабившиеся признаки, дальнюю – существенно ослабившиеся признаки, а также новые признаки, появившиеся у А.П. Чехова только в последние годы его жизни. В крайней периферии оказались признаки, которые к концу жизни исчезли из коммуникативного поведения писателя.

На основании построенной модели выявлены *типологические черты* коммуникативной личности писателя – обобщенные характеристики отличительных особенностей его коммуникативной личности и реконструирован обобщающий *коммуникативный образ* писателя, в котором он предстал перед собеседниками.

По итогам проведенного исследования коммуникативный образ А.П.Чехова выглядит следующим образом: *высокая общительность; стремление к увеличению круга общения; стремление к традиционной этикетной вежливости; стремление к нестандартным формам вступления в общение и завершения общения, к нестандартным формам выражения мысли в целом; допустимость категорического уклонения от общения с нежелательным собеседником; стремление избегать публичных выступлений; стремление к деликатности и вежливости в общении; высокая откровенность в обсуждении бытовых вопросов и низкая в характеристике своего душевного состояния; тяготение к обсуждению литературной, театральной, природно-географической тематики, тем культуры, дома, сада и благотворительности; стремление к краткости и простоте изложения мыслей; стремление к регулятивности; побуждение к активным действиям; стремление к оцениванию; стремление к иронической самооценке и самокритике; негативное реагирование на критику; негативное реагирование на чрезмерную похвалу и чествования; склонность*

к высокой языковой креативности и юмористическому регистру общения; сдержанное, но выразительное невербальное общение.

Исследование показало, что коммуникативная личность – устойчивая характеристика коммуникативного поведения индивида, она сохраняется на протяжении всей жизни как совокупность устойчивых признаков с возможными незначительными модификациями. Коммуникативная личность складывается под влиянием характера, образования, профессии, образа жизни, окружающей обстановки, семьи, сферы деятельности, опыта общения индивида и многих других, не поддающихся конечному исчислению факторов, формируется в молодости и обладает достаточной устойчивостью на протяжении всей жизни человека.

Предложенная в нашей работе методика описания коммуникативной личности А.П. Чехова и терминологический аппарат такого описания, как представляется, могут быть использованы для реконструкции коммуникативной личности и других русских писателей. Большой интерес представляет, например, реконструкция коммуникативной личности таких писателей и поэтов, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, С.А. Есенин. Предложенная методика может быть также применена и к реконструкции коммуникативной личности известных русских общественных и политических деятелей прошлого, оставивших эпистолярное наследие и представленных в воспоминаниях современников.

Таковы основные результаты проведенного исследования.

Список использованной литературы

1. Аверенцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура / С.С.Аверенцев // Бахтин как философ. – М., 1992. – С.7-9.
2. Аверинцев С.С. София-Логос / С.С. Аверенцев. – Киев: Дух и Литера, 2000. – 912 с.
3. Аверинцев С.С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России / С.С. Аверенцев // Риторика и истоки европейской культурной традиции. – М., 1996. – С.319-329, 347-367.
4. Азарова Л.Е. Язык произведений А.П. Чехова / Л.Е. Азарова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2011. – №5. – С.83-86.
5. Академическое общение: колл. монография / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2010. – 194с.
6. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи / Под ред. В.И. Карасика.– Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.
7. Альшеева Ю.С. Речевой портрет современного политического лидера: Дис. ...канд. филолог. наук: 10.02.01 / Альшеева Юлия Сергеевна; [Место защиты: Волгоградский гос. ун-т.] – Волгоград, 2012. – 231с.
8. Американское коммуникативное поведение / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2001. – 224 с.
9. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс: учебное пособие / В.И.Аннушкин. –2-е изд., испр. – Москва: Флинта, Наука, 2007. – 290 с.
10. Аннушкин В.И. Язык и жизнь. Книга о русском языке – речи – слове / В.И. Аннушкин. – М., 2009. – 320 с.
11. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в ментальном пространстве языка / А.П.Бабушкин // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы Всероссийской научной конференции. – М., Пенза, 2001. – С. 11-12.

12. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин; науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001.– 86 с.
13. Бабушкин А.П. Перевод реалий в свете проблем когнитивной семантики / А.П. Бабушкин, М.Т. Жукова // Проблемы культурной адаптации текста: тезисы докладов международной конференции.– Воронеж, 1999. – С. 11-13.
14. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин; науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996.–103 с.
15. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора Анатолия Федоровича Кони: Дис. докт. филолог. наук: 10.02.01 / Баишева Зилия Вагизовна; [Место защиты: Башкирский гос. ун-т]. – Уфа, 2007. – 538 с.
16. Балакай А.Г. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX-XX вв.: в 2 т. / А.Г.Балакай. – Кемерово: Новокузнецкий госпединститут, 1999.
17. Барлас Л.Г. Образ автора в рассказе Чехова «Попрыгунья» / Л.Г.Барлас // Чеховские чтения. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. университета, 1974. – С.170-177.
18. Барлас Л.Г. Персонаж, повествователь, автор в речевой структуре рассказа Чехова «Соседи» / Л.Г. Барлас // Творчество А.П. Чехова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. пединститута, 1986. – С.29-46.
19. Барлас Л.Г. Способы выражения авторской модальности в рассказах А.П. Чехова / Л.Г. Барлас // Язык и стиль А.П. Чехова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. университета, 1986. – С.29-36.
20. Баскакова Л.В. Изобразительно-выразительные средства создания комического в портретной живописи А.П. Чехова / Л.В Баскакова //

- Проблемы экспрессивной стилистики. – Вып. 3. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. университета, 1996. – С. 26-30.
21. Баскакова Л.В., Чмыхова Н.М. Особенности организации описательного текста в произведениях А.П. Чехова / Л.В.Баскакова, Н.М. Чмыхова // Языковое мастерство А.П.Чехова. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1988. – С.144–147.
 22. Батракова В.Е., Лапотько А.Г. Особенности коммуникативного поведения старшеклассников / В.Е. Батракова, А.Г. Лапотько. – Воронеж: Истоки, 2006. – 44 с.
 23. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 542 с.
 24. Белова А.В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации: на материале переписки Ал. П. Чехова и А.П. Чехова: Дис. ...канд. филолог. наук: 10.02.01 / Белова Анна Владимировна; [Место защиты: Санкт-Петербургский гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2005. –152 с.
 25. Бердников Г.П. А.П. Чехов / Г.П. Бердников. – Серия биогр. Жизнь замечательных людей. – Вып.17 (549). – Изд. 2-е. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 512 с.
 26. Беспмятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дисс...канд. филолог. наук / Г.Н. Беспмятнова. – Воронеж, 1995. – 19 с.
 27. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Дис. ... док. филолог. наук: 10.02.01 / Богин Георгий Исаевич; [Место защиты: Ленинградский гос. ун-т]. – Л.,1984. – 354 с.

28. Богин Г.И. Рефлексия и понимание в коммуникативной подсистеме «человек – художественный текст» / Г.И. Богин // Текст в коммуникации: сб. науч. трудов. – М., 1991. – С.2-40.
29. Богомолов А.Ю. Языковая личность персонажа в аспекте психопэтики: на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / А.Ю. Богомолов. – Череповец, 2005. – 24 с.
30. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С.25-36.
31. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С.18-36.
32. Борев Ю.Б. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю.Б. Борев. – М.: Искусство, 1970. – 268 с.
33. Васильева М.Н. Языковая личность В.Е. Максимова: на материале художественной прозы: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / М.Н.Васильева. – Уфа, 2015. – 24 с.
34. Вахтель Н.М. «Язык говорит человеком». О языковой личности И.П.Распопова / Н.М. Вахтель, Т.Н. Голицына, Т.И. Распопова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 10. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1998. – С. 171-180.
35. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В.Виноградов. – М.: Госполитиздат, 1959. – 654 с.
36. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека / Т.Г. Винокур // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 361-369.

37. Воркачѐв С. Г. Лингвокультурная концептология: становление иперспективы / С. Г. Воркачѐв // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66, (№ 2). – С. 13–22.
38. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г.Воркачѐв // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
39. Воркачѐв С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачѐв // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011 – Т. 70, (№ 5). – С. 64–74.
40. Ворожбитова А.А. Теория текста. Антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова. – М., 2005. – 368 с.
41. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
42. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 3-е изд., стер. – М. : УРСС, 2005. – 137 с.
43. Гарипова Г.Ш. Языковая личность персонажа: общее и различное в категоризации вежливости: на материале оригинала и перевода романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на английский язык: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Г.Ш. Гарипова. – Казань, 2011. – 24 с.
44. Гетте Е.Ю. Гендерное коммуникативное поведение / Е.Ю. Гетте. – Воронеж: НОУ НПИОЦ, 2009. – 210 с.
45. Горелов И.Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие / И.Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2001.– 304с.
46. Грачев М.А., Грачев А.М. Современные проблемы лингвокриминалистики как науки / М.А Грачев, А.М Грачев // Вестник Череповецкого госуниверситета. – 2015. – №1. – С.26-29.
47. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: изд. Свердловского пед. университета, 1996. – 215 с.

48. Гришаева Л. И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб, пособие / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – 3-е изд., исправ. – М.: ИЦ «Академия», 2006. – 300 с.
49. Гусева С.В. Textoобразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова: автореф. дис...канд. филолог. наук. / С.В. Гусева. – Нижний Новгород, 2006. – 22 с.
50. Демченко А.А. Н.Г.Чернышевский: Научная биография (1828-1858) / А.А. Демченко. – М.,СПб.: Петроглиф. – 2015. – 624 с.
51. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» / О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.74-88.
52. Дмитриева О.А. Ценностные характеристики в структуре лингвокультурного типажа /О.А. Дмитриева // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 9. – С.55-59.
53. Долженко Н.Г., Соскунова О.А. Этикетная функция обращений в письмах А.П. Чехова / Н.Г. Долженко, О.А. Соскунова // Вестник угроведения. – 2013. – №3(14). – С.38-46.
54. Дружинина В.В. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев): Дисс. ...канд. филолог. наук: 10.02.01 / Дружинина Варвара Валентиновна; [Место защиты: Кубанский гос. ун-т]. – Сочи, 2004. – 215 с.
55. Дубинина И.И. Коммуникативный типаж начальника / О.А.Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.298- 309.
56. Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н.А.Некрасова: в 3 т. / В.Евгеньев-Максимов. – М., Л.: Госполитиздат. – 1947-1952.
57. Елизарова М.М. Языковая личность эмигранта в рассказах Тэффи

- 1920-40-х годов: автореф. дис. ...канд. филолог.наук / М.М. Елизарова. – Санкт-Петербург, 1999. – 24 с.
58. Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего / Т.И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск: УрГУ, 1990. – С.23-36.
59. Жинкин Н.И. Психолингвистика: избранные труды / Н. И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 2009. – 287 с.
60. Залевская А.А Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: РГГУ, 2000. – 382 с.
61. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. научн. ст. – Тверь: ТГУ, 2002. – С.5-18.
62. Залевская А.А Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
63. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С.36-44.
64. Залогина Е.М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты: на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ...канд. филолог.наук / Е.М. Залогина. – Санкт-Петербург, 2004. – 24 с.
65. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
66. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М.: Наука 1983. – С.172-214.
67. Захарова В.Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А.П. Чехова / В.Е. Захарова // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского госуниверситета, 1988. – С.110-115.

68. Ибатуллина Г.М. Человек в параллельных мирах: художественная рефлексия в поэтике чеховской прозы / Г.М. Ибатуллина. – Стерлитамак: Стрелитамакаская государственная педагогическая академия, 2006. – 200 с.
69. Иванчикова Е. А. Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте / Е.А. Иванчикова // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. – М., 1981. – С. 92-110.
70. Ивушкина Т.А. Лингвокультурный типаж «английский аристократ» / Е.А. Иванчикова // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.62-74.
71. Измайлов А. Чехов: Биография / А. Измайлов. – М.: Захаров, 2003. – 480 с.
72. Ишегулова А.М. Языковая личность писателя Яныбая Хамматова: на материале художественных текстов: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / А.М. Ишегулова. – Уфа, 2016. – 23 с.
73. Каменская Ю.В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова: Дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.01. / Каменская Юлия Валерьевна; [Место защиты: Саратовский гос. ун-т]. – Саратов, 2001. – 173 с.
74. Каракуц-Бородина Л.А. Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста: лексический аспект: на материале русскоязычной прозы: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Л.А.Каракуц-Бородина. – Уфа, 2000. – 24 с.
75. Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора / А.В. Карасик. – Волгоград: Просвещение, 2001. – 193 с.
76. Карасик В.И. Американский супермен как коммуникативный типаж // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики и лингвистики. – Вып.2. – Волгоград, 2004. – С. 194-200.

77. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В.И.Карасик // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.25-62.
78. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
79. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия/ В.И. Карасик, О.А.Дмитриева // Аксиологическая лингвистика. Лингвокультурные типажы. Сб. научн. тр. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.5-25.
80. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик В.И., Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. ст. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
81. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд.5-е стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
82. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения / Ю.Н.Караулов // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С.3-8.
83. Кац Е. А. Языковая личность в поэтическом идиолекте Георгия Иванова: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Е.А. Кац. – Москва, 2009. – 24 с.
84. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВТГУ, 2000. – 175 с.
85. Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика: учебное пособие для вузов / В.Б. Кашкин. – Воронеж, 2007. – 88 с.
86. Квартовкина Ю.О. Лингвокультурный типаж «русский дворянин»/ Ю.О. Квартовкина //Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.128-135.

87. Ковалев Г.Ф. А.П.Чехов и имя / Г.Ф. Ковалев // Вестник Воронежского государственного университета.: Серия Филология. Журналистика. – 2005. – №1. – С.57-60.
88. Ковалев Г.Ф. Биографизм ономастики А.П. Чехова / Г.Ф. Ковалев // Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова. Материалы международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге». / Г.Ф. Ковалев // – Таганрог, 2011. – С. 49-58.
89. Ковалев Г.Ф. Именной каламбур А.П.Чехова / Г.Ф. Ковалев // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. – Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2010. – С.218-223.
90. Ковалев Г.Ф. Именной каламбур русских писателей / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: Истоки, 2014. – 180 с.
91. Ковалев Г.Ф. Ономастика в биографии и творчестве А.П.Чехова / Г.Ф. Ковалев // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Международный сборник научных трудов. – Воронеж, 2012. – С.53-74.
92. Ковалев Г.Ф., Ваффа Э. Обозначение людей диминутивной лексикой в ранних рассказах А.П.Чехова / Г.Ф. Кавалев, Э. Ваффа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №2. – С.116-119.
93. Кожина М.Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
94. Кожевникова Н. А. Язык и композиция произведений А.П. Чехова / Н.А. Кожевникова. – Н. Новгород, 1999. – 103 с
95. Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, чехи, словаки, поляки / Науч. ред. П. Пипер, И.А. Стернин. – Вып. 19. – Воронеж, 2004. – 227с.

96. Коммуникативное поведение славянских народов. Русские, сербы, украинцы, словаки, поляки / Науч. ред. П. Пипер, И.А. Стернин. – Вып. 22. – Воронеж, 2006. – 206 с.
97. Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах к жене / М.А. Кормилицына // Вопросы стилистики. – Вып.26. – Саратов, 1996. – С. 43-48.
98. Космеда Т. Комунікативна компетенція Івана Франка: міжкультурні, інперсональні, риторичні виміри /Т. Космеда. – Львів: ПАІС, 2006. – 328 с.
99. Косолюбова И.В. Лингвокогнитивные механизмы создания комического в ранней прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / И.В. Косолюбова. – Белгород, 2006. – 22 с.
100. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте / Т.В.Кочеткова. – Саратов: Изд. Саратовского гос. ун-та, 1998. – 211 с.
101. Кошарная С.А. Языковая личность в контексте этнокультуры: учебное пособие / С.А. Кошарная. – Белгород: Изд-во БелГУ., 2010. – 140 с.
102. Красавский Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы / Н.А. Красавский //Лингвистические парадигмы: традиции и новации. – Материалы международного симпозиума молодых учёных «Лингвистическая панорама рубежа веков» – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 18-28.
103. Красавский Н.А. Эволюция и семантизация эмоционального мира человека / Н.А. Красавский //Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Тезисы докл. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 81-83.
104. Красавский Н. А Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

105. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В.В.Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
106. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
107. Кретов А.А. Архаисты и новаторы в русской литературе XVIII – начала XX вв. / А. А. Кретов // Универсалии русской литературы. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 29–48.
108. Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова / Л.Е. Кройчик. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1986. – 278 с.
109. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90-106.
110. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: Искусство стилизации: Дис. ...докт. филолог. наук: 10.01.01 / Александр Васильевич Кубасов; [Место защиты: Уральский гос.- пед. ун-т]. – Екатеринбург, 1999. – 464с.
111. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова. – М.: МГУ 1996. – 245 с.
112. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология-когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 34-47.
113. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
114. Куган Е.И. Перцептивные концепты и языковая личность в художественном дискурсе: на материале произведений Б. Пастернака и М. Пруста: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Е.И. Куган. – Белгород, 2017. – 22 с.

115. Кудинова Т.А. Просторечие и диалект в языке А.П. Чехова: к характеристике языковой личности писателя: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Т.А. Кудинова. – Краснодар, 2000. – 24 с.
116. Кузичева А.П. Ваш А.Чехов / А.П. Кузичева. – М.: Согласие, 2000. – 388 с.
117. Кулибина Н. В. Методика обучения чтению художественной литературы / Н. В. Кулибина. – М: Флинта, 2018. – 300 с.
118. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н.А. Купина. – Красноярск 1983. – 160 с.
119. Кыштымова Т.В. Лингвистический анализ эпистолярного наследия А.П. Чехова / Т.В. Кыштымова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – №5. – С. 255-264.
120. Кыштымова Т.В. Трансформация фразеологизмов в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова / Т.В. Кыштымова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №11. – С. 238-246.
121. Кыштымова Т.В. Языковые средства выражения комического в письмах А.П. Чехова: Дис. ...канд. филолог. наук: 10.01.01 / Татьяна Викторовна Кыштымова; [Место защиты: Челябинский гос.-пед. ун-т]. – Челябинск, 2011. – 261 с.
122. Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника / Н.А.Лемяскина, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2000. – 190 с.
123. Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника (на материале речевого поведения учащихся 1-4 классов) / Н.А.Лемяскина. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 330 с.
124. Леонтьев А.А. Путешествие по карте языков мира / А.А.Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.

125. Леонтьев А.А Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл; Лань, – 2003. – 285 с.
126. Леонтьев А.А Психология речевого общения / А.А. Леонтьев. – М., 2005. – 365 с.
127. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / А.А. Леонтьев. – М., 1973. – 38 с.
128. Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности» / Под ред. В.И. Карасика – Волгоград: Парадигма, 2010. – 235 с.
129. Литвинов А.Н. О культуротворческой функции художественного стиля / А.Н. Литвинов. – Луганск, 1992. – 12 с.
130. Литус Е.В. Эволюция идиолекта писателя: на материале ранних и поздних рассказов А.П. Чехова: Дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.01/ Елена Викторовна Литус; [Место защиты: Орловский гос. ун-т]. – Славянск-на-Кубани, 2003. – 266 с.
131. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность, 1997. – С. 280-287.
132. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-литературном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Ю.М. Лотман / Избранные статьи: в 3 томах. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С.365-380.
133. Лотман Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб: Искусство-СПБ, 1998. – 702 с.
134. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
135. Лю Лицзюнь Герой рассказов В. Шукшина как национальная языковая личность: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Лю Лицзюнь. – Санкт-Петербург, 2009. – 22 с.
136. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин: Биография в 4 т. / С.А.Макашин. – 2-е. изд., доп. – М., 1949-1989.

137. Менькова Н.Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей: по материалам Б. Акунина: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Н.Н. Менькова. – Москва, 2005. – 16 с.
138. Мироненко М.В. Шутник как коммуникативная личность: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / М.В. Мироненко. – Волгоград, 2005. – 19 с.
139. Михальская А.К. Категория риторического / А.К. Михальская // Тезисы докл. науч.-метод. конф. «Культура речи-культура общения». – Воронеж: ВГУ. – 1996. – С. 8-10.
140. Михальская А.К. Лингвопрагматика и риторика XX века / А.К. Михальская // Психолингвистика в очерках и извлечениях. Хрестоматия. / Под общ. ред. В. К. Радзиховской. – М.: Academia, 2003. – С.435-447.
141. Михальская А.К. Метод анализа и описания речевого поведения политика в интервью / А.К. Михальская // Тезисы науч.-практ. конф «Журналистика в 1999 г» . – Ч.5. – М.: МГУ, 2000. – С 18-24.
142. Михальская А.К. Риторика и речевое поведение в массовой коммуникации: опыт обобщающей модели / А.К. Михальская // Проблемы речевой коммуникации Сб. науч. трудов. – Саратов: СГУ, 2003. – С. 5-8.
143. Михальская А.К. Язык российских СМИ как манипулирующая система / А.К. Михальская // Тезисы науч.-практ. конф. «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования», 25-26 октября 2001 г. – М.: МГУ. – 2001. – С.23-26.
144. Мухин М.Ю., Филатова Е.Р. Лексическая статистика и идиостиль А.П. Чехова / М.Ю. Мухин, Е. Р. Филатова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук,

- профессора Л. Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 507-517.
145. Наумова Т.С. Коммуникативное поведение Л.Н.Толстого: на материале эпистолярного наследия и мемуаров: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / Т.С. Наумова. – Курск, 2009. – 21 с.
146. Научная школа профессора Зинаиды Даниловны Поповой / Ред. И.А.Стернин, М.А.Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – 248 с.
147. Нечаева В. С. В.Г.Белинский: Жизнь и творчество: в 4 т. / В.С.Нечаева. – М: Изд. Академ. наук; Наука, 1954-1968.
148. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Доклады Всесоюзной научной конференции. – Ч.2. – М., 1991. – С. 33-36.
149. Оленёв С.В. Динамическое моделирование русской языковой личности: Дис. ...канд. филолог. наук 10.02.01 / Станислав Владимирович Оленёв; [Место защиты: Кемеровский гос. ун-т]. – Кемерово, 2006. – 270 с.
150. Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. И.А.Стернина, М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2001. – 206 с.
151. Паперный З.С. Тайна сия...Любовь у Чехова/ З.С. Паперный. – М.: БСГ-Пресс, 2002. –334 с.
152. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: на материале писем Ю.М.Лотмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Я. Парсамова. – Саратов, 2004. – 23 с.
153. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д.Поливанов. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
154. Полоцкая Э.А. О поэтике Чехова / Э.А.Полоцкая.– М.: Наследие, 2000. – 238 с.
155. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 32 с.

156. Попова З.Д. Стернин И.А. К методологии лингвокогнитивного анализа / З.Д. Попова, И.А.Стернин // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. – Часть 2. – Тамбов, 2001. – С. 19-22.
157. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 192 с.
158. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 59 с.
159. Попова З.Д., Стернин И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Мир человека и мир языка. – Вып. 2. – Кемерово, 2003. – С. 6-17.
160. Попова З.Д., Стернин И.А., Стернина М.А. Лакуны и концепты в аспекте национальной специфики языка и мышления / З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.А. Стернина // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. – СПб., 2004. – С.8-23.
161. Попова З.Д., Стернин И.А. Через семантику языка к концептосфере народа / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Вторая международная конференция по когнитивной науке. – Т.2. – СПб, 2006. – С. 398-417.
162. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 2-е. испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
163. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я. Пропп. – 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 1997. – 282 с.
164. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. / Ю.Е. Прохоров. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 215 с.
165. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Д. Рейнфильд – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 896 с.

166. Романова М.С. А.А.Тарковский как языковая личность: способы репрезентации в поэтическом тексте: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / М.С. Романова. – Махачкала, 2015. – 22 с.
167. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования / С.Л.Рубинштейн. – М: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 147 с.
168. Ружицкий И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дис. ... докт. филолог. наук / И.В. Ружицкий. – Екатеринбург, 2015 – 57 с.
169. Русское и китайское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А. Стернин. – Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2002. –76 с.
170. Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А. Стернин. – Вып. 27. – Воронеж: Истоки, 2007. – 237 с.
171. Русское и немецкое коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А. Стернин, Х. Эккерт. – Вып. 1.– Воронеж: Истоки, 2002. – 181 с.
172. Русское и финское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А.Стернин. – Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 99 с.
173. Русское и финское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.П.Лысакова. – Вып. 2. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 161 с.
174. Русское и финское коммуникативное поведение/ Науч. ред. И.А.Стернин. Вып. 3.– Воронеж: Истоки, 2002. – 180 с.
175. Русское и финское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А.Стернин. – Вып. 20. – Воронеж: Истоки, 2004. – 217 с.
176. Русское и финское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А.Стернин. – Вып. 23. – Воронеж: Истоки, 2006. – 200 с.
177. Русское и финское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А.Стернин. – Вып. 26. Воронеж: Истоки, 2007. – 228 с.
178. Русское и французское коммуникативное поведение / Науч. ред. И.А. Стернин, Р.А. Ермакова. – Вып. 1 – Воронеж: Истоки, 2002. –136с.

179. Савинков С.В. Сущность и мнение в творчестве А.П.Чехова / С.В. Савинков // Филологические записки. – 2011. – №30. – С.33-45.
180. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З.Санников.– 2 изд., испр и доп. – М., 2002. – 552 с.
181. Сиротинина О.Б.Устная речь и типы речевых культур / О.Б.Сиротинина // Русистика сегодня. М. – 1995. – № 4. – С.3-21.
182. Сковородников А.П. Алогизм как риторический прием /А.П. Сковородников // Русская речь. – 2004. – № 1. – С. 39-45.
183. Сковородников А.П. Асиндетон как стилистическая фигура/ А.П. Сковородников // Русская речь. – 2004. – № 4. – С. 56-64.
184. Сковородников А.П. Экология русского языка / А.П.Сковородников. – Красноярск, 2016. – 385 с.
185. Сковородников А.П. М. В. Ломоносов и современная теория риторических приемов / А.П. Сковородников // Материалы Международной конференции «М. В. Ломоносов и развитие русской риторики». – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2004. – С. 17-28.
186. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А.П.Сковородников // Риторика – Лингвистика: сборник статей. – Вып.5. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С.5-12.
187. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» / А.П. Сковородников // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С.79-87.
188. Смирнов И.П. Древнерусский смех и логика комического. Тр. Отд. древнерусской литературы / И.П. Смирнов. – Т. XXXII. – Л.: Наука, 1977. – С. 305–318.
189. Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека: на примере произведений

- М.А.Булгакова: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / А.А. Смирнова. – Москва, 2011. – 23 с.
190. Смолина А.Н. Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке: автореф. канд. филолич. наук / А.Н.Смолина. – Кемерово, 2004. – 18 с.
191. Солганик Г.Я. О структуре художественной речи в сопоставлении с публицистической / Г.Я. Солганик // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. проф. М.П.Котюровой. – Вып. 15. – Пермь, 2011. – С. 34-42.
192. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учебное пособие для студентов, абитуриентов, преподавателей-филологов и учащихся старших классов школ гуманитарного профиля / Г.Я. Солганик. – 9-е изд. – М: Флинта, Наука, 2009. – 253 с.
193. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Ю.А.Сорокин, Е.Ф. Тарасов, А.М. Шахнарович. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБЕРКОМ,2009. – 328 с.
194. Спиридонова Л.А. Бессмертие смеха: Комическое в литературе русского зарубежья. Институт мировой литературы им. А.М. Горького / Л.А. Спиридонова. – М.: Наследие, 1999. – 128 с.
195. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова /А.Д.Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.
196. Степанов С.П. Субъективация повествования и способы организации текста: на материале повествовательной прозы Чехова: автореф. дис. ...докт. филолог. наук / С.П.Степанов. – Санкт-Петербург, 2002. – 39 с.
197. Стернин И.А. Как с кем разговаривать? / И.А. Стернин. – Воронеж: ООО РИТМ, 2018. – 155 с.
198. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И.А. Стернин //Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 65-69.

199. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и виды сознания / И.А.Стернин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Ч.2. – Волгоград, 2003. – С. 37-39.
200. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание / И.А.Стернин // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. – М.: РАН, Воронеж: ВГУ, 2002. – С.44-51.
201. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2000. – 27 с.
202. Стернин И.А. Общение с дошкольниками / И.А. Стернин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2013. – 84 с.
203. Стернин И.А. Общение с женщинами / И.А. Стернин. – Воронеж, 1997. – 34 с.
204. Стернин И.А. Общение с мужчинами / И.А. Стернин. – Воронеж, 1996. – 31 с.
205. Стернин И.А. Общение с мужчинами, женщинами, в семье / И.А.Стернин. – Изд. 8-е, испр. – Воронеж: Истоки, 2012. – 60 с.
206. Стернин И.А. Общение со старшим поколением / И.А. Стернин. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2013. – 24 с.
207. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии / И.А.Стернин // Лингвоконцептология. – Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 8-20.
208. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения / И.А.Стернин // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. – Halle, 1989. – S. 279-282.
209. Стернин И.А. О понятии «коммуникативное сознание» / И.А.Стернин // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – Москва, 2001. – С. 290-300.
210. Стернин И.А. Очерк русского коммуникативного поведения / И.А. Стернин. – Галле: Университет им. М.Лютера, 1991. – 59 с.

211. Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С. Профессиональная коммуникативная личность (коммуникативное поведение руководителя, филолога, телевизионного ведущего) / И.А.Стернин, Е.Ю. Лазуренко, М.С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2007. – 194 с.
212. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А.Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003. – 198 с.
213. Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Коммуникативное поведение как аспект обучения русскому языку как иностранному (русские и киргизы) / И.А. Стернин, У.Д. Камбаралиева // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Сборник материалов V Международной научно-методической конференции 25-27 января 2018 года. – Воронеж, 2018. – С. 375-384.
214. Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Контрастивное изучение коммуникативного поведения народов – аспект обучения языку как неродному / И.А. Стернин, У.Д. Камбаралиева // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 5. (264). – С.40-48. (2017а)
215. Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Особенности коммуникативного поведения русских и киргизов (на примере паремий) / И.А. Стернин, У.Д. Камбаралиева // Вестник киргизско-российского славянского университета. – 2017. – № 9. – С.156-160. (2017б)
216. Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Русское и киргизское коммуникативное поведение / И.А. Стернин, У.Д. Камбаралиева. – Воронеж: Ритм 2021. –216 с.
217. Стернин И.А., Прохоров Ю.Е. Русское коммуникативное поведение / И.А. Стернин, Ю.Е. Прохоров. – 4-е изд., стереотипное. – М.: Флинта-Наука. – 2011. – 328 с.

218. Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности / И.А. Стернин, К.М. Шилихина. – Воронеж: Истоки, 2001. – 136 с.
219. Стрельникова М.А. Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / М.А. Стрельникова. – Воронеж, 2005. – 18 с.
220. Сулейманова М.А. Специфика элитарной языковой личности в эпистолярном диалоге: М. Цветаева и Б. Пастернак: автореф. дис. ...канд. филолог. наук / М.А. Сулейманова. – Махачкала, 2009. – 24 с.
221. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова / И.Н. Сухих. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 180 с.
222. Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Языковое сознание: проблемы и перспективы / Е.Ф. Тарасов Н.В., Уфимцева // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Тарасова И.А. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С.735-747.
223. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И.А. Тарасова. – Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 2003. – 280 с.
224. Татарникова Г.Ф. Стилистические функции именных оборотов с отглагольными существительными в произведениях А.П. Чехова / Г.Ф. Татарникова // Проблемы языка и стиля А. П. Чехова. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983. – С. 94-101.
225. Тепляшина А.Н. Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики: автореф. дис. докт. филолог. наук / А.Н. Тарасова. – Санкт-Петербург, 2007. – 38 с.
226. Трещалина И.В. Языковая личность персонажа в прозе А.П.Чехова конца 80-х-начала 90-х годов: лексико-семантический аспект: автореф. дис. канд. филолог. наук / И.В. Трещалина. – Тверь, 1998. – 18 с.

227. Турков А.М. Чехов и его время / А.М. Турков. – М.: Гелеос, 2003. – 463 с.
228. Тюпа В.И. А.П. Чехов: новая социальность творческого поведения читателя / В.И. Тюпа // Филологические записки. – 2011. – №30. – С.25-33.
229. Тюпа В. И. Художественность чеховского рассказа / В. И. Тюпа. – М.: Высшая школа, 1989. – 133 с.
230. Уфимцева Н.В. Русские глазами русских / Н.В. Уфимцева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сборник статей к 60-летию Ю. Н. Караулова. – М.: Изд-во института русского языка РАН, 1995. – С. 242-249.
231. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С.238-249.
232. Уфимцева Н.В. Языковое сознание – образ мира – языковая картина мира / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики.– 2015. – № 24. – С.115-119.
233. Фаустов А.А. Авторское поведение А.П.Чехова и проблемы литературной генеалогии / А.А. Фаустов // Филологические записки. – 2011. – №30. – С. 6-24.
234. Фаустов А.А. «Воры» А.П. Чехова как интертекстуальная загадка / А.А. Фаустов // Кормановские чтения: Статьи и материалы межвузовской конференции. – Ижевск, 2012. – С. 187-204.
235. Фаустов А.А. Маркемный портрет А.П.Чехова / А.А. Фаустов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №2. – С.12-16.
236. Фаустов А.А. Метаморфозы «маленького человека» в ранней прозе А.П.Чехова / А.А. Фаустов // Вестник Воронежского

- государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – №2. – С.14-16.
237. Фаустов А.А., Катов М.В., Гостева А.В. Творчество А.П.Чехова в свете явления «текстовой аттракции» и ключевые произведения русской литературы / А.А. Фаустов, М.В. Катов, А.В. Гостева // Универсалии русской литературы: сборник статей. – Воронеж, 2010. – С.154-179.
238. Хачмафова З.Р. Женская языковая личность в художественном тексте: на материале русского и немецкого языков: автореф. дис. ... докт. филолог. наук / З.Р. Хачмафова. – Ставрополь, 2011. – 45 с.
239. Хлупина М.А. Особенности языковой личности С.Д. Довлатова: автореф. дис... канд. филолог. наук / М.А. Хлупина. – Москва, 2015. – 16 с.
240. Чалый В.В. Лингвопрагматический аспект художественной прозы А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / В.В. Чалый. – Краснодар, 2001.– 22 с.
241. Чернышова Е.Б. , Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника Е.Б. Чернышова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2004. – 210 с.
242. Черняк В.Д. наброски к портрету маргинальной языковой личности / В.Д. Черняк // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии – СПб. – 1994. – №2. – С.115-130.
243. Четверикова О.В. Специфика обращений в эпистолярном наследии А.П. Чехова / О.В Четверикова // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно-методических статей / под общ. ред. О.В. Четвериковой. – Вып. 2. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – С. 37-39.
244. Чудаков А.П. Поэтика Чехова /А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1971. – 291 с.

245. Чуковский К.И. Современники. Портреты и этюды / И.К.Чуковский. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 704 с.
246. Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте / Л.Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 236.
247. Шаталова О.В. Синтаксическая характеристика языковой личности / О.В. Шаталова. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – 200 с.
248. Шевченко Н.М. Языковая личность М.И. Цветаевой как объект лексикографии: автореф. дис. ...докт. филолог. наук / Н.М. Шевченко. – Москва, 2014. – 39 с.
249. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б.В. Заходера: автореф. дис... канд. филолог. наук / О.Н.Шевченко. – Волгоград, 2005. – 13 с.
250. Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М., 1996. – 226 с.
251. Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры 2001. – 595 с.
252. Язык и стиль А.П. Чехова / Отв. ред. Л.В. Баскакова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 121 с.
253. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник науч. трудов / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г.Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – 228 с.
254. Яковлев А.А., Поливанов Е.Д.: три определения языка / А.А.Яковлев, Е.Д. Поливанов // Вопросы психолингвистики. – 2020. – №1 (43). – С 121-131.
255. Bartlett R., Phillips A. Anton Chekhov. A Life in Letters / Edited by Rosamund Bartlett. – L.: Penguin Books, 2004. – 551 p.
256. Dimpleby R., Burton G. More than Words. An Introduction to Communication. – London New York: Routledge, 1998. – 270 p.

257. Jędrzejkiewicz Anna *Opowiadania Antoniego Czechowa – studia nad porozumiewaniem się ludzi.* – Warszawa, 2000. – 270 s.
258. Pritchett V. S. *Chekhov. A Biography.* – L.: Chatto & Windus, 1998. – 227 p.
259. Sternin I., Sternina M. *Russian and American Communicative Behavior.* – Voronezh: Istoki Publishing, 2003. – 96 p.
260. Vasylieva Olena *Peculiarities of Language Personality Structuring Traectoria nauki / Path of Science International.* – *Electronic Scientific Journal.* – 2016. – Vol. 2. – No. 12. – P. 414-417.

Список использованных фактических источников

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и коммент. Н. Гитович. – М.: Худож. лит., 1986. – 735 с.
2. Вокруг Чехова / сост., вступ. ст. и примеч. Е.М. Сахаровой. – М.: Правда, 1990. – 656 с.
3. Кони А.Ф. Воспоминания о писателях / А.Ф. Кони. – М.: Правда, 1989. – 656 с.
4. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 1: 1875-1886. – М.: Наука, 1974. – 581с.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 2: 1887- сентябрь 1888. – М.: Наука, 1975. – 582 с.
6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 3: октябрь 1888- декабрь 1889. – М.: Наука, 1976. – 573 с.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 4: январь1890-февраль1892. – М.: Наука, 1976. –654с.

8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 5: март 1892-1894. – М.: Наука, 1977. – 677с.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 6: январь 1895-май 1897. – М.: Наука, 1978. – 773с.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 7: июнь 1897-декабрь 1898. – М.: Наука, 1979. – 815 с.
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 8: 1899. – М.: Наука, 1980. – 711 с.
12. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 9: 1900-март 1901. – М.: Наука, 1980. – 615с.
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 10: апрель 1901-июль 1902. – М.: Наука, 1981. – 599с.
14. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 11: июль 1902-декабрь 1903. – М.: Наука, 1982. – 719 с.
15. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // под ред. Н.Ф. Бельчикова. – Т. 12: 1904. – М.: Наука, 1983. – 640 с.

Список предпочтительных адресатов А.П. Чехова по годам с указанием количества написанных писем

Данный список начинается с 1883 года, так как писем в период с 1875 г. по 1882 г сохранилось мало (всего 29 писем). Самыми предпочтительными адресатами А.П. Чехова в это время были родственники – двоюродный брат М.М. Чехов (11 писем) и родной брат Ал.П. Чехов (6 писем).

Начиная с 1883 г. предпочтительными адресатами считаем адресатов, которым было написано не менее 5 писем в год.

1883 г. – Н.А. Лейкину (16), Ал.П. Чехову (7)

1884 г. – Н.А. Лейкину (27), Д.Т. Савельеву (5)

1885 г. – Н.А. Лейкину (17)

1886 г. – Н.А. Лейкину (33), М.М. Дюковскому (9), Ф.И. Шехтелю (7), В.В.Билибину (6), М.В. Киселевой (6), Ал.П. Чехову (6)

1887 г. – Ал.П. Чехову (39), Н.А. Лейкину (24), М.П. Чеховой (10), Чеховым (9), А.С.Лазареву (Грузинскому) (8), Ф.О. Шехтелю (7), М.В. Киселевой (7)

1888 г. – А.Н. Плещееву (34), А.С. Суворину (27 писем), Ал.П. Чехову (24), И.Л.Леонтьеву (Щеглову) (22), Н.А. Лейкину (12), К.С. Баранцевичу (12), М.В. Киселевой (8), И.П. Чехову (5)

В 1889 г. – А.С. Суворину (46), А.Н. Плещееву (19), Н.Н. Оболонскому (11), Ал.П.Чехову (10), Леонтьеву (Щеглову) (9), А.П. Ленскому (7), Ал.П. Чехову (6), В.А.Тихонову (6), А.М. Евреиновой (5)

1890 г. – А.С. Суворину (24), Чеховым (21), А.Н. Плещееву (6), М.П. Чехову (5), Н.А. Лейкину (6)

1891 г. – А.С. Суворину (45), Чеховым (19), Е.М. Шавровой (12), Л.С. Мизиновой (9), М.П. Чеховой (8), И.П. Чехову (8), А.И. Смагину (8), В.А. Тихонову (7), А.И. Урусову (6), Ал.П. Чехову (5), И.П. Чехову (5), М.Н. Альбову (5), Е.П. Егорову (5)

1892 – А.С. Суворину (31), Л.С. Мизиновой (14), Е.П. Егорову (8), Е.М. Шавровой (7), А.С. Лазареву (Грузинскому) (7), А.И. Смагину (7), Ал.П. Чехову (6), Н.М. Ежову (6), Н.А. Лейкину (5), М.О. Меньшикову (5)

1893 – А.С. Суворину (14), Ал.П. Чехову (13), Л.С. Мизиновой (10), В.А. Гольцеву (10), М.П. Чеховой (8), Н.А. Лейкину (6)

1894 – А.С. Суворину (19), М.П. Чеховой (19), И.И. Горбунову-Посадову (7), Л.С.Мизиновой (6), Т.Л. Щепкиной-Куперник (6)

1895 – А.С. Суворину (28), М.П. Чеховой (11), Е.М. Шавровой (8), И.И. Горбунову (Посадову) (8), Ал.П. Чехову (5)

1896 – А.С. Суворину (17), М.П. Чеховой (17), Тихонову (Луговому) (13), П.Ф.Иорданову (10), Л.С. Мизиновой (9), В.Н. Семеновичу (9), Ал.П. Чехову (8), Е.М.Шавровой-Юст (7), Н.А. Лейкину (6), И.Я. Павловскому (6), В.А. Гольцеву (5)

1897 – А.С. Суворину (33), М.П. Чеховой (44), Ал.П. Чехову (22), Н.И. Забавину (21), Е.М. Шавровой (Юст) (20), Соболевскому (13), В.А. Гольцеву (12), В.Н. Семеновичу (11), П.Ф. Иорданову (8), Н.А. Лейкину (8), И.М. Серикову (8), Л.А. Авиловой (7), Л.С.Мизиновой (7), Чехову И.П. (6), С.И. Шаховскому (6), И.Л. Леонтьеву-Щеглову (5), Ф.О.Шехтелю (5)

1898 – М.П. Чеховой (57), И.П. Чехову (20), А.С. Суворину (17), В.А. Гольцеву (15), И.Я. Павловскому (12), П.Ф. Иорданову (12), Е.Я. Чеховой (11), Ал.П. Чехову (9), Г.М.Чехову (9), В.М. Соболевскому (9), А.А. Хотяинцевой (9), Ал.П. Чехову (9), М.О.Меньшикову (7), Я.С. Мерперту (7), Вл.И. Немировичу-Данченко (6), Т.Л.Щепкиной-Куперник (5)

1899 г. – М.П. Чеховой (61), И.П. Чехову (26), О.Л. Книппер (17), А.С. Суворину (16), П.А. Сергеенко (13), И.А. Синани (13), А.Ф. Марксу (12), В.А. Гольцеву (12), Н.М.Ежову (12), Ал.П. Чехову (11), А.М. Пешкову (Горькому) (11), Л.А. Авиловой (9), А.Б. Тараховскому (8), Ю.О. Грюнбергу (8), А.Л. Вишневскому (7), Вл.И. Немировичу-Данченко (7), П.Ф. Иорданову (7), А.С. Лазареву (Грузинскому) (6), А.И. Коробову (6), М.С. Малкиель (5), Л.С. Мизиновой (5), В.С. Миролубову (5), И.И. Орлову (5)

1900 г. – О.Л. Книппер (41), М.П. Чеховой (28), А.Ф. Марксу (11), Ю.О. Грунбергу (11), А.М. Пешкову (Горькому) (9), М.О. Меньшикову (9), П.Ф. Иорданову (7), А.С.Суворину (6), Е.Я. Чеховой (6), А.Л. Вишневскому (5), В.М. Лаврову (5), В.А. Поссе (5)

1901 г. – О.Л. Книппер-Чеховой (110), М.П. Чеховой (29), О.Р. Васильевой (25), Е.Я.Чеховой (20), А.Ф. Марксу (18), В.А. Гольцеву (8), А.Л. Вишневскому (9), А.М.Пешкову (Горькому) (8), И.А. Бунину (8), П.Ф. Иорданову (8), В.С. Миролубову (7), И.П. Чехову (7)

1902 г. – О.Л. Книппер-Чеховой (115), М.П. Чеховой (28), П.Ф. Иорданову (11), А.Ф.Марксу (8), В.С. Миролубову (7), А.М. Пешкову (Горькому) (7), В.Г. Короленко (7), А.Л. Вишневскому (6), А.И. Куприну (5), К.С. Алексею (Станиславскому) (5), А.С.Суворину (5)

1903 г. – О.Л. Книппер-Чеховой (110), М.П. Чеховой (25), В.А. Гольцеву (13), П.Ф.Иорданову (9), В.С. Миролубову (9), К.С. Алексею (Станиславскому) (8), Е.Я.Чеховой (7), П.И. Куркину (7), А.Л. Вишневскому (5), А.С. Суворину (5)

1904 г. – О.Л. Книппер-Чеховой (44), М.П. Чеховой (22), К.П. Пятницкому (11), В.А.Гольцеву (8), А.Ф. Марксу (6)

Динамическая модель коммуникативной личности А.П. Чехова

№ п/п	ПАРАМЕТРЫ	ЯДРО (постоянные признаки и усилившиеся признаки)	БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ (несущественно ослабленные признаки)	ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ (существенно ослабленные и новые признаки)	КРАЙНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ (исчезнувшие признаки)
1.	КОНТАКТНОСТЬ	1) Стремление к новым знакомствам. 2) Стремление к сокращению коммуникативной дистанции с адресатом. 3) Потребность в одиночестве писать письма. 4) Расширение с каждым годом круга общения, увеличение объема переписки и количества адресатов.	1) Любовь к длительным разговорам. 2) Стремление пригласить собеседника в гости. 3) Любовь к проведению времени в компаниях.	1) Стремление избежать избыточного общения. 2) Стремление избежать общения в больших компаниях. 3) Стремление избежать общения с незнакомыми людьми 4) Избирательность в дружеском общении. 5) Высокая частотность сообщений об усталости от гостей и от долгих разговоров с ними.	
2.	КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ	1) Неровность коммуникативных предпочтений в семейном общении. 2) Предпочтение в общении с собеседниками из Москвы и		1) Увеличение круга общения адресатов из театральной среды: Вл.И. Немирович-Данченко, К.С. Алексеев	

		<p>Петербурга.</p> <p>3) Увеличение круга общения адресатов из литературно-издательской среды.</p> <p>4) Предпочтение дружеским отношениям приятельские отношения.</p>		<p>(Станиславский), А.Л.Вишневский</p> <p>2) Предпочтение О.Л.Книппер всем другим собеседникам в письменном общении с 1899 г. и до конца жизни</p>	
3	ВСТУПЛЕНИЕ В ОБЩЕНИЕ	<p>1) Игнорирование формального приветствия и допустимость неиспользования начального обращения в письмах.</p> <p>2) Использование традиционных начальных обращений как знаков вежливости</p>	<p>1) Широкое варьирование обращений.</p> <p>2) Широкая модификация имени адресата в начальных обращениях.</p> <p>3) Использование неординарных авторских обращений.</p> <p>4) Использование неординарных поздравлений.</p> <p>5) Вступление в контакт с фамильярных извинений-оправданий.</p> <p>6) Вступление в контакт с ироничной самопрезентации.</p> <p>7) Вступление в письменный контакт с сообщения бытовых подробностей о своей жизни.</p>	<p>1) Вступление в контакт с ироничного комплимента адресату</p> <p>2) Вступление в контакт с жалобы-самоиронии</p>	<p>1) Вступление в письменный контакт с провокационного вопроса</p> <p>2) Вступление в контакт с благодарности в фамильярной форме</p>
4.	ВЫХОД ИЗ ОБЩЕНИЯ	<p>1) Фактический отказ от этикетной формулы «До свидания» в письмах адресатам</p> <p>2) Предпочтение завершать</p>	<p>1) Пристрастие подписываться нетрадиционно.</p> <p>2) Предпочтение вместо прощания побуждать</p>	<p>1) Стремление давать шуточные медицинские советы при выходе из письменного общения с</p>	<p>1) Допустимость жалобы в постскриптуме</p>

		<p>письменный контакт с адресатом поклонами третьим лицам вместо прощания.</p> <p>3) Активное использование эпистолярных штампов пожелания вместо прощания</p> <p>4) Стремление оканчивать письма постскриптумом.</p> <p>5) Частотность эпистолярного «рукопожатия» при прощании.</p>	<p>адресата к общению</p> <p>3) Широкое использование эмоционально окрашенных пожеланий вместо прощания.</p> <p>4) Активное использование шуточных пожеланий при прощании в дружеских письмах.</p> <p>5) Частотность шуточной просьбы при выходе из контакта в дружеских письмах.</p> <p>6) Активное использование фамильярных форм выхода из письменного контакта с родственниками.</p> <p>7) Склонность к комплиментарности и флирту при прощании с женщинами.</p> <p>8) Стремление перейти на шуточный регистр общения в постскриптуме.</p>	<p>родственниками и друзьями.</p> <p>2) Широкое употребление шуточных уверений.</p> <p>3) Обыкновение прерывать письменный контакт с адресатом констатацией фактов действительности, не связанных с контекстом письма.</p> <p>4) Обыкновение прерывать контакт с адресатом констатацией собственных желаний, намерений</p> <p>5) Допустимость и распространенность резкого прерывания контакта.</p>	
5.	УКЛОНЕНИЕ ОТ ОБЩЕНИЯ	<p>1) Допустимость ухода от избыточного или нежелательного общения.</p> <p>2) Использование посредника для объяснения нежелательному собеседнику причин, по</p>			

		<p>которым общение с ним адресанта не может состояться.</p> <p>3) Резко негативная реакция на предложение выступить публично.</p>			
6.	ИСКРЕННОСТЬ И ОТКРОВЕННОСТЬ В ОБЩЕНИИ	<p>1) Стремление к искренности в общении с родными и близкими людьми.</p> <p>2) Разная степень искренности в выражении очных и заочных оценок творческой деятельности другого лица.</p> <p>3) Низкая степень искренности в оценках своего финансового положения в общении с мало знакомым собеседником</p> <p>4) Высокая степень искренности в оценках своего финансового положения в общении с хорошо знакомым собеседником</p> <p>5) Стремление к откровенности в сообщении бытовых подробностей о своей жизни</p>	<p>1) Высокая степень откровенности в характеристиках своего физического состояния.</p> <p>2) Низкая степень откровенности в характеристиках своего душевного состояния (в отношении с женой откровенность повышается).</p>	1) Высокая частотность признаний в любви к жене	
7.	ДЕЛИКАТНОСТЬ ОБЩЕНИЯ	<p>1) Реакция на неделикатность посетителя вежливой сдержанностью</p> <p>2) Деликатное пристыживание адресата в качестве реакции на его необязательность</p> <p>3) Отсутствие стремления</p>		1) Сильная негативная реакция на невыполнение обещаний и обязательств другими людьми	

		<p>монополизировать разговор</p> <p>4)Ровность в общении с людьми разных возрастов, рангов, профессий и сословий</p> <p>5)Мягкость в споре</p>			
8.	ТЕМАТИКА ОБЩЕНИЯ	<p>1)Интерес к медицинской тематике преимущественно как источнику естественно-научных знаний и материала для писательской деятельности</p> <p>2)Повышенный интерес к литературной тематике общения</p> <p>3)Интерес к театральной тематике общения</p> <p>4)Интерес к обсуждению культуры тематике общения.</p> <p>5)Интерес к природной и географической тематике общения</p> <p>6)Частотность подробных описаний своего жилища и быта в нем</p> <p>7)Частотность тем о благотворительности</p> <p>8)Частотность подробных описаний своего плохого физического состояния</p>	1)Частотность описаний своего времяпровождения	<p>1)Заметный интерес к политике и готовность ее обсуждать.</p> <p>2)Частотность обсуждения собственного настроения, состояния, трудоспособности</p>	
9.	МАНЕРА ИЗЛОЖЕНИЯ МЫСЛЕЙ	<p>1)Пристрастие излагать свои мысли по пунктам.</p> <p>2) Стремление к краткости и</p>			

		информативности изложения. 3) Частое изложение своих мыслей вслух неожиданно для собеседника.			
10.	РЕГУЛЯТИВ-НОСТЬ В ОБЩЕНИИ	1)Высокая степень коммуникативной доминантности в общении с родными. 2)Высокая степень коммуникативной доминантности в женском обществе. 3)Стремление к педагогической доминантности. 4)Стремление к смягчению поучительной и категоричной тональности общения после завершения мысли.		1)Нравоучительность и морализаторство. 2)Допустимость нотаций и «вычетов» друзьям за их 3)Допустимость вмешательства в финансовые дела третьего лица 4)Допустимость прямого вмешательства в профессиональную деятельность адресата недостойное» поведение 5)Чередование в в общении с женой шуточного доминирования и подчинения.	1)Допустимость жестких медицинских наставлений
11.	ПОБУЖДЕНИЕ АДРЕСАТА К ДЕЙСТВИЮ	1)Частотность побуждений собеседника к перемене места 2) Многочисленные активные побуждения адресатов к писательской деятельности 3) Активное побуждение адресата к чтению 4)Невысокая частотность обращения с личными просьбами 5)Небольшая доля просьб к	1)Частотность побуждений адресата к устному общению 2)Активное побуждение адресата к написанию письма адресанту. 3)Пристрастие оформлять деловые просьбы к братьям в виде шуточных поручений или «господских указов»	1)Шуточные побуждения адресата присылать ему свое произведение или произведения третьих лиц для критики. 2) Многочисленность шуточных поручений братьям при прощании 3)Активное побуждение адресата к написанию письма третьему лицу	1)Допустимость побуждения адресата изменить почерк 2)Формулирование денежных просьб к друзьям в шуточной форме 3)Привычка давать друзьям и близким подробный

		<p>братьям в серьезной форме</p> <p>6)Стремление к предельной краткости при обращении с бытовыми поручениями к сестре.</p> <p>7)Активное побуждение адресата купить участок земли под дачу в определенном месте</p> <p>8)Частотность обращений с просьбой к друзьям и знакомым о принятии участия в благотворительных проектах.</p>			сценарий исполнения поручения
12.	<p>ОЦЕНОЧНОСТЬ В ОБЩЕНИИ</p> <p><i>Мужчины</i></p>	<p>1)Акцентирование внимания в оценке мужчины на его уме и талантливости</p> <p>2)Высокая доля общих положительных эмоциональных оценок мужчин в структуре общения</p> <p>3)Акцентирование внимания в оценке мужчины на его порядочности и душевности</p> <p>4)Возможность гиперболизации какого-либо негативного качества мужчины</p> <p>5)Стремление к образному выражению негативной оценки мужчины</p> <p>6)Допустимость диаметрально противоположных заочных</p>	<p>1)Склонность к ранжированию мужчин по степени талантливости.</p> <p>2) Акцентирование внимания в оценке мужчины на его сдержанности и тактичности.</p> <p>3)Широкое использование бранных слов в негативных оценках мужчин.</p> <p>4)Заочное присвоение неприятному мужчине оскорбительного нового имени.</p>	<p>1)Акцентирование внимания в оценке мужчины на его аккуратности.</p> <p>2)Акцентирование внимания в оценке мужчины на его лености.</p> <p>3)Акцентирование внимание на «сухости» мужчины.</p> <p>4)Акцентирование внимания на том, что мужчина скучен, неинтересен.</p> <p>5)Акцентирование внимания в оценке мужчины на его доброте</p>	

		оценок одного и того же лица в разное время 7)Акцентирование внимания в оценке мужчины на его умении быть интересным собеседником		6)Акцентирование внимания в оценке мужчины на его интеллигентности 7)Частотность сообщений собеседнику-мужчине о положительной оценке третьим лицом	
	<i>Женщины</i>	1)Преобладание снисходительных оценок женщин в общении. 2)Доминирование оценок внешних данных женщин. 3)Доминирование ироничных оценок женской внешности. 4)Допустимость заочных категоричных негативных оценок внешних данных женщин. 5)Редкость восторженных оценок женщины как личности 6)Категоричность оценок негативных сторон личности женщины. 7)Широкая допустимость негативных оценок интеллектуальных и творческих способностей женщины. 8)Допустимость заочной дискредитации женщины по ее внешним данным.	1)Возможность восторженных оценок женской внешности	1)Стремление давать интеллектуальным женщинам положительную оценку с фамильярным, панибратским оттенком 2)Широкое использование медицинских оценок женской внешности 3)Акцентирование внимания на том, что женщина скучна, неинтересна. 4)Акцентирование внимания на выражении лица и чертах характера при оценке фотографии жены. 5)Частотность сообщений жене о ее положительной оценке третьим лицом.	1)Негативная оценка эмансипированных женщин

	<i>Группы лиц</i>	<p>1)Постоянство резко негативной оценки критиков и газетчиков.</p> <p>2)Постоянство резко негативной оценки русской интеллигенции.</p> <p>3)Высокая доля категоричной оценки театральной, городской, курортной и читательской публики.</p> <p>4)Акцентирование внимания адресата на релевантных для адресанта характеристиках жителей разных мест или народностей.</p>		<p>1)Негативная оценка качеств русского человека по сравнению с другими национальностями.</p> <p>2)Негативная оценка русских за границей</p> <p>3) Частотность оценок иностранцев.</p>	
	<i>Погода</i>	1)Частое оценивание погодных явлений	1)Преобладание восторженных оценок хорошей погоды	<p>1)Постоянство экспрессивной оценки плохой погоды</p> <p>2)Значительная. доля образных оценок плохой погоды</p> <p>3)Мног.ократное употребление авторских сравнений в негативных оценках погоды.</p>	

				<p>4)Частотность шуточных и иронических оценок плохой погоды</p> <p>5) Стремление к эмоциональной сдержанности в оценках погоды.</p> <p>6)Предпочтение кратких оценок погоды.</p>	
	<i>Природа</i>	<p>1)Малая доля негативных оценок природы и их исключительно экспрессивный характер.</p>	<p>1)Преобладание восторженных оценок природы.</p> <p>2)Частотность ссылок на художественные образы и художественные произведения.</p> <p>3)Многочисленность призывов к собеседнику вообразить уголок природы по описаниям адресанта.</p> <p>4)Частотность выражения сожаления в адрес собеседника или третьего лица, что он не может разделить с адресантом наслаждения от красоты природы</p>	<p>1) Стремление к эмоциональной сдержанности в оценках природы.</p> <p>2) Предпочтение кратких оценок природы.</p>	
	<i>Города</i>	<p>1)Стремление к сравнению увиденных городов</p> <p>2)Частотность оценки города во время путешествия или сразу после него.</p> <p>3)Преобладание восторженных</p>		<p>1)Акцентирование внимания на низкой культуре российских городов</p> <p>2)Склонность давать негативную оценку русских города в</p>	

		<p>оценок европейских городов по сравнению с русскими.</p> <p>4)Преобладание сдержанной и негативной оценки русских городов в сопоставлении с оценками европейских городов</p> <p>5)Акцентирование внимания собеседника на высокой культуре европейских городов.</p> <p>6)Акцентирование внимание адресата на бытовой стороне своей жизни в Европе.</p> <p>7)Категоричность и экспрессивность в негативных оценках курортных мест.</p> <p>8)Зависимость оценки города от погоды.</p> <p>9)Зависимость оценки города от перенасыщения впечатлениями.</p>		<p>иронической тональности</p>	
	<p><i>Художественные произведения и творческая деятельность</i></p>	<p>1)Доминирование эксплицитных критических оценок литературного или публицистического произведения, журнала, творческой деятельности</p> <p>2)Допустимость негативной оценки произведений известных писателей.</p> <p>3)Резкая критика писателей, искажающих в своих художественных произведениях факты действительности.</p>	<p>1)Повышенная эмоциональность высоких оценок литературных произведений, статей и театральных пьес</p> <p>2)Частотность резко негативной оценки современных писателей, художественных произведений и театров.</p>	<p>1)Частотность косвенной опосредованной оценки литературных произведений адресатов.</p>	

		<p>4)Незначительная доля сдержанных положительных оценок без серьезных критических замечаний.</p> <p>5)Категоричность в негативных оценках литературных журналов.</p> <p>6)Значительная доля резкой критики языка произведения и грамотности писателей</p> <p>7)Частотность критики художественных образов в произведениях третьих лиц и адресатов.</p> <p>8)Многочисленность критических замечаний по поводу лишних фигур, эпизодов и описаний в художественных произведениях адресатов-писателей.</p>			
13.	САПОПРЕЗЕНТАЦИЯ И САМОКРИТИКА	<p>1) Склонность к эксплицитному позиционированию собственной личности.</p> <p>2) Незначительная доля серьезной критической самооценки в письмах близким.</p> <p>3)Незначительная доля положительных самооценок в серьезной тональности</p> <p>4) Высокая доля положительных самооценок в форме шуточного самовозвеличивания</p>	<p>1)Использование иронической самопрезентации</p> <p>2)Использование уничижительной самопрезентации.</p> <p>3)Ироническая форма самокритики.</p> <p>4)Высокая доля категоричности в оценке своего характера и личностных качеств.</p> <p>5)Частотность</p>		1)Заниженная оценка собственного почерка

		<p>ния. 5) Заниженная оценка собственного произведения.</p>	<p>критической самооценки себя как писателя и оценки своих произведений</p>		
14.	РЕАКЦИЯ НА КРИТИКУ	<p>1)Нетерпимость к критике его литературных произведений адресатами или третьими лицами (активная самозащита). 2)Многочисленные сообщения адресатам о реакции критиков и публики на свое произведение. 3)Доминирование сдержанной реакции над эмоциональной в случае критики адресатом. 4)Оправдание и защита отсутствующего. дискредитируемого лица 5)Невербальная негативная реакция на критику, направленную на третье лицо, в виде уклонения от разговора.</p>		<p>1)Доминирование резко негативной эмоциональной реакции на заочную критику над сдержанной реакцией. 2)Шутливая угроза в ответ на необъективную критику со стороны хорошо знакомого собеседника (почти исчезла). 3)Игнорирование критики хорошо знакомого собеседника под видом равнодушного согласия с ней. 4)Частотность игнорирования критики незнакомого адресата под видом полного согласия с ней.</p>	
15.	РЕАКЦИЯ НА ПОХВАЛУ И ПОЧЕСТИ	<p>1)Резко негативная реакция на овации, пафосную речь и чествование в свой адрес (реакция «бегством») 2)Резко негативная реакция на чрезмерное внимание к своей</p>	<p>1)Реакция самоиронией на признание его писательского таланта</p>	<p>1)Допустимость резкого прерывания публичного чествования в свой адрес шутливой дискредитацией выступающего.</p>	<p>1)Реакция описанием своего психического состояния на признание своего таланта.</p>

		<p>персоне.</p> <p>3)Негативная реакция на неумеренную похвалу в свой адрес.</p> <p>4)Негативная реакция на свою популярность.</p>			
16.	ЮМОР В ОБЩЕНИИ	1)Любовь к розыгрышам.	<p>1)Широкое использование шуточных обращений как знаков дружеского расположения</p> <p>2) Сочетание в высказывании лексики контрастных стилистических пластов.</p> <p>3)Широкое использование шуточной формы оформления разных речевых актов.</p> <p>4)Стремление к жанровой игре (индивидуально-авторское жанровое оформление высказывания).</p> <p>5) Шуточное использование церковнославянских слов и выражений.</p> <p>6)Шуточное использование иностранных слов, выражений и имен (немецких, французских, латинских).</p>	<p>1)Шуточное использование в литературной речи разговорной, просторечной лексики, диалектизмов и украинизмов.</p> <p>2)Языковые шутки с «непристойным» намеком</p> <p>3)Шуточное употребление бранных слов</p>	<p>1)Использование вставных выдуманных сюжетов.</p> <p>2)Вставка в письмо адресату отрывка «драматического произведения» вне связи с контекстом</p>

			7)Использование языковой игры. 8)Флирт с женщинами		
17.	НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ	1)Манера запрокидывать назад голову и ежеминутно поправлять пенсне. 2)Манера жестами делать риторические акценты на словах. 3)Нервные жесты при недовольстве и раздражении. 4)Привычка пощипывать бородку. 5)Привычка ходить по комнате при разговоре. 6)Крепкое, но сдержанное рукопожатие. 7)Манера бросать пристальный и внимательный взгляд на собеседника и тут же с улыбкой опускать голову. 8)Смена выражения глаз в процессе общения. 9)Кратковременность улыбки при общении с собеседником. 10)Манера часто смеяться.	1)Сдержанность жестикуляции.		